

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
**ТУННЕЛЬ
В НЕБЕ**

**«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ**

**НОВОСИБИРСК
1997**

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

**«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ББК 84.7.США
Х15**

Х15 Хайнлайн Р.

Туннель в небе. — Романы. — Библиотека приключений и фантастики. — Новосибирск: СО «ДЛ», 1997. — 464 с. с илл.

Имя и произведения американского писателя-фантаста приобрели широкую известность во всем мире. Романы, вошедшие в эту книгу, рассказывают об удивительных событиях, выпавших на долю юных героев.

ISBN 5—08—007715—8

**Х 4804040100—103 Без объявл.
M101(03)—97**

**© Савин В.Н., оформление, 1997
© Ефимов Ю.М., иллюстрации, 1997**

ИМЕЮ СКАФАНДР ~ ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

HAVE SPASE-SUIT — WILL TRAVEL

Перевод с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧА

Глава 1

Однажды я сказал отцу:

— Папа, я хочу на Луну.

— Пожалуйста, — ответил он и снова уткнулся в книгу.

Он читал «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, которую, по-моему, знал уже наизусть.

— Слушай, пап, я же не шучу.

На этот раз он заложил страницу пальцем и ласково ответил:

— Я тебе разрешаю, поезжай.

— Да... Но как?

— Как? — Во взгляде его проскользнуло легкое удивление. — Ну, это уж твоя забота, Клиффорд.

Вот такой у меня папа. Когда я попросил у него велосипед, он ответил: «Ступай и купи», даже глаз не оторвав от книги, и я пошел в столовую, где у нас стоит корзинка с деньгами, чтобы взять нужную сумму. Но в корзинке нашлось лишь одиннадцать долларов сорок три цента, и... между мной и велосипедом пролегла не одна миля скошенных газонов. А к папе я больше не обращался, потому что если денег нет в корзинке, значит их вообще нет.

Обременять себя банковскими счетами отец не желает: просто держит в доме корзинку для денег, а рядышком еще одну, на которой написано «Дядя Сэм». Ее содержимое он раз в год упаковывает в бандероль и отправляет в налоговое управление. Этот его способ уплаты налогов регулярно доводит фининспекцию до белого кале-

ния. Как-то к нам приехал ее представитель, чтобы по-толковать с папой по-крупному.

Сначала он закусил удила, но потом взмолился:

— Послушайте, доктор Рассел, мы же знаем, кто вы. И вам-то уже совсем непростительно отказываться вести документацию по установленной форме.

— Откуда вы взяли, что я ее не веду? — спросил папа. — Веду, и очень аккуратно. Вот здесь. — И он постучал себя пальцем по лбу.

— Но закон требует вести документацию в письменном виде.

— А вы прочитайте законы повнимательней, — посоветовал папа. — Нет на свете такого закона, чтобы требовать от человека умения читать и писать. Не хотите ли еще кофе?

Инспектор пытался уговорить папу посылать деньги чеком или почтовым переводом, но папа показал ему надпись мелкими буквами на долларовой бумажке: «...принимается как законное возмещение всех долгов, государственных и частных».

В отчаянной попытке добиться хоть какого-нибудь результата инспектор любезнейшим образом попросил отца не заполнять в налоговой декларации графу «род занятий» выражением «шпион».

— А почему бы и нет?

— То есть, как «почему»? Ну, потому, что никакой вы не шпион... и вообще, это шокирует...

— А вы в ФБР справлялись?

— Нет.

— Да они, наверное, и не ответили бы. Но поскольку вы вели себя очень вежливо, я согласен впредь писать «безработный шпион». Идет?

Инспектор вскочил, чуть было не позабыв свой портфель.

Папа как скажет, так и будет, спорить не желает и от своих решений не отступает.

Когда он разрешил мне лететь на Луну, если я сам сумею все устроить, он говорил совершенно серьезно. Я мог теперь отправляться хоть завтра, если, конечно, обзаведусь билетом на лунный рейс.

Однако отец задумчиво добавил:

— Наверное, есть много способов добраться до Луны, сынок. Изучи их все. Знаешь ли, это мне напоминает отрывок, который я сейчас читаю. Они тут пытаются вскрыть банку консервированных ананасов, а Гаррис

забыл консервный нож в Лондоне. Они тоже перебрали множество способов.

Он начал читать мне вслух, но я выскользнул за дверь: этот отрывок я слышал раз пятьсот. Ну если не пятьсот, то триста уж точно.

Я пошел в сарай, который давно оборудовал себе под мастерскую, и начал перебирать в уме все возможные способы. Способ первый: поступить в Академию ВВС в Колорадо-Спрингз. Если меня примут, если я доучусь до конца и получу диплом, если меня отберут в космический патруль, то лишь тогда появится шанс, что когда-нибудь меня назначат нести службу на Лунную базу или хотя бы на один из спутников.

Способ следующий: изучать инженерное дело, стать специалистом по ракетным двигателям и добиться работы, связанной с Луной. Там уже перебывали, да и сейчас сидят десятки, если не сотни, инженеров самых различных профилей: электронщики, криогенщики, металлурги, специалисты по керамике, кондиционированию воздуха, не говоря уж о ракетчиках.

Вот так. Из миллиона инженеров туда попадает дай Бог горсточка. Мне же и в почтальоны никогда не удавалось пробиться, когда мы играли в почту.

Человек, скажем, может быть врачом, юристом, геологом, инструментальщиком — да мало ли кем! — и попасть на Луну, получив хорошую зарплату, потому что нужен именно он, и никто другой. К зарплате я относился равнодушно. Но как добиться того, чтобы стать самым лучшим в своей профессии?

И, конечно, самый простой способ: въехать в кассу на тележке с деньгами и купить себе билет.

Но этот самый простой способ мне не доступен, всю мою наличность составляют восемьдесят семь центов. Я начал упорно думать. В школе половина ребят откровенно рвались в космос. Остальные, понимая ограниченность своих возможностей, делали вид, что им это безразлично, так же вели себя и еще несколько слабаков, которые не покинули бы Землю ни за какие коврижки. Мы часто беседовали на эту тему, и кое-кто из нас твердо решил лететь на Луну. А у меня началась настоящая лихорадка, когда «Америкен экспресс» и «Кук и сыновья» объявили об открытии туристского маршрута.

Я увидел их рекламы, перелистывая «Нэшнл Джо-график», когда сидел в приемной зубного врача. Они просто перевернули мне душу.

Мысль о том, что любой богач мог запросто выложить деньги и гулять по Луне, была невыносима. Я же просто должен был лететь. Но на туристскую поездку денег мне никогда не набрать, разве что в таком отдаленном будущем, когда о полете и мечтать не придется. Так как же мне попасть на Луну?

Вы ведь тоже небось читали рассказы о «бедных, но честных» ребятах, пробившихся на самый верх, потому что они были самыми умными во всем графстве, а то и в целом штате. Но рассказы эти не про меня. Я, правда, числился в первой десятке нашего выпуска Сентервилльской средней школы, но этого недостаточно, чтобы получить стипендию в Массачусетском технологическом институте. Я констатирую объективный факт: школа у нас не очень хорошая. Ходить в нее здорово — мы чемпионы по баскетболу, наш ансамбль народного танца известен по всему штату, и каждую среду мировые танцульки. Жизнь в школе — первый сорт.

Вот только учились мы мало. Упор делали в основном на то, что наш директор, м-р Хэнли, называл «подготовкой к вступлению в жизнь», а вовсе не на тригонометрию. Нас, может, и подготовили к вступлению в жизнь, но уж никак не к поступлению в Калифорнийский технологический.

И выяснил я это все отнюдь не сам. Принес я как-то домой вопросник, составленный группой социологов по программе «Жизнь в семье». Один из вопросов звучал следующим образом: «Как организован ваш семейный совет?»

Я и спросил за ужином:

— Пап, как у нас организован семейный совет?

— Не приставай к папе, милый, — ответила мама.

— Что? Ну-ка, дай взглянуть, — сказал отец.

Прочитав вопросник, он велел мне принести мои учебники. Поскольку я их оставил в классе, он послал меня за ними в школу. Папа редко приказывает, но если уж он чего-то требует, надо выполнять.

Предметы в этой четверти у нас были: обществоведение, коммерческая арифметика, прикладной английский (весь класс выбрал темой «составление лозунгов» — веселая штука), ручной труд и спорт. У меня — баскетбол. Хоть для первого состава я ростом не вышел, но в выпускном классе надежный запасной тоже получает рекомендацию в университетскую команду. В об-

щем и целом дела у меня в школе шли хорошо, как мне казалось.

Весь вечер отец читал учебники. Читает он быстро. В докладе по обществоведению я написал, что в нашей семье существует режим «неформальной демократии». Доклад оказался удачным: в классе как раз вспыхнула дискуссия, должен ли пост председателя совета передаваться от одного члена семьи к другому или быть выборным и имеют ли дедушки и бабушки право выставлять свои кандидатуры. Мы решили, что деды и бабки могут состоять членами совета, но на председательский пост избираться не должны. Потом сформировали комитеты, чтобы составить конституцию идеальной семьи, которую намеривались представить своим домашним в качестве итога наших исследований.

Несколько дней подряд отец зачастил в школу. Меня это насторожило: когда у родителей вдруг просыпается активность, у них явно что-то на уме.

Вечером следующей субботы отец позвал меня к себе в кабинет. На столе у него лежала стопка учебников и программа Сентервилльской средней школы со всеми предметами от американского народного танца до лекций по вопросам повседневной жизни. В ней был отмечен курс наук, выбранный мною совместно с моим руководителем не только на эту четверть, но и до конца школы.

Отец уставился на меня взглядом удава и спросил мягко:

— Ты намерен поступать в колледж, Кип? — Так он меня называет, когда у него хорошее настроение.

— Конечно, пап, а что?

— За счет чего?

Я заколебался, потому что знал — учеба в колледже стоит немалых денег. И хотя бывали времена, когда долларовые купюры сыпались из корзинки на пол, обычно все-таки много времени не требовалось, чтобы сосчитать ее содержимое.

— Ну, может быть, стипендию получить удастся. И потом, я буду подрабатывать, пока не получу диплом.

— Конечно... — кивнул отец, — если тебе хочется. Человек всегда может решить финансовые проблемы, если он их не боится. Но когда я спрашивал «за счет чего», я имел в виду другое. — И он постучал пальцем по лбу.

Я в растерянности посмотрел на него.

— Но я же кончил школу, пап. Этого достаточно, чтобы поступить в колледж.

— Смотря в какой. Если в университет нашего штата или в сельскохозяйственный колледж, то да. Но известно ли тебе, Кип, что до сорока процентов студентов вылетают после первого курса?

— Я не вылечу!

— Может, и не вылетишь. Но я думаю, все же вылетишь, если возьмешься за что-нибудь серьезное: инженерное дело, медицину или точные науки. Вылетишь, если твоя подготовка ограничится этим, — показал он на программу.

Я возмутился:

— Но почему же, папа! У нас хорошая школа. — Я вспомнил все, что нам говорили на подготовительном. — Преподавание построено на самых современных, самых научных принципах, одобрено психологами и...

— ...Дает превосходную зарплату учителям, поднабивавшим в сегодняшней педагогике, — перебил меня отец. — Преподаватели делают основной упор на практические вопросы с целью подготовить ребенка к испытаниям в условиях нашей сложной современной общественной жизни. Извини, сынок, я беседовал с мистером Хэнли. Мистер Хэнли искренний человек, и, чтобы достичь поставленных им благородных целей, мы тратим на обучение школьников гораздо больше, чем любой другой штат, за исключением Калифорнии и Нью-Йорка.

— Но что же тут плохого?

— Что такое «деепричастный оборот»?

Я не ответил.

— Почему Ван Бюрен проиграл перевыборы? Чему равен кубический корень из восьмидесяти семи?

О Ван Бюрене я помнил только, что был когда-то такой президент. Зато я смог ответить на следующий вопрос:

— Чтобы узнать кубический корень, нужно посмотреть таблицу на задней странице учебника.

Отец вздохнул:

— Ты, никак, думаешь, что таблицу эту нам принес ангел с небес? — Он печально покачал головой. — Виноват, конечно, я, а не ты. Мне следовало подумать обо всем этом еще несколько лет назад, но я решил, раз ты любишь читать, мастерить и быстро управляешься с цифрами — значит учишься и получаешь образование.

— А, по-твоему, разве нет?

— По-моему, безусловно, нет. Твоя школа — очень приятное место времяпрепровождения, сынок, она хорошо оборудована, ею хорошо управляют, ее хорошо содержат. Конечно, она совсем не похожа на «джунгли с черными досками», отнюдь! Я думаю, что вы, ребяташки, ее любите. И есть за что. Но вот это, — отец сердито хлопнул ладонью по программе, — халтура! Барахло! Комикс для кретинов!

Я не знал, что ответить. Отец замолчал, задумавшись. Потом сказал наконец:

— Закон гласит, что ты должен ходить в школу, пока тебе не исполнится восемнадцать или пока ты не получишь аттестат.

— Да, сэр.

— Твоя учеба в этой школе — пустая трата времени. Даже самый ее сложный курс не заставит тебя напрячь мозги. Но нужно либо продолжать учиться здесь, либо куда-то уезжать.

— Но ведь это очень дорого? — спросил я.

На мой вопрос он и внимания не обратил.

— Пансионеры мне не по душе. Подросток должен жить в своей семье. И хотя, конечно, одна из этих закрытых школ в восточных штатах может дать тебе хорошую подготовку, вполне достаточную для поступления в Стенфорд, Йель или любой другой из лучших университетов, ты наберешься там дурацких предрассудков — всего этого идиотизма насчет денег, положения в обществе и изысканного портного. Я их именно там и набрался, а потом потребовались годы, чтобы от них избавиться. Мы с твоей матерью не случайно решили, что ты проведешь детство в маленьком городке. Итак, остаешься здесь в этой школе.

Мне сразу полегчало.

— Тем не менее ты собираешься поступать в колледж. Есть у тебя намерение получить профессию? Или ты предпочтешь ускоренный курс по изготовлению изящных декоративных свечей? Вот что, сын, твоя жизнь — это твоя жизнь, и ты волен делать с ней все что пожелаешь. Но если ты подумаешь о хорошем университете и серьезной профессии, мы должны тщательно обмозговать, как с наибольшей пользой провести оставшиеся тебе три года.

— Ну, папа, я, конечно, хочу в хороший...

— Тогда приходи, когда все как следует проанализируешь. Спокойной ночи.

Анализировал я целую неделю. И начал понимать, что отец прав. Все эти наши программы, «Жизнь в семье» и прочие, — просто чепуха. Да что могут знать дети о том, как строить жизнь семьи? И что может об этом знать наша мисс Фингли, незамужняя и бездетная? Наш класс единогласно постановил, что каждому ребенку должны быть предоставлены отдельная комната и денежное содержание, «чтобы он мог научиться распоряжаться деньгами». Здорово придумано, конечно, но как быть семье Квинланов? У них пять комнат на девять детей? Нет, хватит дурака валять.

Коммерческая арифметика была не то чтобы глупой, но бесполезной тратой времени. Весь учебник я прочитал за первую неделю, а потом просто скучал.

Отец переключил мое внимание на занятия алгеброй, испанским, общими науками, английской грамматикой и стилистикой. От прежней программы остался лишь спорт. Я приналег на учебу, потому что отец подкинул мне гору книг и сказал:

— Вот чем тебе пришлось бы заниматься, учись ты в нормальной школе, а не в детском саду для переростков. Если усвоишь то, что здесь написано, то, может, и выдержишь приемные экзамены.

После этого он оставил меня в покое. Он и вправду считал, что выбор только за мной. Я зарылся в книги — они оказались трудными, не то что облегченная жвачка, которой нас пичкали в школе.

Если кто думает, что самостоятельно учить латынь дело легкое, пусть попробует сам.

Я пал духом и чуть было не сдался, но потом разозлился и начал вгрызаться в учебу. Спустя некоторое время я заметил, что занятия латынью облегчают изучение испанского, и наоборот. Когда мисс Эрнандес, наша «испанка», узнала, что я изучаю латынь, она начала заниматься со мной. Я не только прочел всего Вергилия, но и стал говорить по-испански, как мексиканец.

Курс математики, предлагаемый нашей школой, ограничивался алгеброй и Евклидовой геометрией. Я самостоятельно приступил к усиленному изучению этих предметов и тригонометрии и, конечно, вполне мог бы ограничиться уровнем, потребным для сдачи вступительных экзаменов, но математика хуже семечек.

Аналитическая геометрия кажется сплошной абра-
кадаброй, пока не начнешь в ней разбираться. Но потом,
если знаешь алгебру, ты вдруг прозреваешь и не мо-
жешь оторваться от книги, пока не проглотишь послед-
ний лист. Одно удовольствие!

Я заинтересовался электроникой, теорией электроце-
пей и векторным анализом. Из всех наук наша школа
предлагала только «общий курс», такой «общий», что
дальше некуда. Где-то на уровне «воскресного приложе-
ния». Но когда вчитываешься в химию и физику, по-
является сильное желание попробовать все своими рука-
ми. Сарай был отдан в мое полное распоряжение, и я обо-
рудовал в нем химическую лабораторию, темную ком-
нату, верстак и, на некоторое время, — радиостанцию.
Мама, правда, немножко понервничала, когда однажды
от взрыва вылетели стекла и сарай загорелся — да и по-
жар-то был пустяковый, — но папа отнесся к происше-
ствию спокойней. Он всего-навсего предложил мне
впредь не изготавливать взрывчатку в домике из сборных
щитов.

Когда, учась уже в выпускном классе, я решил сда-
вать экзамены по вступительной программе колледжа,
то выдержал их.

Как раз в начале марта того года я и сказал отцу, что
хочу на Луну. Конечно, меня подстегнули объявления
об открытии регулярных пассажирских рейсов, но кос-
мосом я бредил еще с тех пор, как Космический корпус
Федерации основал Лунную базу. А может, и еще рань-
ше. Отцу я рассказал о своем решении в надежде, что
он подскажет мне, как быть. Он, видите ли, всегда умеет
добиваться того, чего хочет.

Когда я был маленьким, мы жили во множестве го-
родов: в Вашингтоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, — я
уж и не помню толком, где еще; помню только, что всег-
да — в гостинице. Отец все время куда-то улетал, а когда
возвращался, я его почти и не видел.

Но потом мы перебрались в Сентервилль, и он все вре-
мя сидел дома, работая за столом или уткнувшись в кни-
гу. Если кто хотел его видеть, то должен был приходить
к нему сам.

Однажды, когда корзинка с деньгами опустела, отец
сказал маме, что «должны прийти "королевичи"»^{*}. Весь

^{*} Непереводаемая игра слов: «royalty» означает члены королевской
семьи, а также авторский гонорар.

день я никуда не отлучался, потому что никогда еще не видел королей (мне было восемь лет), и, когда гость прибыл, я очень расстроился, потому что короны он не носил. На следующее утро в корзинке очутились деньги, так что я решил, что король приехал инкогнито (я читал в это время «Принца-Хромоножку») и подбросил папе кошелек с золотом.

Лишь год спустя я узнал, что слово «royalty» может означать гонорар — деньги, полученные за книгу, патент или проценты с акций; и в жизни что-то поблекло. Но гость наш, хоть и не был королем, пытался все же заставить отца поступать по-своему, а не так, как хотел отец:

— Я допускаю, доктор Рассел, что климат в Вашингтоне ужасный. Но вам предоставят кондиционированное помещение.

— Ну да, и с часами, без сомнения. И с секретаршами. И со звукоизоляцией.

— Вам будет предоставлено все, что вы пожелаете, доктор.

— Дело в том, господин министр, что я ничего этого не желаю. Здесь, в моем доме, часов нет. И календарей тоже. Когда-то у меня был большой доход и еще большая язва, а сейчас доход у меня маленький, зато язва совсем прошла. Я остаюсь здесь.

— Но вы нужны делу!

— Не могу сказать, чтобы эта необходимость была обоюдной. Позвольте подложить вам еще мясного рулета, он очень вкусный.

Поскольку отец на Луну не собирался, решение проблемы оставалось за мной. Я засел за собранные мною проспекты университетов и принялся отбирать инженерные факультеты. О том, на что я буду учиться и жить, я не имел ни малейшего представления, но прежде всего следовало добиться зачисления в институт с хорошей репутацией.

Если не выйдет, я могу завербоваться в ВВС и попробовать получить офицерский чин. Если и это не получится, можно стать специалистом по электронике. На Лунной базе есть радары и другое оборудование. Так или иначе, я своего добьюсь.

Наутро, во время завтрака отец скрылся за страницами «Нью-Йорк Таймс». Мама читала «Геральд Трибюн», а я — «Сентервилль Кларификатор», который годится

разве что колбасу заворачивать. Отец посмотрел на меня поверх газеты:

— Клиффорд, здесь есть кое-что интересное для тебя.

— М-да?

— Не мычи. Мычать некрасиво, и поэтому позволено только старшим. Вот, почитай. — И он протянул мне газету.

Это была реклама компании, производящей мыло, предлагавшая набивший оскомину старый трюк. Супер-колоссальный конкурс на приз. Вернее, на тысячу призов, последние сто из которых состояли из годового запаса мыла «скайвей».

Тут-то я и опрокинул поридж себе на колени. Первым призом было...

«Полностью оплаченное путешествие на Луну!!!»

Так и написано, с тремя восклицательными знаками, но мне чудились целые дюжины их, а вокруг вспыхивали фейерверки и пел ангельский хор.

И всего-то требуется дописать предложение, чтобы оказалось не больше двадцати пяти слов: «Я пользуюсь мылом "скайвей", потому что...»

(Фразу надписать на обертке мыла или на ее хорошей фотокопии.)

Там еще было что-то сказано насчет «совместного участия фирм "Америкен экспресс" и "Кук" при содействии ВВС США.», перечислялись списки второстепенных призов. Но я видел только одно, пока молоко и разбухшие овсяные хлопья впитывались в мои брюки: *«Путешествие на Луну!!!»*

Г л а в а 2

Сначала от возбуждения я подпрыгнул до потолка... а потом на такое же расстояние вниз рухнула моя душа от охватившего меня отчаяния. Да мне в жизни ни одного конкурса не выиграть, я же такой невезучий, что если куплю коробку печенья, то обязательно ту, куда должны положить приз; от игры в «орлянку» меня быстро вылечили, да чтоб я когда-нибудь еще...

— Прекрати, — сказал отец.

Я замолчал.

— Везения не существует вообще, существует лишь достаточная либо недостаточная подготовка для того,

чтобы справиться со вселенской совокупностью обстоятельств. Намерен ты принять участие?

— Еще бы!

— Я полагаю, это утвердительный ответ. Что ж, отлично. Прояви систематический подход к делу.

Так я и поступил. А отец мне здорово помог — не ограничился тем, что предложил мне еще мясного рулета. Он тщательно следил, чтобы я мог справиться со множеством дел, навалившихся на меня.

Я закончил школу, послал заявление в колледж и продолжал работать, весь семестр после уроков подрабатывал в аптеке Чартона, в основном продавая содовую, но и натаскиваясь понемногу в фармакологии. М-р Чартон слишком любил порядок, чтобы позволить мне прикоснуться к чему-нибудь, кроме фасованных лекарств, но кое-что я понял: от чего помогают всякие антибиотики, что входит в специальные списки и почему с лекарствами следует обращаться осторожно. В итоге это привело меня к органической химии и биохимии, а Чартон дал мне почитать Уолкера, Бойда и Азимова. По сравнению с биохимией атомная физика казалась детской забавой, но в скором времени и биохимия начала становиться понятной.

М-р Чартон был старым вдовцом, и вся его жизнь ограничивалась фармакологией. Он намекнул, что кто-то должен унаследовать его аптеку: какой-нибудь юноша с медицинским дипломом, любящий свою профессию. И сказал, что мог бы и помочь такому парню кончить колледж. Скажи он — в один прекрасный день ты станешь заведовать аптекой на Лунной базе, я заглотил бы наживку вместе с крючком. Но я объяснил, что решил посвятить себя космосу и что инженерное дело кажется мне единственной дорогой. Он не смеялся. Сказал, что, может, и я прав, но не следует забывать, куда бы не ступила нога человека, на Луну ли, на Марс ли, на дальние звезды, аптекари и аптеки последуют за ним. Потом он откопал для меня свои книги по космической медицине: Страгхолд, Хабер, Стэмм и прочие.

— Подумывал и я когда-то об этом, Кип, — сказал он тихо, — да сейчас уже поздно.

Хотя м-р Чартон ничем, кроме медикаментов, не интересовался, но торговали мы всем, чем обычно и торгуют аптеки — от велосипедных шин до домашних аптек.

Включая, разумеется, мыло. Но мыла «скайвей» продавали чертовски мало. Сентервилль — городок кон-

сервативный и к новым маркам относится скептически. Я даже готов спорить, что многие сентервилльцы варят мыло сами. Пришлось сказать об этом м-ру Чартону, когда я пришел на работу. Он вытащил из кладовки два запылившихся ящика и взгромоздил их на прилавок. Потом позвонил своему поставщику в Спрингфилд.

Очень он хорошо со мной обошелся, сбил цену на «скайвей» почти до себестоимости и продавал его вовсю, почти всегда ухитряясь убедить покупателя оставить ему обертку. А я так вообще нагромоздил пирамиды мыла «скайвей» по обе стороны стойки, за которой торговал, и сопровождал каждый стакан кока-колы тирадой в честь старого мыла «скайвей», отмывающего добела, напичканного витаминами, повышающего ваши шансы попасть сразу в рай, не говоря уж о том, что оно изготовлено из отборных продуктов, улучшает кожу и не требует прибегать к пятой поправке к конституции. Я стал таким бесстыжим, что удрать от меня, не купив мыла, мог только глухой или спринтер.

И только кудесник мог исхитриться, купив мыло, унести его из аптеки вместе с оберткой. Взрослых я просто убеждал, детишкам, если приходилось, платил цент за штуку. Если они приносили обертки со стороны, я платил десять центов за дюжину и прибавлял порцию мороженого.

Условия конкурса позволяли каждому участнику присылать неограниченное количество предложений, лишь бы только они были напечатаны на обертке мыла «скайвей» или на хорошей ее репродукции.

Я подумывал было сделать массу фотокопий, но отец отсоветовал.

— Конечно, все будет по правилам, Кип, но... это дешево.

Итак, я собирал обертки. И посылал их со следующими текстами:

«Я пользуюсь мылом "скайвей", потому что...

— Я чувствую себя таким чистым.

— "Скайвей" хорошо и в дороге, и дома.

— Его качество выше неба.

— Оно чисто, как Млечный Путь.

— Оно чисто, как межзвездное пространство.

— После него я чист, как умытое дождем небо».

И так до бесконечности, пока я уже не начал чувствовать вкус мыла во сне.

Тексты сочиняли для меня и папа, и мама, и м-р Чар-тон. Я их записывал в специальный блокнот и на уроках, и на работе, и среди ночи. Придя как-то вечером домой, я обнаружил, что отец сделал мне ящик с карточками; я расположил их в алфавитном порядке, чтобы избежать повторения.

Это здорово помогло, потому что под конец я их отсылал по сотне в день. Росли почтовые расходы, не говоря уже о том, что мне приходилось покупать обертки.

В конкурсе принимали участие и другие ребята нашего городка, а может, и взрослые тоже, но вряд ли у кого дело было поставлено так, как у меня. В десять я уходил с работы, бежал домой с обертками и придуманными предложениями, забирал у родителей тексты, придуманные ими за день, потом штамповал резиновой печаткой на внутренней стороне каждой обертки: «Я пользуюсь мылом "скайвей", потому что...» и свой адрес с фамилией. Пока я печатал, отец заполнял карточки в картотеке. Каждое утро, по дороге в школу, я отправлял пачку писем.

Надо мной посмеивались, но, как правило, именно те взрослые, которые больше всего надо мной подшучивали, особенно охотно отдавали мне свои обертки.

Все, за исключением лишь одного осла по имени Туз Квиггл. Хотя его нельзя причислять к взрослым, он всего лишь переросший свой возраст малолетний преступник. В каждом городишке есть, наверное, такой Туз. Школу он не кончил, что само по себе можно считать достижением, поскольку м-р Хэнли подтягивал в следующий класс всех, «чтобы не разбивать возрастные группы». Сколько я себя помню, Туз всегда шатался по Главной улице, иногда работал, но по большей части бездельничал. Он считал себя непревзойденным остряком. Как-то Туз уселся за стойку у нас в аптеке, заняв на один солодовый коктейль с шоколадом стоимостью в тридцать пять центов места и времени на два доллара. Я как раз только что убедил старую миссис Дженкинс купить дюжину мыла и освободил ее от оберток. Когда она ушла, Туз взял пачку мыла из моей выставки на прилавке и спросил:

— Торгуешь им, космонавт?

— Верно, Туз. Купи, не пожалеешь.

— Вы надеетесь попасть на Луну, торгуя мылом, Капитан? Или я должен сказать «коммодор»? Ик-ик-ик-

иккити-ик! — Это он так смеется, подражая героям комиксов.

— Пытаюсь, — вежливо ответил я. — Ну что, решишь?

— А ты уверен, что мыло хорошее?

— Убежден.

— Ну что ж. Куплю кусок, но только, чтобы тебя выручить.

Не густо. Но как знать, может, именно эта обертка и выиграет.

— Спасибо большое, Туз. — Я взял деньги, он положил мыло в карман и пошел к выходу.

— Секундочку, Туз. Дай мне обертку, пожалуйста. Он остановился.

— О, да, я сейчас тебе продемонстрирую, как с ней следует обращаться наилучшим образом.

Наклонившись к стоящей на прилавке зажигалке, он поджег обертку и прикурил от нее сигарету. Подождав, пока обертка догорела до самых пальцев, он бросил ее на пол и растоптал.

М-р Чартон наблюдал за ним из окна провизорской.

— Ну как, порядок, космонавт? — ухмыльнулся Туз.

Мои пальцы сжали ложку для мороженого, но я ответил:

— Полный порядок, Туз. Мыло ведь твое.

М-р Чартон вышел из провизорской и сказал:

— Я сам займусь буфетом, Кип. Тебе нужно доставить заказ.

Та обертка была чуть ли не единственной, которую я упустил. Конкурс кончился первого мая, и отец вместе с м-ром Чартоном решили продать все мыло до последнего ящика. Я кончил надписывать обертки только около одиннадцати, и м-р Чартон подвез меня в Спрингфилд, чтобы я успел их отправить до полуночи.

Я отправил пять тысяч семьсот восемьдесят две обертки с текстами. Сомневаюсь, чтобы Сентервиллю еще когда-нибудь доводилось извести столько мыла.

Итоги конкурса должны были объявить четвертого июля. За эти девять недель я успел сгрызть ногти до основания. Ну, конечно, за это время и еще кое-что произошло. Я кончил школу, родители подарили мне часы, учащиеся продефилировали перед м-ром Хэнли и получили аттестаты. Было приятно, что программа, изученная по настоянию папы, отличалась от того, чему я научился в нашей милой старой школе, на шесть поряд-

ков от ноля. А перед выпуском состоялись все положенные мероприятия: день прогулов, прощальный вечер нашего класса, выпускной бал и встреча с младшеклассниками — в общем, полный комплект трюков, чтобы звери вели себя тихо. М-р Чартон отпускал меня пораньше, если я просил, но просил я не часто, потому что голова была занята другим, а ухаживать я ни за кем не ухаживал. То есть ухаживал раньше, в начале года, но она, Элани Макмерти, хотела разговаривать о мальчиках и модах, а я — о космосе, так что она быстро дала мне отставку.

После выпуска из школы я стал работать у м-ра Чартона полный день. Я так и не решил до сих пор, как обеспечить себе дальнейшую учебу. Да я и не думал об этом; я продолжал продавать мороженое и, затаив дыхание, ждал четвертого июля.

Телепередача началась в восемь вечера. Телевизор у нас был черно-белый, старой конструкции, его не включали уже несколько месяцев. Я вытащил его из кладовки, проверил изображение, убив два часа на то, чтобы его наладить, а остальное время провел, грызя ногти. Ужинать я не мог.

В половине восьмого я уже сидел перед экраном, глядя невидящим взглядом на комиков, и перебирал свою картотеку. Вошел отец, смерил меня взглядом и сказал:

— Возьми себя в руки, Кип. И позволь напомнить тебе еще раз — все шансы против тебя.

— Я не знаю, пап, — буркнул я.

— Более того, это в конечном счете вообще не будет иметь значения. Человек почти всегда получает то, чего ему очень хочется. Я уверен, когда-нибудь ты попадешь на Луну, не так, так иначе.

— Да, сэр. Просто хочется, чтобы поскорее началось.

— Эмма, ты идешь?

— Сейчас иду, дорогой, — ответила мама.

Она вошла в комнату, потрепала меня по руке и села. Отец откинулся в кресле.

— Прямо как во время выборов.

— Слава Богу, что ты в этом больше не завязан, — сказала мама.

— Однако, дорогая моя, тебе эти кампании всегда были по душе.

Мама рассмеялась.

Комики исчезли с экрана, сигареты сплясали канкан и нырнули обратно в пачки, и утешающий голос заверил

нас, что сигареты «Коронет» вообще лишены канцерогенных свойств — самое, самое, самое безвредное курево, да еще с вкусом настоящего табака. Программа переключилась на местную станцию, нас порадовали живописным видом центрального магазина дровяных и скобяных товаров, и я начал выдирать себе волосы из затылка.

Вот экран заполнился мыльными пузырями, квартет спел нам о том, что наступает час «скайвея», будто мы сами этого не знали. Вдруг экран погас и звук вырубился. А я проглотил собственный язык.

На экране зажглась надпись: «Неполадки на линии, не регулируйте приемники».

— Да как они смеют! — завопил я.

— Прекрати, Клиффорд, — сказал отец.

Я смолк.

— Не надо так, милый, он же все-таки еще ребенок, — заметила мама.

— Он не ребенок, он взрослый мужчина, — ответил отец. — Послушай, Кип, как ты собираешься сохранять спокойствие перед расстрелом, если даже такая ерунда заставляет тебя нервничать?

Я забормотал, но отец сказал:

— Говори как следует.

Я объяснил ему, что не собираюсь попадать под расстрел.

— Может, и придется когда-нибудь выкручиваться. А это — хорошая практика. Попробуй поймать изображение по спрингфилдской программе.

Я пытался, но на экране как будто снег валил, а голоса были похожи на двух кошек, мяукающих в мешке. Я снова переключился на нашу местную станцию.

— ...нерал-майор ВВС Брайс Гилмор, наш гость, который прокомментирует некоторые, ранее не публиковавшиеся фотографии Лунной базы и новорожденного Лунного города, самого быстрорастущего города на Луне. Сразу же после объявления победителей конкурса мы, при содействии Космического корпуса, предпримем попытку прямой телевизионной связи с Лунной базой.

Я глубоко вздохнул и попытался замедлить сердцебиение. Балаган на экране все продолжался: представляли знаменитостей, объясняли правила конкурса, невероятно милая парочка подробно втолковывала друг другу, почему они пользуются только мылом «скайвей».

У меня, ей-богу, беседы с покупателями получались лучше.

Наконец дошли до сути. На передний план торжественно выступили пятеро девушек, каждая держала огромный плакат над головой.

— А теперь... — замирающим голосом сказал ведущий, — теперь — текст-победитель, завоевавший... бесплатный полет на Луну!

У меня перехватило горло.

Девушки запели:

— Я люблю мыло «скайвей», потому что... — и каждая переворачивала свой плакат, когда наступала ее очередь, — оно... чисто... как... само... небо!

Я перебирал карточки. Мне показалось, что я узнал текст, но я не был уверен — я же послал их больше пяти тысяч. Наконец я нашел нужную карточку и сверил ее с экраном.

— Пап! Мама! Я выиграл! Выиграл!

Г л а в а 3

— Спокойно, Кип, — отрубил отец. — Прекрати.

— Послушай, дорогой, — начала мама.

— ...представить вам счастливую победительницу, — продолжал диктор, — миссис Ксения Донахью, Грейт Фоллз, штат Монтана... миссис Донахью!

Под звуки фанфар на авансцену выплыла маленькая полная женщина. Я снова взглянул на плакаты. Их текст совпадал с текстом моей карточки.

— Папа, что случилось? — спросил я. — Это же мой текст.

— Ты плохо слушал.

— Жулики!

— Молчи и слушай.

— ...как мы уже объяснили, в случае совпадения текстов первенство присуждается тому, кто отправил письмо раньше. Оставшиеся призы распределяются по времени поступления писем в жюри конкурса. Выигравший текст предложен одиннадцатью участниками конкурса. Им и принадлежат первые одиннадцать призов. Здесь сегодня присутствуют шесть человек, занявших первые места и награжденные поездкой на Луну, уик-эндом на космической станции-спутнике, кругосветным

путешествием на реактивном самолете, путешествием в Антарктику, поездкой...

Проиграть из-за почты! Из-за почты!

— ...сожалею, что не могли приветствовать здесь сегодня всех победителей. Зато для них приготовлен сюрприз. — Ведущий посмотрел на часы. — В настоящую минуту, прямо сейчас, в тысяче домов по всей стране, прямо сию секунду, раздастся стук в счастливую дверь верных друзей «скайвея»...

Раздался стук в нашу дверь.

Я подпрыгнул. Отец отворил.

Трое грузчиков внесли огромного размера ящик.

— Клиффорд Рассел здесь живет? — спросил один из них.

— Здесь, — ответил папа.

— Распишитесь, пожалуйста.

— А что это?

— Здесь написано только, где верх. Куда поставить?

Папа протянул расписку мне, и я как-то ухитрился расписаться.

— Поставьте в гостиную, пожалуйста, — попросил папа.

Грузчики ушли, а я вооружился молотком и кусачками. Ящик был похож на гроб, а у меня как раз и было похоронное настроение.

Я отодрал крышку и выбросил на ковер целый ворох упаковочного материала. Наконец докопался до содержимого.

Это был космический скафандр.

Скафандр не бог весть какой по нынешним временам. Устаревшая модель, которую фирма «Мыло скайвей» скупил на распродаже излишков. Скафандры получили все победители от десятого до сотого. Но он был настоящий, производства фирмы «Гудеар», с системой кондиционирования воздуха от фирмы «Йорк» и со вспомогательным оборудованием от «Дженерал Электрик». К скафандру прилагались документация и инструкции, а также рабочий журнал, из которого следовало, что скафандр использовался более восьмисот часов при монтаже второй станции-спутника.

Мне стало лучше. Это ведь не подделка, не игрушка. Скафандр побывал в космосе, хоть мне самому и не удалось. Но удастся! Когда-нибудь. Я научусь им пользоваться и когда-нибудь пройду в нем по голой поверхности Луны.

— Может, отнесем в твою мастерскую, а, Кип?

— Куда нам спешить, милый? — возразила мама. — Клиффорд, ты не хочешь примерить его?

Еще бы я не хотел! Мы с папой сошлись на том, что оттащили в сарай ящик и упаковку. Когда мы вернулись, в доме уже торчали репортер и фотограф из «Кларин» — о моем выигрыше газета узнала раньше, чем я, что я посчитал неправильным.

Они попросили меня попозировать, и я не стал возражать.

Влезть в скафандр оказалось делом тяжелым. По сравнению с этим одеваться в вагоне на верхней полке просто пустячок.

— Погоди-ка, парень, — сказал фотограф. — Я видел, как их одевают. Совет примешь?

— Нет, то есть я хотел сказать «да».

— Ты в него проскользни, как эскимос в каяк. Потом суй правую руку...

Так оказалось намного легче. Я широко распустил передние прокладки и сел в скафандр, хотя при этом чуть не вывихнул правое плечо. Потом нашел специальные лямки для подгонки размера, но возиться с ними не стал. Фотограф запихнул меня в скафандр, застегнул молнии, помог подняться на ноги и задвинул шлем.

Баллонов с воздухом на скафандре не было, и пока он сделал три кадра, мне пришлось дышать тем воздухом, который остался внутри шлема. К тому времени, как фотограф кончил снимать, я удостоверился, что в скафандре действительно работали: внутри пахло потом. Я с радостью скинул шлем.

И все равно носить скафандр мне нравилось. Прямо как космонавт.

Газетчики ушли, а мы вскоре легли спать, оставив скафандр в гостиной. Около полуночи я осторожненько спустился вниз и примерил его еще раз.

На следующее утро, прежде чем идти на работу, я отнес скафандр в мастерскую.

М-р Чартон вел себя дипломатично. Он сказал всего лишь, что хотел бы взглянуть на мой скафандр, когда у меня найдется время. О скафандре знали уже все — моя фотография красовалась на первой странице «Кларин» между заметкой об альпинистах и отчетом о пострадавших во время праздника. Статью написали довольно зубоскальную, но я на это внимания не обращал. Я ведь толком и не верил никогда, что выиграю, зато за-

получил самый что ни на есть настоящий скафандр, которого не было ни у одного из моих одноклассников.

Днем папа принес мне заказное письмо от фирмы «Мыло скайвей». Письмо содержало документы на владение космическим скафандром, герметическим, серийный номер такой-то, бывшей собственностью ВВС США. Письмо начиналось с поздравлений и благодарностей, но в последних строках было и кое-что существенное:

«Мы сознаем, что выигранный Вами приз может Вам в ближайшее время и не понадобится. Поэтому, согласно параграфу 4-а правил проведения конкурса, компания готова выкупить его за пятьсот долларов наличными.

Для получения денег Вам следует вернуть скафандр в демонтажное отделение фирмы "Гудеар" по адресу: город Акрон, штат Огайо, до 15 сентября сего года. Почтовые расходы фирма принимает на себя.

Компания "Мыло скайвей" выражает надежду, что Вы получили такое же удовольствие от нашего конкурса, какое мы получили от Вашего участия в нем, и что Вы согласитесь не отсылать скафандр до проведения специальной телепередачи, посвященной мылу "«скайвей". За участие в ней Вам будет выплачено 50 долларов. По этому поводу с Вами свяжется директор Вашей местной телестудии. Мы надеемся, что Вы не откажетесь быть гостем нашей передачи. С наилучшими пожеланиями от "Мыло скайвей", мыла чистого, как само небо».

Я протянул письмо отцу. Он пробежал его глазами и вернул мне.

— Надо, наверное, соглашаться, — сказал я.

— Телевидение не оставляет шрамов на теле, так что греха в этом я не вижу, — ответил отец.

— Да нет, я не о том. Их передача — просто легкий заработок. Я думаю, что мне и впрямь следовало бы продать им скафандр.

Мне бы радоваться: ведь подвернулись деньги, в которых я так нуждался, а скафандр мне был нужен как рыбе зонтик. Но радости я почему-то не чувствовал, хотя никогда в жизни мне не доводилось еще иметь пятьсот долларов.

— Вот что, сын, заявления, начинающиеся со слов «мне и впрямь следовало бы», всегда вызывали у меня подозрение. Эта фраза означает, что ты сам еще толком не разобрался, чего тебе хочется.

— Но пятисот долларов хватит почти на целый семестр.

— Какое это имеет отношение к делу? Выясни сначала, чего ты хочешь, а потом поступай соответственно. И никогда в жизни не уговаривай себя делать то, что тебе не нравится. Подумай хорошенько.

Отец пожелал мне спокойной ночи и пошел спать.

Я решил, что неразумно сжигать перед собой мосты. В любом случае — скафандр мой до середины сентября, а там, кто знает, может, он мне надоест.

Но он мне не надоел. Скафандр — это чудо техники, космическая станция в миниатюре. Хромированные шлем и плечи переходили в асбесто-силиконово-фибергласовый корпус, жесткий, но с гибкими суставами. Суставы были сделаны из такого же прочного материала: при сгибании колена специальные мехи увеличивали объем перед коленной чашечкой ровно настолько, насколько приближалась к ноге ткань скафандра сзади. Без такого устройства много не проходишь: внутреннее давление, которое может достигать до нескольких тонн, заставит человека застыть на месте как статую. Эти компенсаторы объема были покрыты двойной броней, даже суставы пальцев и то покрывались ею. К скафандру крепился тяжелый фибергласовый пояс с зажимами для инструментов. Специальные лямки позволяли регулировать высоту и вес. Также в комплект входил заплечный мешок (сейчас пустой) для баллонов с воздухом. Для батарей и прочей мелочи были предусмотрены внутренние и наружные карманы на молниях.

Шлем вместе с частью заплечья откидывался назад, и передняя часть скафандра открывалась двумя молниями на прокладках, образуя дверку, в которую приходилось втискиваться. С застегнутым шлемом и молниями скафандр вскрыть невозможно из-за давления внутри.

На горловом обхвате и на шлеме смонтированы переключатели, а огромный шлем содержит резервуар с питьевой водой, по шесть контейнеров для таблеток с каждой стороны, справа от подбородка переключатель радиации, а слева — переключатель, регулирующий поток воздуха, еще там были автоматический поляризатор для окуляров, расположенных перед лицом, микрофоны и наушники, в утолщении за затылком располагались радиосхемы, а над головой аркой выгибалась приборная панель. Знаки на циферблатах приборов располагались

в обратном порядке, потому что космонавт видел их в отражении внутреннего зеркала, смонтированного спереди, на расстоянии четырнадцати дюймов от глаз. Над окошком шлема устанавливались две двойные фары. На макушке — две антенны: штырь передающей антенны и рожок, выстреливающий короткие волны, как из ружья. Ориентировать его следовало, становясь лицом к принимающей станции. Всю поверхность рожка, за исключением верхней части, покрывала броня.

Вам-то кажется, что скафандр переполнен, как дамская сумочка, но на самом деле все сделано так компактно, что просто красота, и голова, когда смотришь в окуляры, ни с чем не соприкасается. Если откинешь голову назад, то видишь отражения циферблатов, наклонишь вперед — и можешь подбородком оперировать клапанами-регуляторами, чтобы глотнуть воды или съесть таблетку, достаточно поворота шеи.

Все оставшееся пространство заполнено губчатой резиной, чтобы ни в коем случае не разбить голову.

В общем, скафандр мой был похож на первоклассный автомобиль, а шлем — на швейцарские часы.

Но баллонов с воздухом не имелось, так же как и всей радиооснастки за исключением антенны, не существовало маяка и аварийного радарного целеискателя, внутренние и наружные карманы оказались пусты, а с пояса не свисали инструменты.

Когда я прочитал инструкцию и выяснил, что должно было содержаться в полном комплекте, я понял, что от автомобиля мне достался один лишь остов.

И я решил, что просто обязан привести его в порядок.

Прежде всего тщательно протер скафандр «клороксом», чтобы уничтожить запах раздевалки. Потом взялся за систему воздухообеспечения. Хорошо, что вместе со скафандром прислали инструкцию, потому что почти все мои прежние представления о скафандрах оказались неверны.

Человек потребляет всего около трех фунтов кислорода в день, казалось бы, он может нести на себе месячный запас кислорода, особенно в космосе, в невесомости, или на Луне, где три фунта весят только полфунта. Что ж, для экипажей космических кораблей и станций или для аквалангистов это допустимо: они прогоняют воздух через негашеную известь, чтобы очистить его от углекислого газа, и дышат им снова. Но в скафандре так не делать.

Даже сегодня многие говорят о «жутком морозе космоса», но ведь космос — это вакуум, а если бы вакуум был холодным, то как бы термос сохранял кофе горячим? Вакуум — это ничто, он не обладает температурой, он только изолирует.

Три четверти того, что вы съедаете, преобразуется в тепло — в огромное количество тепла, его ежедневно выделяется столько, что хватит растопить фунтов пятьдесят, а то и больше льда. Звучит невероятно, правда? Увеличивая температуру реостатом, вы выбираете более подходящее соотношение для обогрева. Тело производит столько тепла, что от него приходится избавляться — точно так же, как приходится охлаждать автомобильный двигатель.

Разумеется, если делать это слишком быстро или, скажем, на холодном ветру, то можно замерзнуть, но перед человеком в скафандре стоит другая проблема — как бы не свариться заживо, подобно раку. Вокруг — вакуум, и избавиться от избыточного тепла очень трудно. Частично оно уходит само, но не так уж много, а, находясь на солнце, предмет все равно впитает его больше, чем отдаст, потому-то поверхности космических ракет и отполированы до зеркального блеска.

Так как же быть?

Не носить же на себе пятидесятифунтовые глыбы льда. Избавляться от избыточного тепла следует так же, как и в земных условиях, конвекцией и испарением: надо заставлять воздух постоянно циркулировать вокруг тела, чтобы он, испаряя пот, охлаждал вас. Верно, когда-нибудь изобретут скафандр, оснащенный такой же восстановительно-очищающей системой, как космические корабли, но пока что практический выход заключается в следующем: надо выпускать использованный воздух из скафандра, выводя с ним пот, двуокись углерода и избыточное тепло, тратя на все это большую часть кислорода.

Есть и другие проблемы. Давление в пятнадцать фунтов на квадратный дюйм, которому вы подвергаетесь, включает три фунта кислородного давления. Легким хватит и меньшего количества, но только индеец из высокогорных Анд будет себя уютно чувствовать при давлении кислорода меньше двух фунтов. Девять десятых фунта — предел. Любое давление ниже этого предела просто не будет способно вгонять кислород в кровь — таков примерно уровень давления на вершине Эвереста.

Но большинство людей начинают испытывать кислородное голодание задолго до этого предела, поэтому лучше остановиться на двух фунтах кислорода на квадратный дюйм. Кислород следует смешать с инертным газом, потому что от чистого кислорода может заболеть горло, или, что еще хуже, человек от него пьянеет, или начинаются страшные судороги.

Азот, которым вы дышите всю жизнь, использовать нельзя — при падении давления он образует в крови пузырьки и калечит кровеносные сосуды. Пользоваться нужно гелием, который не пузырится. Только вот говорить из-за него вы будете скрипучим голосом, ну да черт с ним.

Итак, недостаток кислорода вас убьет, избыток отравит, азот покалечит, в двуокиси углерода можно утонуть, если прежде от нее не задохнуться, а обезвоживание организма может привести к смертельной лихорадке. Дочитав инструкцию до конца, я прямо диву дался, как человек ухитряется выжить, да еще в скафандре.

Но вот передо мной лежит скафандр, который сотни часов служил человеку защитой в космосе, способный избавить его от всех этих опасностей. На спине он несет стальные баллоны с «воздухом» (смесь кислорода и гелия) под давлением сто пятьдесят атмосфер, то есть больше двух фунтов на квадратный дюйм, и через один редукционный клапан давление «по требованию» доводится до трех—пяти фунтов на квадратный дюйм, два фунта из которых приходятся на кислород. Вокруг шеи проложен силиконово-резиновый воротник, и в нем проделаны крошечные отверстия, чтобы снизить давление в корпусе скафандра и ускорить поток воздуха, тем самым повышая скорость испарения и охлаждения, и нагибаться станет значительно легче, добавьте выхлопные клапаны — по одному на запястьях и лодыжках: они должны пропускать не только газ, но и воду, в противном случае утонете в собственном поту.

Баллоны, большие и неуклюжие, весят фунтов по шестьдесят, но масса воздуха, содержащаяся в баллоне, не превышает пяти фунтов даже при таком колоссальном давлении. Вместо месячного запаса приходится довольствоваться запасом на несколько часов; те баллоны, которыми когда-то оснащался мой скафандр, были рассчитаны на восемь часов. Но зато эти восемь часов гарантируются полностью, если, конечно, ничто в оснастке не откажет. Срок можно растянуть: перегрев, так же, как

и двуокись углерода, мгновенной смерти не вызывает, но если уйдет кислород, то смерть наступит минут через семь. Так что возвращаемся к тому, с чего начали: без кислорода жизни нет.

Носом не почувешь, достаточно его поступает или нет, а знать, черт побери, надо точно. Поэтому к уху крепится зажимом элемент, который следит за цветом крови. Красный цвет крови придает обогащающий ее кислород. Он подсоединяется к гальванометру; если его стрелка указывает «опасность», молитесь.

В выходной день я отправился в Спрингфилд за покупками. В сварочной мастерской я нашел два подержанных тридцатидюймовых металлических баллона. Я заставил хозяина проверить баллоны на давление и заслужил этим всеобщую неприязнь. Дома я заскочил в гараж Принга и договорился о покупке воздуха под давлением пятьдесят атмосфер. Подкачать давление выше и купить кислород и гелий я мог в Спрингфилдском аэропорту, но пока не видел в том нужды.

Вернувшись в мастерскую, я затянул пустой скафандр и велосипедным насосом накачал его до двух абсолютных атмосфер, то есть до одной относительной, что дало мне испытательную нагрузку почти четыре к одному по сравнению с условиями в космосе. Затем взялся за баллоны. Их надо было отполировать до зеркального блеска, они должны впитывать тепло солнечных лучей. Я соскреб с них верхний слой металла и отдраил поверхность проволочной щеткой, чтобы затем никелировать ее.

Наутро мой скафандр, я его называл «Оскар — механический человек», сдулся и стал похож на смятый комбинезон.

Самой большой проблемой было сделать старый скафандр герметичным не только для воздуха, но и для гелия. С воздухом еще куда ни шло, но молекулы гелия настолько малы и подвижны, что через обыкновенную резину проходят запросто, а я хотел привести свой скафандр в настоящую рабочую форму, чтобы он годился не только для прогулок по мастерской, но и для работы в космосе, однако сальниковые прокладки поистрепались так, что невозможно было обнаружить место утечки.

Поскольку в маленьком городке таких товаров не сыщешь, пришлось обращаться в фирму «Гудеар» за новыми силиконово-резиновыми прокладками. Я подробно описал, что мне нужно и зачем, и они все послали

бесплатно, приложив даже дополнительные инструкции.

Работа была непростая. Однако скоро наступил день, когда я накачал «Оскара» чистым гелием под давлением в две абсолютных атмосферы.

Неделю спустя он все еще оставался герметичным, словно шестислойная шина.

В тот день я влез в «Оскара» как в замкнутую самодостаточную систему. Я и раньше ходил в нем по несколько часов, но без шлема, работал в мастерской, учился владеть инструментами, не снимая перчаток, подгоняя скафандр по росту и размеру. Чувствовал я себя так, как будто обкатывал новые коньки, и вскоре совсем перестал отдавать себе отчет в том, что хожу в скафандре, однажды даже к ужину в нем явился. Отец вообще ничего не сказал, мама проявила выдержку, достойную посла, а я обнаружил свою ошибку, только начав разворачивать салфетку на коленях.

Итак, я выпустил гелий в атмосферу и укрепил на скафандре заряженные воздухом баллоны. Затем задвинул шлем и загерметизировал его. Воздух втягивался в шлем с тихим шипением, его поступление регулировалось грудным клапаном, работающим от моих вдохов и выдохов. С помощью подбородка я мог привести в действие другой клапан и либо ускорить, либо замедлить поток воздуха. Я так и сделал, следя за отражением индикаторов в зеркале, а потом довел давление до двадцати абсолютных фунтов — на пять фунтов больше, чем за пределами скафандра, что давало мне максимально возможное на Земле приближение к космическим условиям.

Я почувствовал, как скафандр раздулся, суставы напряглись. Я попробовал шагнуть и... чуть не упал. Пришлось схватиться за верстак.

В скафандре, да еще с баллонами за спиной, я весил более чем в два раза больше обычного. Кроме того, хоть суставы и сохраняли постоянный объем, под давлением передвигаться в скафандре было не так-то легко.

Натяните тяжелые болотные сапоги, наденьте пальто и боксерские перчатки, а на голову ведро и попросите кого-нибудь навьючить вам на спину два мешка цемента, тогда получите представление, каково ходить в космическом скафандре при одном «g».

Но не прошло и десяти минут, как я вполне освоился, а еще полчаса спустя мне уже казалось, что я ношу ска-

фандр всю жизнь. Вес распределился по телу так, что нагрузка была вполне терпимой, а я знал, что на Луне она вообще почти не будет чувствоваться. К сочленениям суставов просто следовало привыкнуть и прилагать больше усилий при движениях. Учиться плавать и то трудней.

День выдался ясный, я вышел во двор посмотреть на Солнце. Поляризатор умерял силу ветра, и глазам не было больно. Я отвел глаза в сторону так, что поляризатор ушел из поля зрения, и огляделся.

Внутри скафандра сохранялась прохлада. Воздух, охлажденный полуадиабатическим расширением (как гласила инструкция), охлаждал голову и через выпускные клапаны уносил из скафандра теплоту тела и углекислый газ.

В инструкции говорилось также, что нагревательные элементы скафандра приходится включать не часто, поскольку обычной проблемой было избавление от тепла. Однако я решил достать льда и испытать термостат и обогреватель.

Я опробовал все системы, о которых только мог вспомнить. За нашим двором течет ручеек, а за ручейком находится пастбище. Я потопал прямо по ручейку, оступился и упал, хуже всего было то, что я не видел, куда ставлю ногу. Упав, я оставался лежать, меня качивало на воде. Мне было не мокро, не жарко и не холодно, а дышал я так же ровно, как всегда, хотя через шлем переливалась вода.

С трудом я выкарабкался на берег и снова упал, врезавшись шлемом в валун. Порядок. Никаких повреждений. Для того «Оскар» и сделан, чтобы все выдержать. Подобрав под себя колени, я поднялся и пересек пастбище, спотыкаясь о камни, но держась на ногах. Потом подошел к стогу сена и зарылся в него.

Прохладный свежий воздух... и никаких проблем. Я даже не вспотел.

Скафандр содержал в себе специальную туалетную конструкцию, но ее я еще не наладил, так что я разделся через три часа, еще до того, как кончился запас воздуха. Повесив скафандр на специальную стойку, которую я соорудил, я потрепал его по плечу.

— «Оскар», ты парень что надо, — сказал я. — Теперь мы с тобой партнеры. Еще путешествуем.

Предложили бы мне за «Оскара» пять тысяч долларов — я бы только фыркнул.

Пока «Оскар» испытывался на герметизацию, я работал над его электронной оснасткой. С радаром и маяком я даже возиться не стал: первый настолько прост, что и ребенок с ним справится, а второй дьявольски дорог. Но рация, действующая в диапазоне, принятом в космосе — антенны принимали только эти волны, — казалась мне необходимой. Можно было, конечно, собрать простую походную рацию и привесить ее к поясу снаружи, но я тогда все время мучился бы с ее настройкой, да и вакуума она не выдержала бы. Изменение температуры, давления и влажности оказывает странный эффект на электронные системы, именно поэтому рация и должна быть встроена в шлем.

В инструкции приводились диаграммы, и я занялся делом. Слуховые и модуляционные схемы особой проблемы не представляли — всего лишь транзисторы на батарейках, размеры которых легко можно уменьшить. Но вот микроволновый блок...

Микроволновые схемы штука сложная, требующая специальной обработки; одно неверное движение руки может нарушить выходное сопротивление и нарушить математически рассчитанный резонанс.

Что ж, я попробовал. Необходимые мне платы можно по дешевке купить в магазинах, торгующих списанными товарами, а некоторые транзисторы и другие компоненты я выдрал из собственных приборов. И после адских трудов я все-таки заставил блок работать. Но в шлеме проклятая штуковина не лезла, хоть плачь.

Если хотите, считайте этот блок моей моральной победой — в жизни мне не доводилось мастерить ничего лучшего.

В конце концов я купил готовый блок — вакуумной обработки, в пластиковом чехле. Купил там же, где раньше покупал микросхемы. Как и скафандр, к которому он был когда-то изготовлен, блок устарел настолько, что взяли за него смехотворно мало. Надо сказать, к тому времени я уже был готов заложить хоть свою душу, до того мне хотелось наладить «Оскара».

Главной сложностью в работе с электрооснасткой стало то, что все ее детали должны были быть безотказными и безопасными. Человек, работающий в космосе, не может, в случае неполадки, заскочить в первый попавшийся гараж и попросить механика помочь. Либо оснастка его скафандра будет нормально функционировать,

либо ему остается только молиться. Потому-то и установлены на шлеме двойные фары, вторая автоматически зажигается, если гаснет первая. Дублировалось все, даже подсветка циферблатов над моей головой. Здесь я не спешил и не экономил: каждую дублированную схему я восстанавливал дублированной и тщательно проверил все автоматические переключатели.

М-р Чартон настоял, чтобы я заполнил встроенную аптечку скафандра всем тем, что предписывала инструкция: глюкозой, мальтозой и аминотаблетками, витаминами, аспирином, антибиотиками, кодеином — в общем, достаточным запасом лекарств, чтобы человек мог выкарабкаться, если что-то случится. Он попросил доктора Кеннеди выписать на них рецепты, чтобы я снарядил «Оскара», не нарушая при этом правил.

Когда я кончил работать, «Оскар» пришел в такую же отличную форму, в какой был во время своей службы на космической станции. Приводить его в порядок оказалось куда как интересней, чем, скажем, помогать Джейку Биксби превращать кучу металлолома в автомобиль.

Но лето шло к концу, и настала уже пора очнуться от мечтаний. Я все еще не знал, где мне предстоит учиться, на что учиться, да и придется ли учиться вообще. Кое-что я скопил, но этого явно не хватало. Часть денег ушла на марки и мыло, но я их оправдал, да еще с прибылью, одним пятнадцатиминутным выступлением по телевизору; а на ухаживание за девчонками я с марта месяца не потратил и цента — до того был занят. «Оскар» мне обошелся до смешного дешево, налаживал я его в основном потом и отверткой. Но семь долларов из каждых десяти мною заработанных шли в денежную корзинку.

Денег не хватало. Я с тоской осознал, что мне придется продать «Оскара», чтобы протянуть первый семестр. Но на что я протяну остаток года? Отважный Джо, стандартный американский мальчик-герой, всегда заявляется в колледж с пятьюдесятью центами в кармане и благодаря своему золотому сердцу приходит к последней главе всех победив и с изрядным счетом в банке. Но я-то отнюдь не Отважный Джо. И стоит ли начинать учиться, если к Рождеству меня выставят из-за нехватки денег? Не будет ли разумнее подождать год и за это время свести короткое знакомство с киркой и лопатой?

Был ли у меня выбор? Университет нашего штата, единственное высшее учебное заведение, куда я наверняка мог поступить, переживал трудные времена. Поговаривали, что многих профессоров уволят и университет потеряет свой нынешний статус. Вот смеху-то будет — корпеть несколько лет, зарабатывая себе бесполезный диплом никем не признаваемого учебного заведения.

Да и раньше наш университет котиrowался не выше второсортного технического училища.

Калифорнийский технологический и Институт Рокфеллера прислали мне отказы в один и тот же день, первый — на стандартном бланке, другой — в форме вежливого письма, гласившего, что принять всех абитуриентов, сдавших экзамены по вступительной программе, институт не сможет.

Помимо всего мне еще досаждали и различные мелкие неприятности. Пятьдесят долларов были единственной положительной стороной участия в телевизионном шоу. Человек, одетый в скафандр, выглядит в телевизионной студии, прямо скажем, глуповато, и ведущий выжал из этого все что мог, постукивая меня по шлему и спрашивая, там ли я еще. Куда уж смешнее! Потом он спросил, что я намерен делать со скафандром, но когда я начал отвечать, он отключил мой микрофон и включил заранее записанную ленту со всякой чушью о космических пиратах и летающих тарелках. И половина жителей нашего городка решили, что слышали мой голос.

В общем-то, все это было бы не так уж трудно пережить, если в городе не появился Туз Квиггл. Все лето он где-то отсиживался, в тюрьме по всей вероятности, но на следующий день после телевизионного шоу уселся за стойкой в аптеке, долго сверлил меня взглядом, затем осведомился громким шепотом:

— Слышь, ты случайно не тот самый знаменитый космический пират и телезвезда?

— Что закажешь, Туз? — спросил я.

— Ух ты! Хочу взять у тебя автограф! В жизни не видел живого космического пирата!

— Заказывай, Туз. Либо освободи место для кого-нибудь другого.

— Солодовой с шоколадом, коммодор, только без мыла.

Туза распирало остроумие каждый раз, когда он появлялся в аптеке. Лето выдалось на редкость жаркое, и

от жары все заходились с пол-оборота. В пятницу, перед Днем труда, на складе забарахлила система охлаждения воздуха, ремонтника мы найти не смогли, и я провозился с ней целых три часа, насквозь пропотел, испортил при этом свои самые лучшие брюки. Я вернулся к стойке только и мечтая, как бы добраться до дому и до ванной, когда в аптеку вплыл Туз, приветствуя меня громким возгласом:

— Привет, командир Комета, Гроза космических путей! Где же ваш бластер, командир? Смотрите, как бы Галактический император не оставил вас после уроков за такую небрежность! Ик-ик-ик-иккити-ик!

Девчонки, сидевшие за стойкой, прыснули.

— Отвяжись, Туз, — сказал я устало. — Жарко сегодня.

— И поэтому ты вылез из своих резиновых кальсон? Девчонки засмеялись.

Туз, скорчив рожу, продолжал:

— Слушай, малый, уж коль ты обзавелся шутовским нарядом, грех тебе не пустить его в дело? Дай объявление в «Кларион»: «Имею скафандр — готов путешествовать». Ик-ик-ик! Или наймись к кому-нибудь пугалом на огород.

Девчонки заржали. Я сосчитал до десяти, потом еще раз, но уже по-испански, потом по-латыни и спросил строго:

— Что ты заказываешь, Туз?

— Как обычно. Да поживей — у меня свидание на Марсе.

Из-за своей конторки вышел м-р Чартон, сел за стойку и попросил меня сделать ему прохладительный с лаймом. Его, разумеется, я обслужил первым, что прервало поток остроумия со стороны Туза и, по всей вероятности, спасло ему жизнь.

На некоторое время мы с хозяином остались одни. Он сказал тихо:

— Ты знаешь, Кип, почтительное отношение к жизни не должно распространяться на очевидные ошибки природы.

— Простите, сэр?

— Квиггла можешь больше не обслуживать. Мне такой клиент ни к чему.

— От Туза и его острот мне ни жарко, ни холодно. Он же безвредный.

— Я часто задаюсь вопросом, действительно безвредны такие люди, как он? До какой степени прогресс цивилизации затормаживался насмешливыми тупицами и пустоголовыми жалкими людишками? Иди домой, завтра тебе рано ехать.

На все праздники родители Джейка Биксби пригласили меня к Лесному озеру. Мне очень хотелось поехать, и не только ради того, чтобы скрыться от жары, но и чтобы потрепаться как следует с Джейком. Но я ответил:

— Ну вот еще, мистер Чартон. Не бросать же мне вас одного ковыряться здесь.

— На праздники многие уедут, так что я, может, вообще не буду открывать бар. Отдохни, Кип. Ты ведь изрядно устал этим летом.

Я дал себя уговорить, но все же остался до самого закрытия, да еще подмел пол. И только после этого отправился домой, серьезно задумавшись по пути.

Все. Карнавал окончен, и пора убирать игрушки в ящик. Даже деревенскому придурку и то ясно, что скафандр мне ни к чему. Не то чтобы я обращал внимание на подначки Туза, но... серьезной нужды в скафандре у меня действительно не было, а в деньгах — была. Даже если Стенфорд, Массачусетский, Карнеги и все остальные университеты откажут мне в приеме, я все равно начну учиться в этом семестре. Университет нашего штата не из лучших, это верно, но я ведь тоже не подарок и уже многое понял, например, что многое зависит от меня, а не от колледжа.

Мама уже легла спать, а папа читал. Я поздоровался и пошел в сарай, решив снять с «Оскара» всю смонтированную мной оснастку, упаковать его в ящик, надписать адрес и утром позвонить на почту, чтобы его забрали. Его увезут прежде, чем я успею вернуться с Лесного озера. Быстро и аккуратно.

Он висел на своем месте, и мне показалось, что он улыбнулся, приветствуя меня. Чушь, конечно. Я подошел поближе и похлопал его по плечу.

— Ну, старик, ты оказался настоящим другом. Рад был с тобой познакомиться. Надеюсь, еще встретимся. На Луне.

Но «Оскар» не суждено было отправиться на Луну. Нет, его увезут в Акрон, штат Огайо, на демонтаж. С него снимут детали, которые еще можно использовать, а все остальное выкинут на свалку.

У меня даже во рту пересохло.

— Ничего, дружище, все в порядке, — ответил мне «Оскар».

Вот, видели? Бедная моя голова! Ведь это не «Оскар» заговорил, это я просто слишком долго не обуздывал свое воображение. Так что я перестал его похлопывать по плечу, вытащил ящик и снял с его пояса гаечный ключ, чтобы отвинтить баллоны с дыхательной смесью. И замер на месте.

Оба баллона были заряжены, один — кислородом, другой — кислородом с гелием. Я пошел на такие расходы, чтобы хоть раз подышать настоящей дыхательной смесью космонавта.

Батареи и энергоблоки я зарядил совсем недавно.

— «Оскар», — сказал я ласково, — пойдём погуляем вместе в последний раз.

— С удовольствием! — воскликнул скафандр.

Я устроил генеральную репетицию в костюмах: полностью залил резервуар питьевой водой, загрузил аптечку, тубы с питательными пилюлями, положил запасную аптечку в гермоупаковке в наружный карман (во всяком случае, я надеялся, что упаковка герметична). На поясе закрепил полный комплект инструментов. Потом включил самодельную установку, которую сотрудники Федеральной комиссии связи разнесли бы кувалдой, пронюхай они о ее существовании: из деталей, оставшихся от моих попыток собрать для «Оскара» микроволновую рацию, я соорудил своего рода радиотестер для проверки работы рации в скафандре. К тому же, я наводил по нему антенну. Из старого проигрывателя марки «Узбкор» модели 1950 года я соорудил радиоэхо и подключил его к тестеру.

Я залез в «Оскара» и наглухо застегнулся.

— Ну как я?

— Все о'кей, Кип!

Взглянув на отражение циферблатов, я отметил показания индикатора цвета крови, потом убавил давление так, что «Оскар» обвис. При давлении, близком к давлению на уровне моря, бояться следовало не столько нехватки кислорода, сколько его избытка.

Мы совсем уже собрались выходить, когда я кое-что вспомнил.

— Секундочку, «Оскар».

Я написал записку родителям, что я уйду завтра пораньше с утра: мне нужно успеть на первый автобус в сторону озера.

Скафандр писать не мешал — теперь-то я и нитку в иголку мог бы продеть, не снимая скафандра. Записку я сунул под кухонную дверь.

Потом мы перебрались через ручей на пастбище. Я даже не споткнулся ни разу, до того привык к «Оскар».

Ступал я в нем теперь уверенно, как горный козел.

Выйдя в поле, я настроил рацию и сказал:

— «Майский жук» вызывает «Крошку». Ответьте, «Крошка».

Секунду спустя я услышал свой голос, воспроизведенный с магнитной ленты:

— «Майский жук» вызывает «Крошку». Ответьте, «Крошка».

Теперь я решил попробовать передачу со второй антенны. Шагая через пастбище, я продолжал вызывать «Крошку», воображая, что нахожусь на Венере и должен держать постоянную связь с базой, так как иду по незнакомой местности в условиях непригодной для дыхания атмосферы. Все оборудование функционировало нормально, и, будь я и вправду сейчас на Венере, мне не грозила бы никакая опасность.

С юга по небу пронеслись два огонька. Самолеты, решил я, а может быть, — вертолеты. Такие вот огни всякие психи обычно принимают за летающие тарелки и поднимают шум. Я проводил их взглядом, потом зашел за холмик, который обычно нарушал мне радиосвязь, и снова вызвал «Крошку». «Крошка» ответила, а я замолк. Постепенно надоедает разговаривать с идиотским прибором, который только и умеет повторять, как попугай, твои слова.

И вдруг я услышал:

— «Крошка» вызывает «Майского жука». Ответьте!

Сначала я решил, что меня засекли власти и что теперь посыпятся неприятности. Но потом подумал: на мою волну попал какой-нибудь радиолобитель.

— Здесь «Майский жук». Слышу вас хорошо. Кто вы?

И снова услышал эхо своих слов.

Потом резко завопил тот, новый, голос:

— Здесь «Крошка»! Дайте ваш пеленг!

Глупо, конечно, но я уже не заметил, как ответил:

— «Майский жук» — «Крошке». Переключитесь на один сантиметр по диапазону и продолжайте говорить!

Потом переключил рацию на микроволновую антенну.

— «Майский жук», слышу вас хорошо. Пеленгуйте мое место. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

— Вы примерно на сорок градусов к югу от меня. Кто вы?

«Не иначе, как один из тех огней», — промелькнула мысль, но додумать до конца я не успел, потому что космический корабль садился прямо на меня.

Г л а в а 4

Я сразу понял: «космический корабль», а не «ракета». Приземлился он без шума, только с каким-то выдохом, и никаких реактивных двигателей, выбрасывающих струи пламени, не наблюдалось. Похоже, что аппарат передвигается на одном лишь благочестии и непорочном образе жизни.

Но мне некогда было удивляться, потому что я сосредоточился на том, как бы не оказаться раздавленным. Скафандр при одном «g» — это вам не тренировочный костюм, и хорошо, что я так много упражнялся.

Корабль опустился прямо туда, где только что стоял я, заняв гораздо больше места, чем ему причиталось. Огромная черная махина.

Вслед за ним с таким же выдохом опустился второй, как только в первом открылся люк. Из люка вырвался сноп света и выскочили две фигуры, которые кубарем понеслись вниз и побежали по полю. Одна из них передвигалась, как кошка, вторая двигалась медленно и неуклюже, видно, ей мешал скафандр. Да, доложу я вам, все-таки у человека в скафандре вид еще тот.

Один из самых больших недостатков скафандра заключается в том, что у него очень ограничено поле обзора. Пытаясь не выпустить бегущих из виду, я не заметил, как открылась дверь во втором корабле. Первая фигурка остановилась, поджидая своего одетого в скафандр спутника, и вдруг упала, жалобно вскрикнув.

Крик боли узнать всегда легко. Я быстро подбежал к ней, склонился и попытался посмотреть, что случилось, наклонившись так, чтобы луч моего прожектора ударял в землю.

Пучеглазое чудовище...

Несправедливо, конечно, но это первое, что пришло на ум. Я глазам своим не верил и охотно ущипнул бы себя, но когда на вас скафандр, это не помогает.

Непредубежденный ум, а мой таковым не был, мог бы отметить, что чудовище выглядело весьма симпатичным. Маленькое, с полменя, грациозных очертаний, не как молоденькая девушка, а скорее как леопард, хотя и не похоже ни на то, ни на другое. Я даже не мог сообразить, какой формы это существо — ни с чем не сравнимо.

Но я догадался, что ему больно. Его трясло, как перепуганного кролика. Огромные, открытые, но мутноватые и безразличные глаза, по-птичьи затянутые мигательной перепонкой...

Что-то сильно ударило меня в спину, прямо между баллонами.

Проснулся я на голом полу, надо мной нависал низкий потолок. За несколько минут я вспомнил все, что произошло, и ничего не понял — больно уж все глупо. Я вышел прогуляться в «Оскаре», потом приземлился космический корабль, потом пучеглазое...

Я рывком сел, меня осенило, что «Оскара» на мне больше нет.

— Эй ты, привет, — сказал радостный, бодрый голосок.

Я обернулся. На полу, опершись о стену, сидел малец лет десяти. Нет, тут я поправил себя. Мальчишка вряд ли зажмет в кулаке тряпичную куклу. А вообще, в этом возрасте мальчиков от девочек трудно отличить, тем более когда ребенок одет в рубашку, шорты, грязные теннисные туфли и коротко пострижен.

— Здорово, — ответил я, — что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь выжить. А ты?

— То есть?

— Пытаюсь выжить, говорю. Вдыхаю и выдыхаю. Силы берегу. Все равно сейчас ничего другого не придумаешь, они же нас заперли.

Я огляделся. Комната футов десять в поперечнике, с четырьмя стенами, но клинообразной формы и совсем пустая, если не считать нас. Двери не видно.

— А кто запер-то?

— Космические пираты. И Он.

— Космические пираты? Не шути!

Она пожала плечами.

— Это я их так называю. Но если хочешь выжить, не держи их за дураков. Ты — «Майский жук»? Это ты вызывал меня по радио? Я — «Крошка».

«Спокойно, Кип, старик, спокойно, дружище, — уговаривал я себя. — Медленно топай в ближайшую психушку и сдавайся. Если радиоэхо, которое ты смастерил своими руками, вдруг превращается в тощую десятилетнюю девчонку с тряпичной куклой в руках, то, значит, у тебя заехали шарики за ролики. Так, стало быть, суждены тебе транквилизаторы, мокрые смиренные рубашки и полный покой — у тебя полетели все предохранители».

— Ты «Крошка»?

— Это мое прозвище, но я к нему отношусь спокойно. Видишь ли, я слышала, как ты вызываешь «Крошку», и решила, что папа узнал, в какую я влипла историю и поднял тревогу, чтобы мне помочь. Но если ты не «Майский жук», то ты этого не знаешь. Кто ты?

— Ну да, «Майский жук» — это мои позывные. А зовут меня Клиффорд Рассел, по прозвищу — Кип.

— Здравствуй, Кип, — сказала она вежливо.

— И тебе здорово, Крошка. Кстати, мальчик ты или девочка?

Крошку даже передернуло от возмущения.

— Ты еще пожалеешь о своих словах! Я вполне даю себе отчет в том, что для своих лет не вышла ростом, но мне уже одиннадцать, идет двенадцатый. И нечего грубить. Лет через пять я стану такой красивой, что ты будешь меня умолять потанцевать с тобой.

В настоящий момент я, пожалуй, предпочел бы пригласить на танец кухонную табуретку, но голова у меня была занята совсем другим, и я не хотел ввязываться в бесплодный спор.

— Извини, Крошка. Я просто еще не пришел в себя. Так, значит, ты была в том, первом корабле?

Она опять вспыхнула:

— Была! Я его пилотировала!

Успокоительное каждый вечер и продолжительный курс психоанализа. В мои-то годы!

— Пилотировала?! Ты?!

— А то кто же, по-твоему? Мэмми? Их пульт управления ей не подходит. Она просто свернулась клубочком подле меня и подавала команды. Но если тебе все это кажется легким делом, когда мне раньше не доводилось летать ни на чем, кроме «Чессны»*, сидя рядом с папой и не имея никакого опыта посадок, подумай еще раз. Но

* «Чессна» — маленький легкий самолет.

я отлично справилась, тем более что пеленг ты давал не очень-то толково! А что они сделали с Мэмми?

— С кем, с кем?

— А ты и не знаешь? О Бог ты мой!

— погоди-ка, Крошка. Давай настроимся на одну волну. Я — действительно «Майский жук», и я давал тебе пеленг, но если ты думаешь, что услышать мой голос из ниоткуда, требующий инструкции для вынужденной посадки, такое уж обыкновенное дело, то тебе тоже следует подумать еще раз. Вдруг на моих глазах приземляется корабль, а за ним еще один, потом в первом открывается люк и из него выпрыгивает человек в скафандре.

— Это я.

— ...и вслед за ним кто-то еще...

— А это Мэмми.

— Но ей не удалось уйти далеко. Она вскрикнула и упала. Я побежал посмотреть, что случилось, и в этот момент меня что-то ударило. А потом я очнулся и услышал, как ты со мной поздоровалась.

Интересно, стоит ли говорить ей, что все остальное, в том числе и она, не что иное, как бред, вызванный изрядной дозой морфия, поскольку, по всей вероятности, я в больнице с переломанной спиной.

Крошка задумчиво кивнула.

— Тебе, наверное, вкатили малую дозу, а то тебя сейчас вообще не было бы. Что ж, раз они поймали нас с тобой, то Он, наверное, поймал и ее. Надеюсь, они ее не ранили!

— Но вид у нее был такой, что она умирает.

— «Как будто» она умирает, — поправила меня Крошка. — Сослагательное наклонение. Но я не думаю, что ты прав, убить ее не так-то легко, да они и не посмели бы, только в крайнем случае, чтобы не дать ей сбежать. Она нужна им живой.

— Почему? И почему ты зовешь ее «Мэмми»?

— Не все сразу, Кип. Я зову ее Мэмми, потому что... ну, потому что Мэмми и есть. Сам поймешь, когда ее увидишь. Убивать же ее им нет смысла, потому что живая она им нужнее, чем мертвая. По той же самой причине они не убили и меня. Хотя она, разумеется, куда как им нужнее, чем я, — меня они спишут, не моргнув глазом, если я начну создавать для них проблемы, и тебя тоже. Но коль скоро она была жива, когда ты ее видел, то можно допустить, что она снова попала в плен, весьма

вероятно, что ее держат по соседству с нами. От одной мысли об этом у меня сразу поднялось настроение.

О себе я этого сказать не мог.

— Слушай, а где мы находимся, собственно говоря?

Крошка глянула на свои часики с Микки-Маусом на циферблате, нахмурила лоб и сказала:

— По-моему, на полпути к Луне.

— Что?!

— Точно я, конечно, не знаю. Но кажется естественным, что они решили вернуться на свою ближайшую базу, откуда мы с Мэмми и пытались бежать.

— Ты хочешь сказать, что мы в корабле?

— Либо в том, который угнала я, либо во втором, где же, по-твоему, еще?

— В психушке.

Она уставилась на меня во все глаза, потом усмехнулась.

— Ну, что ты, Кип! Ты ведь не утратил еще ощущения реальности.

— А кто его знает! Космические пираты, Мэмми какая-то!

Она нахмурилась и прикусила большой палец.

— Да, пожалуй, такие события могут сбить с толку. Но верь своим глазам и ушам. Я-то чувства реальности никогда не теряю, смею тебя уверить. Я, видишь ли, гений.

Слова ее звучали не похвальбой, а просто спокойной констатацией факта и не вызвали у меня даже тени сомнения. Хоть и услышал я их от тощей девчонки, играющей с тряпичной куклой.

Но вряд ли ее гениальность сможет нам сейчас помочь.

— М-да, космические пираты... — продолжала Крошка. — Не в названии, конечно, дело, но действуют они в космосе по-пиратски, так что суди сам. Что же касается Мэмми... то подожди, пока ее увидишь.

— А она-то как сюда затесалась?

— Сложная история. Пусть лучше она сама тебе расскажет. Вообще-то она полицейский, который их преследовал, и...

— Полицейский?

— Боюсь, что здесь сказывается очередное семантическое несоответствие. Мэмми понимает, какой смысл мы вкладываем в слово «полицейский», и, сдается мне, считает данную концепцию неразумной. Но как же ина-

че называть личность, занимающуюся розыском и преследованием преступников, если не «полицейским»?

— Похоже, что больше никак.

— Вот и я про то же. — Она снова взглянула на часы. — Но сейчас нам пора за что-нибудь зацепиться, потому что через несколько минут мы будем на полпути к Луне, а все эти перевороты через голову ощущаются даже в креслах с ремнями.

— За что же здесь зацепиться?

— Особенно не за что, конечно. Но если мы сядем в самой узкой части комнаты и упремся друг в друга, то сумеем удержаться на месте.

Так мы и сделали.

— Крошка, а откуда ты знаешь, когда они начнут разворачиваться?

— Сознания я не теряла, они просто схватили меня и затащили внутрь, поэтому время старта мне известно. Принимая за место назначения Луну, что самое вероятное, и исходя из того, что весь перелет происходит при одном «g», поскольку я не чувствую никаких изменений в своем весе... А ты чувствуешь?

— Вроде нет.

— Вот видишь, а то мое чувство веса может быть нарушено долгим пребыванием на Луне. Итак, если эти предположения верны, продолжительность полета составляет три с половиной часа, а расчетным временем прибытия следует считать 9.30, так что разворот придется на 7.45, то есть на сейчас.

— Что, разве уже так поздно? — Я посмотрел на часы. — На моих только без четверти два.

— Твои часы показывают время твоего пояса. Мои показывают принятое на Луне гринвичское время. Держись! Начинается!

Пол накренился, изогнулся и ушел из-под меня. Голова пошла кругом, внутренности делали сальто-мортале. Потом все успокоилось, и головокружение прошло.

— Ты как, в порядке? — спросила Крошка.

Напрягшись, я уставился в одну точку.

— Вроде да.

— Их пилот разворачивается быстрее, чем я. Теперь уж совсем все ясно. Мы летим на Луну. Будем там через час сорок пять.

Я все еще до конца не верил.

— Слушай, Крошка. Что же это за корабль, если он способен гнать всю дорогу до Луны при одном «g»? Сек-

ретный, что ли? Да и ты-то как очутилась на Луне? И зачем тебе понадобилось красть корабль?

Вздыхнув, она заговорила с куклой:

— Любопытный он мальчик, мадам Помпадур. Как же я могу отвечать на три вопроса сразу? Это — летающая тарелка, и...

— Летающая тарелка! Дальше можешь не продолжать!

— Перебивать невежливо. Можешь назвать ее как тебе заблагорассудится, официально установленного термина все равно не существует. По очертаниям на самом деле она больше походит на ржаной хлеб, такой приплюснутый у полюсов сфероид, то есть форма, определяемая...

— Я знаю, что такое приплюснутый сфероид, — отрезал я.

Я устал и изрядно расстроился, на что имелось достаточно причин: и сломанный кондиционер, испортивший мне хорошие брюки, и удар, полученный в спину, когда я из благородных побуждений, по-рыцарски бросился вперед. А что касается гениальных девчонок, то я начинал приходить к выводу, что свою гениальность им бы лучше держать при себе.

— Нечего рычать, — сказала она укоризненно. — Я знаю, что за летающие тарелки принимали все что угодно, от метеозондов до уличных фонарей. Но исходя из принципа скальпеля Оккама, я пришла к твердому убеждению, что...

— Чьего скальпеля?

— Оккама. Принцип ограничения количества возможных гипотез. Ты что, с логикой не знаком?

— Да не очень-то.

— Ну видишь ли, я пришла к заключению, что в каждом пятисотом случае наблюдения «летающей тарелки» речь шла об одном из кораблей, похожем на тот, на борту которого мы сейчас находимся. Все сходится. Что же до причин моего пребывания на Луне... — Она сделала паузу и усмехнулась. — Видишь ли, я порядочная язва.

Оспаривать это заявление я не стал.

— Давно-давно, когда папа был еще мальчишкой, Хейденский планетарий стал записывать желающих лететь на Луну. Очередной рекламный трюк вроде недавнего дурацкого конкурса на лучшую рекламу мыла, но папа взял и записался. И вот, годы спустя, действитель-

но начались туристские поездки на Луну, и, естественно, планетарий передал этот список фирме «Америкен экспресс» и известил всех, кого мог по этому списку найти, что им продадут путевки вне очереди.

— Стало быть, отец взял тебя с собой на Луну?

— Господь с тобой, конечно нет! Папа записался еще мальчишкой. А сейчас он чуть ли не самая большая шишка в Институте новейших исследований и времени на подобные развлечения у него нет. А мама не полетела бы ни за какие коврижки. Вот я и решила, что лечу. Папа сказал: «Нет», а мама сказала: «Господи, ни в коем случае»... Но я полетела. Я, знаешь, могу стать ужасно упрямой, если захочу, — гордо заявила Крошка. — Папочка говорит, что я — маленькая стервочка.

— И что же, по-твоему, он прав?

— А то нет! Папа-то меня понимает, это мама только всплескивает руками и жалуется, что не может со мной справиться. Две недели я всех допекала по первому разряду и вообще была невыносимой, пока папа не взмолился: «Да дайте ей лететь, ради всего святого, может, нам хоть страховка от нее достанется!» Вот я и отправилась.

— И все-таки неясно, как ты очутилась здесь.

— Я, видишь ли, сую нос, куда нельзя, делаю именно то, что нам делать не разрешают. Я всегда стараюсь ударить в сторону от дороги, это очень развивает. Вот они меня и схватили. Им, конечно, отец нужен, а не я, но они надеются его на меня выменять. Допустить этого я не могу, вот и смылась.

— Убийца — дворецкий, — пробормотал я.

— То есть?

— Дыр в твоём рассказе, как в последней главе детектива.

— Ну, ты уж мне поверь, дело-то... О черт, опять начинается!

Вдруг освещение из белого стало голубым. Ламп не было, но светился весь потолок. Я попытался подняться на ноги и... не смог. Чувствовал я себя таким измотанным, как будто только что закончил кросс по пересеченной местности. Сил хватало только дышать. Я обмяк, словно превратился в мокрую тряпку.

Крошка с усилием пыталась что-то сказать мне:

— Когда... они за нами... придут... ты не... сопротивляйся... самое главное...

Голубой свет снова сменился белым, узкая стена поехала в сторону.

На лице Крошки появилось испуганное выражение, но она продолжала с трудом:

— Самое главное... не зли... Его.

Вошли двое, отпихнули Крошку, связали ремнями мои запястья и щиколотки, еще одним ремнем прихватили мои руки к телу. Я начал приходить в себя, но медленно; сил не хватило бы и марку лизнуть. Я жаждал драться, но шансов на это у меня было не больше, чем у бабочки смахнуть со стойки бара колокольчик.

Они понесли меня. Я запротестовал:

— Слушайте, вы, куда вы меня тащите? Какого черта, вы в своем уме? Да я вас засажу... я...

— Заткнись, — ответил один из них. Тощий такой, коротышка, лет пятидесяти, а то и больше, которому, видно, ни разу в жизни не доводилось улыбнуться. Вторым был потолще и помоложе, с капризным детским ртом и с ямочкой на подбородке. Он, похоже, не прочь был посмеяться, когда не нервничал. Но сейчас он выглядел весьма издерганным.

— Попадем мы из-за него в беду, Тим, ей-богу, попадем. За борт его надо, обоим за борт надо, а Ему потом скажем, что несчастный случай. Скажем, что вылезли и пытались удрать через люк. Он же все рав...

— Заткнись, — ответил Тим тем же тоном и добавил: — Хочешь Его и впрямь разозлить? Вакуума понюхать хочешь?

— Но...

— Заткнись.

Изогнутым коридором они затащили меня в какое-то помещение и швырнули на пол.

Лежал я лицом кверху, но не сразу сообразил, что нахожусь в рубке. Уж больно она не была похожа на творение рук человеческих, потому что им и не была. А потом я увидел Его.

Крошка могла бы меня и не предупреждать, кто ж такого злить захочет?!

Тощий подонок был свиреп и опасен, толстячок — подл и смертоносен, но по сравнению с Ним они просто ангелы. Вернись ко мне силы, я, не задумываясь, полез бы в драку с теми двумя, я ни одного человека не испугаюсь, если только уж силы не будут слишком неравны. Но с Ним...

И не в том дело, что Он не человек. Слоны ведь тоже не люди, а все равно симпатичные. Он-то больше на человека был похож, чем слон, но легче от этого не становилось: у него были ноги, руки, голова. Ростом Он не превышал пяти футов, но все равно казался выше нас, как человек кажется выше лошади. Туловище этой же длины, что и у меня, а приземистым его делали похожие на тумбы короткие и толстые ноги.

Когда Он стоял на месте, наружу выдвигалась то ли третья нога, то ли хвост, на которую Он опирался, превращаясь в подобие треножника. Ему не приходилось садиться, чтобы отдохнуть, да Он и вряд ли сумел бы.

Но короткие ноги не замедляли его движений. Двигался Он быстро, как атакующая змея. Нервная система у Него что ли лучше, чем у нас, или мускулы? Или просто живет на планете с повышенной гравитацией?

Руки его походили на змеи: суставов гораздо больше, чем у нас, причем рук — две пары. Одна пара там, где у людей талия, вторая росла прямо из-под головы. Плечи отсутствовали. Пальцы или щупальца, я сосчитать никак не мог, находились в постоянном движении. Одежды на Нем не было никакой, кроме поясов над и под нижней парой рук, на поясе он носил то, что у них сходило за ключи и деньги. Его пурпурно-коричневого оттенка кожа казалась смазанной маслом.

Откуда бы Он ни взялся, соплеменником Мэмми Он явно не был.

От Него исходил слабый, сладковатый запах мускуса. По правде сказать, в жаркую погоду от людей пахнет куда хуже, но случись мне почуять этот запах опять, у меня как пить дать поползут мурашки по коже и испуг свяжет мне язык.

Разумеется, все эти подробности я усвоил не сразу, потому что сначала я не видел ничего, кроме его лица. Кроме как «лицо» и слова-то другого не подберешь. Я пока что не описывал его, потому что от одного воспоминания поджилки трясутся. Но попробую, потому что, если вам доведется Его повстречать, вы должны стрелять сразу, пока у вас еще ноги не подкосились.

Носа нет. Дышит он кислородом, но как вдыхает и выдыхает, трудно сказать. Может быть, частично через рот, поскольку умеет разговаривать. Рот у него ужасный. Вместо челюстей и подбородка — неровная треугольная дыра, украшенная рядами мелких зубов, языка не видно, вместо него рот обрамляли реснички, длиной

с дождевых червей, они и шевелились беспрерывно, как черви.

Но даже этот рот не шел ни в какое сравнение с глазами, огромными и выпуклыми, прикрытыми роговой оболочкой. Они ощупывали пространство, как радары, непрерывно двигаясь вверх и вниз и из стороны в сторону. Он как будто и не смотрел прямо на меня, но от глаз его некуда было деться.

Когда я обернулся, я увидел сзади третий глаз. Похоже, что он постоянно ощупывал глазами все окружающее его пространство.

Какому же мозгу подсилу воспринимать окружающую среду со всех сторон? Сомневаюсь, что с этим справился бы мозг человеческий, будь у него даже дополнительный канал получения информации. Судя по размерам Его головы, мозга там не так уж много, но кто его знает, может, у него мозг в туловище? Ведь если разобраться, у нас, у людей, мозг расположен не в самом удачном месте тела — больно уж открыт для удара, возможны ведь и лучшие варианты.

Но мозги у него были, это точно. Он наколот меня, как букашку, и вытряс из меня все, что хотел. Ему даже не пришлось меня обрабатывать. Он просто долго-долго задавал вопросы, а я отвечал; так долго, что часы казались мне днями. Говорил Он по-английски плохо, но вполне вразумительно. Речь Его звучала ровно, без всякого выражения. Он спрашивал, кто я и что я, как я очутился на том пастбище и почему был в скафандре. Я никак не мог понять, как Он реагирует на мои ответы. Я с трудом сумел объяснить, в чем заключалась моя работа в аптеке. Растолковать, что такое рекламный конкурс я сумел, но зачем их проводят, Он так и не уяснил. Но зато я понял, что ответы на многие его вопросы мне вообще неизвестны. В частности, я не знаю точную цифру населения Земли и не знаю, сколько тонн протеина мы производим ежегодно.

Наконец Он приказал своим подручным:

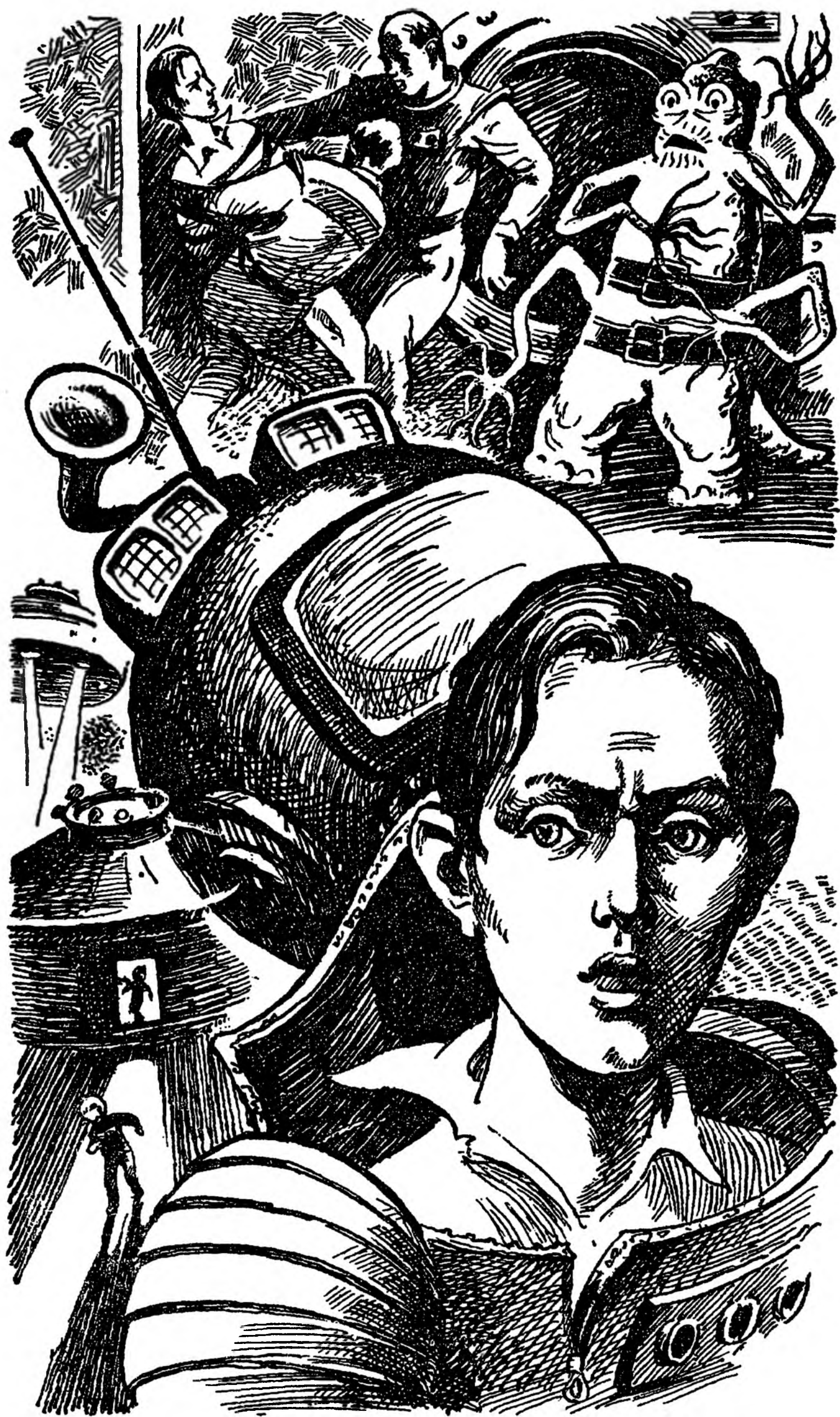
— Уберите это.

Толстяк сглотнул слюну и спросил:

— За борт?

Он вел себя так, как будто решить, убить меня или нет, было все равно, что решить, понадобится ему кусок веревки в будущем или можно его выбросить.

— Нет. Глуп и необучен, но может пригодиться. Бросьте его обратно в карцер.

— Есть, босс.

Они выволокли меня за дверь. В коридоре Толстяк сказал:

— Давай ему ноги распутаем, пусть сам идет.

— Заткнись, — ответил Тощий.

Крошка была на месте, когда мы вернулись, но даже не шелохнулась; ее, видно, угостили еще одной дозой голубого света. Перешагнув через нее, они бросили меня на пол. Толстый рубанул меня ребром ладони по шее, чтобы я отключился. Когда я очнулся, их уже не было. Я, развязанный, сидел возле Крошки.

— Что, досталось? — спросила она взволнованно.

— Угу, — согласился я, и меня всего передернуло. — Чувствую себя девяностолетним стариком.

— Всегда легче, если не смотришь на Него, особенно если не видишь глаз. Отдохни немного, тебе станет лучше. — Она посмотрела на часы. — До посадки всего сорок пять минут. Вряд ли нас побеспокоят еще раз.

— Как?! — Я даже подпрыгнул. — Я там был всего час?

— Даже меньше. Но кажется, всю жизнь. Я знаю.

— Чувствую себя как выжатый лимон. — Я нахмурился, припомнив кое-что. — Слушай, Крошка, я ведь не очень-то испугался, когда они за мной пришли. Я был намерен требовать объяснений и немедленного освобождения. Но Ему я вообще ни одного вопроса не задал.

— И не задашь. Я пробовала. Вся сила воли уходит как в песок, и чувствуешь себя кроликом перед удавом.

— Да, ты права.

— Ты понимаешь теперь, Кип, почему я обязана была воспользоваться малейшим шансом, чтобы удрать? Ты мне не верил, веришь ли ты мне сейчас?

— И еще как.

— Спасибо. Я всегда говорю, что мне плевать на чужое мнение, но на самом деле это не так. Мне обязательно нужно вернуться к отцу и все рассказать ему, потому что он один-единственный человек на свете, кто просто поверит моим словам, каким бы бредом они ни казались.

— Понятно. Но как ты очутилась в Сентервилле?

— В Сентервилле?

— Там, где я живу. Где «Майский жук» вызывал «Крошку».

— Я туда не собиралась. Я рассчитывала приземлиться в штате Нью-Джерси, желательно — Принстоне, чтобы быстро найти отца.

— Здорово же ты промахнулась.

— Думаешь, у тебя бы лучше вышло? Я бы справилась, да вот руки у меня тряслись. Управлять этими кораблями нетрудно: возьми курс и лети, не так, как с ракетой. К тому же, мной руководила Мэмми. Но пришлось тормознуть при входе в атмосферу, чтобы скомпенсировать вращение Земли, а как это делается, я толком не знала. Я залетела далеко на Запад, они уже гнались за мной по пятам, что делать, я просто не знала, и вдруг услышала твой голос на волне космического диапазона и решила, что все уже в порядке... и очутилась здесь. — Она развела руками. — Извини, Кип.

— Что ж, ты его посадила, по крайней мере. Как говорят пилоты, каждая посадка, с места которой можно уйти собственными ногами, считается удачной.

— Но мне жаль, что я втянула тебя в историю.

— Это пусть тебя не волнует. Похоже, что кто-то все равно должен был впутаться. Слушай, Крошка... А что у Него на уме?

— У них.

— У них? Да ведь те двое ничего не значат. Они у Него просто на побегушках.

— Я не Тима и Джока имею в виду, они хоть плохие, да люди. Я о Нем и о других его соплеменниках.

Да, я был явно не в лучшей форме, меня три раза заставляли терять сознание, я не выспался, и вообще никогда в жизни не доводилось мне сталкиваться ни с чем подобным. Ведь все это время, пока она не упомянула, что у него могут быть соплеменники, мне подобная мысль даже в голову не приходила: и одного такого казалось больше чем достаточно.

Но коль скоро был один, то, значит, могли быть и тысячи, миллионы, а то и миллиарды ему подобных. Я почувствовал, как у меня трясутся поджилки.

— Ты их видела?

— Нет, я видела только Его. Но мне говорила Мэмми.

— Так. Но чего же все-таки они хотят?

— Еще не догадался? Наверное, готовят вторжение. Мне показалось, что воротник рубашки впился в горло, хотя на самом деле он был расстегнут.

— Каким образом?

— Точно не знаю.

— Они что, хотят всех нас перебить и захватить Землю?

— Может, — она замаялась, — кое-что и похуже.

— Превратить нас в рабов?

— Видишь ли, Кип... сдается мне, что они едят мясо. Я проглотил комок в горле:

— Веселенькие мысли у маленькой девочки.

— По-твоему, они мне по душе? Поэтому-то я и хотела сообщить отцу.

И сказать-то больше нечего. Сбываются старые-старые страхи, издавна терзающие человечество. Отец рассказывал, что, когда он был мальчишкой, по радио транслировалась фантастическая передача о вторжении с Марса — полнейшая выдумка, но перепугала всех до чертиков. Однако в наше время люди не очень верят в подобные истории: с тех пор, как мы высадились на Луне и облетели Марс и Венеру, существует общее мнение, что космос — безжизненная пустыня. И вот, пожалуйста...

— Крошка, они с Марса? Или с Венеры?

Крошка покачала головой:

— Нет, они издалека. Мэмми пыталась объяснить, но мы с ней обе запутались.

— Но по крайней мере, они из Солнечной системы?

— Вот здесь-то я и запуталась. И да, и нет.

— Как же это может быть?

— Ты у нее спроси.

— Хорошо бы, — вырвалось у меня. — Плевать мне, откуда они. Мы их все равно перестреляем, если не будем при этом на них смотреть.

— Дай Бог!

— Все сходится. Ты, значит, говоришь, их корабли — что летающие тарелки, настоящие, конечно, не метеозонды... Да, они нас давно уже изучают. А это значит... это значит, что не очень-то уж они в себе и уверены, хоть и страшны так, что от одного их вида молоко скиснет. А то бы они давно загнали нас в угол, как охотники дичь. Но коль они этого не сделали, мы, значит, можем с ними справиться, если, конечно, правильно возьмемся за дело.

Она энергично кивнула:

— Я тоже так думаю. Я надеялась, что папа найдет верный путь. Но, — нахмурилась она, — мы мало что о них знаем, а папа всегда учил меня не быть самонадеянной, особенно если не хватает данных.

— Все равно я уверен, что мы правы. Слушай, а кто твой отец? И как тебя зовут по-настоящему?

— Мой отец профессор Рейсфелд. А меня зовут Патриция Уайнант Рейсфелд. Ничего себе имечко, да? Зови уж лучше меня Крошкой.

— Профессор Рейсфелд... А что он преподает?

— Как, ты не знаешь? Совсем ничего не знаешь? Он же нобелевский лауреат!

— Ты уж извини, Крошка, я ведь из провинции.

— Оно и видно. Мой папа ничего не преподает. Он думает. И умеет это делать лучше всех... кроме, возможно, меня. Он — обобщает. Ведь все специализируются по узким направлениям, а он сводит отдельные части в единое целое.

Оно, может, и так, но слышать я о нем не слышал. Звучит, что и говорить, здорово. Только башка нужна экстраординарная. Я ведь давно уже понял, что новую информацию успевают печатать быстрее, чем мы изучаем старую.

Трехголовый он, что ли, этот профессор?

— Подожди, вот познакомишься с ним, — добавила она, глядя на часы. — Слушай, Кип, пора нам снова упереться как следует. Через несколько минут посадка, а Ему до своих пассажиров дела нет.

Итак, мы снова забились на старое место и уперлись друг в друга. Немного погодя корабль тряхнуло и пол накренился. Слабый толчок, все успокоилось, а я вдруг почувствовал себя необыкновенно легким. Крошка поднялась на ноги:

— Вот мы и на Луне.

Г л а в а 5

Мальчишкой я частенько играл с ребятами в первую высадку на Луне. Потом, когда пора романтики прошла, я начал обдумывать практические способы добраться до Луны. Но мне и в голову никогда не приходило, что когда-то я попаду сюда, запертый в карцер, как мышь в ящик, откуда ничего видно не будет.

Единственным доказательством того, что я и вправду на Луне, был мой вес. Высокую силу тяжести можно имитировать где угодно при помощи центрифуги. Другое дело — низкая сила тяжести. В земных условиях можно добиться ослабления силы тяжести всего лишь на несколько секунд — во время затяжного прыжка с па-

рашютом или когда самолет проваливается в воздушную яму.

А если ослабленные силы тяжести чувствуются постоянно, вывод один — вы не на Земле. Следовательно, на Луне.

На Луне я должен весить немногим более двадцати пяти фунтов. Я себя и чувствовал примерно таким, вполне способным пройти по газону, не примяв травы.

Я пришел в такой восторг, что забыл и Его, и трудное положение, в котором мы очутились, носился кубарем по всей комнате, наслаждаясь волшебством полета, отскакивая от стенок и изрядно стучаясь при этом головой о потолок, а потом медленно, медленно, медленно опускаясь на пол. Крошка, присев на корточки, пожала плечами и улыбнулась снисходительной улыбкой, чуть-чуть скривив рот. «Старый Лунный волк» со стажем, большим, чем у меня, на целых две недели.

У слабой силы тяжести есть свои отрицательные стороны: между ногами и поверхностью нет никакой силы сцепления, и ноги постоянно из-под вас «уходят». Мышцами и рефлексам приходилось усваивать то, что я давно уже усвоил разумом: уменьшение веса отнюдь не связано с уменьшением массы и силы инерции. Чтобы изменить направление даже при ходьбе, надо наклониться всем телом в нужную сторону, но и при этом, если вы босиком и нет сцепления, ноги «вылетят» из-под вас сами.

Падение при одной шестой силы тяжести боли не причиняет, но Крошка хихикнула. Я сел и сказал:

— Смейся, смейся, гений. Тебе-то удобно в теннисных туфлях.

— Извини, пожалуйста. Но ты так смешно сучил ногами и хватался за воздух — прямо как в ускоренной киносъемке.

— Не сомневаюсь, что это смешно.

— Я уже извинилась. Слушай, хочешь надеть мои туфли?

Взглянув на нее, а потом на свои ноги, я только усмехнулся.

— Вот спасибо!

— Ну, можешь задники отрезать или еще что придумать. Меня это не огорчит. Меня вообще ничто и никогда не смущает. Кстати, где твои туфли?

— Где-то в четверти миллиона миль отсюда, если, конечно, мы не сошли на другой остановке.

— Вот как. Что ж, здесь они тебе вряд ли понадобятся.

— Угу. Крошка, что делать будем?

— С кем?

— С Ним.

— Ничего. А что мы можем?

— Так что же будем делать?

— Спать.

— Чего?

— Спать. Все равно мы сейчас абсолютно беспомощны. Наша основная задача теперь — выжить, а главный закон выживания — никогда не мечтать о невозможном и сосредоточиться на достижении возможного. Я голодна, хочу пить и очень-очень устала... И сон — единственное, что мне доступно. И если ты заткнешься, я усну.

— Я вполне понял намек. Нечего ворчать.

— Извини. Когда я устаю, я становлюсь ужасно грубой, а папа всегда говорит, что я особенно невыносима перед завтраком.

Она свернулась в клубочек и сунула свою затасканную тряпичную куклу под голову:

— Спок ночи, Кип.

— Спокойной ночи, Крошка.

Тут мне пришла одна мысль, я открыл было рот, чтобы заговорить, но увидел, что она уже спит. Дышала она ровно, лицо ее разгладилось, она больше не выглядела уверенной в себе, постоянно настороженной всезнайкой. По-детски пухлые губы делали ее похожей на неумытого херувимчика. По грязи на лице пролегали полосы — явные следы слез, но я ни разу не видел ее плачущей.

— Кип, — сказал я себе, — вечно ты влипаешь в истории. Это ведь куда сложнее, чем подобрать брошенного котенка.

Но я должен заботиться о ней или погибнуть, пытаюсь это сделать.

Что же, может, так оно и будет. Может, и погибну. Я и о себе самом-то толком никогда позаботиться не мог.

Я зевнул. Потом зевнул еще раз. Похоже, что эта малышка сообразительней меня, в жизни я так не уставал, раньше мне никогда не было так голодно и плохо. Я решил было начать барабанить кулаками по дверной панели, чтобы заставить прийти сюда либо толстяка, либо тощего, но потом подумал, что разбужу Крошку и уж точно обозлю Его.

Так что я растянулся на спине, как дома на ковре в гостиной, и обнаружил, что одна шестая сила тяжести — матрац куда лучший, чем любой поролон; даже капризной принцессе из сказки Андерсена не на что было бы пожаловаться. Я мгновенно уснул.

Снилось мне черт-те что: космическая опера и только. Драконы, Арктурианские принцессы, рыцари в сверкающей космической броне — прямо как по телевизору. Вот только диктор пришелся мне не по душе, с голосом Туза Квиггла и лицом Его. Он высунулся из экрана, червяки, вылезавшие изо рта вместо языка, угрожающе шевелились.

— Победит ли Беовульф дракона? Вернется ли Тристан к Изольде? Найдет ли Крошка свою куклу? Включайте нашу программу завтра в то же время, а пока что просыпайтесь и бегите в ближайшую аптеку за жидкостью для чистки лат фирмы «Скайвей» — лучшей жидкостью для самых смелых рыцарей без страха и упрека. Просыпайтесь! — Он протянул с экрана трясущуюся руку и схватил меня за плечо.

Я проснулся.

— Кип, проснись, пожалуйста, — трясла меня за плечо Крошка.

— Отстань!

— Тебя мучают кошмары!

— Принцесса попала в заварушку. А теперь я не узнаю, как она оттуда выберется. Зачем ты меня разбудила? Сама же говорила, что надо спать.

— Ты уже несколько часов проспал, а сейчас, пожалуйста, настало время...

— Завтракать?

Она пропустила шпильку мимо ушей.

— Попытаться удрать.

Я резко сел, из-за этого подпрыгнул, отлетел от пола и медленно опустился обратно.

— Это как?

— Толком сама не знаю. Но, по-моему, они ушли. Если так, то лучшей возможности не представится.

— С чего ты взяла, что они ушли?

— Прислушайся как следует.

Я прислушался так, что услышал собственное сердцебиение, потом сердцебиение Крошки.

Такой тишины мне не доводилось слышать ни в одной пещере.

Достав складной нож, я зажал его в зубах и приложил лезвие к стене. Ничего. Потом к полу и к другой стене. Опять ничего. Никаких толчков, шума, вибраций.

— Ты права, Крошка. Но ведь мы заперты.

— Я в этом не уверена.

Я ткнул в стену ножом. Пластик не пластик, металл не металл. Но ножу этот материал не поддавался. Может, граф Монте-Кристо и провертел бы дырку, но у него времени было больше.

— Так как же?

— Каждый раз, когда они раздвигали и задвигали входную панель, я слышала щелчок. Поэтому, когда увели тебя, я прилепила кусок жвачки к косяку, в который панель упирается в закрытом положении. Прилепила высоко, чтобы они не заметили.

— У тебя есть жвачка?

— Есть. Помогает, когда жажда совсем замучает.

— Еще кусочек есть? — спросил я жадно, в жизни так пить не хотелось.

— Ой, Кип, бедняжка! Больше ничего не осталось. А этот изжеванный комочек я носила на внутренней стороне поясной пряжки и сосала, когда становилось совсем невмоготу. Могу предложить его.

— Крошка, спасибо, конечно, но, пожалуй, не стоит. Вид у нее был оскорбленный.

— Смею заверить вас, мистер Рассел, что я не страдаю инфекционными заболеваниями. Я всего лишь пыталась вам помочь.

— Ну да, ну да, — пробормотал я в ответ, — понимаю. Просто...

— В столь чрезвычайных обстоятельствах можно считать, что это было бы не более антигигиенично, чем целоваться с девушкой, хотя вряд ли вам когда-нибудь доводилось этим заниматься.

— В последнее время не доводилось, — уклончиво ответил я. — Но чего я действительно хочу, так это глоток чистой холодной воды. Или мутной теплой воды. Любой воды. К тому же, ты все равно уже прилепила жвачку к двери. На что ты рассчитываешь?

— Так вот, щелчок. Папочка всегда говорит, что, когда перед человеком встает дилемма, следует изменить один из поддающихся изменениям факторов и вновь рассмотреть проблему. Жвачкой я попыталась внести изменение в картину.

— То есть?

— Когда они зашвырнули тебя обратно и закрыли дверь, щелчка не было.

— Что?! Так ты еще несколько часов назад знала, что дверь не заперта, и молчала?

— Вот именно.

— Отшлепать тебя мало!

— Не советовала бы, — ответила она ледяным голосом. — Я кусаюсь.

Я ей поверил сразу. И царапается небось. И Бог знает что еще. Я сменил тему.

— Но почему же ты мне ничего не сказала?

— Боялась, что ты попробуешь выбраться отсюда.

— Само собой, попытался бы!

— Вот то-то и оно-то. Но я ни в коем случае не хотела даже пытаться открыть дверь, пока не уйдет Он.

Пожалуй, она права. Во всяком случае, по сравнению со мной уж точно.

— Вас понял. Ну ладно, давай поглядим, как нам ее открыть.

Я внимательно осмотрел панель. Комочек жвачки, который Крошка прикрепила так высоко, как смогла, помешал панели полностью войти в паз, но панель все равно плотно прилегала к стене и щели почти не было заметно.

Я упер в панель острие большого лезвия и навалился. Она, казалось, сдвинулась на одну восьмую дюйма, и — лезвие сломалось. Я закрыл обломок лезвия и убрал нож.

— Есть предложения?

— Может, попробуем прижаться к панели ладонями и отвести ее в сторону?

— Годится. — Я вытер руки о рубашку.

— Ну, давай.

Панель отъехала вправо примерно на дюйм и замерла. Но от потолка до пола теперь шла тоненькая щель.

На этот раз я доломал обломок большого лезвия. Щель не расширилась ни на миллиметр.

— Ох, — вздохнула Крошка.

— Еще не конец, — я отошел назад и побежал к двери.

Вернее, в направлении двери, потому что ноги у меня выскакивали вперед, как у кузнечика. На этот раз Крошка не смеялась.

Я встал, отошел к задней стене, уперся в нее ногой и попробовал изобразить стартовый толчок.

Упал я перед самой дверью, так что особенно сильно ее не задел. Однако почувствовал, как она пружинит. Она немного прогнулась, потом спружинила обратно.

— Погоди-ка, Кип, — сказала Крошка. — Сними лучше носки. А я стану позади тебя и буду толкать. В теннисных туфлях я не упаду.

Она была права. На Луне, если у вас нет туфель на резине, лучше ходить без носков. Мы отошли к задней стенке. Крошка стала позади меня, уперлась руками мне в бедра.

— Раз... Два... Три... Вперед!

Мы рванулись с грацией гиппопотамов.

Я здорово зашиб плечо. Зато панель вылетела из нижнего паза, образовав отверстие дюйма в четыре.

Рубаха моя разорвалась, на двери остались куски моей кожи, но язык был скован присутствием девочки.

Зато отверстие расширялось. Когда в него смогла пролезть голова, я выглянул наружу. Никого нет, хотя это можно было предположить заранее, учитывая поднятый мною шум, если, конечно, им не захотелось поиграть в кошки-мышки. От них всего можно ожидать, особенно от Него.

Крошка попыталась было вылезти наружу, но я не дал:

— Сиди смирно, первым полезу я.

Еще пара рывков и можно лезть. Я открыл малое лезвие и протянул нож Крошке:

— Со щитом или на щите, солдат.

— А тебе?

— Мне он ни к чему. В темных аллеях я известен как Кип — Смертельный кулак.

С моей стороны это была чистейшей воды брехня, чтобы ее успокоить. Рыцарь без страха и упрека, спасает девушек по умеренным расценкам, специальная скидка для вечеринок и праздников.

Выбравшись из дыры на четвереньках, я поднялся на ноги и огляделся.

— Выходи, — сказал я тихо.

Она полезла, но вернулась назад. Потом показалась в проходе снова, сжимая в руках свою тряпичную куклу.

— Чуть было не оставила мадам Помпадур, — объяснила она, запыхавшись.

Я даже не улыбнулся. Крошка огляделась.

— Похоже, это корабль, который за мной гнался. Но он точно такой же, как тот, который я угнала.

— Так что, пойдем в рубку?

— В рубку?

— Ну да. Ты же пилотировала тот корабль. Справишься с этим?

— Д-да, наверное... Справлюсь, конечно!

— Тогда пошли.

Я шагнул в ту сторону, куда меня тащили на допрос.

— Но в прошлый раз Мэмми подсказывала мне, что надо делать. Давай найдем ее.

— Ты можешь поднять корабль?

— Пожалуй, да.

— Тогда поищем ее, когда будем в воздухе, то есть в космосе, я хотел сказать. Если она на борту, мы ее найдем. Если нет, то нет.

— Что ж, ты рассудил логично, хоть логика твоя мне и не нравится. — Она зашагала вслед за мной: — Кип, какое ускорение ты можешь выдержать?

— Понятия не имею. А что?

— То, что корабль может лететь со скоростью намного большей, чем та, с которой я пыталась удрать. В этом и заключалась моя ошибка.

— Твоя ошибка заключалась в том, что ты махнула в Нью-Джерси.

— Но я хотела найти папу!

— Правильно в конечном счете. Но сначала надо было просто перелететь на Лунную базу и поднять по тревоге Космический корпус Федерации. Пугачом здесь не обойтись, нужна сила. Ты не знаешь, где мы сейчас?

— Если он доставил нас обратно на свою базу, то знаю. Место можно уточнить по звездам.

— Значит, если сумеем определить, в каком направлении находится Лунная база, отправимся туда. Если нет... Тогда на полной скорости рванем в Нью-Джерси.

Дверь в рубку не поддавалась, и я никак не мог сообразить, как открыть ее.

Крошка сказала, что для этого надо сунуть палец в специальное отверстие. Мой палец не wszed, и она попробовала сама, но дверь все равно не открывалась. Должно быть, замок был заперт.

Поэтому я тщательно огляделся по сторонам и обнаружил лом из металла, прикрепленный к стене в коридоре — длинную такую штуковину футов в пять, заост-

ренную с одной стороны и с четырьмя медными держалками — с другой. Я, конечно, толком не понял, что это такое, может, у этих уродов он сходил за пожарный топор, но я решил, что это лом, потому что ломать им дверь было очень сподручно. Я ее разнес на куски с нескольких ударов, и мы вошли в рубку.

Поначалу у меня по коже мурашки поползли, потому что именно здесь Он меня и допрашивал. Я постарался вида не показывать и решил, что, если напорюсь на Него, сразу врежу ломом промеж глаз.

Посреди комнаты я обнаружил нечто вроде гнезда, окруженного конструкцией странного вида: то ли кофеварка, то ли велосипед для осьминога. Хорошо хоть, Крошка знает, где какую кнопку нажимать.

— Здесь наружный обзор есть?

— Вот, — она сунула палец в отверстие, которого я и не заметил.

Потолок был полусферический, как в планетарии. В общем, я и очутился в планетарии, да в таком, что только рот разинул. Вдруг оказалось, что стоим мы вовсе не на полу, а на платформе футов тридцати высотой в открытом пространстве. Меня окружали изображения тысяч звезд, а в черном «небе» прямо передо мной, огромная, голубая и прекрасная, висела Земля!

— Очнись, Кип, — тронула меня за локоть Крошка.

— Не поэтический ты человек, — выдавил я.

— Поэтический, да еще какой. Но у нас времени нет. Кип, я знаю, где мы. Там же, откуда я бежала. Их база. Вон видишь те скалы, отбрасывающие длинную тень? Некоторые из них — замаскированные корабли. А вон там, левее, такой высокий пик с седловиной. Если взять еще левее, почти прямо на запад, то можно выйти к станции Томба, сорок миль отсюда. А еще через двести миль — Лунная база, а за ней Луна-Сити.

— Как долго туда лететь?

— Взлетать и садиться на Луне я еще не пробовала. Думаю, что несколько минут.

— Надо лететь! Они в любую минуту могут вернуться.

— Да, Кип, — она влезла в гнездо и склонилась над приборами.

Через минуту она вылезла обратно. Лицо ее побледнело, осунулось, стало совсем детским.

— Прости, Кип. Никуда мы с тобой не полетим.

— Почему?! Ты что, забыла, как им управлять?

— Нет. Они унесли «мозг».

— Что унесли?

— «Мозг». Маленький прибор размером с орех, который помещается вот здесь, — она показала мне паз. — В прошлый раз нам удалось бежать, потому что Мэмми сумела его стащить. Нас заперли в пустом корабле, так же, как сейчас. Но у нее был «мозг», и мы сумели улететь.

Крошка выглядела совершенно отчаявшейся и растерянной:

— Следовало мне догадаться раньше, что Он не оставит его в рубке. Пожалуй, что я и догадывалась, только не хотела себе в этом признаваться. Извини.

— Слушай, Крошка, мы так просто не сдадимся. Может, я сумею что-нибудь соорудить.

— Нет, Кип, — покачала она головой. — Это не так легко. Автомобиль ведь не поедет, если вместо генератора поставить макет. Я толком не представляю себе функций этого приспособления и прозвала его «мозгом», потому что оно такое сложное.

— Но... — Я замолчал. — Дайте туземцу с острова Борнео новехонький автомобиль и выньте свечи — заведет он его? Что можно придумать взамен полета, Крошка? Есть предложение? Если нет, покажи мне, где входной люк. Я встану там с этой штукой, — я потряс ломом, — и разmozжу голову каждому, кто сунется.

— Я в растерянности, — сказала она. — Надо искать Мэмми. Если она здесь, то что-нибудь придумает.

— Ладно. Но сначала все-таки покажи мне люк. Я покараулю, пока ты будешь ее искать.

Меня охватил безрассудный гнев отчаяния. Выбраться отсюда уже не казалось больше возможным, ну и пусть, все равно, мы еще за кое-что расквитаемся.

Пусть Он знает, что люди просто так не позволят помыкать собой. Я был уверен, почти уверен, что успею как следует врезать Ему, прежде чем у меня ослабнут колени. Разmozжу его отвратительную башку. Если, конечно, не посмотрю Ему в глаза.

— Есть еще один выход, — тихо пробормотала Крошка.

— Какой?

— Мне даже предлагать его противно. Ты еще подумаешь, что я хочу бросить тебя одного.

— Не глупи. Если есть идея, выкладывай.

— Станция Томба всего в сорока милях отсюда. Если мой скафандр здесь, в корабле...

Что ж, может, удастся сыграть еще один тайм!

— Мы дойдем туда пешком!

— Нет, Кип, — печально ответила она. — Потому-то я и не хотела даже говорить. Я смогу дойти, если надену скафандр. Но на тебя ведь он все равно не полез бы.

— Нужен мне твой скафандр! — ответил я гордо.

— Ты забыл, Кип? Ведь мы на Луне, а на Луне нет воздуха.

— Что, я идиот, по-твоему? Просто, если они оставили твой скафандр здесь, то и мой висит где-нибудь рядышком.

— Твой? У тебя есть скафандр? — не веря, спросила она.

Последующий диалог был настолько путанным, что нет смысла его приводить. В конце концов я заставил ее поверить, что двенадцать часов назад в четверти миллионов миль отсюда я связался с ней по радио на волне космического диапазона только потому, что вышел прогуляться в скафандре.

— Разнесем эту лавочку в клочья, — сказал я. — То есть нет, сначала покажи входной шлюз, а потом разнеси ее сама.

— Идет.

Она отвела меня к шлюзу, комнате такого же типа, как наш карцер, только поменьше размером и с внутренней дверью, специально сделанной, чтобы выдерживать давление атмосферы корабля. Дверь не была заперта. Мы осторожно отворили ее. Наружная дверь шлюза была закрыта, в противном случае нам никогда бы не открыть внутреннюю.

— Будь Червелицкий действительно предусмотрительным, он, конечно, оставил бы внешнюю дверь открытой, — подумал я вслух, — даже если бы был уверен, что из карцера нам не выбраться. Слушай-ка! А нельзя ли внутреннюю дверь закрепить так, чтобы она не закрывалась?

— Не знаю.

— Что ж, попробуем.

Вот он, элементарный крючок. На всякий случай, чтобы его не могли открыть извне нажатием какой-нибудь кнопки, я заклинил крючок ножом.

— Другого выхода нет?

— В том корабле не было, значит, и здесь нет.

— Через этот-то уж никто не войдет.

— Но вдруг он все-таки сумеет взломать наружную дверь? — нервно спросила Крошка. — Мы ведь лопнем, как воздушные шарик.

Я улыбнулся ей в ответ:

— Кто здесь у нас гений? Конечно, нас разорвало бы, если Он откроет люк, но ему не удастся. Люк удерживает давление тонн в двадцать—двадцать пять. Как ты только что мне напомнила сама, мы на Луне, а на Луне нет воздуха, так ведь?

Крошка даже смутилась.

Итак, мы взялись за поиски. Я с удовольствием взламывал двери. Симпатий ко мне у Червелицего это не прибавит. Мы сразу же наткнулись на вонючую конуру, где обитали Толстяк и Тоций. Жаль, что их дверь не была заперта. Комната могла рассказать многое о нашей парочке, прежде всего то, что они — грязные свиньи. А также и то, что они не пленники: комната была переоборудована для людей. Их отношения с Червелицем начались, очевидно, не вчера. Я обнаружил две пустые стойки-вешалки для скафандров, несколько десятков консервных банок с рационом армейского образца, что обычно продаются в магазинах списанных армейских избытков, а самое главное — питьевую воду и подобие умывальника. Более того, я нашел ценность, не сравнимую ни с золотом, ни с ладаном, если, конечно, мы найдем и свои скафандры, — два заряженных баллона с гелиево-кислородной смесью.

Я сделал глоток воды, вскрыл для Крошки банку консервов, она открывалась ключом, мы избежали участи «Троих в лодке» с их банкой ананасов, велел ей поесть, а потом продолжать обыск. Я же отправился дальше, найденные баллоны просто толкали меня разыскать скафандры и унести отсюда ноги, пока не вернулся Червелицкий.

Я вскрыл дюжину дверей быстрее, чем морж вскрывает ракушки, и даже обнаружил жилые помещения червелицких. Но я там уже не стал задерживаться — этим займется Космический корпус, когда прибудет сюда. Я только проверил, нет ли там скафандров.

И наконец нашел их — в комнате рядом с нашим карцером. До того я обрадовался, увидев «Оскара», что чуть его не расцеловал.

— Привет, дружище, — заорал я. — Какая встреча!

Я понесся за Крошкой. Мои ноги опять полетели впереди меня, но я уже внимания не обращал. Крошка сделала шаг мне навстречу, когда я ворвался в комнату:

— Я уже собиралась идти за тобой.

— Нашел! Нашел!

— Кого нашел? Мэмми? — спросила она с нетерпением.

— Да нет же, нет! Я нашел скафандры! И твой, и мой! Пошли!

— Да... — она выглядела огорченной, и я даже обиделся. — Здорово, но надо найти Мэмми.

Чувство беспредельной усталости охватило меня. У нас появился хоть слабый, но все-таки шанс спастись от участи, худшей, чем смерть — это отнюдь не метафора, — а она не желает уходить, пока не найдет свое пучеглазое чудище. Будь это человек, я бы не колебался ни секунды, даже если бы у него изо рта дурно пахло. Будь это кошка или собака — я задумался бы, но остался. Но что мне это пучеглазое? И вообще, я ему обязан только тем, что здорово влип, как еще не влипал никогда в жизни. Сгрести, что ли, Крошку и сунуть ее в скафандр? Вместо этого я лишь сказал:

— Ты в своем уме? Мы уходим. Прямо сейчас.

— Мы не уйдем, пока не найдем ее.

— Ну, теперь уже ясно, что ты не в себе. Мы даже не знаем, здесь ли она. А если мы ее найдем, все равно не сможем взять с собой.

— Сможем!

— Как? Мы ж на Луне, забыла? В безвоздушном пространстве. У тебя что, скафандр для нее припасен?

— Но... — Она растерялась, но ненадолго. — Поступай, как знаешь. А я пошла ее искать. Держи, — и она кинула мне консервную банку.

Следовало, разумеется, применить силу, но сработали издержки воспитания! С детства ведь приучают, что женщину бить нельзя, как бы сильно она этого не заслуживала. Поэтому, пока я разрывался между здравым смыслом и воспитанием, возможность действовать и вместе с нею Крошка выплыли за дверь. Я просто застыл от беспомощности.

Но тут мое внимание привлек невероятно приятный запах. Крошка ведь сунула мне в руки банку с консервами. То есть, вернее сказать, с вареной подметкой в сером соусе, но запах!.. Я доедал консервы, осматривая Крошкины трофеи. Моток нейлоновой веревки я с удо-

вольствием привесил рядом с баллонами; у «Оскара» на поясе висело, правда, пятьдесят футов веревки, но запас карман не тянет. Прихватил я и геологический молоток, и пару батарей, которые сгодятся для нашлемных фар и для многого другого.

Больше ничего интересного не попало, кроме брошюры с названием «Предварительные данные по селенологии», проспекта урановых рудников и просроченных водительских прав, выданных штатом Юта на имя Тимоти Джонсона. Я узнал на фотографии лицо Тощего. Брошюры интересные, но сейчас не до лишнего багажа.

Мебель состояла из двух кроватей, изогнутых по очертанию человеческого тела и обитых пластиком. Отсюда вывод, что Тощему и Толстому доводилось путешествовать на этом корабле при больших ускорениях.

Подобрав пальцем остатки подливы, я как следует напился воды, умылся, не жалея воды, потому что мне было без разницы, помрет эта парочка от жажды или нет, собрал свою добычу и пошел туда, где лежали скафандры. Там и наткнулся на Крошку, повеселевшую и с ломом в руках.

— Я нашла ее!

— Где?

— Пошли, взломаешь дверь, у меня сил не хватает.

Я сложил все барахло подле скафандров и пошел за ней. Она остановилась перед дверной панелью чуть дальше того места по коридору, куда завел меня мой вандализм.

— Здесь!

Я прислушался.

— С чего ты взяла?

— Знаю! Открывай!

Я пожал плечами и размахнулся. Панель с треском выскочила из паза. И все дела.

Посреди комнаты, свернувшись в клубочек, лежало существо. Трудно было сказать, его ли я видел на пастбище вчера вечером или нет. Плохое освещение, другая обстановка. Но Крошка никаких сомнений не испытывала. С радостным воплем она рванулась вперед, и они покатались по полу, сцепившись, как два играющих котенка. Крошка визжала от радости, более или менее по-английски. А вот Мэмми... Я бы не удивился, заговори она по-английски, говорил же Червелицкий, да и Крошка упоминала о своих беседах с ней, но тут было совсем другое.

Вы когда-нибудь пересмешника слышали? Он то просто поет, то весело, то шумно обращается к творцу. Пожалуй, бесконечно меняющиеся трели пересмешника ближе всего к речи Мэмми.

Наконец они более или менее успокоились, и Крошка сказала:

— Я так рада, Мэмми, так рада!

Та что-то пропела в ответ.

— Извини, Мэмми, очень невежливо с моей стороны. Разрешите вам представить — мой дорогой друг Кип. И Мэмми пропела мне:

Ля, си, до, ре, ми, до, соль.

— Очень рада познакомиться, Кип.

Я понял это без слов, но так ясно, как будто она говорила по-английски. Причем это вовсе не был шуточный самообман, как, скажем, мои беседы с «Оскаром» или разговор Крошки с мадам Помпадур, ведь, беседуя с «Оскаром», я составляю обе части диалога, просто мое сознание беседует с моим подсознанием, или что-то в этом роде. Но здесь все обстояло иначе.

Мэмми пела мне, а я понимал то, что она пела.

Я испытывал удивление, но отнюдь не недоверие. И вообще, при виде радуги не думаешь о законах оптики. Просто вот она, радуга, перед тобой, висит в небе.

И надо было быть последним идиотом, чтобы не понять того, что Мэмми говорила именно со мной, потому я ее и понял и понимал каждый раз, ибо, когда она обращалась к Крошке, мне ее речь казалась каким-то чириканьем.

Если хотите, назовите это телепатией, хотя вроде бы в университете Дьюка под этим подразумевают кое-что другое. Я ее мыслей читать не мог, да и не думаю, чтобы она могла читать мои. Мы просто беседовали.

Но, хотя и удивленный, я не забывал о правилах хорошего тона. Чувствовал я себя так, как будто мама представляет меня одной из своих старых подруг — гранд-дам. Поэтому я поклонился и сказал:

— Мы очень рады, что нашли вас, Мэмми.

Причем сказал чистейшую правду, сразу и без всяких объяснений поняв, что именно заставило Крошку рисковать даже новым пленом, но искать ее: она была Мэмми, и все тут!

Крошка имела обыкновение все и вся нарекать кличками и прозвищами, при этом не все они, надо сказать, приходились мне по вкусу. Но по поводу Мэмми я и минутного сомнения не испытывал. Мэмми так Мэмми! Подле нее было хорошо, спокойно и уютно. Как будто знаешь, что если разобьешь коленку и с ревом прибежишь домой, она ее поцелует, смажет йодом, заклеет пластырем, и все будет хорошо. Таким свойством обладают многие няни и учителя, но, к сожалению, его лишены многие матери.

Но у Мэмми оно было развито так сильно, что даже мысль о Червелице перестала меня тревожить. Она с нами, и теперь все пойдет хорошо. Рассуждая логично, я вполне отдавал себе отчет, что она уязвима не менее нашего, я же видел, как ее свалили. Она и меньше, и слабее меня, она не могла сама пилотировать корабль — за нее это делала Крошка. Но все это не имело значения.

Мне хотелось к ней на коленки. Но поскольку она маленькая и коленок у нее нет вообще, я бы с удовольствием положил ее на колени к себе.

Я все время говорил об отце, но из этого вовсе не следует, что мама для меня значит меньше, просто тут другое. Отец активен, мама пассивна. Отец вещает, а мама — нет. Но уйди она, и отец станет похож на дерево, вывороченное с корнями из земли. На ней держится весь наш мир.

Присутствие Мэмми действовало на меня так же, как обычно действовало присутствие мамы. Только с мамой это было привычно, в порядке вещей. А тут вдруг все случилось совершенно неожиданно, вдали от дома и в самый нужный для меня момент.

Ну, теперь можно отправляться, Кип. Давай быстрее! — взволнованно выпалила Крошка.

Мэмми пропела: «Куда мы отправляемся, детки?»

— На станцию Томба, Мэмми. Там нам помогут.

В глазах ее промелькнула печаль. У нее были огромные, теплые, добрые глаза. Чудесные глаза и мягкий незащитный рот, из которого лилась музыка. Но выражение, промелькнувшее в ее глазах, сменило чувством тревоги то счастье, которое я только что испытывал. И ответ ее напомнил мне, что она не чудотворец.

— Как же мы полетим? На этот раз меня охраняли очень тщательно. (Я не буду больше воспроизводить ее чириканье нотами, все равно я их толком не помню.)

Крошка с энтузиазмом рассказывала ей о скафандрах, а я стоял как болван и слушал, а мой живот медленно леденел. То, что раньше было всего лишь вопросом применения силы для убеждения Крошки, превратилось сейчас в неразрешимую дилемму. Теперь я ни за что не ушел бы без Мэмми, как ни за что не ушел бы без Крошки...

Но у нас было всего лишь два скафандра. Да будь их хоть три, наш земной скафандр сгодился бы ей не больше, чем змее роликовые коньки.

Мэмми мягко напомнила, что ее скафандр уничтожен. И начался поединок. Очень странный поединок — между мягкой, деликатной, любящей, разумной и непреклонной Мэмми, с одной стороны, и Крошкой, развернувшейся на всю катушку в роли вопящей капризной ужасной девчонки, с другой стороны. Я же просто стоял рядом жалким зрителем, не имея возможности даже быть арбитром.

Поняв ситуацию, Мэмми сразу же пришла к неизбежному выводу. Поскольку идти ей было не в чем, да и вряд ли она сумела бы уйти так далеко даже в своем скафандре, единственным выходом для нее было остаться здесь, а нам немедленно уходить. Если мы дойдем, то, возможно, сумеем убедить своих, что опасность со стороны Червелицего и К° действительно существует, а в таком случае, ее, может быть, удастся спасти, что было бы мило, но вряд ли станет основной целью операции.

Крошка наотрез отказалась даже выслушивать какой бы то ни было план, предусматривающий расставание с Мэмми. Если Мэмми останется, то и она с места не сойдет.

— Кип! Ты пойдешь за помощью! Торопись! А я останусь здесь!

— Ты же знаешь, что это невозможно, Крошка.

— Ты должен. Обязан! Ты пойдешь! А если нет, то я... я больше с тобой не разговариваю!

— Если я пойду, то сам перестану с собой разговаривать. Нет, Крошка, пойдешь ты.

— Ни за что!

— Да заткнись ты хоть для разнообразия! Пойдешь как миленькая, а я останусь здесь охранять вход и сдерживать противника, пока ты не вернешься с подмогой. Только поторопи их.

— Я... — она заплакала, и вид у нее стал донельзя расстроенный и обескураженный. Потом она бросилась

к Мэмми, всхлипывая: — Вы меня совсем больше не любите!

Что показывает, насколько она утратила способность мыслить логически. Мэмми запела ей что-то ласковое, а я подумал, что последние наши шансы на спасение убывают по мере того, как мы продолжаем спорить. В любое мгновение мог вернуться Червелицкий, и, хотя я и надеялся успеть уложить его, когда он сунется в корабль, он почти наверняка будет не один, и мне не устоять. Так или иначе, нам не уйти.

И наконец я сказал:

— Вот что, мы уйдем все вместе.

Крошка до того удивилась, что даже плакать перестала.

— Но как?

— Как, Кип? — пропела Мэмми.

— Я вам сейчас покажу, как. За мной.

Мы ринулись к скафандрам. В одной руке Крошка несла мадам Помпадур, другой поддерживала Мэмми.

Ларс Эклунд, монтажник, первый хозяин «Оскара», если верить журналу, весил, должно быть, фунтов двести. Чтобы «Оскар» плотно облегал меня, мне пришлось его изрядно затянуть. Перешивать и подгонять его по фигуре я не стал, чтобы не нарушить герметичность. Длина рук и ног была в порядке, подгонять пришлось только живот. Так что места найдется достаточно и для Мэмми, и для меня.

Я объяснил, Крошка глядела на меня во все глаза, а Мэмми пела вопросы и комплименты. Она согласилась, что сможет висеть у меня на спине и не упасть, после того как скафандр загерметизирован и лямки затянуты.

— Ладно, Крошка, лезь в скафандр, живо! — Я побежал за носками. Вернувшись, я проверил датчики ее шлема. — Надо добавить тебе воздуха. Твой запас наполовину израсходован.

И здесь я попал в тупик. Запасные баллоны, найденные у этих вурдалаков, были на резьбе, как и мои. Но баллоны на скафандре Крошки были со штырями, которые следовало вставлять в клапан. Вполне подходит для туристов, которых без няньки и на шаг не отпустят и которые, при необходимости сменить баллоны, перепугаются до смерти, если их не заменят молниеносно, но для серьезной работы не годятся.

В моей мастерской я бы соорудил переходник минут за двадцать. Здесь же, без инструментов, это было почти

невозможно, а для Крошки все равно, есть у нас баллоны или нет. С таким же успехом они могли бы быть и на Земле.

Впервые за все время я подумал всерьез о том, чтобы оставить их здесь, а самому поскорее броситься за помощью. Но вслух об этом ничего не сказал. Я решил, что Крошка предпочтет погибнуть в пути, чем снова попасть в Его руки, и я был бы с ней полностью согласен.

— Малыш, — сказал я медленно, — воздуха у тебя немного. Вряд ли хватит на сорок миль.

Помимо шкалы давления ее индикатор имел и шкалу времени. Стрелка показывала, что воздуха осталось меньше чем на пять часов. Сможет ли Крошка бежать рысью, как лошадь? Даже в условиях лунного тяготения? Вряд ли.

Она тоскливо посмотрела на меня.

— Этот объем рассчитан на взрослых. А я маленькая — меньше расходую воздуха.

— Постарайся не расходовать его быстрее, чем нужно.

— Постараюсь.

Я начал застегивать ей рукава, но она воскликнула:

— Ой, забыла!

— Что такое?

— Забыла мадам Помпадур. Дай ее мне, пожалуйста. Она здесь на полу, у меня под ногами.

Я поднял эту идиотскую куклу и дал ей.

— А она сколько воздуха израсходует?

У Крошки вдруг появились ямочки на щеках.

— Я велю ей не дышать, — и она сунула куклу за пазуху.

Затянув ее скафандр, я залез в свой и сел в нем на корточки, не застегиваясь. Мэмми вползла мне на спину и свернулась клубочком, напевая что-то ласковое. С ней было так хорошо, что я и сотню миль прошагал бы ради того, чтобы избавить их обеих от опасности.

Застегнуть мой скафандр оказалось делом нелегким, потому что надо было сначала распустишь, а потом подтянуть лямки, чтоб Мэмми было удобно, но и у Крошки, и у меня руки уже были в перчатках. С трудом, но все же справились.

Для запасных баллонов я сделал веревочную петлю и повесил ее на шею. С ними, да с Мэмми за плечами, да с «Оскаром» я весил где-то около пятидесяти фунтов

при лунном притяжении и впервые стал уверенно ступать.

Вынув нож из крючка, которым я заклинил дверь, я прицепил его к поясу «Оскара» возле нейлоновой веревки и геологического молотка. Затем мы вошли в шлюз и закрыли внутреннюю дверь. Я не знал, как выпустить воздух наружу, но мне подсказала Крошка.

— Вам удобно, Мэмми?

— Да, Кип, — она ободряюще потерлась о меня.

— «Крошка» — «Майскому жуку», — услышал я в наушниках, — проверка связи: альфа, bravo, кока, дельта.

— «Майский жук» — «Крошке». Слышу вас хорошо. Эхо, фокстрот, гольф.

— Слышу тебя хорошо, Кип.

— Перехожу на прием.

— Следи за давлением в скафандре, Кип. Он очень быстро у тебя раздувается.

Я нажал подбородком на клапан, следя при этом за датчиком и ругая себя последними словами за то, что позволил маленькой девчонке поймать себя на оплошности, как последнего сопляка. Но она ведь и раньше ходила по Луне в скафандре, а я только приноравливался. Так что я решил, что сейчас не до гордости.

— Крошка! Поправляй меня на каждом шагу. Мне это все в диковинку.

— Хорошо, Кип.

Наружная дверь беззвучно открылась вовнутрь — и я увидел перед собой яркую поверхность лунной долины.

С тоской по дому вдруг нахлынули воспоминания о детских играх в полет на Луну, и мне ужасно захотелось обратно в Сентервилль. Но тут Крошка прислонила свой шлем к моему.

— Кого-нибудь видишь?

— Нет.

— Наше счастье, что дверь смотрит в сторону от других кораблей. Слушай внимательно. Пока не уйдем за горизонт, радио пользоваться не будем за исключением чрезвычайных обстоятельств. Они прослушивают наши частоты, я точно знаю. Теперь смотри, видишь вон ту гору с седловиной? Да смотри же, Кип!

— Да, да. — Я не мог оторвать взгляд от Земли.

Она была так близко... и так далеко, что, может быть, нам не суждено туда попасть. Трудно представить себе,

как прекрасна наша планета, пока не увидишь ее со стороны.

— Да, я вижу седловину.

— Там есть проход. Я знаю, потому что Тим и Джок привезли меня той дорогой на вездеходе-краулере. Надо найти его следы, это облегчит дело. Но сначала мы направимся к этим холмам, чтобы корабль нас прикрывал от других кораблей, пока мы не сумеем выбраться с открытого места.

До земли было футов двенадцать, и я хотел спрыгнуть, потому что при лунном тяготении это ерунда. Но Крошка настояла на том, чтобы спустить меня на веревке:

— Перекувыркнешься ведь через голову, Кип. Слушай лучше опытных людей. У тебя еще нет «лунных ног». Поначалу будешь себя чувствовать, как первый раз на велосипеде.

Так что она спустила меня и Мэмми, а затем спрыгнула сама. Я начал было сматывать веревку, но она меня остановила, пристегнула конец к своему поясу и прислонилась своим шлемом к моему:

— Я поведу вас. Если пойду слишком быстро или тебе что-нибудь понадобится, дергай за веревку, потому что мне вас не будет видно.

— Есть, капитан!

— Не смейся, Кип. Дело серьезное.

— А я и не смеюсь. Сейчас ты у нас старшая, Крошка.

— Пошли. И не оглядывайся, толку никакого, а то еще оступишься и упадешь. Направление — на холмы.

Г л а в а 6

Мне бы наслаждаться небывалым романтическим приключением, но я был занят не меньше Элизы*, пересекающей реку по льду, а твари, которые того и гляди погонятся за нами по пятам, были куда хуже ищеек рабовладельцев. Я даже оглянуться не мог, потому что весь отдался тому, как удержаться на ногах. Я их не видел, был вынужден смотреть вперед и шагать на ощупь. Ноги не скользили, потому что почва была достаточно шершавой, камни, покрытые пылью или мелким песком, да

* Элиза — героиня романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

и пятьдесят фунтов веса достаточно крепко прижимали ноги к ней. Я нес триста фунтов массы, ни на йоту не уменьшившейся из-за ослабления веса, это сказывается на твердо усвоенных на всю жизнь рефлексах. При малейшем повороте приходилось тяжело наклоняться вбок, потом назад, замедлять шаг, потом вперед, чтобы набрать темп.

Как долго ребенок учится ходить? Мне, новорожденному селениту, приходится учиться ходьбе во время форсированного марша, полуслепому и на полной скорости, на которую я способен. Так что времени на размышления и восторги у меня не осталось совсем.

Крошка взяла хороший темп и продолжала его наращивать. Поводок то и дело натягивался, и я отчаянно старался шагать быстрее и не упасть.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Кип? — пропела Мэмми из-за спины. — У тебя очень озабоченный вид.

— Я... в полном... порядке... А вы?

— Мне очень удобно. Не выматывайся, дорогой!

— Ладно.

«Оскар» делал свое дело. Я начал потеть от напряжения и жаркого солнца, но клапан подбородком не нажимал, пока не увидел по индикатору цвета крови, что нуждаюсь в воздухе. Система функционировала отлично, и сказывались часы тренировок на пастбище. Вскоре времени я поймал себя на том, что теперь уже беспокоюсь в основном об острых камнях и рытвинах на пути.

До низких холмов мы добрались минут за двадцать. Крошка сбавила ход, забралась в расселину и остановилась. Когда я подошел, она прислонилась своим шлемом к моему.

— Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке.

— Мэмми, вы меня слышите?

— Да, милая.

— Вам удобно? Воздуха хватает?

— Да, да, наш Кип очень хорошо обо мне заботится.

— Отлично. Ведите себя хорошо, Мэмми, ладно?

— Обязательно, милая. — Она даже ухитрилась выставить добродушный смешок в свое чириканье.

— Кстати, о воздухе, — сказал я Крошке. — Давай-ка проверим твой. — Я попытался заглянуть ей в шлем. Она отпрянула, потом придвинулась снова.

— У меня все в порядке.

— Посмотрим. — Я сжал ее шлем обеими руками и обнаружил, что не вижу циферблата — на фоне солнечного света казалось, что я заглянул в темный колодец.

— Говори, что там у тебя, и не хитри!

— Не лезь не в свое дело!

Я развернул ее кругом и посмотрел на датчики баллонов. Один стоял на нуле, другой был почти полон.

Я снова прислонился к ее шлему.

— Крошка, — медленно спросил я. — Сколько миль мы прошли?

— Примерно мили три. А что?

— Значит, нам осталось еще миль тридцать.

— Не меньше тридцати пяти. Не дрейфь, Кип. Я знаю, что один баллон у меня пуст, я переключилась на полный еще до привала.

— Одного баллона на тридцать пять миль не хватит.

— Хватит, потому что другого все равно нет.

— Почему же, воздуха у нас много. И я придумаю, как перекачать его тебе.

Голова моя прямо кругом пошла, когда я начал вспоминать, что у меня есть на поясе из инструментов и что как можно приспособить.

— Ты отлично знаешь, Кип, что ни черта сделать не сможешь, так что лучше заткнись!

— В чем дело, милые? Почему вы ссоритесь?

— Мы не ссоримся, Мэмми, это Кип занудничает.

— Детки... детки...

— Это верно, Крошка, я не могу соединить запасные баллоны с клапанами своего скафандра. Но я найду возможность перезарядить твой пустой баллон.

— Но... А как, Кип?

— Это уж мое дело. У тебя один баллон ведь все равно уже пустой, так что я попробую. Если не получится, мы ничего не теряем, если получится, то проблема решена.

— Сколько тебе потребуется времени?

— Если пойдет хорошо, десять минут, если нет — тридцать.

— Нет, не стоит пробовать, — решила она.

— Слушай, Крошка, не будь дур...

— Сам дурак! Пока мы не доберемся до гор, мы не можем считать себя в безопасности. До гор я дойду. А там, где мы уже не будем на виду, как жуки на тарелке, можно и отдохнуть, и перезарядить мой баллон.

Она говорила дело.

— Ладно.

— Ты можешь идти быстрее? Если мы достигнем гор прежде, чем нас хватятся, они вряд ли сумеют нас найти. А если нет...

— Могу. Только вот чертовы баллоны мешают.

— Н-да. — Она задумалась. Потом спросила неуверенно: — Может, выбросишь один?

— Ни в коем случае! Я теряю равновесие. Я раз десять чуть не упал из-за них. Ты можешь перевязать их так, чтобы они не болтались?

— Конечно же.

Кончив возиться с баллонами, она сказала:

— Жаль, что оставила на двери свою жвачку, хоть она совсем уже изжеванная. В горле пересохло так, что хоть плачь.

Выпей воды, только не очень много.

Это неумная шутка, Кип!

В твоём скафандре вообще нет воды?

— Дурак ты, что ли?

У меня даже челюсть отвисла.

— Но что же ты... — сказал я беспомощно. — Что же ты не наполнила резервуар перед уходом?

— Какой резервуар, о чем ты говоришь? Разве в твоём скафандре есть резервуар?

Я не знал, что ответить. У нее был туристский скафандр, специально сделанный для «живописных маршрутов по несравненному древнему лику Луны», которые рекламируются проспектами туристских фирм. Прогулки под присмотром проводников и не более получаса. Ясное дело, резервуар для воды в скафандре для такой прогулки не предусмотрен — кто-нибудь из туристов захлебнется еще или сосок от шланга откусит и утонет в собственном шлеме. Да без него и дешевле намного. И кто его знает, какими еще недостатками снабдила туристский скафандр подобная экономия? Меня это стало всерьез волновать: от конструкции скафандра зависела сейчас жизнь Крошки.

— Извини, я не знал, — смиренно ответил я. — Слушай, я что-нибудь придумаю и перекачаю тебе часть воды.

— Вряд ли получится. Но не беспокойся, за время, нужное чтобы добраться до цели, я все равно не успею умереть от жажды. Чувствую я себя вполне нормально, просто жвачки хочется. Пошли?

— Пошли.

Холмы представляли собой всего-навсего гигантские складки лавы, мы миновали их довольно быстро, хотя из-за неровностей почвы приходилось идти осторожно.

За холмами лежала равнина, которая казалась ровнее западного Канзаса и упиралась на горизонте в цепь гор, сверкающих на солнце и резко встающих на фоне черного неба, как картонные макеты.

Крошка остановилась, поджидая меня, потом прислонила свой шлем к моему.

— Все в порядке, Кип? Все в порядке, Мэмми?

— Спрашиваешь!

— Все хорошо, милая.

— Кип, когда они тащили меня сюда от перевала, их курс был на восток и потом восемь градусов на север. Я слышала, как они спорили, и сумела разглядеть картину. Значит, нам надо сейчас взять курс на запад и восемь градусов на юг, не считая, конечно, крюка, который мы дали до этих холмов, и мы окажемся в районе перевала.

— Молодец, — я вправду был восхищен. — Ты, слушаем, не скаут, Крошка?

— Вот еще! Карту каждый дурак прочитает! — Голосок у нее был довольный. — Я хочу сверить компасы. Как, у тебя, оказывается, нет компаса!

«Ну, знаешь, приятель, это нечестно, — запротестовал «Оскар». — На космической станции № 2 компас ни к чему, а о путешествии на Луну меня как-то не предупреждали».

Тогда я сказал вслух:

— Понимаешь, какое дело, Крошка. Мой скафандр сделан для монтажа орбитальной станции. А на кой там компас? А о путешествии на Луну меня как-то не предупреждали.

— Не плакать же по этому поводу. Можешь ориентироваться по Земле.

— А твоим компасом воспользоваться нельзя?

— Вот глупый! Он же вделан в шлем. А ну-ка, одну минуточку! — Она повернулась лицом к Земле, кивая шлемом. Потом снова приблизилась ко мне. — Земля прямо на северо-восток. Значит, курс проходит на пятьдесят три градуса влево. Постарайся определиться. Земля, к твоему сведению, считается за два градуса.

— Я это знал, когда тебя еще на свете не было.

— Не сомневаюсь. Некоторым без форы никогда не справиться.

— Тоже мне, умница нашлась!

— Ты первый нагрубил.

— Ладно, Крошка, извини! Оставим споры на потом. Я тебе дам фору на два укуса.

— Не нуждаюсь. А ты еще не знаешь, с кем связался. Ты и представления не имеешь, какая я противная.

— Уже имею.

— Детки, детки!

— Извини, Крошка.

— И ты извини. Просто я нервничаю. Хоть бы дойти скорее!

— Хорошо бы! Дай-ка мне определиться по курсу. — Я начал отсчитывать градусы, приняв Землю за ориентир. — Крошка! Видишь вон тот острый пик? У которого вроде как подбородок выдается? Наш курс — на него.

— Дай-ка проверить, — она взглянула на компас, потом приблизила свой шлем к моему. — Молодец, Кип. Ошибся всего на три градуса вправо.

— Что, двинем? — гордо спросил я.

— Двинемся. Пройдем перевал, потом возьмем на запад, к станции Томба.

Десять миль, отделяющие нас от гор, мы прошагали довольно быстро. По Луне ходить не трудно, если, конечно, попалось ровное место и вы научились сохранять равновесие. Крошка все наращивала и наращивала темп, пока мы не полетели длинными низкими прыжками, как страусы, и, скажу я вам, двигаться быстрее оказалось легче, чем медленней. Когда я как следует приноровился, единственной проблемой осталась возможность приземлиться на острый камень или в какую-нибудь яму или споткнуться.

Порвать скафандр я не боялся, я верил в прочность «Оскара». Но, упав на спину, Мэмми придется туго.

Беспокоили меня и мысли о Крошке. По прочности ее дешевый костюм для туристских прогулок не шел с «Оскаром» ни в какое сравнение. О взрывной декомпрессии я читал так много, что никоим образом не желал увидеть ее наяву, тем более на примере маленькой девочки. Но предупредить ее по радио я не осмелился, хотя мы, весьма вероятно, уже были экранированы от Червелицего, а дернуть за веревку я тоже боялся — девочка могла упасть.

Постепенно равнина начала подниматься, и Крошка сбавила темп. Вскоре мы перешли на шаг, потом стали взбираться по каменистому склону. Споткнувшись, я упал, но приземлился на руки и сразу вскочил — при-

тяжение в одну шестую земного имеет не только недостатки, но и свои преимущества. Мы добрались до вершины, Крошка завела нас за большие камни и прикоснулась своим шлемом к моему.

— Кто-нибудь дома есть? Как вы там оба?

— Все в порядке, милая, — пропела Мэмми.

— Порядок, — согласился я. — Запыхался только малость. — «Запыхался» — это не то слово, но если Крошка может, то и я могу.

— Можно здесь передохнуть и потом уже не так торопиться. Я просто хотела как можно скорее убраться с открытого места, а здесь им нас нипочем не найти.

По-моему, она была права.

— Слушай, Крошка, давай-ка я перезаряжу твой баллон.

— Попробуй.

Вовремя я об этом вспомнил: уровень воздуха в ее втором баллоне упал больше чем на треть; на том, что осталось, ей до станции Томба не дойти. Так что, перекрестившись, я принялся за работу.

— Вот что, подружка, развяжи-ка мне эту путаницу.

Пока Крошка возилась с узлами веревки, я решил попить, но мне стало стыдно. Она, должно быть, уже язык жует, чтобы выдавить хоть немного слюны, а я так ничего и не придумал, чтобы перекачать ей воду. Резервуар моего скафандра встроен в шлем, и нет никакой возможности достать его, не отправив в процессе на тот свет и меня, и Мэмми.

Дожить бы мне только до того времени, когда стану инженером, уж я это все переделаю!

Потом я решил, что будет глупо не пить самому, если она не может. В конце концов будущее нас всех может зависеть от того, удастся ли мне сохранить форму. Поэтому я выпил воду и съел три подслащенные молочные таблетки и одну соленую, а потом выпил воды еще. Мне сразу стало лучше, но я от души надеялся, что Крошка ничего не заметила. Она была очень занята разматыванием веревки, да и глубоко в чужой шлем все равно не заглянешь.

Я снял со спины Крошки пустой баллон, тщательно проверив перед этим, закрыт ли наружный стопорный клапан, в месте соединения шланга с шлемом должен быть односторонний клапан, но ее скафандру я больше не доверял, кто его знает, на чем его еще удешевили.

Положив пустой баллон рядом с полным, я посмотрел на них, выпрямился и придвинулся к ее шлему.

— Сними баллон с левой стороны на моей спине.

— Зачем, Кип?

— Не твое дело. — Я не хотел говорить, почему и зачем, потому что боялся возражений с ее стороны. Баллон, который я велел ей снять, содержал чистый кислород в отличие от всех остальных, заряженных смесью кислорода и гелия. Он был полон, если не считать скромной утечки из-за того, что я немного повозился с ним вчера в Сентервилле. Поскольку я никак не мог зарядить ее баллон полностью, самым лучшим выходом было зарядить его наполовину, но чистым кислородом.

Она сняла баллон с моей спины без всяких возражений.

Я занялся проблемой: как перекинуть давление из баллона в баллон, если у баллонов разные соединения. Выполнить задачу как положено я не мог, поскольку нужные инструменты находились в четверти миллиона миль от меня или на станции Томба, что, впрочем, не составляло никакой разницы. Зато у меня был моток клейкой ленты.

Согласно инструкции, «Оскар» оснащался двумя аптечками первой помощи. Что они должны содержать, я понятия не имел — инструкция лишь приводила их номера по списку обязательного оборудования, входящего в комплект типового скафандра ВВС США. И поскольку я толком не знал, что окажется полезным в наружной аптечке скафандра: может быть, даже шприц, достаточно длинный и толстый, чтобы проколоть его, когда человеку срочно потребуются укол морфия, я набил ее, да и внутреннюю аптечку тоже, бинтами, индивидуальными пакетами и добавил моток пластыря. Вот на него я и надеялся.

Я оторвал кусок бинта, свел вместе разнокалиберные соединения баллонов и обмотал их: следовало обезопасить стык от клейкого вещества ленты, чтобы избежать потом перебоев в подаче воздуха. Затем тщательно и очень туго обмотал стык лентой, по три дюйма с каждой стороны и вокруг, — даже если ей удастся на несколько мгновений сдержать давление, все равно и ее, и сам стык будет раздирать изнутри дьявольски сильный напор. Чтобы этот напор не разнес соединение сразу же, я использовал весь свой моток.

Затем знаком попросил Крошку приблизить свой шлем к моему:

— Я открою полный баллон. Клапан на пустом баллоне уже открыт. Когда ты увидишь, что я закрываю клапан на полном, ты очень быстро закроешь клапан на втором баллоне. Ясно?

— Быстро закрыть свой клапан, когда ты закроешь свой. Ясно.

— Раз. Два. Три. Руку на клапан.

Я сильно сжал обмотанные лентой соединения в кулаке. Если его разорвет, я останусь без руки, но ведь если у меня не выйдет, Крошке долго не протянуть. Так что стиснул я его изо всех сил. Следя за обоими датчиками, я чуть-чуть приоткрыл клапан. Шланг дрогнул, стрелка, стоящая на «пусто», сдвинулась с места. Я открыл клапан полностью.

Одна стрелка начала смещаться влево, другая — вправо. Очень быстро обе дошли до отметок «наполовину полон».

— Давай! — крикнул я без всякой на то нужды и начал закрывать клапан. И почувствовал, что кое-как сделанный стык начал разъезжаться.

Шланги вылетели из моей руки, но газа мы потеряли ничтожно мало. Я понял, что все еще пытаюсь закрыть уже закрытый клапан. Крошка свой уже закрыла. Стрелки обоих датчиков замерли на отметках «наполовину полно». У Крошки теперь был воздух!

Я перевел дух и только сейчас понял, что все это время не дышал.

Крошка коснулась моего шлема и очень серьезно сказала:

— Спасибо, Кип.

— Аптека Чартона, мэм, образцовое обслуживание и без чаевых. Дай-ка мне размотать все хозяйство, потом навьючишь на меня баллон и пойдем дальше.

— Но ведь теперь тебе придется нести только один запасной баллон.

— Ошибаешься, Крошка. Нам, возможно, придется повторить этот трюк раз пять-шесть, пока не останется самая малость.

«Или пока не сдаст лента», — добавил я про себя.

Самым первым делом я перемотал ленту обратно на катушку; если вы считаете это легким занятием — в перчатках, да еще когда клей сохнет прямо на глазах, — попробуйте сами.

Несмотря на бинт, клей все же попал на соединительные трубки, когда разошлись шланги. Но он так быстро засох, что без труда скололся с патрубком-штыря. Соединительная резьба меня мало беспокоила, я не намеривался подсоединять ее к скафандру. Мы подсоединили перезаряженный баллон к скафандру Крошки, и я объяснил ей, что в нем чистый кислород.

— Сбавь давление и подавай смесь из обоих баллонов. Что показывает твой индикатор цвета крови?

— Я на него нарочно не смотрела.

— Дура! Хочешь откинуть копыта? Быстро нажми подбородком клапан! Надо войти в нормальный режим!

Один баллон я навьючил на спину, второй же и баллон с чистым кислородом — на грудь, и мы снова двинулись вперед.

Земные горы предсказуемы, но лунные — нет. Мы уткнулись в расселину такую крутую, что спуститься можно было только по веревке, и я вовсе не был уверен, что мы сумеем потом вскарабкаться по противоположной стороне. С крючьями и карабинами, без скафандров мы, может, без особого труда справились бы с такой стенкой где-нибудь в Рокки Маунтенз, но здесь...

Крошка неохотно повела нас назад. Спускаться по каменистому склону было куда как труднее, чем подниматься — я пятился на четвереньках, а Крошка страховала меня сверху. Я попытался проявить героизм и махнуться ролями, и у нас вспыхнул бурный спор.

— Да перестань ты изображать из себя могучего рыцаря и прекрати свои отважные глупости, Кип! Ты несешь четыре баллона и Мэмми, ты тяжелый, а я легкая и цепкая, как горный козел.

Я сдался. Спустившись, она прислонилась ко мне шлемом.

— Кип, — сказала она, нервничая, — я не знаю, что делать.

— А что случилось?

— Я взяла немного южнее того места, где проходил краулер. Не хотела проходить перевал там же, где и он. Но теперь мне начинает казаться, что другого прохода-то и нет.

— Надо было сразу мне сказать.

— Но я же хотела сбить их со следа! Ведь туда, где проходил краулер, они ринутся в первую очередь!

— Н-да, верно. — Я взглянул на преграждающий нам путь хребет. На картинках и фотографиях лунные

горы кажутся грозными, острыми и высокими. Когда же смотришь на них сквозь окуляры скафандра, они выглядят просто недоступными.

Я снова склонился к шлему Крошки:

— Можно было бы найти другой путь, располагай мы временем, воздухом и ресурсами хорошо подготовленной экспедиции. Придется идти по маршруту краулера. Где он?

— По-моему, надо взять северней.

Мы пошли на север, к подножию холмов, но путь оказался трудным и долгим. В конце концов пришлось идти к краю равнины. Это заставило нас понервничать, но приходилось рисковать. Шли мы быстро, но не бежали, боясь пропустить следы краулера. Я начал считать шаги и, досчитав до тысячи, дернул веревку. Крошка остановилась, я прислонился к ней шлемом:

— Мы прошли полмили. Как, по-твоему, далеко нам еще? Может быть, мы проскочили?

Крошка посмотрела на горы.

— Сама не знаю, — созналась она. — Ничего не узнаю.

— Мы не заблудились?

— Следы должны быть где-то впереди. Но мы уже прошли довольно много. Ты хочешь повернуть назад?

— Я не знаю дороги даже до ближайшей почты.

— Что же делать?

— Думаю, надо идти вперед, пока ты окончательно не удовлетворишься, что прохода дальше быть не может. Ты ищи проход, а я буду искать следы краулера. Потом, когда ты поймешь, что мы зашли слишком далеко, мы повернем. Мы не имеем права позволить себе рыскать из стороны в сторону, как собака, потерявшая след зайца.

— Хорошо.

Я отсчитал уже две тысячи шагов, очередную милю, когда Крошка остановилась.

— Кип! Дальше прохода быть не может. Горы становятся все выше и выше.

— Ты уверена? Подумай как следует. Лучше пройти еще пять миль, чем не дойти самую малость.

Она колебалась. Когда мы прислонились друг к другу шлемами, она так прижалась лицом к окулярам, что я видел, как она нахмурилась. Наконец она ответила:

— Его нет впереди, Кип!

— Что ж, тогда идем обратно! «Вперед, Макдуф, и будь проклят тот, кто первый крикнет: "Хватит, стой!"»

— «Король Лир».

— «Макбет». Спорим?

Следы краулера мы нашли, прошагав обратно всего полмили — в первый раз я их не заметил. Они отпечатались на голом камне, едва припорошенном пылью; когда мы шли вперед, солнце светило мне через плечо и следы гусениц были еле заметны — я их во второй раз чуть не пропустил.

Они уходили с равнины прямо в горы.

В жизни нам не пересечь бы гор, не пойдя мы по следам краулера; первоначальный план Крошки строился на одном лишь детском энтузиазме. Это ведь было не дорога, просто местность, проходима для гусениц краулера. Попадались и такие места, где даже краулер не мог пройти, не проложив себе путь выстрелами лазерной пушки. Сомнительно, чтобы эту козью тропу прорубили Толстяк и Тощий, они не производили впечатления любителей поработать. Должно быть, здесь потрудились одна из изыскательских партий. Попробуй мы с Крошкой пробить новую дорогу, мы здесь бы и остались экспонатами, в назидание туристам.

Но где пройдет гусеничный вездеход, там проберется и человек. Но прогулка, разумеется: вниз, вверх, вниз, вверх, да еще гляди, куда ступаешь, и следи за плохо держащимися неустойчивыми камнями. Иногда мы спускали друг друга на веревке, в общем, поход был утомителен и скучен.

Когда запас кислорода у Крошки подошел к концу, мы остановились и я снова уравнивал давление, сумев на этот раз зарядить ее баллоны всего лишь на четверть — ситуация, как у Ахиллеса с черепахой. Я до бесконечности мог продолжать перекачивать ей половину того, что будет оставаться, если, конечно, лента выдержит.

Она уже изрядно поизносилась, но давление упало наполовину, и я сумел сдерживать наконечники вместе, пока мы не закрыли клапаны.

Мне-то пришлось не так уж плохо: у меня были вода, пища, таблетки и декадрин. Последний оказался огромным подспорьем — каждый раз, когда я чувствовал, что слабею, я глотал половину живительной таблетки. Но бедная Крошка держалась лишь на воздухе и мужестве.

У нее не было даже такой охлаждающей системы, как у меня. Поскольку она использовала более обогащенную смесь, чем я, ведь один из ее баллонов содержал

чистый кислород, ей не требовался столь же интенсивный приток воздуха, чтобы поддерживать нужный индекс цвета крови, и я предупреждал ее, чтобы она не использовала ни на йоту больше воздуха, чем необходимо; расходовать воздух для охлаждения она вообще не могла, он нужен был ей для дыхания.

— Да знаю я, Кип, знаю, — ответила она раздраженно. — У меня стрелка еле-еле стоит на красном. Что, я дура, по-твоему?

— Просто хочу, чтобы ты вышла.

— Ладно, только брось со мной общаться, как с ребенком. Знай переставляй себе ноги, а я сама справлюсь.

— Не сомневаюсь!

Что же до Мэмми, то она всегда отвечала, что с ней все в порядке, и дышала тем же воздухом, что и я (немножко уже использованным), но откуда же мне знать, что ей хорошо, а что плохо? Провиси человек целый день вниз головой, зацепившись за пятки, он умрет; однако для летучей мыши это сплошное удовольствие, а ведь мы с этими млекопитающими вроде родственники.

Мы с ней разговаривали по пути. Ее песни на меня действовали так же, как на боксера вопли его болельщиков. Бедная Крошка даже такой помощи была лишена, за исключением остановок, когда прижималась своим шлемом к моему: мы все еще не решались пользоваться радио, даже в горах боялись привлечь к себе внимание.

Мы снова остановились, и я перекачал Крошке одну восьмую баллона. Лента после операции пришла в состояние настолько плачевное, что я сильно усомнился, выдержит ли она еще одну перекачку. Поэтому я предложил:

— Крошка, может, ты пока подышишь одним баллоном, в котором смесь гелия с кислородом? Вытяни его до конца, а я пока понесу твой кислородный баллон, чтобы ты могла экономить силы.

— У меня все в порядке.

— Но ведь с более легкой нагрузкой у тебя уйдет меньше воздуха.

— Тебе нужны свободные руки. А вдруг оступишься?

— Я же его не в руках понесу. Мой правый баллон уже пуст. Я его выброшу. Помоги мне заменить его на твой, и у меня снова будет четыре баллона, я просто сохраню равновесие.

— Конечно, помогу. Но я вполне могу нести два баллона, правда, Кип, вес ничего не значит. И если я исто-

щу свою смесь, чем же я буду дышать, когда ты будешь перезаряжать мой кислородный баллон в следующий раз?

Я не хотел говорить ей, что испытывал сомнения относительно следующей перезарядки.

— Хорошо, Крошка.

Она помогла мне переместить баллоны, пустой мы сбросили в черную пропасть и продолжали путь. Я не знаю даже, как долго и как далеко мы шли, казалось, что идем уже не первый день, хотя какие там дни с нашим запасом воздуха! Проходя по тропе милю за милей, мы поднялись не меньше чем тысяч на восемь футов. Высоту в горах определить трудно, но я видел горы, высота которых мне известна. Поглядите сами — первый хребет к востоку от станции Томба.

Изрядный подъем даже при одной шестой силы тяжести. Путь казался бесконечным, потому что я не знал, ни сколько мы прошли, ни сколько нам еще идти. У нас у обоих были часы, но под скафандрами. Шлем обязательно должен иметь встроенные часы. Я мог бы определить гринвичское время по Земле, но не имел для этого достаточно опыта, да Земли большей частью и видно не было, так глубоко мы зашли в горы; к тому же, я толком не помнил, в какое время мы покинули корабль.

Есть еще одна вещь, которой обязательно следует снабдить скафандры — зеркало заднего обзора. Кстати, если займетесь оборудованием, обязательно добавьте оконце на подбородке, чтобы видеть, куда ступаете. Но из них двух я бы выбрал зеркало заднего обзора. Сейчас за спину никак не глянешь, если не повернешься всем телом. Каждые несколько секунд мне хотелось взглянуть назад, но я не мог себе позволить такого усилия. Всю эту кошмарную дорогу мне то и дело казалось, что они гонятся за нами по пятам, то и дело я ожидал, что змееподобная рука опустится мне на плечо. Я напряженно прислушивался к шагам, которых в вакууме все равно не услышишь.

Покупая скафандр, обязательно заставьте изготовителя снабдить его зеркалом заднего обзора. Даже если за вами не гонится Червелицкий, все равно приятного мало, если вдруг из-за вашей спины вынырнет даже ваш лучший друг. Да, еще, если соберетесь на Луну, захватите с собой зонтик от солнца. «Оскар» старался изо всех сил, и фирма «Йорк» отлично сделала кондиционер, но ничем не смягченные солнечные лучи жгут немилосердно,

а я, так же, как и Крошка, не осмеливался расходовать воздух на охлаждение тела.

Становилось все жарче и жарче. Пот по мне тек ручьями, тело зудело, а я не мог почесаться, пот заливал и жег мне глаза. Крошка, наверное, варилась заживо. Даже когда тропа пролегала по глубоким расселинам, освещенным только лишь отражением от дальней стены, таким темным, что нам приходилось включать фонари, мне все равно было жарко, а когда мы снова выходили на голый солнцепек, становилось просто невыносимо. Искушение нажать подбородком на клапан, впустить воздух, охладить тело становилось почти непреодолимым. Жажда прохлады начинала казаться более насущной, чем потребность дышать. Будь я один, я поддался бы ей и умер. Но Крошке приходилось много хуже моего. А если она может выдержать, то я просто обязан.

Я задумался над тем, как же можно затеряться совсем рядом с жилищем людей и как коварным монстрам удалось спрятать свою базу всего лишь в сорока милях от станции Томба. Что ж, времени на размышления выдавалось предостаточно, и я мог все обдумать, особенно наблюдая окружающий меня лунный ландшафт.

По сравнению с Луной Арктика — это перенаселенный район. Площадь Луны примерно равна площади Евразии, а людей на ней живет меньше, чем в Сентервилле.

Целый век может пройти, прежде чем кто-нибудь забредет на равнину, где обосновался Червелицкий. Даже если он не прибегнет к маскировке, никто ничего не заметит с борта пролетающего над его базой ракетного корабля.

Человек в скафандре в ту сторону никогда не пойдет, человек в краулере может найти базу, лишь случайно наткнувшись на нее, да и то если только пройдет по тропе, которой мы идем, и начнет кружить по равнине.

Картографический спутник Луны будет десять раз снимать и переснимать эту зону, но заметит ли техник в Лондоне небольшое различие на двух снимках? Наверное, но...

Годы спустя кто-нибудь и проверит, если, конечно, не найдется более срочных дел в районе, где все ново, все необычно и все срочно. Что же до показаний радаров, то необъясненные и нерасшифрованные показания ведут отсчет со времен, когда меня еще на свете не было.

Червелицкий мог сидеть здесь, не дальше от станции Томба, чем Даллас от Форт-Уорта, и ни о чем не беспокоиться, устроившись уютно, как змея под домом. Слишком много на Луне квадратных миль и слишком мало людей.

Невероятно много квадратных миль. А весь наш мир составляли нерушимые яркие скалы, мрачные тени, черное небо и бесконечная тропа.

Но постепенно спуски стали все чаще сменять подъемы, и наконец, усталые и измученные, мы пришли к повороту, с которого открылся вид на раскаленную, залитую ярким светом равнину. Далеко-далеко от нас лежала цепь гор. Даже с высоты тысячи футов, на которой мы находились, казалось, что они лежат за горизонтом. Я глядел на равнину и чувствовал себя слишком вымотанным, чтобы ощутить радость, затем взглянул на Землю и попытался определить, в какой стороне от нас запад.

Крошка прислонилась ко мне шлемом.

— Вот она, Кип.

— Где?

Она показала направление, и я заметил отблески на серебристом куполе.

Мэмми шевельнулась у меня на спине.

— Что это, дети?

— Станция Томба, Мэмми.

В ответ мы слышали музыкальное заверение в том, что мы хорошие дети и что она никогда не испытывала никаких сомнений в том, что мы справимся с делом.

До станции оставалось, должно быть, миль десять.

Трудно определить расстояние точно, не имея ориентиров — да еще этот странный горизонт. Я даже не мог понять, как велик ее купол.

— Что, Крошка, может, рискнем и воспользуемся радио?

Она обернулась и посмотрела назад. Я сделал то же самое.

Мы были настолько одиноки в мире, насколько возможно.

— Давай попробуем.

— На каких частотах?

— На тех же, что и раньше. Космический диапазон.

Я попробовал:

— Станция Томба, ответьте. Станция Томба, вы слышите меня?

Затем начала вызывать Крошка. Я искал ответ по всему диапазону частот своей рации.

Абсолютно безуспешно.

Я переключился на антенну-рожок, ориентируя ее по блеску купола. Никакого ответа.

— Мы напрасно теряем время, Крошка. Пошли.

Она медленно отвернулась в сторону. Я физически почувствовал ее разочарование, сам я тоже дрожал от нетерпения. Догнав ее, я прислонил шлем к шлему.

— Не расстраивайся, Крошка! Не могут же они слушать весь день, ожидая нашего вызова. Теперь, когда мы видим станцию, мы уж точно дойдем.

— Я знаю, — ответила она хмуро.

Начав спуск, мы потеряли станцию из вида — не только из-за запутанных поворотов, но из-за того, что она ушла за горизонт. Я продолжал вызывать ее, потом потерял всякую надежду и выключил радио, чтобы спасти дыхание и аккумуляторы. Мы прошли уже вниз половину внешнего склона, как вдруг Крошка замедлила шаг, остановилась, села и замерла.

Я бросился к ней.

— Что с тобой?

— Кип, — еле проговорила она, — приведи, пожалуйста, кого-нибудь. А я подожду здесь. Я прошу тебя. Ты ведь знаешь теперь дорогу, а, Кип?

— Крошка! — сказал я резко. — Вставай, живо! Ты должна идти!

— Я н-не м-м-огу! — Она начала плакать. — Я так хочу пить... и мои ноги...

Она потеряла сознание.

— Крошка! — я тряс ее за плечо. — Ты не можешь, не смеешь сдаваться сейчас! Мэмми, да скажите же вы ей!

Ля, си,

до, ре,

ми, ре,

до, соль.

Веки Крошки задрожали.

— Продолжайте, продолжайте, Мэмми! — я перевернул Крошку на спину и занялся делом. Удушье охватывает человека быстрее быстрого. Мне не требовалось смотреть на индикатор цвета крови, чтобы знать, что он показывает «Опасность», все было ясно по манометру ее

баллонов. Баллоны с кислородом были пусты, резервуар со смесью кислорода и гелия почти пуст. Я закрыл ее выхлопные клапаны и впустил ей в скафандр все, что оставалось в резервуаре со смесью. Когда скафандр стал раздуваться я перекрыл поток воздуха и чуть-чуть приоткрыл один из выхлопных клапанов. И только после этого я закрыл стопорные клапаны и снял пустой баллон. И здесь на моем пути стала нелепая до идиотизма преграда.

Крошка слишком хорошо навьючила меня; я не мог дотянуться до узла. Я нащупывал его левой рукой, но не мог достать его правой; мешал баллон на груди, а одной рукой я распутать его не мог. Я заставил себя прекратить панику. «Нож! Ну, разумеется, мой нож!» Старый скаутский нож с петлей на ручке, чтобы привешивать к поясу; на поясе он сейчас и висел. Но зажимы на поясе «Оскара» были слишком велики для него, пришлось их сжимать. Я крутил его и крутил, пока петля не сломалась. А потом я никак не мог открыть маленькое лезвие. На перчатках скафандра ногтей ведь нет.

«Брось бегать по замкнутому кругу, Кип, — сказал я себе. — Ничего трудного здесь нет. Все, что ты должен сделать, — это открыть нож, и ты должен, потому что иначе Крошка задохнется».

Я оглянулся, ища подходящий обломок камня или что-нибудь, что сошло бы за ноготь. Потом проверил свой пояс.

Выручил меня геологический молоток. Зубец на его головке был достаточно остр, чтобы зацепить лезвие. Я перерезал веревку. Я все еще пребывал в тупике.

Мне было необходимо достать баллон за своей спиной. Когда я выбросил тот, пустой, и повесил себе на спину последний свежий баллон, я начал брать воздух из него и сэкономил почти половину заряда во втором баллоне. Я хотел сохранить его на крайний случай и разделить с Крошкой. И вот время пришло — у нее кончился воздух; у меня в одном баллоне тоже, но я все еще располагал половинным зарядом в другом, да еще одной восьмой заряда (или меньше) в баллоне с чистым кислородом, лучшее, на что я мог надеяться, уравнивая давления. Я хотел дать ей одну четвертую заряда кислородно-гелиевой смеси — она дольше продержится и будет иметь большой охлаждающий эффект.

«Типичный авантюризм странствующего рыцаря», — подумал я; и даже двух секунд не потратил на

то, чтобы от этого замысла отказаться. Я же никак не мог снять баллон со спины.

Вероятно, это удалось бы мне, не переделай я лямки под свои нестандартные баллоны. Инструкция гласит: «Протяните руку за плечо, закройте стопорные клапаны баллона и шлема, отсоедините зажим». На моем мешке не было зажимов, я заменил их петлями. Но я и сейчас не думаю, что человек, одетый в термоскафандр, сумеет сунуть руку на плечо и толково ею действовать. Сдается мне, что инструкцию писал кабинетный работник. Возможно, ему доводилось видеть, как кто-то делал это в благоприятных условиях. Может, он и сам это делал, но тогда он должен быть каким-то чудом-юдом, у которого плечи вывернуты. И я готов прозакладывать полный баллон кислорода, что монтажники на космической станции № 2 помогали друг другу управляться с баллонами точно так же, как мы с Крошкой, либо заходили в шлюз и снимали скафандр.

Если только доживу, я все это изменю. Все, что нужно делать человеку в скафандре, должно быть предусмотрено так, чтобы ему не приходилось лезть за спину — все клапаны, зажимы и прочее должны располагаться спереди. Мы же устроены не так, как Червелицкий с его тремя глазами и руками, гнущимися как угодно. Мы можем работать только глядя перед собой, а в космическом скафандре это справедливо втройне. И обязательно нужно, просто необходимо оконце под подбородком, чтобы видеть, что делаешь! Многие вещи прекрасно выглядят на бумаге, но на практике!

Однако я вовсе не тратил времени на бесполезные стенания. У меня под руками была одна восьмая заряда кислорода, и я схватился за этот баллон.

Моя несчастная, неоднократно использованная лента представляла собой жалкое зрелище. С бинтом я и возиться не стал, дай Бог, чтоб лента держала. Обращался я с ней так осторожно, как будто она была из золота, постарался замотать ее потуже и оставил конец, чтобы перекрыть полностью выходной клапан, если скафандр Крошки начнет сдавать. Когда я кончил работать, пальцы у меня тряслись.

Крошка уже не могла помочь мне закрыть клапан. Я просто сжал стык одной рукой, другой рукой открыл ее пустой баллон, быстро повернулся и открыл баллон с кислородом, потом перехватил руку, зажал клапан баллона Крошки и стал следить за датчиками.

Две стрелки пошли навстречу друг другу. Когда они замедлили движение, я начал закрывать ее баллон, и в это время мой схваченный лентой стык сорвался. Клапан я успел закрыть так быстро, что много газа из ее баллона не ушло. Но ушло все, что было в подающем баллоне. Я не стал тратить время на переживания, отодрал кусок ленты, проверил чистоту соединительного штыря, подсоединил слегка заряженный баллон обратно к скафандру Крошки и открыл стопорные клапаны.

— Крошка! Крошка! Ты слышишь меня! Очнись! Очнись! Мэмми, заставьте же ее очнуться!

Мэмми запела.

Ля, си,

до, ре,

ми, ре,

до, соль.

— Крошка!

— Да, Кип?

— Очнись! Вставай! Миленькая моя, душечка, пожалуйста, вставай!

— Помоги мне снять шлем... я не могу дышать.

— Нет, можешь. Нажми подбородком клапан, ты сразу почувствуешь! Свежий воздух!

Она вяло попыталась нажать клапан. Перекрывая его с помощью внешнего, я пустил ей в шлем быструю сильную струю воздуха.

— О-о-о-ох!

— Вот, видишь? У тебя есть воздух, много воздуха! А теперь вставай.

— Ради Бога, дай ты мне спокойно полежать.

— Черта с два! Ты противная, мерзкая, избалованная маленькая дрянь, если ты сейчас не встанешь, никто никогда не будет тебя любить! И Мэмми тебя любить не будет, да скажите же ей, Мэмми!

— Вставай, доченька!

Крошка попыталась встать изо всех сил. Я помог ей — главное, что она попыталась. Дрожа, она приникла ко мне, и я удержал ее от падения.

— Мэмми, — позвала она слабым голосом. — Я встала. Вы... вы все еще меня любите?

— Да, милая.

— У меня... кружится.. голова... я... наверное... не смогу... идти.

— Тебе не надо идти, маленькая, — сказал я ласково и взял ее на руки. — Больше не надо.

Она совсем ничего не весила. Тропа исчезла, когда кончились холмы, но следы краулера ясно отпечатались в пыли и вели на запад. Я сократил поступление воздуха так, что стрелка индикатора цвета крови повисла на самом краю отметки «Опасность». Я держал ее там, нажимая подбородком на клапан лишь тогда, когда она начинала поползть на эту отметку. Я решил, что конструктор должен был оставить какой-то запас прочности, как бывает со счетчиками бензина в автомобилях. Крошке я велел не спускать глаз с ее индикатора и держать его в таком же положении. Она обещала слушаться, но я все время напоминал ей об этом, прижимаясь к ее шлему, чтобы мы могли разговаривать.

Я считал шаги и через каждые полмили просил Крошку вызывать станцию. Она была за горизонтом, но, может быть, их антенна достаточно высока, чтобы засечь нас. Мэмми тоже говорила с Крошкой, говорила все что угодно, лишь бы не дать ей потерять сознание. Ее воркованье помогло экономить силы и мне.

Несколько позже я заметил, что стрелка моего индикатора снова зашла на красное. Я нажал на клапан и подождал. Безрезультатно. Я снова нажал на него, и стрелка медленно поползла в сторону белой отметки.

— Как у тебя с воздухом, Крошка?

— Все нормально, Кип, все нормально.

«Оскар» орал на меня. Я моргнул и заметил, что моя тень исчезла. Раньше она простиралась вперед и под углом ложилась на следы. Следы все еще были на месте, но тени я больше не видел. Это разозлило меня, так что я обернулся и поискал ее взглядом. Она очутилась позади меня. В прятки вздумала играть, тварь проклятая!

— Так-то лучше, — сказал «Оскар».

— Жарко здесь, «Оскар».

— Думаешь, там прохладнее? Следи за тенью, приятель, и не спускай глаз со следов.

— Ладно, ладно, только отстань!

Я твердо решил, что больше не позволю тени исчезнуть. Я ей покажу, как со мной в прятки играть!

— Воздуха здесь чертовски мало, «Оскар».

— Дыши медленнее, дружище. Справимся.

— Никак, над нами корабль пролетел?

- Мне почему знать? Окуляры ведь у тебя.
— Не выпендривайся, не до шуток мне сейчас.

Я сидел на земле, держа на коленях Крошку, «Оскар» крыл меня почему зря, а Мэмми уговаривала тоже:

— Вставай, вставай, ты, обезьяна чертова! Вставай и борись!

— Встань, Кип, голубчик! Ведь осталось совсем немного.

— Дайте отдышаться.

— Ну, черт с тобой. Вызывай станцию.

— Крошка, вызови станцию, — сказал я.

Она не отвечала. Это так напугало меня, что я пришел в чувство.

— Станция Томба, станция Томба, отвечайте! — я встал на колени, затем поднялся на ноги. — Станция Томба, вы слышите меня?

— Слышу вас, — ответил чей-то голос.

— Помогите! Умирает маленькая девочка! Помогите!

Неожиданно станция выросла прямо перед моими глазами: огромные сверкающие купола, высокие башни, радиотелескопы. Шатаюсь, я побрел к ней.

Раскрылся гигантский люк, и из него навстречу мне выполз краулер. Голос в моих наушниках сказал:

— Мы идем. Стойте на месте. Передачу кончаю.

Краулер остановился подле меня. Из него вылез человек и склонился своим шлемом к моему.

— Помогите мне затащить ее вовнутрь, — выдавил я и услышал в ответ:

— Задал ты мне хлопот, кореш. А я терпеть не могу людей, которые задают мне хлопот.

За его спиной стоял еще один, потолще. Человек поменьше поднял какой-то прибор, похожий на фотоаппарат, и навел его на меня.

Больше я ничего не помнил.

Глава 7

Не знаю даже, доставили ли они нас обратно краулером, или Червелицкий прислал корабль. Я проснулся от того, что меня били по щекам, и понял, что лежу в каком-то помещении. Бил меня Тощий — тот самый че-

ловек, которого Толстяк звал Тимом. Я попытался дать ему сдачи, но не смог и с места сдвинуться — на мне было что-то вроде смирительной рубашки, которая спеленала меня, как мумию. Я заорал.

Тощий сгрел меня за волосы и запрокинул мне голову, пытаюсь впихнуть в рот большую капсулу. Я же пробовал укунить его. Он ударил меня еще сильнее, чем раньше, и снова поднес капсулу к моим губам. Выражение его лица не изменилось, оно оставалось таким же гадким, как и всегда.

— Глотай, парень, глотай, — услышал я и отвел взгляд. С другой стороны стоял Толстяк.

— Лучше проглоти, — посоветовал он, — тебе предстоит пять паршивых дней.

Я проглотил капсулу. Не потому, что оценил совет, а потому, что одна рука зажала мне нос, а другая впихнула капсулу в рот, когда я глотнул воздуха. Чтобы запить капсулу, толстяк предложил чашку воды, от которой я не отказался — вода пришлась в самый раз.

Тощий всадил мне в плечо шприц такого размера, которым можно было усыпить лошадь. Я объяснил ему, что я о нем думаю, употребляя при этом выражения, обычно не входящие в мой лексикон. Тощий, должно быть, на секунду оглох, а Толстяк только хмыкнул. Я перевел взгляд на него.

— И ты тоже, — добавил я тихо.

Толстяк укоризненно щелкнул языком.

— Сказал бы спасибо, что жизнь тебе спасли, — заявил он. — Хотя, конечно, и не по своему желанию. Кому нужна такая жалкая парочка! Но Он велел.

— Заткнись, — сказал Тощий. — Привяжи ему голову.

— Да черт с ним, пусть ломает шею. Давай лучше о себе позаботимся. Он ждать не станет. — Но тем не менее Толстяк повиновался.

Тощий поглядел на часы:

— Четыре минуты.

Толстяк торопливо затянул ремень вокруг моего лба, затем они оба быстро проглотили по капсуле и сделали друг другу уколы. Я тщательно, как мог, следил за ними.

Я снова на борту корабля. То же свечение потолка, те же стены. Они поместили меня в свою каюту — по стенам располагались их койки, а меня привязали к мягкому диванчику посередине.

Они торопливо забрались на койки и начали влезать в коконообразные оболочки, похожие на спальные мешки.

— Эй вы! Что вы сделали с Крошкой?

— Слышал, Тим? Хороший вопрос, — фыркнул Толстяк.

— Заткнись.

— Ах ты... — Я уж собрался подробно высказать все, что я думаю о Толстяке, но голова моя пошла кругом, а язык прилип к небу. Я и слова не мог больше вымолвить. Внезапно навалилась страшная тяжесть, и диванчик подо мной превратился в кусок скалы.

Очень долго я был в каком-то тумане — и не спал, и не бодрствовал. Сначала я вообще ничего не чувствовал, кроме ужасной тяжести, а потом стало невыносимо больно и хотелось закричать.

Постепенно боль ушла, и я вообще ничего не чувствовал, даже собственного тела; потом начались кошмары: будто я превратился в персонаж дешевого комикса из тех, против которых принимают резолюции протеста на всех собраниях ассоциации родителей и учителей, а неуспевающие ребята опережают меня на каждом шагу, как я ни стараюсь.

В моменты просветления я начинал понимать, что корабль несется куда-то с огромной скоростью и невероятными ускорениями. Я торжественно приходил к заключению, что полпути уже позади, и пытался вычислить, сколько будет вечность помножить на два. В ответе все время получалось восемьдесят пять центов плюс торговый налог; на кассовом счетчике появлялись слова «не продается», и все начиналось заново.

Толстяк развязывал ремень на моей голове. Ремень так влип в лоб, что отодрался с куском кожи.

— Вставай веселей, приятель. Не трать времени.

Сил у меня хватило лишь на стон. Тощий продолжал снимать с меня ремни. Ноги мои обмякли, и их пронзила боль.

— Вставай, говорят тебе!

Я попытался встать, но ничего не вышло. Тощий вцепился мне в ногу и принялся ее массировать. Я завопил.

— А ну, дай-ка мне, — сказал Толстяк. — Я ведь был когда-то тренером.

Толстяк действительно кое-что умел. Я вскрикнул, когда его крепкие пальцы впились мне в ляжки, и он остановился.

— Что, слишком сильно?

Я даже ответить не смог. Он продолжал массаж и сказал почти дружеским тоном:

— Да, пять дней при восьми «g» — не увеселительная прогулка. Но ничего, переживешь. Тим, давай шприц.

Тощий всадил мне шприц в левое бедро. Укола я почти не почувствовал. Толстяк рывком заставил меня сесть и сунул в руки чашку. Мне казалось, что там вода, я сделал глоток, задохнулся и все расплескал. Толстяк налил мне еще.

— Пей.

Я выпил.

— А теперь вставай. Каникулы окончились.

Пол подо мной заходил ходуном, и мне пришлось вцепиться в Толстяка, чтобы удержаться на ногах.

— Где мы? — спросил я хрипло.

Толстяк усмехнулся, как будто готовился угостить меня первосортной шуткой.

— На Плутоне, естественно. Чудесные места! Летний курорт, правда, далековато.

— Заткнись. Заставь его идти.

— Шевелись, парень. Не заставляй Его ждать.

Плутон! Невозможно! Никто ведь не забирался еще так далеко! Да что там Плутон, никто еще и на спутники Юпитера летать не пытался. А Плутон намного дальше их... Нет, голова у меня совсем не работала. Только что пережитые события задали мне такую встряску, что я уже не мог верить даже очевидному. Но Плутон!!!

Времени на изумление мне не дали, пришлось быстро облачаться в скафандр. Я так был рад снова увидеть «Оскара», что забыл обо всем остальном.

— Одевайся, живо, — рывкнул Толстяк.

— Хорошо, хорошо, — ответил я почти радостно и осекся. — Слушай, но ведь у меня весь воздух вышел.

— Протри глаза, — последовал ответ.

Я присмотрелся и увидел в заплочном мешке заряженные баллоны. Смесь гелия с кислородом.

— Хотя, надо сказать, — продолжал Толстяк, — это Он приказал, а я бы тебе дал понюхать кое-что другое. Ты ведь у нас увел два баллона, молоток, моток веревки, который на Земле обошелся в четыре девяносто пять.

Когда-нибудь, — заявил он без всякого оживления, — я тебе за это шкуру спущу.

— Заткнись, — сказал Тощий. — Пошли.

Я влез в «Оскара», включил индикатор цвета крови и застегнул перчатки. Потом натянул шлем и сразу почувствовал себя намного лучше лишь оттого, что был в скафандре.

— Порядок?

— Порядок, — согласился «Оскар». — Далеко мы забрались от дома.

— Зато у нас есть воздух! Выше голову, дружище!

Все функционировало нормально. Нож с пояса, разумеется, исчез, исчезли и молоток с веревкой. Но это мелочи, главное, что не была нарушена герметичность.

Тощий шел впереди меня, Толстяк — сзади. В коридоре мы миновали Червелицего, и хотя меня и передернуло, но на мне был «Оскар» и мне казалось, что Червелицему меня не достать. Еще кто-то присоединился к нам во входном шлюзе, и я не сразу понял, что это Червелицкий, одетый в скафандр. Он походил в нем на засохшее дерево с голыми ветвями и тяжелыми корнями, однако его скафандр имел превосходный шлем из гладкого стекловидного материала. Шлем напоминал зеркальное стекло, за ним ничего не было видно. В этом наряде Червелицкий выглядел скорее смешно, чем страшно. Но я все равно старался держаться от него подальше. Давление падало, и я старательно расходовал воздух, чтобы скафандр не раздулся. Это напоминало мне о том, что интересовало меня больше всего: где Крошка и Мэмми? Я включил радио и сказал:

— Проверка связи. Альфа, браво, кока...

— Заткнись. Когда будешь нужен, тебя позовут.

Открылась наружная дверь, и перед моими глазами предстал Плутон.

Я даже не знал, чего ожидать. Плутон так далеко от нас, что и с Лунной обсерватории еще не удавалось сделать хороших его снимков. Вспомнив статьи в «Сайентифик Америкен» и рисунки, выполненные «под фотографии», я предположил, что попал на Плутон в начале здешнего лета, если «летом» можно считать время года, достаточно теплое, чтобы начал оттаивать замерзший воздух. Я это припомнил потому, что те статьи утверждали, что по мере приближения Плутона к Солнцу у него появляются признаки атмосферы. Но Плутоном я никогда по-настоящему не интересовался, слишком мало

о нем известно и слишком много сочиняется домыслов по его поводу, находится он очень далеко, а планета, прямо скажем, не дачная. Луна по сравнению с ней просто курорт.

Солнце стояло прямо передо мной, и я не узнал его сначала, оно казалось размером не больше, чем Венера или Юпитер с Земли, хотя и намного ярче. Толстяк толкнул меня под ребра:

— Очнись и топай.

Люк соединялся мостиком с навесной дорогой, проложенной на металлических опорах, напоминающих паучьи лапы размером от двух футов до двенадцати, в зависимости от рельефа местности. Дорога вела к подножию гор футов в двухстах от нас. Земля была покрыта снегом, ослепительно-белым, даже под этим дальним Солнцем.

В месте, где дорога поддерживалась самыми высокими опорами, был виден переброшенный через ручей виадук.

Что здесь за вода? Метан? А снег? Твердый аммиак? Под рукой не было таблиц, по которым можно определить, какие вещества принимают какую форму: твердую, жидкую или газообразную — при этом чудовищном холоде «летом» на Плутоне. Я знал только, что зимой здесь так холодно, что не остается ни газов, ни жидкостей — один лишь вакуум, как на Луне.

Пожалуй, хорошо, что мы спешили. С левой стороны дул сильный ветер и замерзал левый бок, несмотря на все усилия отопительной системы «Оскара», а идти становилось опасно для жизни, в любой момент могло унести неизвестно куда. Я решил, что наш вынужденный марш-бросок по Луне был не намного безопаснее, чем падение в этот «снег». Интересно, разобьется ли человек о него сразу или сможет еще бороться после того, как скафандр замерзнет и разлетится в клочья?

Помимо ветра и отсутствия ограждения, опасность представляли собой еще и снующие взад-вперед червелицы в скафандрах. Бегали они в два раза быстрее нас, а дорогу уступали так же охотно, как собака уступает кость. Даже Тощий выделял кренделя ногами, я три раза чуть не свалился.

Дорога перешла в туннель, футов через десять ее перекрывала панель, которая при нашем приближении отъехала в сторону. Футами двадцатью ниже мы увидели еще одну, она тоже отошла в сторону, а потом закры-

лась. Таких дверей нам встретилось на пути около двух десятков, они были устроены по принципу быстро закрывающихся клапанов, и давление после каждой из них несколько возрастало. Что их приводило в действие, я не видел, хотя туннель освещался мерцающим светом. Наконец мы прошли через воздушный шлюз, двери которого оставались открытыми благодаря действию давления, и очутились в огромном помещении, где нас ждал Червелицкий. Тот самый, решил я, потому что он заговорил по-английски:

— За мной! — услышал я сквозь шлем. Но определить точно, тот это был червелицкий или не тот, я не мог, потому что их вокруг стояло много. А мне легче было бы отличить одного кабана-бородавочника от другого, чем их друг от друга.

Червелицкий спешил. Скафандра на нем не было, и я испытал облегчение, когда он отвернулся, так я не видел его жуткого рта. Но облегчение было весьма относительным, поскольку теперь я созерцал его третий глаз.

Поспевать за ним оказалось нелегко. Он провел нас по коридору, затем сквозь еще одни массивные двойные открытые двери и, наконец, внезапно остановился перед отверстием в полу, смахивающим на канализационный люк.

— Раздеты! — приказал он.

Толстяк и Тощий скинули шлемы, так что я понял, что этим воздухом можно дышать, но я совсем не хотел вылезать из «Оскара», коль скоро рядом находился Червелицкий. Толстяк отстегнул мой шлем.

— Скидывай эту шкуру, малый, да поживей!

Тощий расстегнул мой пояс, и они быстро содрали с меня скафандр, невзирая на сопротивление. Червелицкий ждал. Как только меня вытащили из «Оскара», он показал на отверстие:

— Вниз!

Меня передернуло, дыра казалась глубокой, как колодец, но еще менее привлекательной.

— Вниз! — повторил он. — Быстро!

— Выполняй, голуба, — посоветовал Толстяк. — Прыгай, а то столкнем. Лучше лезь сам, пока Он не рассердился.

Я рванулся в сторону. Но в ту же секунду Червелицкий схватил меня и потянул обратно. Я подался назад, и очень вовремя, чтобы успеть превратить падение в неуклюжий прыжок.

До дна оказалось далеко, но падать было не так больно, как на Земле, хотя лодыжку я подвернул. Значения это не имело, я никуда не собирался, поскольку дырка в потолке была единственным выходом отсюда.

Я очнулся в камере площадью около двадцати квадратных футов, вырубленной в твердой скале, хотя определить точно было трудно — стены и потолок затягивал тот же материал, что и в каюте корабля. Полпотолка закрывала осветительная панель. Вполне можно читать, если бы были книги. Единственная деталь, разнообразящая обстановку, — струйка воды, вытекающая из отверстия в стене в углубление размером с ванну и сваливающаяся неизвестно куда.

В камере было тепло, что мне понравилось, поскольку здесь не нашлось ничего, напоминающего кровать или постель, а вывод, что придется провести здесь довольно много времени, напрашивался сам собой, меня, естественно, интересовали проблемы пищи и сна.

Всеми этими похождениями я был сыт по горло. Заниматься бы мне своими собственными делами в Сентервилле, а тут принесло этого Червелицего. Усевшись на пол, я стал обдумывать самые мучительные способы его уничтожения.

Наконец, я бросил заниматься чепухой и снова подумал о Крошке и Мэмми. Где они? Не лежат ли их трупы между горами и станцией Томба? Мне пришла невеселая мысль о том, что бедной Крошке было бы лучше вовсе не очнуться от второго обморока. О судьбе Мэмми я мог лишь догадываться, поскольку мало что вообще о ней знал, но в смерти Крошки уже не сомневался. Что же, есть определенная закономерность в том, что я сюда попал — рано или поздно странствующему рыцарю суждено угодить в темницу. Но, по всем правилам, прелестная дева должна быть заключена в башне того же замка. Прости меня, Крошка, я не рыцарь, а всего лишь подручный аптекаря — клистирная трубка. «Но чистота его сердца удесятеряет его силы!» Не смешно.

Потом мне надоело заниматься самобичеванием, и я решил узнать, который час, хотя значения это никакого не имело. Но, согласно традиции, узник обязан делать отметки на стенах и считать проведенные в темнице дни. Однако мои наручные часы не шли, и завести я их не мог. Пожалуй, восемь «г» оказались для них слишком сильной нагрузкой, хотя они преподносятся как

противоударные, водонепроницаемые, антимагнитные и стойкие к антиамериканским настроениям.

Немного спустя я лег и уснул.

Разбудил меня грохот. Это свалилась на пол консервная банка. При падении она не разбилась, на ней оказался ключ, и я быстренько ее вскрыл. Солонина, и очень недурная. Пустую банку я приспособил под чашку — вода могла быть отравлена, но другой все равно не было, и я отмыл ее как следует от жира.

Вода оказалась теплой, я умылся. Сомневаюсь, чтобы за последние двадцать лет кто-нибудь из моих соотечественников нуждался в ванной больше, чем я сейчас. Затем я постирал одежду. Мои рубашка, трусы и носки были сделаны из быстро сохнущей синтетики, а джинсы сохли дольше, но меня это не беспокоило. А вот знай я, что попаду на Плутон, то обязательно захватил бы с собой хоть один из двухсот кусков мыла «скайвей», сложенных на полу у нас в чулане.

Стирка надоумила меня произвести инвентаризацию наличного имущества. В карманах у меня имелись: носовой платок, шестьдесят семь центов мелочи, долларовая купюра, настолько затаस्कанный и пропитанный потом, что даже портрет Вашингтона стал почти неразличим, автоматический карандаш с рекламной надписью «Лучшие молочные коктейли — в ресторане Джея для автомобилистов» (вранье, конечно, — лучшие коктейли в городе делал я), а также список продуктов, которые мама просила меня купить у бакалейщика и которые я не купил из-за идиотского кондиционера в аптеке. Список был не таким затаस्कанным, как доллар, потому что лежал в нагрудном карманчике рубашки.

Я разложил все вещи в ряд и осмотрел их. Сомнительно, чтобы из них удалось сделать чудесное оружие, с помощью которого я сумею вырваться отсюда, захватить корабль, научиться им управлять и, победоносно вернувшись домой, предупредить Президента об опасности, спасти страну.

Я разложил вещи по-другому. Но даже от этого они не стали похожи на детали чудо-оружия. Просто потому, что они им не были.

Разбуженный кошмарами, я вдруг отчетливо вспомнил, где я нахожусь, и мне захотелось обратно в кошмарный сон. Я лежал, жалея самого себя, и вскоре слезы ручьем хлынули на мой дрожащий подбородок. Я ни-

когда не ставил самоцелью «не быть плаксой», отец не раз говорил, что в слезах ничего дурного нет, просто на людях плакать не принято, хотя у некоторых народов плач считается общественно-полезным делом. Однако у нас в школе было позором прослыть плаксой, так что я отучился плакать уже давно. К тому же, слезы изматывают, но ничего не меняют. Так что я закрыл краны и взялся за оценку обстановки.

Планы у меня возникли следующие:

1. Выбраться из этой ямы.
2. Найти «Оскара» и влезть в него.
3. Выбраться наружу, украсть корабль и отправиться домой.

4. Придумать оружие или способ, как отбиться от червелицых, или отвлечь их внимание, пока я убегу и буду искать корабль. Это как раз дело легкое. Любой супермен, обладающий даром телепортации и стандартным набором парапсихологических чудес, справится запросто. Не забыть бы только составить абсолютно надежный план операции и оплатить страховой полис.

5. Самое главное: прежде чем сказать «прости» романтическим берегам экзотического Плутона и его гостеприимным красочным туземцам, необходимо удостовериться, что ни Крошки, ни Мэмми здесь нет, а если они здесь, то забрать их с собой, ибо лучше быть мертвым героем, чем живым предателем. Смерть, конечно, дело пакостное и неприятное, но ведь и гниде придется когда-нибудь умирать, как ни пытайся она остаться в живых, а до этого дня придется жить, постоянно объясняя, почему поступил тогда так, а не иначе. Строить из себя героя, разумеется, занятие малопривлекательное, но альтернатива этому выглядит гораздо хуже.

И совсем не в том дело, что Крошка умеет управлять кораблем, а Мэмми в состоянии меня этому научить. Доказать это невозможно, но сам для себя знаю твердо, что иначе не могу.

Примечание: итак, я научусь пилотировать корабль, но выдержу ли я полет при восьми «g»? Я не помню, как ково мне пришлось. Автопилот? А есть ли на нем указатели по-английски? Брось дурить, Клиффорд!

Дополнительное примечание: сколько времени займет путь домой при одном «g»? Весь остаток века? Или всего лишь достаточный срок, чтобы умереть с голоду?

6. Трудотерапия. Я должен что-то придумать, чтобы занять себя в промежутки отдыха между раздумьями

над предыдущими пунктами плана. Это необходимо, чтобы сохранять форму и держать себя в руках. О. Генри в тюрьме писал рассказы, Святой Павел создал самые сильные свои произведения во время римского заключения. Что же, в следующий раз захвачу с собой пачку бумаги и машинку. А сейчас придется удовлетвориться математическими головоломками и шахматными задачами. Годится все что угодно, лишь бы не начать себя жалеть.

Итак, за работу. Пункт первый: выбраться из этой ямы. Как? Ширина камеры футов двадцать, до потолка футов двенадцать. Стенки гладкие, как щечки младенца, и непроницаемые, как сборщик налогов. Что еще? Отверстие в потолке, струйка воды и выемка, в которую она стекает. Я подпрыгнул и достал до потолка. Отсюда вывод, что сила тяжести здесь составляет 0,5 «g». Определить раньше я никак не мог потому, что до Плутона испытал притяжение в одну шестую нормального, а потом бесконечно долго летел при восьми «g», так что мои рефлексy уже все перепутали.

Но хотя потолок я и мог достать, но был не в состоянии ни лезть по нему, ни летать под ним. Можно, конечно, разодрать одежду и свить веревку. Но обо что ее зацепить? Насколько я помню, пол наверху вокруг отверстия абсолютно гладкий. Но если даже я за что-нибудь зацеплюсь? Что дальше? Бегать вокруг в чем мать родила, пока не нарвусь на Червелицего и тот не загонит меня обратно в яму, на этот раз голого? Я решил отложить трюк с веревкой до тех пор, пока не разработано способа загнать Червелицего и все его племя в тупик.

Вздыхнув, я снова огляделся вокруг. Что остается? Струйка воды и маленький бассейн под ней.

Есть такая история о двух лягушках, угодивших в чан со сметаной. Одна, поняв всю безнадежность положения, задрала лапки вверх и утонула. А вторая по глупости своей никак не могла понять, что это конец, и все знай брыкалась, пытаясь выбраться. Несколько часов спустя она сбила такой огромный кусок масла, что держалась на нем, как на острове, пока не пришла молочница и не выбросила ее вон.

Вода с одной стороны лилась в тазик, а с другой — куда-то выливалась. А что, если она не будет выливаться? Так, а удержусь ли я на поверхности, пока вода заполнит комнату и дойдет до отверстия в потолке? Что

ж, это можно вычислить. У меня ведь есть консервная банка.

С виду она была объемом с пинту, а пинта она и в Африке весит фунт, кубический фунт воды весит (на Земле) чуть больше шестидесяти фунтов. Но мне надо знать точно. Размер моей ступни — одиннадцать дюймов. Двумя монетками я отметил одиннадцать дюймов на полу. Оказывается, что ширина долларовой купюры составляет 2,5 дюйма. В скором времени я довольно точно определил размеры комнаты и емкость банки.

Наполнив банку под струей, я быстрым движением опорожнил ее, считая при этом секунды. В конце концов я вычислил, сколько понадобится времени, чтобы заполнить всю комнату водой. Ответ мне так не понравился, что я просчитал все еще раз.

Четырнадцать часов! Сумею ли я продержаться так долго на плаву? Сумею, черт побери, если нужно! Человек может держаться на плаву сколько угодно, если не запаникует.

Скомкав джинсы, я сунул их в сливное отверстие и чуть их не упустил вместе с водой. Поэтому я обмотал их вокруг банки и заткнул слив этим узлом. На этот раз он прочно застрял в отверстии, и я забил оставшиеся щели другой одеждой. А потом принялся ждать, самодовольно усмехаясь. Возможно, потоп заодно отвлечет их внимание и поможет мне бежать. Вода поднялась на дюйм выше пояса и... перестала литься.

Следовало мне знать, что существа, способные создавать такие корабли, безусловно, способны создать безопасную систему водоснабжения, которая не зальет им квартиру.

Я вытащил обратно свою одежду, все, кроме одного носка, и разложил сушить. В эту историю о лягушках я, в общем-то, никогда и не верил.

Сверху сбросили еще одну консервную банку — ростбиф с картошкой. Сытно, конечно, но я уже заскучал по персикам. На банке оттиснуто: «Для продажи на Луне по сниженным ценам», так что весьма вероятно, что Толстяк и Тощий приобрели ее честным путем. Интересно, как им нравится со мной делиться? Без сомнения, они пошли на это только по приказу Червелицего. Но отсюда возникает вопрос, зачем я ему понадобился живой? То есть, конечно, я всецело поддерживал такое решение, но причины его не понимал.

Я решил вести по банкам календарь, считая каждую из них за день.

Потом я снова начал думать о червелицах, и меня осенило: ближайшая к нам звезда — Проксима Центавра. Черт возьми, эти чудовища владеют искусством межзвездных полетов!

Я и сам не знаю, почему так удивился. Давно бы уже следовало понять, что к чему. Я решил сначала, что Червелицкий доставил меня на свою родную планету, что он плутонец или плутократ, Бог их знает, как они называются. Но мое предположение было заведомо неверно.

Он дышал воздухом. Температура его корабля вполне подходила мне. Когда он путешествовал не спеша, корабль шел при одном «g». Он пользовался освещением, пригодным для моих глаз. Следовательно, его родная планета должна походить на мою.

Проксима Центавра — двойная звезда, и одна из них — близнец нашего Солнца: те же размеры, та же температура, те же характеристики. Нетрудно предположить, что она может иметь и планету, похожую на Землю. Кажется, я установил домашний адрес Червелицега.

И я мог сказать точно, откуда он не был родом. Уж наверное, не с планеты, совсем не имеющей атмосферы, где температура достигает абсолютного нуля, вслед за чем наступает «лето», когда оттаивают некоторые газы, но вода остается тверже камня и даже Червелицему приходится носить скафандр. И ни с какой другой планеты нашей системы, потому что ясно как божий день, что Червелицкий чувствует себя как дома только на планете земного типа. И неважно, как он выглядит: пауки тоже на нас мало похожи, но любят они то же самое, что и мы. В наших жилищах на каждого из нас приходится тысяч по десять пауков.

Червелицему и К^о понравилась Земля. Боюсь, что понравилась слишком сильно. Но что же нужно ему на Плутоне?

Однако с чего начинается вторжение в чужую солнечную систему? Я не шучу: моя темница на Плутоне не шутка, а смеяться над Червелициком у меня как-то нет желания. Итак, с чего бы вы начали? Прямо ворвались бы без подготовки или закидали бы всех шапками? Они, кажется, намного опередили нас в техническом развитии, но вряд ли могли знать об этом заранее. И не разумней ли сначала создать опорную базу в недосыгаемом для нас районе Солнечной системы?

Тогда можно оборудовать и передовую базу на, скажем, безатмосферном спутнике приглянувшейся вам планеты, с которой и будет вестись разведка главной цели. В случае утраты разведывательной базы можно просто отойти на основной плацдарм и разработать новое наступление.

Отметьте также и то, что, хотя от нас Плутон невероятно далек, Червелицему до него с Луны всего пять дней лёта. Вспомните вторую мировую войну: главная база надежно удалена от театра военных действий (США — Плутон), но до передовой базы (Англия — Луна) от нее всего лишь пять дней пути, а ее от театра военных действий (Германия — Земля) отделяют всего три часа. Медленно, конечно, но для союзников во время войны оказалось весьма практично.

Оставалось только надеяться, что подобный путь будет менее удобным для банды Червелицега. Хотя возможности помешать его успеху я не видел.

Кто-то сбросил мне еще одну банку: спагетти с мясными тефтелями. Будь это консервированные персики, у меня не хватило бы духу на то, что я сделал: прежде чем открыть банку, я использовал ее вместо молотка. Я сплющил ею уже опорожненную банку и, как мог, сбил ее край в острие, которое заточил о край бассейна. Теперь у меня был кинжал — не очень хороший, но благодаря ему я почувствовал себя менее беспомощным.

Затем я поел. После еды меня разморило. Я все еще оставался пленником, но имел теперь какое-никакое оружие и вроде бы определил, с кем имею дело. Изучить проблему — значит на две трети ее решить. На этот раз кошмары меня во сне не мучили.

В следующий раз вместо банки мне на голову скинули Толстяка. Секундой позже за ним приземлился Тощий. Отпрянув к стене, я вытащил «кинжал». Не обращая на меня внимания, Тощий встал, подошел к воде и начал пить. Толстяка можно было не опасаться — он потерял сознание. Я смотрел на него и вспоминал, какая он дрянь. Но потом подумал, он же мне делал массаж, когда мне было плохо, и начал делать ему искусственное дыхание. Минуту спустя Толстяк задышал сам и выдал:

— Хватит!

Я снова отпрянул к стене, держа кинжал наготове. Тощий сидел у стены напротив, не обращая на нас вни-

мания. Толстяк окинул взглядом мое жалкое оружие и сказал:

— Убери эту штуковину, малый. Мы с тобой теперь лучшие друзья.

Ну да?

Нам, людям, лучше держаться заодно. — Он уныло вздохнул. И это называется благодарностью! После всего, что мы для него сделали!

— О чем ты? — спросил я.

— О чем? Да все о том же. Он решил, что обойдется без нас. Вот мы и сменили квартиру.

— Заткнись, — буркнул Тощий без всякого выражения.

Толстяк скривил лицо.

Сам заткнись, — ответил он злобно. — Мне это надоело. Все «заткнись» да «заткнись», а чем все кончилось?

— Заткнись, тебе говорят.

Толстяк заткнулся. Я так никогда и не узнал толком, что же произошло, потому что Толстяк каждый раз все рассказывал по-другому, а от Тощего вообще не было слышно ничего, кроме однообразных советов заткнуться. Но одно было ясно: они потеряли свою должность то ли подручных гангстеров, то ли членов пятой колонны, то ли как еще можно назвать людей, служащих врагам своего племени. Как-то Толстяк сказал:

— А ведь все из-за тебя.

— Из-за меня? — Я положил руку на сделанный из жестижки нож.

Ага. Не вмешайся ты, он, может, не разозлился бы так.

— Но я же ничего не сделал.

— Это по-твоему. Ты всего лишь увел из-под Его носа двух ценнейших пленников и сорвал все его планы, когда Он спешил со стартом сюда.

— Да, но вы не виноваты.

— Я ему так и сказал. Но поди объясни Ему! Да брось ты хвататься за свою пилку для ногтей, я же говорю, кто старое помянет...

И наконец я узнал то, что интересовало меня больше всего. Когда я в пятый раз заговорил о Крошке, Толстяк спросил:

— А какое тебе до нее дело?

— Да просто хочу знать, жива ли она.

— Жива, конечно. По крайней мере была жива, когда я ее в последний раз видел.

— Это когда было?

— Больно ты любопытный. Здесь я ее видел.

— Так она здесь? — с надеждой переспросил я.

— О чем и толкую. Шляется где попало и все время под ногами путается. Живет, надо сказать, как принцесса, — Толстяк поковырял в зубах и нахмурился. — Никак не пойму, почему ее Он обхаживает, а на нас наплевал. Неправильно это!

Мне это тоже казалось странным, но по другим причинам. Трудно было представить себе отважную Крошку любимицей Червелицего. Либо здесь какой-то секрет, либо Толстяк врет.

Так она же под замком?

— А что толку ее запирасть? Куда она отсюда денется?

Я подумал над этим. Действительно, куда? Шаг наружу означает самоубийство. Даже будь у Крошки скафандр, а уж он-то наверняка заперт, даже окажись под рукой корабль без экипажа, в который она сумеет забраться, корабельного «мозга», маленького приспособления, служащего ключом к системе управления кораблем, ей все равно не найти.

— А что стало с Мэмми?

— С кем, с кем?

— Ну, — я запнулся, — ну, с тем инопланетным существом, которое я нес в скафандре. Ты должен помнить, оно же было там, когда вы нас нашли. Что с ним? Оно живо?

— Эти насекомые меня не интересуют, — хмуро отрезал Толстяк, и больше мне вытянуть из него не удалось.

Но теперь я знаю, что Крошка жива, и из горла наконец исчез комок. Она здесь! Я стал обдумывать возможность подать ей весточку.

Намеки Толстяка на то, что она подружилась с Червелицым, несколько меня не беспокоили.

Верно, что Крошка вела себя непредсказуемо, а иногда и просто ужасно, доводя меня до белого каления, — глупо, высокомерно и просто по-детски. Но она скорее сгорит на костре, чем предаст. У Жанны Д'Арк не было такой силы духа, как у нее.

В камере установилось натянутое перемирие. Я держался в сторонке, спал в один глаз и старался не засыпать, прежде чем не захрапят они. Кинжал я всегда де-

ржал под рукой, со времени их появления в камере я не мылся, чтобы не подставиться под удар. Тощий просто не обращал на меня внимания. Толстяк вел себя почти по-дружески и всячески показывал, что не боится жалкого оружия, хотя, по-моему, только притворялся. Во всяком случае, мне так показалось во время конфликта, возникшего во время кормежки.

Сверху сбросили три банки. Одну подобрал Тощий, вторую — Толстяк. Когда я осторожно, кругами, приблизился, чтобы взять третью, он схватил и ее.

— Отдай ее мне, пожалуйста, — сказал я.

— С чего ты взял, что она твоя, сынок? — усмехнулся Толстяк.

— Три банки, трое людей.

— И что с того? У меня сегодня аппетит, видишь ли, разыгрался, так что вряд ли смогу с тобой поделиться.

— У меня тоже. Так что не валяй дурака.

— Ммм... — казалось, он обдумывает мои слова. — Знаешь что? Пожалуй, я тебе ее продам.

Я заколебался. До какой-то степени его позиция казалась логичной. В самом деле, не мог же Червелицкий зайти в магазин Лунной базы и купить консервы, по всей вероятности, Толстяк и его партнер покупали их на свои. И почему бы мне не подписать долговое обязательство хоть на сотню, а то и на тысячу долларов за банку? Деньги больше ничего не значат, а его это ублажит.

Нет! Поддайся я сейчас, лишь бы только получить свой паек, и он сядет мне на шею. И кончится это тем, что я стану прислуживать ему и вилять хвостом, лишь бы поесть.

Я показал ему свой жестяной кинжал:

— Будем драться.

Кинув взгляд на мою руку, Толстяк улыбнулся во весь рот:

— Ну что ты, сынок, шуток не понимаешь? — И бросил мне банку. Больше споров по поводу еды не возникало.

Жили мы как «счастливая семья», которую любят показывать в бродячих зоопарках, — лев в одной клетке с ягненком. Зрелище впечатляющее, только вот ягненка приходится все время заменять.

Толстяк любил поговорить, и я многое узнал от него, хотя с трудом был способен отличить правду от вымысла. Звали его Жак де Барр де Виньи («Зови меня Джок»), а Тощего — Тимоти Джонсон. Однако сдавалось

мне, что их настоящие имена можно узнать, только тщательно изучив полицейские объявления о розыске преступников. Джок всячески пытался показать, что знает все и вся, но вскоре я пришел к выводу, что ему ничего не известно ни о происхождении червелицких, ни о их дальнейших планах. Червелицкий вряд ли стал бы вступать в беседы с «существами низшего порядка», он просто ездил на них, как мы на лошадях.

Очень охотно Джок рассказал мне следующее:

— Да, девчонку заманили мы. Урана на Луне и в помине нет, все эти басни о нем на сопляков рассчитаны, чтобы завлечь их туда. Так что времени мы впустую потратили изрядно, а есть-то человеку надо?

Я ничего не ответил, чтобы не перебить поток информации. Однако Тим буркнул:

— Заткнись.

— Да брось ты, Тим! Ты что, ФБР испугался? Думаешь, легавые тебя даже здесь достанут?

— Заткнись, говорят тебе.

— Сам заткнись. А мне поболтать охота. Дело было плевое, — продолжал Джок, — эта малышка любопытна, как семь кошек. А Он знал, что она прилетит на Луну, и знал когда, — Джок задумался. — Он всегда все знает, на него очень много людей работает, и некоторые из них — большие шишки. Так что мне всего-то пришлось пошататься по Лунному городку и с ней познакомиться, потому что наш Тим никак не сошел бы за доброго дядю. Разговорился я с ней, угостил кока-колой, наплел всякого такого о романтике лунной геологии. Потом вздохнул и пожалел, что не могу показать ей наш с партнером шурф.

Тут-то она и клюнула. Когда ее тургруппа посещала станцию Томба, она удрала через шлюз — она сама это придумала. Хитрюга, скажу тебе! А нам только и оставалось, что подождать ее в условленном месте, даже руки скручивать не пришлось, пока она не забеспокоилась, что едем мы к нашей шахте намного дольше, чем предполагалось, — Джок усмехнулся. — Для своего веса она здорово, изрядно меня поцарапала.

Да, на Крошку это похоже — уверенная в себе, не боясь никого, она не могла пройти мимо каких бы то ни было новых «познавательных» впечатлений.

— Но Ему вовсе не эта сопля была нужна, — продолжал Джок. — Он хотел заполучить ее отца. Задумал план заманить его на Луну, но ничего не вышло. —

Джок кисло усмехнулся. — Туго нам приходилось, когда у него не получалось так, как он хотел. Но пришлось ему удовлетвориться девчонкой. Это Тим ему подсказал, что ею можно воспользоваться как заложницей.

Тим выдавил пару слов, в которых выразил свое отношение к этой истории. Джок поднял брови:

— Нет, ты послушай только! Ну и манеры!

Мне, наверное, следовало промолчать, поскольку я добивался фактов, а не рассуждений, но я страдаю тем же недостатком, что и Крошка: если я чего не понимаю, то чувствую непреодолимый зуд добраться до сути. Я не мог и до сих пор не могу понять, что движет Джоком.

— Зачем ты это сделал, Джок?

— Что?

— Послушай, ведь ты же человек. И, как ты сам выразился, мы, люди, должны держаться заодно. Как же ты мог заманить для него в ловушку маленькую девочку?

— Ты что, парень, псих?

— Думаю, что нет.

— А говоришь, как псих. Попробуй-ка Ему воспротивиться, я на тебя погляжу.

Я понял, о чем он: возражать Червелицему — все равно что кролику плюнуть в глаз удаву.

А Джок продолжал:

— Ты должен понять чужую точку зрения. Я всегда говорил: «живи и давай жить другим». Он нас схватил, когда мы искали минералы, и после этого выбора у нас уже не было. Это все равно что упираться против властей — шансов никаких. Так что мы пошли на сделку: мы на него работаем, а он нам платит ураном.

Слабый намек на сочувствие, который у меня к нему появился было, немедленно испарился. Меня чуть не стошнило.

— И вам платили?

— Ну, скажем, записывали нам на счет.

— Неважную вы заключили сделку, — сказал я, обводя взглядом камеру.

— Может быть, может быть, — скорчил физиономию Джок. — Но, малый, будь благоразумен! С неизбежным всегда приходится мириться. Эти ребята захватят Землю — у них все для этого есть. Сам ведь видел. А человек, он должен понимать, откуда ветер дует. Меня, знаешь, одна история много чему научила, когда я еще был в твоём возрасте. Жили мы себе в своём городке тихо,

жили не тужили, но хозяин у нас стал староват и начал отпускать вожжи... но тут-то ребята из Сент-Луиса и стали прибирать нашу территорию к рукам. Такая пошла заварушка, ничего не поймешь. Человеку, понимаешь, надо знать, какой стороны держаться, чтобы не проснуться в деревянном гробу. Ну, те, которые быстро смекнули что к чему, приспособились, а остальные... нечего плыть против течения. Без толку это все, ясно?

Понять его логику было нетрудно, особенно с точки зрения «живой гниды». Но от самого главного он увильнул.

— И все же, Джок, как же ты мог поступить так с маленькой девочкой?

— Да я же тебе битый час объясняю, что выхода не было.

— Нет, был. При всем при том, что отказываться, когда он приказывает, просто невозможно, у тебя ведь была возможность бежать.

— Куда?

— Он же тебя послал за ней в Лунный город, ты сам говорил. И у тебя ведь был неиспользованный обратный билет на Землю. Тебе всего-то было нужно затаиться и первым кораблем махнуть на Землю, а не заниматься его грязными делами.

— Но...

— Допускаю, — перебил я его, — что ты не мог укрыться в лунной пустыне, допускаю, что ты не чувствовал бы себя в безопасности даже на станции Томба. Но у тебя был шанс удрать, когда он послал тебя в Лунный город. Ты должен был воспользоваться им, а не заманивать девочку в лапы пучеглазого чудовища.

Он выглядел обескураженным, но ответил живо:

— Ты нравишься мне, Кип! Ты хороший парень. Но глупый. Без понятия.

— Брось, я все понимаю!

— Нет, не понимаешь, — он наклонился ко мне, хотел положить мне руку на колено, но я отпрянул.

— Есть еще одно обстоятельство, — продолжал он, — о котором я тебе не сказал, боялся, что ты примешь меня за зомби или что-то в этом роде. Они нам операцию сделали.

— Какую операцию?

— Простую. Вставили нам в головы бомбы с дистанционным управлением, как на ракетах. Попробуй толь-

ко послушаться, он нажмет кнопку — ба-бах! И мозги — по стенкам. — Он провел рукой по шее. — Видишь шрам? Волосы уже отросли, но если приглядеться, шрам еще заметен, так навсегда и останется. Хочешь поглядеть?

Я уже было склонился посмотреть и вполне поверил бы — за последнее время пришлось поверить и в более невероятные вещи, — но Тим все поставил на место парой нецензурных слов.

Джок дернулся, потом взял себя в руки и сказал:
— Да не обращай ты на него внимания.

Я пожал плечами и отошел. Джок в тот день больше со мной не разговаривал, что меня вполне устраивало.

На следующее «утро» я проснулся от того, что Джок тряс меня за плечо.

— Проснись, Кип, проснись!

Я на ощупь потянулся за своим игрушечным кинжалом.

— Здесь он, у стены, — сказал Джок, — но только теперь он тебе не поможет.

Я схватил кинжал.

— Почему же? А где Тим?

— Ты что, никак не проснешься?

— Что?

— Все проспал, значит? Ничего не видел? Я тебя потому и разбудил, что мне страшно, поговорить с живой душой хочется.

— Что проспал? А Тим где?

Джок дрожал и весь покрылся испариной.

— Они парализовали нас голубым светом, вот что! И забрали Тима. — Его передернуло. — Хорошо, что его. Я ведь думал, ну, понимаешь, ты же заметил... я же толстый... а они любят жир.

— О чем ты? Что они с ним сделали?

— Бедный старина Тим. Были, конечно, и у него грешки, но у кого их нет? Из него, должно быть, уже суп сварили, вот что! — Его опять передернуло.

— Не верю. Ты просто пытаешься запугать меня.

— Не веришь? — Он смерил меня взглядом с головы до ног — Тебя, наверное, следующим потащат. Если ты хоть что-нибудь соображаешь, сынок, возьми лучше свою пилку для ногтей и вскрой себе вены. Так будет лучше.

— А сам-то ты что же? — спросил я. — Хочешь, одолжу?

— У меня духу не хватит, — ответил Джок, дрожа.

Я не знаю, что стало с Тимом. И не знаю, ели ли червелицы людей или нет. Их даже «людоедами» не назовешь — может, мы для них все равно что скот. Но я даже не особенно испугался, потому что все мои предохранители страха давно уже полетели. Мне безразлично, что будет с моим телом, когда я погибну. Но у Джoka подобные мысли вызывали безотчетный ужас. Не думаю, чтобы он был трусом — трус вряд ли станет искать уран на Луне. Но он трясся от страха потому, что всерьез верил своим догадкам. Сбивчиво он дал понять, что оснований им верить у него больше, чем я мог предполагать. По его словам, он летал на Плутон и раньше, и остальные люди, которых доставили сюда кого добром, а кого силой, обратно на Луну не вернулись.

Когда настало время есть, нам сбросили две банки, но Джок сказал, что не испытывает аппетита, и предложил мне свою порцию. «Ночью» он все сидел и пытался бороться со сном.

Проснулся я как после кошмарного сна, в котором, бывает, не можешь шевельнуться. Но это был не сон — незадолго до пробуждения меня облучили синим светом.

Джок исчез.

Больше я никогда не видел ни того, ни другого.

Отчасти мне их даже не хватало, по крайней мере — Джoka. Стало, конечно, намного легче, не надо было все время быть начеку, и я мог позволить себе роскошь вымыться. Но очень надоело мерить в одиночестве клетку шагами.

Никаких иллюзий насчет этих двух бандитов я не испытывал. Наверное, нашлось бы сколько угодно человек, с которыми делить заключение было бы куда приятнее, чем с ними. Но, какие-никакие, они были люди. Тим казался холодным и опасным, как нож гильотины. Но у Джoka сохранились какие-то туманные представления о зле и добре, иначе он не стал бы пытаться найти оправдание своим поступкам. Можно предположить, что у него просто не было силы воли.

Хотя я вовсе не считаю, что понять — значит простить; если встать на эту точку зрения, то дойдешь до того, что начнешь распускать слюни над судьбой убийц, насильников и похитителей детей, забывая об их жертвах. А это неверно. Жалость у меня может вызвать судьба Крошки и других, попавших в ее положение, но не судьба же тех преступников, чьими жертвами они стали.

Мне не хватало болтовни Джока, но будь у меня возможность утопить их, как котят, сразу после рождения, я сделал бы, сделал это, не дрогнув. А о Тиме и говорить нечего. И если они попали в суп к вурдалакам, мне совсем их не жалко, даже если та же судьба завтра ожидает меня. Пожалуй, суп — это лучшее, на что они могут согдаться.

Глава 8

Мои бесплодные размышления прервали взрывы: резкий щелчок, похожий на удар бича, громовой раскат, а затем — шипение, свидетельствующее о понижении давления.

— Что за черт? — вырвалось у меня. «Надеюсь, — подумал затем я, — что вахтенный знает свое дело, иначе — всем нам конец».

На Плутоне, насколько я знал, кислорода нет. Во всяком случае, так утверждали астрономы, а я не испытывал желания проверять их утверждения на своей шкуре. Уж не бомбят ли нас? Вот было бы здорово. Или это землетрясение?

Мысль о землетрясении — предположение отнюдь не праздное; статья «Сайентифик Америкен» о «лете» на Плутоне предсказывала «острые изостатические колебания» по мере повышения температуры. В переводе на нормальный человеческий язык эта «изящная» фраза означает: «Держитесь за шляпу, падает крыша!»

После того как я однажды пережил землетрясение в районе Санта-Барбары, я на всю жизнь усвоил прописную истину, с которой калифорнийцы рождаются, а все остальные запоминают после первого потрясения: «Когда землю трясет, будь на улице!»

Но куда отсюда сбежишь? Минуты две я проверял, набралось ли у меня достаточно адреналина, чтобы прыгнуть на восемнадцать футов вместо двенадцати. Оказалось, не набралось. Но я продолжал заниматься этим еще полчаса, потому что делать было нечего, кроме как грызть ногти.

И тут я услышал свое имя:

— Кип! Кип? Ты где?!

— Крошка, — завопил я. — Здесь! Я здесь!

Целую вечность — три секунды — стояла тишина.

— Кип?

— Да здесь я, внизу!

— Кип? Ты в яме?

— Да! Да! Ты что, не видишь? — Голова ее показалась в проеме потолка.

— Теперь я вижу. Ой, Кип, я так рада!

— А чего ревешь? Я тоже очень рад.

— Я не плачу, — всхлипывала она. — Кип... Кип...

— Можешь вытащить меня отсюда?

Она осмотрела отверстие и сказала:

— Не двигайся с места.

— Эй, не уходи! — Но она уже убежала.

Прошло две минуты, но мне они показались неделями. Наконец она вернулась с нейлоновой веревкой, умница!

— Лови! — крикнула Крошка.

— погоди. Как она крепится?

— Я тебя вытащу.

— Нет, не вытащишь. Наоборот, мы с тобой застрянем в этой дыре. Найди, где ее можно закрепить.

— Я подниму тебя.

— Крепи веревку, тебе говорят! Живо!

Она снова исчезла, оставив конец веревки у меня в руках. Вскоре я услышал издалека:

— Готово!

— Проверка! — завопил я в ответ и повис на веревке всем телом. Она держала. — Лезу! — снова заорал я что было мочи и выскочил наверх.

Крошка бросилась ко мне, одной рукой обнимая меня за плечо, второй сжимая мадам Помпадур. Я стиснул ее в объятиях. Она стала еще меньше и тоньше, чем раньше.

— О Кип, как было ужасно!

Я погладил ее по худенькой спинке.

— Знаю, знаю. Что будем делать? А где... — Я хотел спросить, где червелицы, но Крошка расплакалась.

— Кип, наверное, она погибла!

— Кто «она»? — спросил я, ничего не понимая, потому что в голове моей царил сумбур.

— Как кто? — изумилась Крошка. — Мэмми!

— Вот оно что. — Мне вдруг стало совсем грустно. — Ты точно знаешь? Она говорила со мной до последней минуты, но я же жив.

— Да о чем ты... Да нет Кип, не тогда. Сейчас.

— Так она здесь?

— Конечно, а где же еще?

Вопрос, прямо скажем, глупый, если учитывать масштабы вселенной. Я уже давно решил, что Мэмми здесь нет, поскольку Джок ничего о ней не говорил. Мне казалось, что Джок либо сказал бы, что она здесь, либо придумал какую-нибудь вдохновенную ложь из чистого удовольствия соврать. Но коль скоро он не делал ни того, ни другого, то просто не знал, кто она и где. Может, он вообще видел ее всего один раз, как и горб на моем скафандре. Я так был уверен в своей «логике», что до меня не сразу дошел очевидный факт.

— Крошка, — сказал я, задыхаясь, — у меня такое чувство, вроде я потерял собственную мать. Ты уверена, что она погибла?

— Надо говорить «как будто», а не «вроде», — машинально поправила меня Крошка. — Нет, не уверена, не знаю, но она там, снаружи.

— Подожди. Если она там, то должна быть в скафандре.

— С тех пор как нас схватили на Земле, скафандра у нее нет.

Я все меньше и меньше понимал Крошку.

— Как же они доставили ее сюда?

— Загерметизировали в камере и тащили. Что нам теперь делать, Кип?

На это у меня было несколько ответов, и все неправильные — я их уже обдумал во время заключения.

— Где Червелицы? Где все они?

— Погибли, наверное.

— Надеюсь, ты права. — Я огляделся, ища какое-нибудь оружие. В жизни не видел более пустого помещения. Мой игрушечный кинжал лежал футом в восемнадцати от меня, но лезть за ним мне не хотелось. — А почему ты так считаешь?

Оказалось, что у Крошки были на то веские причины. Хотя с виду Мэмми казалась неспособной разорвать даже газету, она недостаток силы восполняла качеством ума. Мэмми и сделала то, о чем я мечтал — червелицых прихлопнула одним махом. Спешить она не могла, потому что требовалось сочетание многих обстоятельств и приходилось выжидать их благоприятного стечения. Прежде всего, нужно было дождаться момента, когда здесь останется совсем мало червелицых. Мы действительно находились на гигантской опорно-перевалочной базе-космодроме, которая нуждалась в большом количестве персонала. Необычная суэта, что я увидел здесь в

первый день, была вызвана прибытием нашего корабля. Во-вторых, следовало выждать момент, когда базу покинут все корабли, потому что справиться с кораблем Мэмми не смогла бы; корабль оказался бы вне пределов досягаемости. В-третьих, атаку следовало начать в тот момент, когда червелицы ели. Когда на базе их оставалось так немного, что столовая работала в одну смену, они обычно собирались все вместе у большого корыта и лакали из него харчи: сцена, достойная пера Данте. Таким образом, все враги сгруппировались бы в единую цель, за исключением, может, одного-двух вахтенных.

— Погоди, — перебил я Крошку, — говоришь, они все погибли?

— Я точно не знаю. По крайней мере, сама никого не видела.

— Ничего не делай, пока я не найду какого-нибудь оружия.

— Но...

— Начнем с самого главного, Крошка!

Сказать, что надо найти оружие — одно дело, а действительно его найти — совсем другое. В коридоре можно было заметить лишь отверстия в полу, похожие на то, куда сбросили меня, поэтому Крошка сразу и не нашла меня; в этом секторе базы гулять ей не разрешали. Джок оказался прав в одном: Крошка и Мэмми были почетными пленниками, которым предоставлялись привилегии, кроме свободы, в то время как Джок, Тим и я оказались то ли третьесортными узниками, то ли суповым набором, то ли тем и другим вместе.

Это вполне соответствовало предположению, что Крошка и Мэмми считались скорее заложниками, чем обычными пленными.

Заглянув в одно из отверстий, я потерял всякое желание заглядывать в другие, потому что увидел на полу человеческий скелет; этому узнику червелицы, видно, надоело бросать еду.

Когда я выпрямился, Крошка спросила меня, почему я побледнел.

— Да так, ничего. Пошли дальше.

— Я хочу тоже посмотреть.

— Крошка, у нас каждая секунда на счету, а мы только и делаем, что болтаем. Пошли, держись за мной.

Не дав ей увидеть скелет, я одержал значительную победу над ее ненасытным любопытством, хотя, весьма возможно, скелет не произвел бы на нее никакого впе-

чатления. Крошка становилась чувствительной лишь тогда, когда чувство ее устраивало.

Приказ «держись за мной» звучал вполне по-рыцарски, но был неразумным: я забыл, что напасть на нас могут и с тыла. Мне следовало бы сказать: «Держись за мной и следи за коридором».

Но она сама догадалась это сделать. Услышав ее крик, я обернулся и увидел червелицега, направившего на меня похожий на фотоаппарат прибор. Хотя Тим однажды сбил меня им с ног я так и не знал толком, что это за штука. На мгновение я застыл на месте.

Крошка прыгнула вперед, выставив вперед руки и ноги, отважно и безрассудно, как котенок. Это меня и спасло. Ее прыжок никому не нанес бы вреда, разве что другому котенку, но червелицкий растерялся, не успев ни убить, ни парализовать меня, и, споткнувшись о Крошку, рухнул на пол. А я прыгнул на него и растоптал босыми ногами эту страшную рачью голову.

Голова треснула. Ощущение было жутким. Она разлетелась на куски, словно я прыгнул на коробку с клубникой. Я даже скорчился от отвращения и страха, несмотря на охватившее меня желание продолжать драться. Растоптав червелицега, я отпрыгнул в сторону; к горлу подкатывала тошнота. Я склонился над Крошкой и оттащил ее назад, так же сильно желая выйти из боя, как секунду назад — его начать.

Правда, врага я не убил. На какой-то страшный миг мне показалось, что придется драться с ним снова. Потом я понял, что хотя он жив, но больше не реагирует на нас. Он трепыхался, как цыпленок, которому только что отрубили голову, после затих и начал двигаться осмысленно.

Но он был слеп: я раздавил ему глаза. Может быть, и уши тоже, но эти жуткие буркала я точно раздавил.

Он тщательно ощупал пол вокруг себя, затем поднялся на ноги — целехонький, если не считать пробитой головы, замер на месте, опершись на все три ноги, и начал шарить руками в воздухе.

Я оттащил Крошку подальше от него.

Он зашагал. Слава Богу, что не к нам, а то бы я криком зашелся от страха. Он отошел в сторону, врезался в стену, отлетел от нее, выпрямился и пошел по коридору тем путем, которым раньше шли мы. Дойдя до одного из люков в полу, он шагнул прямо в него и рухнул вниз. Я облегченно перевел дух и только сейчас заметил,

что так сильно прижал к себе Крошку, что она едва могла дышать.

— Вот тебе и оружие, — сказала она.

— Где?

— На полу. Рядом с мадам Помпадур. Приборчик. — Она подобрала куклу, стряхнула ее, затем подняла аппарат и протянула мне. — Только осторожно, не направь его на себя или меня.

— Крошка, — только и смог вымолвить я. — У тебя что, совсем нервов нет?

— Есть, конечно. Если я позволяю себе вспоминать о них. Но сейчас не до того. Ты умеешь с ним обращаться?

— Нет. А ты?

— Вроде умею. Видела их в действии, и Мэмми кое-что рассказывала, — она небрежно взяла аппарат. — Вот, видишь отверстия наверху? Откроешь это — парализуешь, откроешь второе — убьешь. Чтобы включить аппарат, нужно нажать вот тут. — Она нажала кнопку, и из аппарата на стену хлынул сноп ярко-голубого света.

— Свет никакого эффекта не производит, — продолжала она. — Просто с его помощью легче целиться. Надеюсь, за стеной никого не было. То есть, наоборот, там кто-то был.

Я взял аппарат, очень осторожно прицелился и по ошибке включил на всю мощность. Стена, в которую угодил луч голубого света, раскалилась, от нее повалил дым. Я поспешно выключил аппарат.

— Не трать энергию зря, — упрекнула меня Крошка. — Он нам еще пригодится.

— Надо же было попробовать. Ладно, пошли.

Крошка посмотрела на свои детские часики с Микки-Маусом, и мне стало обидно, что они выдержали все похождения и перегрузки, а мои роскошные сломались.

— У нас очень мало времени, Кип. Может, будем считать, что червелицых здесь больше нет?

— Пока не удостоверимся, что этот был последним, ни в чем нельзя быть уверенным. Пошли.

— Ладно, я пойду впереди. Я знаю дорогу, а ты нет.

— Я тоже знаю.

— Нет, не знаешь!

Пришлось подчиниться. Она шла впереди с оружием в руках, а я плелся сзади и жалел, что у меня, как у червелицых, нет третьего глаза. Не было времени доказы-

вать, что реакция у меня лучше, чем у нее, коль скоро это не так, да и с оружием она знакома лучше меня.

Но мне все равно было неприятно. База оказалась огромной, ее коридоры и помещения были пробиты в скале на глубину мили в полторы. Мы шли очень быстро, не обращая внимания на вещи, которые казались гораздо интереснее и сложнее любых музейных экспонатов, думая лишь о том, наткнемся мы на червелицких или нет. Крошка без конца меня подгоняла: оказывается, план Мэмми строился еще на одном факторе — все должно было произойти до определенного часа плутонианской ночи.

— А почему? — выдохнул я на ходу.

— Чтобы она могла подать сигнал своим соплеменникам.

— Но... — начал я и замолчал.

Я задумывался над тем, что представляет из себя народ Мэмми; ведь я знал о ней еще меньше, чем о червелицких. Но теперь она мертва; Крошка сказала, что она вышла с базы без скафандра. Этому мягкому теплому маленькому существу и двух секунд не выдержать на таком морозе, я уж не говорю об удушье и кровоизлиянии легких. У меня даже горло сжалось.

Конечно, Крошка могла и ошибиться, хотя должен отметить, что это случается с ней редко. Но может, именно сейчас она и ошиблась, а значит, мы Мэмми найдем. А если не найдем, то она действительно вышла и...

— Крошка, ты не знаешь, где мой скафандр?

— Знаю. Там же, где я нашла это, — она похлопала по веревке, которую обмотала вокруг талии.

— Как только удостоверимся, что червелицких здесь больше нет, я пойду искать Мэмми.

— Конечно, конечно! Но надо найти и мой скафандр, я пойду с тобой.

И пойдет, это уж наверняка. Может, удастся уговорить ее подождать меня в туннеле и не выходить на холодный ветер, пронизывающий до костей.

— Крошка, почему ей обязательно нужно было посылать сигнал ночью? Что, в это время корабль находится на ближайшей орбите? Или... — Но слова мои прервал грохот. Пол заходил ходуном... Мы замерли на месте.

— Что это? — прошептала Крошка.

Я сглотнул слюну.

— Если только это не дело рук Мэмми...

— Уверена, нет.

— Значит, землетрясение.

— Землетрясение?

— Ну, плутоотрясение. Надо выбираться отсюда, Крошка!

Я даже не подумал над тем, куда выбираться; при землетрясении ни о чем не думаешь.

К черту землетрясение, Кип, у нас на него времени нет, воскликнула Крошка. — Пошли, Кип, пошли!

Она побежала по коридору, и я последовал за ней, сжав зубы. Если Крошка может пренебречь землетрясением, то и я могу, хотя это все равно, что не заметить гремучую змею, забравшуюся к тебе в постель.

— Крошка! Соплеменники Мэмми, они что, живут в корабле на орбите вокруг Плутона?

— Что? Нет, нет. Не в корабле.

— Так почему же сигнал надо посылать ночью? И на каком расстоянии отсюда их база? — Я начал прикидывать, как быстро человек может идти по Плутону. По Луне мы прошли почти сорок миль. Сумеем ли мы пройти здесь хотя бы сорок ярдов? Ноги можно обмотать чем-нибудь, ну а как быть с ветром...

— Малютка, они, случаем, не живут здесь?

— Что? Не будь идиотом! Они живут на своей собственной, очень славной планете. И перестань задавать дурацкие вопросы, Кип, а то опоздаем. Заткнись и слушай.

Я замолчал. Ее рассказ я слушал на ходу, урывками. Когда Мэмми попала в плен, она потеряла свой корабль, скафандр, средства связи — в общем, все, что у нее было; Червелицкий тут постарался. Он захватил ее предательски, во время переговоров о перемирии. «Он схватил ее, когда она была в "домике", — возмущенно объяснила Крошка, — а это нечестно! Он нарушил слово!»

Предательство так же свойственно Червелицкому, как змеям яд. Я даже удивился, что Мэмми рискнула довериться его слову; в итоге она оказалась пленницей безжалостных монстров, оснащенных кораблями, по сравнению с которыми наши корабли похожи на телеги без лошадей; вооруженных практически любым оружием, даже «смертельным лучом».

А у нее были только ее голова и маленькие мягкие ручки.

Прежде чем она могла бы воспользоваться тем редким стечением обстоятельств, которое одно только и могло дать хоть какой-то шанс на успех, ей было необ-

ходимо восстановить свой коммуникатор (мысленно я зову его «рацией», хотя на самом деле это гораздо более сложный прибор) и обзавестись оружием. У нее был только один выход — самой сделать и то, и другое.

Инструментов у нее не было никаких, даже простой булавки. Чтобы раздобыть материалы, ей предстояло пробраться в комнаты, которые я называл бы электронными лабораториями, — они, разумеется, мало напоминали верстак в мастерской, где я возился с электроникой, но движение электронов происходит по объективным законам природы. Если электронам суждено делать то, что от них требуется, то компоненты оборудования будут очень похожими, кто бы их ни сделал: люди, червелицы или соплеменники Мэмми.

Итак, эти помещения походили на лаборатории, к тому же очень хорошие. Много из оборудования было мне незнакомо, но, думаю, что разобрался бы в нем, если бы мне дали на это время.

Мэмми провела в лабораториях несчетное количество часов, несмотря на то, что доступ туда ей был сначала строго запрещен. Хотя ей и разрешалось свободно ходить почти по всей остальной территории базы и находиться без присмотра, вдвоем с Крошкой, в отведенных им помещениях. По-моему, Червелицкий боялся своей пленницы, не хотел наносить ей ненужных обид.

Она сумела открыть себе дорогу в лаборатории, играя на алчности червелиц. Народ Мэмми умел делать многое, чего не умели делать они — различные приборы и остроумные приспособления, облегчающие работу и жизнь. Начала она с невинных вопросов, почему они делают что-нибудь так, а не иначе, другим, более экономным и рациональным способом? По традиции или в силу религиозных соображений?

Когда ее просили объяснить, что она имеет в виду, Мэмми демонстрировала беспомощное неумение сделать это и извинялась, что не может сообразить, как лучше рассказать о таких пустяках, которые, вообще-то, куда легче смастерить самой и показать наглядно, чем говорить о них.

Под тщательным наблюдением Мэмми допустили к работе. Первый же сделанный ею приборчик произвел огромное впечатление. Потом она сделала еще кое-что. И вскоре работала в лабораториях ежедневно, вызывая своими изделиями восторг червелиц. Работала Мэмми чрезвычайно продуктивно, потому что от производи-

тельности зависела сохранность завоеванной ею привилегии.

Но каждый сделанный ею прибор содержал нужные ей для себя детали.

— Мэмми прятала их в свой мешок, — объясняла мне Крошка. — Они ведь никогда толком не знали, что именно она мастерит. Она использовала четыре детали в работе, а пятую прятала в мешок.

— Мешок?

— Ну да. Она и «мозг» там спрятала, когда мы с ней бежали на украденном корабле. Разве ты не знал?

— Я не знал про мешок.

— К счастью, они тоже не знали. Они ведь тщательно следили за тем, чтобы она ничего с собой не вынесла из мастерской, а она и не выносила. На их глазах, во всяком случае.

— Слушай, Крошка, значит, Мэмми — сумчатое?

— Что? Ты хочешь сказать, как кенгуру? Не обязательно быть сумчатым, чтобы иметь мешок. Взять хотя бы белок, у них, например, защечные мешки.

— Верно.

— Вот она и прятала детали, а я тоже тащила, что могла. В часы, отведенные для отдыха, она возилась с ними в нашей комнате.

За все время, проведенное нами на Плутоне, Мэмми ни разу не сомкнула глаз. Часами работала она на глазах червелицких, мастера им видеотелефоны размером с сигаретную пачку или еще что-нибудь этакое, а потом, когда полагалось отдыхать, трудилась у себя в комнате, зачастую в темноте, на ощупь, как слепой часовщик. Она изготовила две бомбы и маяк дальней связи.

Разумеется, подробности я узнал позже, а когда мы с Крошкой неслись по коридорам базы, она лишь объяснила мне на ходу, что Мэмми ухитрилась сделать радиомаяк и подготовила взрыв, который я почувствовал. И мы должны спешить, спешить и спешить изо всех сил.

— Крошка, — взмолился я, задыхаясь, — к чему такая горячка? Если Мэмми там, за дверьми, я хочу найти и внести ее, то есть ее тело, обратно сюда. Но, глядя на тебя, можно подумать, что нам установлен какой-то срок и ты боишься опоздать.

— Так оно и есть!

Маяк требовалось вынести наружу в определенный момент по местному времени — день на Плутоне продолжительностью с нашу неделю, — опять астрономы ока-

зались правы, чтобы сама планета не экранировала его луч. Но у Мэмми не было скафандра.

Они обдумывали возможность выхода наружу Крошки — маяк Мэмми сделала так, что Крошке достаточно было установить его и включить. Для осуществления этого плана требовалось определить местонахождение Крошкиного скафандра, а потом пробраться туда, где он находился, и надеть его уже после того, как с червелицами будет покончено.

Но скафандра они не нашли. И тогда Мэмми сказала мягко, мне даже кажется, что я сам слышал ясные, уверенные звуки ее пения:

— Ничего, деточка, я могу выйти и установить его сама.

— Что вы, Мэмми, нельзя! — запротестовала Крошка. — Там же ужасно холодно!

— Я быстро управлюсь.

— Но вы же задохнетесь!

— Некоторое время я могу совсем не дышать.

На том и остановились. В определенных отношениях спорить с Мэмми было так же бесполезно, как и с Червелицом.

Бомбы были готовы, маяк тоже, сложились благоприятная обстановка — червелицких на базе осталось мало, новых кораблей не ожидалось. Плутон находился в удобном положении для того, чтобы послать сигнал. И Мэмми решила, что пора начинать.

— Но она сказала мне, что если не вернется обратно через десять минут, то надеется, что я все же отыщу свой скафандр и сумею выйти включить маяк, если окажется, что ей это не удалось, — Крошка заплакала. — Она в-в-первые призналась, что вовсе не уверена, что это ей удастся!

— Крошка! Прекрати! А что было дальше?

— Я дождалась взрывов и начала обыскивать те места, куда меня раньше не пускали. Но скафандра нигде не было, нигде! А потом я нашла тебя, Кип. Она там, снаружи, уже больше часа! — Крошка посмотрела на часы. — И у нас осталось всего двадцать минут. Если к тому времени не включить маяк, значит, все ее труды пошли прахом и она погибла напрасно! А ей бы это не понравилось!

— Где мой скафандр?

Червелицких мы больше не нашли; очевидно, дежурил только один, пока все остальные ели. Крошка по-

казала мне герметичную дверь, за которой находилась их столовая, должно быть, бомбы там все разнесли в куски, потому что двери закрылись. Мы быстро пробежали милью.

Логичная, как всегда, Крошка закончила наши поиски как раз там, где находился мой скафандр. Там было больше дюжины скафандров для людей — интересно бы знать, сколько супа сожрали эти вурдалаки.

Ладно, больше им никого не съесты! Времени я не терял, а только крикнул: «Привет, "Оскар"!» — и стал одеваться.

— Где ты пропадал, дружище?

«Оскар» сохранил отличную форму. Рядом с ним висел скафандр толстяка, чуть поодаль — скафандр Тима. Натягивая на себя «Оскара», я окинул их беглым взглядом, прикидывая, смогу ли использовать что-нибудь из их оборудования. Крошка тоже рассматривала скафандр Тима.

— Может, я смогу воспользоваться им.

Скафандр был намного меньше «Оскара»; это означало, что для Крошки он великоват всего на девять размеров.

— Что ты! Он на тебя налезет, как носки на петуха. Помоги лучше мне. Сними с него эту веревку, сложи в бухту и пристегни к моему поясу.

— Она тебе не понадобится. Мэмми рассчитывала отнести маяк ярдов на сто от туннеля и установить. Это все, что тебе придется сделать, если она не сумела. Потом повернешь верхнюю ручку.

— Не спорь! Сколько времени осталось?

— Восемнадцать минут.

— Здесь сильные ветры, — добавил я, — веревка может пригодиться.

Мэмми весила немного. Если ее сбило с ног и унесло ветром, нужна будет веревка, чтобы вытащить тело.

— Дай мне молоток с пояса Толстяка!

— Сейчас.

Я встал. Хорошо было почувствовать «Оскара» на себе. Потом я вспомнил, как у меня замерзли ноги, когда я шел от корабля.

— Жаль, нет у них асбестовых сапог.

— Подожди-ка, — встрепенулась Крошка и исчезла, прежде чем я успел слово сказать. Я продолжал застегиваться и волновался; она даже оружия с собой не взяла. Наконец я спросил:

— Порядок, «Оскар»?

— Порядок, парены!

Клапан под подбородком — нормально; индикатор цвета крови — нормально, радио... оно мне не понадобится, вода — резервуар пуст. Ничего, обойдемся, вряд ли я успею захотеть пить. С помощью клапана я спустил давление, зная, какое низкое давление ждет меня за дверьми. Вернулась Крошка, притащив с собой нечто похожее на балетные тапочки для слона. Тесно прижавшись к стеклу моего шлема, она закричала:

— Они их носят. Ты сможешь их надеть?

Это казалось сомнительным, но в конце концов они налезли на ноги, как плохо сидящие носки. Встав, я обнаружил, что они значительно улучшают сцепление; хоть они и неуклюжие, ходить в них оказалось нетрудно.

Минутой спустя мы стояли у выхода из большой комнаты; меня проводили здесь, когда вели с корабля. Но сейчас ее герметичные двери были закрыты из-за взрыва второй бомбы, которую Мэмми подложила в ведущем наружу туннеле, чтобы ликвидировать панели-клапаны. Бомбу в столовую подложила Крошка, сразу же убежав оттуда в свою комнату. Я не знаю, поставила ли Мэмми часовой механизм в обеих бомбах, чтобы они взорвались одновременно, или взрыв одной бомбы вызвал детонацию второй, да это и не имело значения: так или иначе, они полностью вывели из строя роскошную базу червелицых.

Крошка знала, как выпускать воздух из шлюза. Когда открылась внутренняя дверь, я крикнул:

— Сколько времени?

— Четырнадцать минут! — И она показала мне часы.

— Помни, что я тебе сказал — оставайся здесь. Если увидишь что-нибудь движущееся, сначала угощай синим светом, а вопросы задавай потом.

— Ясно.

Я шагнул вперед, закрыл внутреннюю дверь, нашел клапан во внешней двери, подождал, пока уравнивается давление. Две-три минуты, прошедшие, пока не открылся замок, я провел в мрачных раздумьях. Не хотелось оставлять Крошку одну. Я надеялся, что все червелицы погибли, но мог ли я быть в этом уверен? Обыск мы делали наспех, а они бегают быстро, кто-нибудь из них мог пройти одними коридорами, пока мы шли другими.

Кроме того, Крошка ответила мне: «Ясно», а не сказала: «Да, Кип, я так и сделаю». Оговорилась? Эта блоха оговаривается только тогда, когда хочет.

Да и шел-то я наружу из дурацких побуждений. В основном, конечно, чтобы найти тело Мэмми; это было глупо, потому что оно начнет разлагаться, если я его внесу внутрь. Было бы куда пристойнее оставить ее снаружи, на жутком морозе.

Но я не мог смириться с этим, там было холодно, а я не мог оставить ее коченеть. Она ведь была такая теплая, такая живая. Я чувствовал себя обязанным принести ее туда, где она могла согреться. И, самое неприятное, я безрассудно спешил, потому что Мэмми хотела включить свой маяк в точно назначенное время, до которого осталось двенадцать или десять минут. Но какой толк, если даже я успею? Ну, предположим, ее родная звезда находится недалеко отсюда — допустим, она с Проксимы Центавра, а червелицые откуда-нибудь подальше. Даже если маяк Мэмми включится и заработает, сигнал SOS достигнет ее друзей не раньше, чем через четыре года.

Для Мэмми это, может, и все равно. У меня вообще сложилось впечатление, что она долгожительница, прождать несколько лет, пока не придет спасение, для нее пустяки. Но мы с Крошкой существа другой породы; мы ведь погибнем, пока этот сигнал со скоростью света доберется до Проксимы Центавра. Я был очень рад снова увидеть Крошку, но знал, что нас ожидало. Смерть. Через несколько дней, недель или в лучшем случае месяцев. Смерть от удушья, жажды или голода... Либо если мы уцелеем, сюда прилетит корабль червелицых, что сулит нам отчаянный бой и возможность скорой смерти, если повезет.

Как ни крути, моя экспедиция по установке маяка — всего лишь «исполнение последней воли покойной». Сентиментальная глупость. Наружная дверь начала отворяться: «Аве Мария!»

Я еще не успел выйти на ветер, а мороз, злейший мороз, уже клещами вцепился в меня. Панели освещения еще работали, и было видно, что в туннеле хаос: две дюжины дверей-панелей вырвало взрывом. Какая же эта была бомба, если ее можно сделать из наворованных деталей и спрятать в мешке на теле вместе с радиомаяком и при этом придать ей такую мощность, что она вырвала панели, рассчитанные на сильное давление. Даже у ме-

ня, отдаленного от места взрыва сотнями метров массивной скалы, застучали зубы.

Первая дюжина панелей была отброшена взрывом вперед. Мэмми подложила бомбу в середине туннеля? Но взрыв такой силы отшвырнул бы ее, как перышко! Должно быть, она установила ее здесь, потом вошла внутрь и взорвала ее, а уже затем вернулась обратно через шлюз, как сейчас я.

С каждым шагом становилось все холоднее. Ноги пока еще не мерзли — неуклюжие «унты» делали свое дело. Червелицы знали в таких делах толк.

— Ты разжег свои костры, «Оскар»?

— На полную катушку, дружище. Холодная нам выдалась ночь.

— И не говори!

Мэмми я нашел за самой дальней наружной панелью, вырванной взрывом.

Она рухнула всем телом вперед, словно слишком устала и не могла идти дальше. Кончики пальцев вытянутых рук едва не доставали до лежащей на полу небольшой коробочки размером с дамскую пудреницу.

Лицо ее было спокойно, глаза открыты, но затянuty перепонкой, как у птицы, — так же, как когда я увидел ее впервые на пастбище, за нашим домом несколько дней или несколько лет назад. Но тогда ей сделали больно, и это было очень заметно, а сейчас мне показалось, что вот-вот глаза ее засияют и она пропоет мне приветствие. Я прикоснулся к ней. Тело Мэмми затвердело и стало холоднее льда. Я моргнул, чтобы сдержать слезы, и решил, что нельзя терять ни секунды.

Мэмми хотела установить свою коробочку в сотне ярдов от входа в туннель и повернуть выступ на верхней крышечке, и ей на всю эту операцию оставалось не больше шести-семи минут. Я поднял коробочку.

— Все в порядке, Мэмми, я уже иду.

— Живей, дружище! Спасибо тебе, милый Кип...

В призраки я не верю. Просто я так часто слышал ее песенку благодарности, что ноты эхом отзывались в моей голове.

Отойдя на несколько шагов от выхода из туннеля, я остановился. Порыв ветра ударил меня с такой силой и обдал таким холодом, что леденящий мороз в туннеле показался мне летней жарой. Закрыв глаза, я отсчитал тридцать секунд, чтобы дать им привыкнуть к звездному свету, и, на ощупь найдя на наветренной стороне тун-

неля опорную стойку, соединяющую наружную дорогу с горой, привязал к ней крепким узлом свою веревку. Собираясь в путь, я знал, что снаружи меня ожидает ночь, и рассчитывал, что проложенная на опорах дорога будет выделяться черной лентой на фоне белого «снега», сверкающего под звездным небом. Я полагал, что по открытой урагану дороге идти намного безопаснее, если будут видны ее края, а освещать ее нашлемной фарой мне вряд ли удастся: для этого пришлось бы поворачиваться всем корпусом из стороны в сторону, что может заставить меня потерять равновесие и сбиться с темпа.

Я все продумал очень тщательно, потому что поход по Плутону, да еще ночью, это вам не прогулки в саду. Итак, отсчитав тридцать секунд и успев за это время привязать веревку к стойке, я открыл глаза. И ни черта не увидел! Ни единой звезды. Даже небо и землю различить не мог. Я стоял спиной к туннелю, шлем скафандра закрывал мое лицо, я должен был бы видеть дорогу, но не видел ничего.

Развернув шлем, я понял причину тьмы, закрывшей небо, и землетрясений, напугавших нас с Крошкой: действующий вулкан. Он был то ли в пяти милях от нас, то ли в пятидесяти, но это, без сомнения, был именно вулкан — рваный, злой красный холм, выплескивающий огонь в небо.

Но я не стал рассматривать его. Включив нашлемную фару, я осветил ею правый край дороги и неуклюже засеменял, держась ближе к нему. Если я споткнусь, у меня в запасе останется вся ширина дороги, прежде чем ураган сдует меня вниз. Я шел, держа моток веревки в левой руке, отпуская ее по мере продвижения, но не ослабляя, а натягивая.

Ураган не только пугал, но и причинял боль. Мороз обжигал, как пламя. Потом обожженное им тело начинало неметь, больше всего доставалось правому боку, он онемел первым, а потом и левый бок начал окаменевать.

Веревки я больше не чувствовал. Остановившись, я наклонился вперед и выхватил веревку из тьмы лучом фары. Вот еще одна деталь скафандра, требующая усовершенствования, — нашлемная фара должна вращаться!

Половина веревки уже размоталась. Следовательно, я отошел от туннеля на добрых пятьдесят ярдов.

Веревка служила мне и ориентиром — когда она разматывается полностью, я отойду на достаточное расстояние, как и хотела Мэмми. Вперед, Кип, вперед!

— Поспешай, парень! Больно уж холодно здесь! — прошептал «Оскар».

Я снова остановился. Не потерял ли я коробку? На ощупь я ее не чувствовал. Но в свете нашлаемой фары увидел, что сжимаю ее правой рукой. Так держать! Я заторопился вперед, считая шаги. Один! Два! Три! Четыре!

Досчитав до сорока, я остановился, и, глянув вниз, понял, что вышел на самую высокую часть дороги, там, где она пересекала ручей. Примерно половина пути до места посадки корабля. Ручей — метановый, что ли? — сковал лед, и я понял, что ночь выдалась по-настоящему холодной.

Веревка разматалась уже почти вся. Можно считать, дошел до нужного места. Я опустил ее, осторожно подвинулся на середину дороги, встал на колени и попытался поставить коробочку рядом с собой. Но не сумел разогнуть пальцы. Я разжал их пальцами левой руки, высвободив коробку.

Дьявольский порыв ветра подхватил ее, и я еле успел ее схватить, чтобы она не укатилась. Потом обеими руками осторожно поставил коробочку перед собой. «Разработай свои пальцы, дружище. Постучи ладонями друг о друга», — пробормотал «Оскар».

Так я и сделал. Постепенно, со страшной болью, пальцы правой руки начали шевелиться. Неуклюже придерживая коробку левой рукой, я потянулся к ручке наверху. На ощупь я ее не чувствовал, но, как только ухитрился сжать ее пальцами, она сразу повернулась.казалось, что коробочка ожила и замурлыкала.

Должно быть, я почувствовал вибрацию через перчатки и через скафандр — услышать-то я ее никак не мог. Я поспешно отпустил коробочку, неуклюже поднялся на ноги и немного отступил назад, чтобы можно было осветить, не нагибаясь, коробочку нашлаемой фарой.

Я выполнил задачу, дело Мэмми было сделано, и, как я надеялся, вовремя. Останься у меня здравого смысла хотя бы столько, сколько есть у обыкновенной дверной ручки, я повернулся бы и рванул бы обратно в туннель еще быстрее, чем шел сюда. Но я смотрел как зачарованный на то, что происходило с коробкой.

Она, казалось, ожила, и из-под нее выросли три маленькие паучьи лапки. Она поднялась вверх и прочно стала на треножнике, примерно с фут высотой. Коробочка задрожала, и мне показалось, что ее вот-вот сдует, но паучьи лапки как будто вгрызались в поверхность дороги и держались прочно. Верх коробочки раскрылся как цветок, развернувшийся футов на восемь в диаметре. Из него поднялся штырь, похожий на антенну; штырь покачался в разные стороны, как бы прицеливаясь, затем застыл, упершись в небо.

Включился маяк. Я уверен, что это включился маяк, хотя увидел всего лишь вспышку света. Свет, по всей видимости, был всего лишь безобидным побочным явлением мощнейшего импульса энергии — у Мэмми, наверное, не хватило оборудования и времени, чтобы устранить его или экранировать. А я смотрел прямо на него.

Поляризаторы не срабатывают мгновенно. Поэтому вспышка ослепила меня.

Сначала я решил, что отключилась моя нашлемная фара, но потом понял, что просто не вижу ничего из-за закрывшей мне глаза зеленовато-пурпурной вспышки.

— Спокойно, парень. Это всего лишь результат раздражения глазной оболочки. Подожди, сейчас все пройдет.

— Я не могу ждать, я замерзну!

— Нащупай рукой веревку, она прикреплена к твоему поясу. Потяни ее.

Я сделал так, как посоветовал мне «Оскар»: нащупал веревку, повернулся и начал наматывать ее на руки. Веревка разбилась. Не порвалась, как обычно рвется веревка, а разбилась, как стекло. Наверное, к этому времени она как раз в стекло и превратилась. Нейлон и стекло плохо переносят холод.

Теперь я знаю, что такое «переохлаждение».

Но тогда я знал только одно: оборвалась последняя нить, связывающая меня с жизнью. Я ничего не видел, ничего не слышал, я был один на голой платформе в миллиардах миль от родного дома, и ураган, вырвавшийся из бездны ледяного ада, выдувал последние искорки жизни из моего тела, которое уже почти ничего не чувствовало, кроме боли.

— «Оскар»!

— Я здесь, дружище! Ты справишься. Ну как, видишь что-нибудь?

— Нет!

— Ищи вход в туннель. Там включено освещение. Отключи нашлемную фару. Отключи, справишься! Там всего-то надо повернуть рычажок. Подними руку к правой стороне шлема.

Я так и сделал.

— Что-нибудь видишь?

— Пока нет.

— Поверни голову.

— Теперь что-то прояснилось!

— Красноватые неровные отблески, правда? Это вулкан. Вот и сориентировались, поворачивайся медленно, чтобы не упустить вход в туннель.

Я едва мог двигаться.

— Вот он!

— Порядок, теперь ты стоишь лицом к дому. Опустись на четвереньки и медленно ползи влево. Не поворачивайся — ты должен держаться по кромке дороги и ползти вдоль нее к туннелю.

Я встал на четвереньки. Поверхности дороги я руками не ощущал, но чувствовал, как на них и на ноги тяжестью навалился вес тела, они казались мне протезами. Край дороги я нашел левой рукой, вернее, моя левая рука проползла за кромку, и я чуть не рухнул вниз. Но удержался.

— Направление правильное?

— Да. Ты не развернулся, а просто сдвинулся вбок. Можешь поднять голову, чтобы найти туннель?

— Нет, разве что если подняться.

— Ни в коем случае! Включи снова нашлемную фару. Может, твои глаза уже пришли в норму.

Я с трудом поднял руку к правой стороне шлема и, наверное, задел рычаг, потому что неожиданно увидел перед собой круг света, расплывчатый и туманный в центре. Слева его разрезала кромка дороги.

— Молодец! Нет, не вставай, ты ослаб, и у тебя кружится голова, можешь упасть. Ползи. И считай. Туннель отсюда шагах в трехстах.

Я пополз, считая на ходу.

— Очень уж далеко, «Оскар». Доползем?

— Конечно! Что, по-твоему, мне очень хочется здесь оставаться?

— Я ведь останусь с тобой.

— Прекрати болтовню. Я из-за тебя со счета сбиваюсь. Тридцать шесть... тридцать семь... тридцать восемь...

Мы продолжали ползти.

— Уже сотня. Начнем отсчитывать вторую. Сто один... Сто два... Сто три...

— Мне становится лучше, «Оскар». Теплее.

— Что?

— Теплее, говорю, становится.

— Ты не тепло чувствуешь, дубина ты стоеросовая, ты насмерть замерзаешь. Ползи быстрее! Нажми подбородком на клапан. Добавь воздуха. Ну же, нажми!

Я слишком устал, чтобы спорить. Я нажал клапан раза три-четыре, почувствовал, как воздух струей ударил мне в лицо.

— Двигаемся быстрее! Тоже скажет, тепло ему становится! Сто девять... сто десять... сто одиннадцать... сто двенадцать, да живее же!

На двухстах я сказал, что должен отдохнуть.

— Черта с два!

— Но я не могу больше! Дай отдохнуть хоть немного!

— Что, полежать захотелось? А с Крошкой что будет? Она ведь там, ждет тебя. И уже перепугалась, потому что тебя долго нет. Что с ней будет, ну-ка, отвечай!

— Попробует надеть скафандр Тима.

— Верно! В случае подачи идентичных ответов предпочтение отдается участнику, отправившему ответ первым. Куда же она пойдет в скафандре Тима, скажи на милость?

— К выходу из туннеля, наверное. А там ветер достанет и ее.

— Вот-вот, и я про то же. Вся семья наконец соберется вместе. Ты, я, Мэмми, Крошка. Очень миленькая семейная могилка получится.

— Но...

— Давай, братец, давай. Ползи и считай: двести пять, двести шесть, двести семь...

Падения я не помню. Не помню даже, чем казался «снег». Помню только чувство радости, что счет кончился и можно отдохнуть. Но «Оскар» отдохнуть не давал.

— Кип! Вставай, Кип! Надо вскарабкаться обратно на дорогу.

— Исчезни!

— С радостью исчез бы отсюда, да не могу. Вот, смотри, прямо перед твоим носом. Цепляйся за край дороги и карабкайся вверх.

С трудом приподнявшись, я увидел край дороги в двух футах над моей головой и снова рухнул на «снег».

— Слишком высоко, — прошептал я. — Все, «Оскар», нам конец.

— Да? — фыркнул он. — А кто это несколько дней назад ругал маленькую девочку, слишком уставшую, чтобы подняться на ноги? «Командир—Комета», так, что ли? Правильно я повторил имя? Или, как там его еще звали, «Гроза космических дорог»... Ни к черту негодный бездельник. «Имею скафандр — готов путешествовать...» Можно получить у вас автограф, командир, прежде чем вы отойдете ко сну? Мне как-то раньше не доводилось знакомиться с космическими пиратами... которые крадут корабли и маленьких девочек.

— Это нечестно!

— Ладно, ладно, я вполне понимаю, когда мне показывают на дверь. Но выслушай еще кое-что напоследок, в одном ее мизинце больше силы воли, чем во всем твоём теле, ленивая, лживая, толстая свинья! Прощай! Можешь не просыпаться.

— «Оскар»! Не уходи!

— Что, одному не справиться?

— Нет!

— Ну, так если ты не можешь достать край дороги руками, возьми молоток, попробуй зацепиться им, подтянуться.

Я моргнул. Может, и вправду получится. Я пошарил рукой по поясу, решив, что молоток у меня все-таки есть, хотя руками я его не чувствовал. Потом поднял его обеими руками, зацепился за край дороги и подтянулся. И этот идиотский молоток разлетелся точно так же, как веревка. А ведь был сделан не из гипса, а из инструментальной стали. Вот тогда я разозлился по-настоящему. Я сел, перевалил через край оба локтя, застонал, напрягся так, что меня в пот бросило и... перевалился на дорогу всем телом.

— Вот молодец! Можешь больше не считать, просто ползи на свет.

Передо мной маячил туннель. Но я задыхался и решил надавить подбородком на клапан. Безрезультатно.

— «Оскар»! Клапан заело!

«Оскар» ответил не сразу:

— Нет, брат, клапан не заело. Замерзли воздуховоды.

— Мне нечем дышать!

Опять он ответил. Не сразу, но решительно:

— У тебя полный скафандр воздуха. Этого более чем достаточно на оставшиеся несколько футов.

— Мне не доползти.

— Ты дополз уже до того места, где лежит Мэмми. Ползи дальше!

Я поднял голову. Точно, вот она! Я полз и полз, и ее тело уже перед глазами.

— Все, «Оскар», — выдавил я наконец, — дальше мне не проползти.

— Боюсь, что теперь ты прав. Я тебя подвел. Но спасибо, что ты меня там не бросил.

— Ты меня не подвел, ты молодец, это я не справился...

— Оба мы не справились. Но старались изо всех сил, это уж точно! Прощай, дружище!

— Прощай!

Я сумел проползти еще два шага и уткнулся лицом прямо в голову Мэмми.

Она улыбалась.

— Здравствуй, Кип, сынок.

— Извините, Мэмми, я не справился до конца...

— Что ты, Кип, что ты! Ты все сделал.

— То есть как все?

— Мы с тобой справились вместе.

Я долго-долго обдумывал это.

— И с «Оскаром», разумеется, и с Крошкой.

— Конечно, как же без них. Мы справились все вместе. А теперь можно отдохнуть, милый.

— Спи спокойно, Мэмми.

Но отдых выдался чертовски короткий. Только я закрыл глаза, чувствуя себя счастливым и согрешшимся, потому что Мэмми думала, что я справился, как Крошка затрясла меня за плечо и прислонилась своим шлемом к моему.

— Кип! Вставай! Кип, вставай, пожалуйста!

— Что? Зачем?

— Затем, что я не могу тебя нести! Я пробовала, но не могу! Ты слишком большой!

Я поразмыслил над этим. Разумеется, нести меня ей не под силу, с чего это Крошке вообще взбрела в голову такая идиотская мысль — нести меня? Я же ее в два раза больше, это я ее понесу, как только переведу дух.

— Вставай, Кип! Пожалуйста! — Она плакала навзрыд.

— Да ну что ты, маленькая, конечно, встану, раз ты так хочешь, — сказал я ласково.

Вставал я с огромным трудом и, не помоги она мне, упал бы снова. Когда я окончательно поднялся на ноги, она помогла мне держать равновесие.

— Повернись кругом. Пошли.

Но ей все равно почти что пришлось нести меня, подставив плечо мне под правую руку и подталкивая. Каждый раз, когда мы подходили к порогу сорванной взрывом панели, она либо помогала мне переступить через него, либо просто проталкивала вперед. Наконец мы достигли шлюза, и Крошка пустила в него воздух с внутренней стороны. Она отпустила меня, и я сполз на пол. Когда открылась внутренняя дверь, она обернулась ко мне, чтобы что-то сказать, и быстро начала снимать с меня шлем.

Я глубоко вздохнул. Голова закружилась, свет замерцал в глазах.

Крошка глядела на меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я? Нормально. С чего бы мне чувствовать себя иначе?

— Давай, я помогу тебе пройти в дверь.

Я не мог понять, зачем мне нужно помогать, но оказалось, что без ее помощи я действительно не могу двигаться. Крошка усадила меня на пол подле двери, спиной к стене, я не хотел ложиться.

— Я так перепугалась, Кип!

— Почему?

Я никак не мог понять, почему она перепугалась. Разве Мэмми не сказала, что у нас все в порядке?

— Перепугалась, и все. Не надо было мне позволять тебе выходить.

— Но ведь надо было установить маяк.

— А ты его установил?

— Конечно, Мэмми очень обрадовалась.

— Да, я уверена, что она обрадовалась бы, — сказала Крошка хмуро.

— Она и обрадовалась.

— Хочешь чего-нибудь? Помочь тебе снять скафандр?

— Пожалуй, пока нет. Ты не принесешь мне воды?

— Одну минуту!

Крошка вернулась с водой. На самом деле я не так хотел пить, как мне казалось, от воды мне даже стало плохо. Крошка посмотрела на меня, а потом спросила:

— Можно, я тебя на немножко оставлю одного? Тебе не будет плохо.

— Да нет, ну что ты.

Мне, конечно, было плохо, все тело начинало болеть, но она все равно ведь ничего не сможет с этим сделать.

— Я быстро.

Крошка начала застегивать шлем, и я с отвлеченным любопытством заметил, что она одета в свой собственный скафандр, мне раньше казалось, что на ней был скафандр Тима. Я услышал, что она идет к шлюзу, и понял, куда она направилась и зачем. Я хотел сказать ей, что Мэмми лучше было оставаться там, потому что здесь она может... Даже наедине с собой я не хотел думать, что ее тело начнет здесь разлагаться. Но Крошка уже ушла.

Вряд ли она отсутствовала больше пяти минут. Точно не знаю, потому что сидел с закрытыми глазами и ни на что не реагировал. Потом увидел, как открылась внутренняя дверь и в ней показалась Крошка, неся Мэмми в руках.

Крошка положила Мэмми на пол в той же позе, в которой я видел ее в последний раз, потом сняла свой шлем и заплакала. Встать я не мог — слишком болели ноги. И руки тоже.

— Крошка, милая, не плачь, пожалуйста. Этим не поможешь.

Она подняла голову.

— Все, я уже отплакалась. Больше не буду.

Больше она не плакала.

Сидели мы долго. Крошка опять предложила помочь мне снять скафандр, но попытка вылезти из него вызвала такую боль, особенно в руках и ногах, что я бросил это дело. Она забеспокоилась.

— Ой, Кип, кажется, ты обморозился.

— Возможно. Но теперь ничего не поделаешь, — я скорчился от боли и сменил тему. — Где ты нашла свой скафандр?

На лице Крошки появилось возмущенное выражение, тут же сменившееся почти веселым:

— Ни за что не догадаешься! Внутри скафандра Джокка.

— Действительно, не догадался бы. Прямо как «утраченное письмо».

— Как что?

— Да нет, ничего. Просто как-то не думал, что Червелицкий обладал чувством юмора.

Вскоре после этого мы пережили еще одно землетрясение, очень сильное. Будь здесь люстры, они заплясали бы, а пол заходил ходуном.

— Ой! Почти так же сильно, как в прошлый раз, — вскрикнула Крошка.

— Пожалуй, намного сильнее. То, первое, было совсем слабое.

— Да нет, я о том, которое случилось, когда ты ушел наружу.

— Разве тогда было землетрясение?

— Разве ты его не почувствовал?

— Нет, — я пытался вспомнить. — Может быть, оно-то и сбросило меня на снег.

— Ты свалился с дороги? Кип!

— Ничего, обошлось. «Оскар» мне помог.

Еще толчок. Я не обратил внимания, но меня сильно потрянуло, и боль в теле резко усилилась. Но меня потрянуло достаточно сильно, чтобы туман в голове рассеялся. Да, лекарство у меня справа, а запас кодеина чуть дальше.

— Крошка! Ты не принесешь мне еще немного воды?

— Конечно принесу.

— Я хочу принять кодеин. Но от него я могу заснуть. Можно?

— Ты обязательно должен поспать, если сможешь. Сон тебе необходим.

— Пожалуй, что да. Который час? — Она ответила, и я не поверил своим ушам.

— Неужели прошло больше двенадцати часов?

— С чего?

— С того, как все это началось.

— Не понимаю, Кип. — Она недоуменно посмотрела на часы. — Я нашла тебя ровно полтора часа назад, а к тому времени и двух часов не прошло, как Мэмми установила бомбы.

Поверить в это я тоже не мог, но Крошка уверяла, что она права.

От кодеина мне стало намного лучше, и я начал засыпать, когда Крошка спросила:

— Ты чувствуешь запах, Кип?

— Как будто спички на кухне зажигают?

— Вот именно. Похоже, что и давление падает. Закрой лучше шлем, Кип, если засыпаешь.

— Ладно. И ты свой тоже закроешь?

— Да. Мне кажется, что герметизация нарушена.

— Возможно, ты права.

И как ей не быть нарушенной от всех этих толчков и взрывов? Но хотя я и понимал, что это значит, я слишком устал и слишком плохо себя чувствовал, чтобы волноваться. Да и наркотик уже начинал действовать.

Сейчас или месяц спустя — какая разница? Мэмми ведь сказала, что все в порядке. Крошка застегнула наши шлемы, мы проверили радиосвязь, и она села лицом ко мне и к Мэмми. Она долго молчала. Потом я услышал:

— «Крошка» — «Майскому жуку».

— Слушаю, Крошка.

— А все-таки по большей части было очень здорово, правда, Кип?

— А? — Я поднял глаза, посмотрел на шкалу и увидел, что воздуха у меня осталось часа на четыре.

— Конечно, Крошка, все было просто первый сорт. Ни за что на свете не отказался бы от такого приключения.

Она вздохнула.

— Я просто хотела узнать, что ты не сердишься на меня. А теперь спи.

Я действительно почти уснул, как вдруг увидел, что Крошка вскочила на ноги и услышал в наушниках ее голос:

— Кип! Кто-то открывает двери!

Я мгновенно проснулся, поняв, что это означает. Почему они не оставят нас в покое? Дали бы спокойно дожить несколько часов.

— Спасибо, Крошка. Без паники. Отойди к дальней стене. Оружие с тобой?

— Да.

— Бей их одного за другим. Когда начнут входить.

— Тебе нужно отодвинуться, Кип. Ты как раз между мной и ними.

— Я не могу встать, — я давно уже не то что двигаться, руками просто пошевелить не мог. — Включи на слабую мощность, тогда ничего страшного, если меня заденет. Делай, что тебе говорят! Быстро!

— Да, Кип.

Она изготовилась к бою и замерла.

Открылась внутренняя дверь, в проеме появилась фигура. Я увидел, что Крошка целится, и завопил по радио:

— Не стреляй!

Но не успел я и крикнуть, как она бросила оружие и рванулась вперед.

Это были «сэплеменники» Мэмми.

Двое из них унесли Мэмми, но потребовалось шестеро, чтобы нести меня. Они все время тихо напевали, пока мастерили носилки. Прежде, чем меня подняли, я принял еще одну таблетку кодеина, так как даже при их аккуратности каждое движение причиняло мне боль. Долго нести меня им не пришлось, потому что их корабль приземлился прямо у входа в туннель на дорогу, по которой я полз. Во всяком случае, мне хотелось так думать.

Когда наконец мы оказались в полной безопасности, Крошка раскрыла мне шлем и расстегнула молнии на груди скафандра: «Они просто чудо из чудес, правда, Кип?»

— Ага, — в голове стоял туман, но чувствовал я себя лучше. — Когда стартуем?

— Уже стартовали.

— Они везут нас домой? Не забыть бы сказать мистеру Чартону, что его кодеин мне здорово помог.

— О, Боже, что ты! Мы летим на Вегу.

Я потерял сознание.

Г л а в а 9

Мне снилось, что я дома, и я рывком проснулся от этой мелодии.

— Мэмми!

— Доброе утро, сынок. Очень рада, что тебе лучше.

— Я себя чувствую просто чудесно. Прекрасно выспался. — Уставившись на нее во все глаза, выпалил я. — Но ведь вы же умерли! — непроизвольно вырвалось у меня.

Ответ ее звучал ласково, но с оттенком укоризны, как обычно поправляют детей, проявивших бессознательную бестактность.

— Нет, милый, я просто замерзла. Я не такая хрупкая, как тебе, судя по всему, кажется.

Моргнув от удивления, я снова впился в нее глазами:

— Так это был не сон?

— Нет, не сон.

— Я думал, что вернулся домой, и... — попытался сесть, но сумел лишь поднять голову. — Но ведь я дома!

Мы были в моей комнате! Стенной шкаф для одежды, за спиной Мэмми — дверь в холл, справа мой письменный стол, заставленный книжками, а над ним вымпел нашей школы; окно, в которое стучит ветками старый вяз, и листья его, пронизанные солнечным светом, шевелит ветерок. А моя любимая логарифмическая линейка лежала там, где я ее оставил.

Голова шла кругом, но я во всем разобрался. Все произошло наяву, а глупый конец, «полет на Вегу», помешался во сне от кодеина.

— Вы привезли меня домой.

— Мы привезли тебя домой, в твой второй дом. Ко мне. — Кровать подо мной заходила ходуном. Я хотел вцепиться в нее, но руки не двигались. Мэмми продолжала:

— Ты нуждался в своем гнезде, и мы тебе его приготовили.

— Я ничего не могу понять, Мэмми.

— Мы знаем, что в родном гнезде птица легче выздоравливает. И постарались воссоздать твое.

В том, что она пропела, не было, конечно, ни «птицы», ни «гнезда», но даже в полном издании словаря Уэбстера вы вряд ли найдете более подходящие эквиваленты для ее «слов».

Чтобы успокоиться, я сделал глубокий вдох. Я все понял, ведь что-что, а объяснять она умела. Я был не в своей комнате, все это просто очень похоже симитировано. Но я еще не пришел в себя.

Присмотревшись повнимательней, я удивился, что мог так ошибиться.

Косой свет падал в окно не так, как обычно. На потолке не было заплат, которые появились с тех пор, как я мастерила себе на чердаке тайное убежище и пробил молотком штукатурку. Книжки стояли слишком ровно и казались чистенькими, как конфетные коробки.

Общий эффект был потрясающе удачен, но детали не удались.

— Мне нравится эта комната, — пропела Мэмми, — она похожа на тебя, Кип.

— Мэмми, как вам это удалось? — спросил я слабым голосом.

— Мы расспросили тебя. И Крошка помогла.

«Но ведь Крошка никогда не видела моей комнаты», — подумал я и только потом сообразил, что она достаточно насмотрелась американских домов, чтобы выступать в роли консультанта по интерьеру.

— Крошка здесь?

— Она скоро придет.

Если Мэмми и Крошка были со мной, дела обстояли явно неплохо. Вот только...

— Мэмми, я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Положив мне на лоб свою маленькую теплую лапку, Мэмми склонилась надо мной, и я ничего не видел, кроме ее огромных глаз.

— Ты очень сильно пострадал, но сейчас выздоравливаешь. Не волнуйся.

Если Мэмми говорит «не волнуйся», то волноваться и не о чем. Тем более что делать стойку на руках у меня настроения не было. Мне вполне хватало, что я мог смотреть в ее глаза. В этих глазах можно было утонуть, можно было погрузиться в них и плавать, как в воде.

— Хорошо, Мэмми. — Тут я вспомнил кое-что еще. — Скажите, вы ведь замерзли?

— Да.

— Но ведь вода, замерзая, разрывает живые клетки. Во всяком случае, так принято считать.

— Мое тело никогда не поддается этому, — ответила она, поджав губы.

— Вот как... — задумался я. — Только не погружайте меня в жидкий воздух! Я не создан для этого.

Опять в ее песне слышался снисходительный юмор.

— Мы постараемся тебе не повредить. — Она выпрямилась и пропела: — Крошка идет.

Раздался стук, и слышался голос Крошки:

— Можно войти?

Ждать ответа она не стала; сомневаюсь, чтобы это вообще входило в ее привычки, а вошла без всяких церемоний.

Помещение, которое я увидел сквозь открывшуюся дверь, напоминало верхний холл нашего дома. Здорово они поработали!

— Входи, милая!

— Конечно можно, Крошка! Ты ведь уже вошла!

— Не ехидничай.

— Чья бы корова мычала. Привет, малыш!

— И тебе привет.

Мэмми скользнула в сторону.

— Долго не задерживайся, Крошка. Его нельзя утомлять.

— Не буду, Мэмми.

— До свидания, дорогие мои.

— Когда в моей палате приемные часы? — спросил я.

— Когда она разрешит.

Крошка стояла, уперев руки в бока, и разглядывала меня. Впервые за все время нашего знакомства она была отмыта дочиста; розовые щеки, пышные волосы — может, она и впрямь будет хорошенькой лет через десять. Одета она была как обычно, но одежда была выстирана, все пуговицы на месте и дыры искусно заделаны.

— Так-так, — вздохнула она. — Похоже, что тебя можно не выбрасывать на свалку.

— Я в полном порядке. А ты как?

Крошка сморщила носик:

— Дед Мороз поцеловал. Ерунда. А вот ты развалился на части.

— Ну да?

— Не могу подробно описать твое состояние, потому что пришлось бы употреблять слова, которые мама сочла бы «неженственными».

— К этим словам мы с тобой непривычные.

— Не язви. У тебя все равно не получится.

— Может, решишь мне с тобой попрактиковаться.

Крошка собралась уже было пойти в наступление, но, запнувшись вдруг на полуслове, улыбнулась и подошла поближе. В какой-то момент мне даже показалось, что она хочет меня поцеловать. Однако они лишь поправила подушки и сказала серьезно:

— Да нет, у тебя здорово получается. Ты умеешь язвить, быть противным, жестким, ты можешь ругать меня, как угодно наказывать, а я даже не пикну. Я уверена, что ты сможешь даже поспорить с Мэмми.

Спорить с Мэмми? Я не мог даже представить себе, что у меня возникнет подобное желание.

— Какая ты стала порядочная; — улыбнулся я, — нимб так и светится.

— Если б не ты, мне и вправду пришлось бы обзаводиться нимбом. Или, что более вероятно, узнать, что я его не достойна.

— А я помню, что кто-то, росточком с тебя, нес меня по туннелю, как куль с углем.

— Это не важно, — увильнула она от ответа, — важно то, что ты установил маяк.

— Что ж, останемся каждый при своем. Однако там было холодно, — я решил сменить тему, потому что нам обоим стало неловко. Ее слова о маяке кое-что мне напомнили: — Крошка, а куда мы попали?

— То есть, как «куда»? Мы в доме Мэмми. — Оглянувшись, она добавила: — О, я совсем забыла, Кип, это же не твоя комната.

— Знаю, знаю, — отвечал я нетерпеливо, — это имитация, я сразу заметил.

— Сразу? — расстроилась Крошка. — А мы так старались.

— Да нет, просто здорово получилось. Не представляю, как вы сумели добиться такого сходства.

— У тебя очень хорошая память, Кип. Ты фиксируешь подробности, как фотоаппарат.

«Наверное, эти подробности сыпались из меня, как из дырявого мешка», — добавил я про себя. Хотел бы я знать, что я еще наболтал в присутствии Крошки. Но даже спросить ее об этом я стеснялся, должны же быть у мужчин секреты в личной жизни.

— И тем не менее — все не настоящее, — продолжал я вслух. — И я знаю, что мы в доме Мэмми, но не знаю, где находится этот дом.

— Я тебе ведь говорила, — возмутилась Крошка. — Может, ты не расслышал? Ты был как во сне.

— Да нет, расслышал, — с трудом сказал я. — Но не понял. Мне показалось, будто ты сказала, что мы летим на Вегу.

— Думаю, в наших каталогах это место обозначается как «Вега пять». Но они здесь называют его... — Крошка запрокинула голову и воспроизвела звук, напомнивший мне музыкальную тему вороны из «Золотого петушка». — Но этого я тогда не могла произнести, поэтому сказала тебе «Вега», что ближе всего к истине.

Снова попытался сесть, но не смог.

— Вот это да! Стоит перед тобой человек и сообщает, что мы на Веге! То есть, я хочу сказать, на одной из ее планет!

— Но ты же не предложил мне сесть!

Я пропустил мимо ушей эту колкость и посмотрел на «солнечный свет», льющийся в окно.

— Это свет Веги?

— Нет, это искусственный свет. Настоящий яркий свет Веги выглядит призрачным. Его спектр ведь в самом верху диаграммы Рассела, если помнишь.

— Что? — спектр Веги я никогда не знал. Как-то не думал, что он может мне пригодиться.

— Будь очень осторожным, Кип, когда начнешь ходить. За десять секунд можно схватить больше загара, чем за всю зиму в Ки-Уэсте, девяти минут хватит, чтобы поджариться насмерть.

Сдается мне, что у меня особый дар — попадать в трудные климатические условия. Интересно, к какому классу звезд относится Вега? «А» или «Б»? Наверное, «Б». Из классификации я помнил только, что она крупная и яркая, больше Солнца, и очень красиво смотрится в созвездии Лиры.

— Но ради всего святого скажи, как мы попали сюда? Ты случайно не знаешь, Крошка, как далеко от нас Вега? То есть, как далеко от нас Солнце, я хотел сказать.

— Знаю, конечно, — презрительно фыркнула она. — В двадцати семи световых годах.

— Ничего себе! Крошка, возьми-ка мою логарифмическую линейку. Ты умеешь ею пользоваться? А то у меня руки не слушаются.

— Зачем тебе линейка?

— Хочу вычислить расстояние.

— Я тебе и без линейки вычислю.

— С линейкой и быстрее, и точнее. Слушай, если не умеешь пользоваться линейкой, скажи, не стесняйся. Я в твоём возрасте тоже не умел. Я тебя научу.

— Вот ещё! — возмутилась Крошка. — Конечно умею! Что я, дурочка? Просто я и в уме считать могу. — Губы ее зашевелились. — 159 000 000 000 000 миль.

Я припомнил, сколько миль в световом году, и наско-ро прикинул цифру в голове... Да, слишком много ночей, слишком много долгих-долгих миль...

— Похоже, ты права, — сказал я.

— Конечно, права я, — ответила Крошка. — Я всегда права!

— Ну и ну! Ходячая энциклопедия с косичками!

— Я же не виновата, — всхлипнула она, — что я гений.

Это заявление открывало широкие возможности; и я уже собирался подловить ее на какой-нибудь ошибке, но вовремя заметил, как она расстроилась.

И вспомнил слова отца: «Некоторые люди пытаются доказать, что «среднее» лучше, чем «превосходное». Им доставляет удовольствие подрезать крылья другим, потому что сами они бескрылы, они презирают интеллект, поскольку напрочь его лишены».

— Извини, Крошка, — попросил я смиренно. — Конечно, ты не виновата. Так же, как я не виноват, что не гений, и в том, что я большой, а ты маленькая.

Она повеселела.

— Пожалуй, я снова начала выпендриваться. — Она покрутила пуговицу. — Мне показалось, что ты меня понимаешь, как папа.

— Ты мне льстишь. Сомневаюсь, чтобы я был способен тебя понимать, но теперь, по крайней мере, буду стараться.

Она все крутила пуговицу.

— Ты ведь и сам очень умный, Кип, но ведь ты не можешь этого не знать?

— Будь я умный, разве попал бы сюда? — усмехнулся я. — Слушай, Крошка, ты не против, если мы все же проверим цифру на линейке? Из чистого любопытства.

Еще бы, за двадцать семь световых лет и Солнца не увидишь. Звезда-то, прямо скажем, довольно заурядна.

— Видишь ли, Кип, от нее нет никакого толка, от этой линейки.

— Что? Да это лучшая линейка, какая только может быть.

— Кип, прошу тебя! Это ж не линейка, она просто на столе нарисована.

— Вот как? — Я был обескуражен. — Извини, совсем забыл. Слушай, а холл за дверью, наверное, не очень большой?

— Оформили только ту часть, которую видно с твоей кровати при открытой двери. Но будь у нас побольше времени, мы и линейку бы сделали. Они еще как в логарифмах разбираются.

«Побольше времени». Вот что меня беспокоило.

— Крошка, мы долго летели сюда?

Двадцать семь световых лет, надо же! Даже со скоростью света далековато... Что ж, путешествие, по законам Эйнштейна, возможно, покажется быстрым мне, но не Сентервиллю. Отец к тому времени может уже умереть! Отец ведь намного старше мамы и годится мне в дедушки.

И еще двадцать семь на обратный путь... Ему уже будет за сто лет; даже мама к тому времени может умереть.

— Сколько времени летели сюда? — переспросила Крошка. — Да нисколько.

— Нет, нет, я понимаю, что так кажется. Ты не стала старше, у меня еще не прошло обморожение. Однако на дорогу ушло по меньшей мере двадцать семь лет, верно?

— О чем ты говоришь, Кип?

— Об уравнениях относительности, ты ведь о них слышала?

— А, вот что! Слышала, конечно, но здесь они не подходят. В данном случае путешествие не занимает вообще никакого времени, совсем. Ну, конечно, потребовалось минут пятнадцать, чтобы выйти из атмосферы Плутона, да столько же, чтобы пройти атмосферу и приземлиться здесь. А так — фьють! И все.

— А как же скорость света...

— Да нет, Кип. — Крошка нахмурилась, затем лицо ее озарила улыбка. — А сколько времени прошло с момента, как ты установил маяк, до того, как они нас спасли?

— Что? — До меня дошел вдруг смысл ее слов. Папа не умер. Мама даже поседеть не успела! — Что-то около часа!

— Немногим больше. Но они прилетели бы и раньше, если бы им не пришлось готовить к вылету корабль, тогда они нашли бы тебя в туннеле, а не я. Сигнал маяка они получили в то же мгновение, как ты его включил. Полчаса ушло на подготовку корабля, что очень рассердило Мэмми. Никогда не подумала бы, что она способна сердиться. У них принято, что дежурный корабль готов к мгновенному старту по ее вызову.

— Каждый раз?

— Мэмми может в любое время вызвать любой корабль — она очень важная особа. А потом полчаса маневрирования в атмосфере — и все дела. Все происходит в реальном времени, и никаких парадоксов.

Я напряженно пытался переварить это.

Двадцать семь лет, световых лет, они покрывают за час, да еще при этом получают выговор за опоздание. Этак соседи по кладбищу дадут д-ру Эйнштейну прозвище «врунишка Альберт».

— Но как? Каким образом?

— Ты знаком с геометрией, Кип? Не с Евклидовой, конечно, а со стереометрией?

— Как тебе сказать... Пытался разобраться в открытых и замкнутых поверхностях и читал популярные книги доктора Белла.

— По крайней мере, ты не отмахнешься сразу, если услышишь, что прямая линия вовсе не обязательно является кратчайшим расстоянием между двумя точками. Потому что это неверно, Кип, все пространства соприкасаются. Их можно уложить в ведро, запихнуть в наперсток, если найдутся правильные совмещения.

Очень туманно я представил себе Вселенную, втиснутую в кофейную чашку; плотно сбитые ядра и электроны, по-настоящему плотно, а не как в тонком математическом призраке, который, как считают, представляет собой даже ядро урана. Нечто вроде «первородного атома» — к этому термину прибегают некоторые философы-космисты, пытаюсь объяснить расширяющуюся Вселенную. Что ж, может, она одновременно и сжимается, и расширяется. Как парадокс квантовой теории — волна не может быть потоком частиц, а частица не может быть волной, тем не менее все на свете является и тем, и другим. Тот, кто не верит в корпускулярно-волновой дуализм, вообще может по этому поводу не беспокоиться и не верить ни во что, даже в собственное существование.

— Сколько измерений? — еле спросил я.

— А сколько, по-твоему?

— Двадцать, наверное. По четыре на каждое из первых четырех, чтобы по углам просторнее было.

— Двадцать — это даже не начало. Я сама не знаю, Кип, и геометрии я не знаю тоже, мне только казалось, что я ее знаю. Поэтому я пристала к ним, как репей.

— К Мэмми?

— Да нет, что ты! Она тоже не знает. Ну, только в той мере, чтобы вводить и выводить корабль из складок пространства.

— Всего-то, — хмыкнул я.

Надо было мне заняться усиленным обучением маникюру и ни за что не поддаваться на уловки отца получить образование.

Ведь этому конца нет: чем больше знаешь, тем больше остается неизвестного.

— Скажи-ка, Крошка, ведь ты знала, куда маяк посылал сигналы, правда?

— Кто, я? — Она приняла невинный вид. — Как тебе сказать, в общем, да.

— И ты знала, что мы полетим на Вегу?

— Ну... если бы сработал маяк, если б нам удалось послать сигнал вовремя.

— А теперь вопрос на засыпку. Почему ты ничего мне не сказала?

— Видишь ли... — Крошка всерьез решила разделаться с пуговицей. — Я не знала, насколько хорошо ты знаком с математикой. И ты ведь мог упереться и решить, что ты взрослый и все знаешь лучше меня. Ты ведь мне не поверил бы?

— Наверное, и не поверил бы. Но если у тебя еще раз появится желание что-нибудь от меня утаить «ради моего собственного блага», не делай этого. Я знаю, что я не гений, но я постараюсь проявить достаточно здравомыслия и, может быть, еще на что-нибудь пригожусь, если буду знать, что у тебя на уме. И перестань вертеть пуговицу.

Крошка поспешно ее отпустила.

— Хорошо, Кип, я запомню.

— Спасибо. Мне сильно досталось?

— Сильно.

— Их корабли могут мгновенно преодолеть любое расстояние. Почему ты не попросила их доставить меня домой и быстро отправить в больницу?

Крошка замялась. Затем спросила:

— Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Прекрасно. Только ощущаю, что мне давали наркоз или что-то в этом роде.

— «Что-то в этом роде», — повторила она. — Но тебе кажется, что ты поправляешься?

— Я уже поправился!

— Нет. Не поправился. — Она пристально посмотрела на меня. — Сказать тебе все по правде, Кип?

— Говори.

— Если бы тебя доставили на Землю, в самую лучшую больницу, которая у нас есть, ты был бы сейчас инвалидом, ясно? Безруким и безногим. А здесь ты скоро будешь абсолютно здоров. Тебе не ампутировали ни одного пальца.

Хорошо, что в какой-то мере Мэмми подготовила меня. Я спросил только:

— Это правда?

— Да. И то, и другое. Ты будешь абсолютно здоров. — Лицо ее вдруг задрожало. — Ты был в таком ужасном состоянии! Я видела.

— В ужасном?

— Да. Меня потом кошмары мучили.

— Плохо, что они тебе разрешили смотреть.

— Она не могла запретить. Я — ближайшая родственница.

— То есть как? Ты что, выдала себя за мою сестру?

— Но я ведь действительно твоя ближайшая родственница.

Я хотел было обозвать ее нахалкой, но вовремя прикусил язык, на расстоянии 160 триллионов миль мы с ней были единственными землянами. Так что Крошка оказалась права, как всегда.

— И поэтому мне пришлось дать разрешение, — продолжала она.

— Разрешение на что? Что они со мной сделали?

— Сначала погрузили в жидкий гелий. И весь последний месяц, пока ты оставался там, использовали меня как подопытного кролика. Потом три дня назад, три наших дня, тебя разморозили и начали над тобой работать. С тех пор ты быстро поправляешься.

— И в каком же я теперь состоянии?

— Как сказать. Регенерируешься. Это ведь не кровать, Кип. Только выглядит так.

— Что же это?

— В нашем языке нет эквивалента, а их ноты я не могу воспроизвести — тональность слишком высока. Но весь дом, начиная отсюда, — она похлопала рукой по кровати, — и до комнаты внизу, занят оборудованием, которое тебя лечит. Ты опутан проводами, как эстрада клуба электронной музыки.

— Интересно бы взглянуть.

— Боюсь, что нельзя. Кип, ты же не знаешь! Им пришлось срезать с тебя скафандр по кускам.

Это расстроило меня куда больше, чем рассказ о том, в каком я был плачевном состоянии.

— Что? Они разрезали «Оскара»? Разрезали мой скафандр?

— Я знаю, что ты имеешь в виду. В бреду ты все время говорил с «Оскаром» и сам себе отвечал. Иногда я думаю, что ты — шизоид, Кип.

— Ты запуталась в терминах, коротышка. Скорее уж у меня раздвоение личности. Да, ладно, ты ведь сама параноик.

— Подумаешь, я уже давно это знаю. Но я очень хорошо приспособленный параноик. Хочешь увидеть «Ос-

кара»? Мэмми знала, что ты о нем спросишь, когда проснешься.

Она открыла стенной шкаф.

— То есть как? Ты же сказала, что его разрезали!

— А потом починили. Стал как новый, даже лучше прежнего.

— Тебе пора уходить, милая! Не забывай, о чем мы договорились, — пропела Мэмми.

— Ухожу, Мэмми, ухожу! Пока, Кип. Я скоро вернусь и буду к тебе часто забегать.

— Спасибо. Не закрывай шкаф, я хочу видеть «Оскара».

Крошка действительно заходила, но не очень часто. Однако я особенно и не обижался. Вокруг было столько интересного и познавательного, куда она могла сунуть свой вездесущий нос, столько необычного и нового, что она была занята, как щенок, грызущий новые хозяйские тапочки. Но я не скучал. Я поправлялся, а это работа такая, что нужно отдавать ей все свое время, и совсем не скучная, если у человека хорошее настроение. Как у меня.

Мэмми я видел тоже нечасто. Я начал понимать, что у нее полно своей работы, хотя она приходила не позже чем через час, если я ее звал, и никогда не спешила уходить.

Она не была ни врачом, ни сиделкой. Вместо нее мною занимался целый полк медиков, контролировавших каждый удар моего сердца.

Они никогда не входили ко мне, если я их не звал, но достаточно было прошептать, они появлялись. Вскоре я понял, что моя комната начинена микрофонами и датчиками, как корабль в испытательном полете, а моя «кровать» представляла собой медицинскую установку, по сравнению с которой наши «искусственное сердце», «искусственные легкие» и «искусственные почки» кажутся игрушками.

Самого оборудования я так и не увидел, постель меняли только тогда, когда я спал, но отчетливо представлял себе его функции: оно заставляло мое тело регенерировать, то есть не заращивать раны шрамами, а воспроизводить утраченные органы.

Умением делать это обладает любая амеба или морская звезда: разрубите их на части, и получите несколько новехоньких звезд. Таким умением должно обладать любое живое существо, поскольку генотип заложен в

каждой клетке. Но мы потеряли его несколько миллионов лет назад. Наука пытается его восстановить, по этому поводу публикуют много статей в «Конспекте для чтения» — оптимистических, в «Научном ежемесячнике» — пессимистических и совсем бестолковых в изданиях, научные редакторы которых получили, видимо, образование по фильмам ужасов. Но все же ученые над этим работают, и когда-нибудь наступит такое время, когда от несчастных случаев будут умирать только те, кого вовремя не успеют доставить в больницу.

Мне выпал редкий шанс изучить эту проблему, хотя мне было трудно. Но я старался. Я не испытывал никакого беспокойства по поводу того, что они со мной делают; Мэмми ведь сказала, чтобы я не беспокоился. Однако, подобно Крошке, я все-таки хотел знать, что со мной происходит.

Но возьмите дикаря из самых глухих джунглей, где не известна даже торговля в кредит. Предположите, что у него показатель умственного потенциала где-то за Ай Кью 190 и ненасытная любознательность, как у Крошки, пустите его в лаборатории атомного исследовательского центра в Брукхейвене. Многому он там сумеет научиться, сколько ему ни помогай? Он разберется, конечно, какие коридоры куда ведут, и узнает, что красный трилистник представляет собой сигнал опасности.

И все. И не потому, что он не способен — мы ведь говорим о суперинтеллекте, — просто ему нужно лет двадцать учиться, прежде чем он начнет задавать правильные вопросы и получать на них верные ответы.

Я задавал вопросы, неизменно получал ответы и делал свои выводы. Приводить их нет смысла — они путаны и противоречивы, как те выводы, что мог бы сделать дикарь о конструкции и работе оборудования атомных лабораторий. Как говорится в радиотехнике, при достижении определенного уровня шумов передача информации больше невозможна. Вот и я дошел до такого уровня.

По большей части это действительно был «шум» в прямом смысле слова. Задам я вопрос, а кто-нибудь из медиков начнет объяснять. Поначалу ответ кажется понятным, но он рассказывает суть дела, а я слышу только неразборчивое чириканье. Даже когда в роли переводчика выступала Мэмми, те объяснения, для восприятия которых у меня не было научной базы, звучали бодрым канареечным щебетаньем.

Не попадайте со стульев, я собираюсь объяснить кое-что, чего сам не понимаю: как Крошка и я говорили с Мэмми, хотя она не могла выговаривать английские слова, а мы были не способны воспроизводить ее певучий язык.

Обитатели Веги, которых я именовал «веганцами», переговаривались между собой тихим пересвистом, хотя «веганцы» по звучанию напоминало шум ветра в каменной трубе. У Мэмми тоже было свое «веганское» имя, но чтобы его произнести, надо было иметь сопрано. Крошка выучилась его произносить, чтобы умаслить Мэмми, но это ей никак не помогало. Так вот, веганцы обладают изумительным даром понимания, умением поставить себя на место собеседника. Вряд ли это телепатия; умеют они читать мысли, я вряд ли постоянно попадал бы впросак со своими вопросами. Можно назвать это свойство «умением читать чувства».

Но у них оно было развито по-разному: мы, например, тоже все умеем водить машины, но лишь у немногих есть данные автогонщиков. Вот и Мэмми... Я когда-то читал об актрисе, которая так владела итальянским, что ее понимали даже те, кто итальянского не знал. Ее звали Дуче. Нет, «дуче» — это диктатор. Ну, что-то в этом роде. Должно быть, она обладала тем же даром, что и Мэмми.

Первыми словами, которые я усвоил с помощью Мэмми, были «привет», «пока», «спасибо». Ей их хватало, чтобы выразить свою мысль; так человек может разговаривать с чужим щенком.

Позже я начал воспринимать пение как речь. А Мэмми усваивала значения английских слов еще быстрее; она ведь целыми днями беседовала с Крошкой, когда они пребывали в плену.

Если легко понять «здравствуй» и «хорошо бы поесть», то изложить такие понятия, как, скажем, «гетеродин» и «аминокислоты», куда сложнее, пусть даже в языках собеседников и существуют схожие понятия. Когда же в языке одного из них нужной конструкции нет, беседа обрывается. Поэтому мне трудно было беседовать со своими медиками — я не понял бы их, даже если бы они говорили по-английски.

Колебательный контур, посылающий радиосигнал, производит лишь мертвую тишину, если только сигнал не поступает на другой контур, настроенный на те же колебания с целью их воспринимать. Меня же не вклю-

чили на нужную частоту. Тем не менее я хорошо понимал их, если разговор не затрагивал профессиональных проблем.

Существа они были очень милые, охотно болтали и смеялись, друг к другу относились хорошо. Я с трудом отличал их друг от друга, за исключением Мэмми. Я, в свою очередь, узнал, что единственное различие, которое они видели между Крошкой и мной, заключалось в том, что я был болен, а она здорова. Но они различали друг друга легко; их разговоры переполняли музыкальные имена, и казалось, будто слушаешь «Петю и волка» или оперу Вагнера. У них был даже специальный лейт-мотив для меня. Речь их звучала жизнерадостно и весело, как звуки яркого летнего рассвета.

Теперь если услышу канарейку, то буду думать, о чем она поет, даже если сама она этого не знает.

Многое я узнавал от Крошки; ведь больничная койка не лучшее место для знакомства с планетой. Вега V была планетой с земной силой тяжести, с кислородной атмосферой, с циклом жизни, построенным на воде. Для землян она не была пригодна, потому что полуденное «солнце» могло испепелить человека ультрафиолетовыми лучами и потому что атмосфера содержала смертоносное для людей количество озона: немного озона бодрит и освежает, но если глотнуть чуть больше нормы, то это все равно что выпить синильной кислоты. Моя комната кондиционировалась; веганцы могли в ней свободно дышать, но считали воздух безвкусным.

Многое я узнал потому, что Мэмми обратилась ко мне с просьбой: она хотела, чтобы я надиктовал подробный рассказ о том, как влип в эту историю. Потом она попросила меня рассказать все, что я знал, о Земле и ее истории, о том, как земляне трудятся и уживаются вместе. Надо сказать, что ответить на эти вопросы и теперь мне сложно, так как не слишком много я знаю. Взять хотя бы древний Вавилон. Какое он оказал влияние на раннюю цивилизацию Египта? Я имел об этом самое туманное представление.

Возможно, Крошка справилась бы с этой задачей лучше, поскольку, как и мой отец, она всегда запоминает все, когда-либо услышанное или прочитанное. Но им, наверно, оказалось не под силу заставить ее долго сидеть на одном месте, а я к своему все равно был прикован. Мэмми интересовалась этой информацией по тем же причинам, которые заставляют нас изучать австра-

лийских аборигенов; она также хотела получить записи нашего языка. Была у нее и еще одна причина.

Дело мне выпало нелегкое, хотя ко мне прикрепили веганца, чтобы он помогал, когда у меня возникало желание работать, и который всегда прекращал работу, если я вставал. Я прозвал его «профессор Джозефус Яйцеголовый». Слово «профессор» более-менее подходит в данном случае, а имя его все равно буквами не запишешь. Для краткости я называл его «Джо», а он, обращаясь ко мне, высвистывал мотивчик, который по-ихнему означал «Клиффорд Рассел, обмороженное чудовище». Джо обладал столь же развитым даром понимания, как Мэмми. Но как объяснить такие понятия, как «тарифы» и «короли» существу, в истории которого никогда не было ни того, ни другого? Английские слова казались бессмысленным шумом. Однако Джо изучал истории многих планет и народов и демонстрировал мне различные сценки на цветных стереоэкранах, пока мы не определяли вместе, о чем идет речь.

Мы продвигались вперед: я надиктовывал текст в серебряный шар, висящий подле рта, а Джо, свернувшись в клубочек, как кот, лежал на специальном возвышении, поднят на уровень моей кровати, и диктовал в свой микрофон, делая заметки по ходу дела. Микрофон был устроен так, что его голос я слышал, только когда он обращался ко мне.

Иногда Джо прекращал диктовать и показывал мне различные изображения, пытаюсь выяснить, о чем шла речь. Изображения, казалось, появлялись прямо из воздуха, но так, чтобы мне было удобно: стоило мне повернуть голову, и они перемещались вслед за моим взглядом. Цветное стереотелевидение с абсолютно реальным, достоверным изображением. Что ж, дайте нам еще лет двадцать, и мы добьемся такого же результата.

Настоящее впечатление на меня произвела организация, которая за этим стояла. Я стал расспрашивать о ней Джо. Он пропел что-то в свой микрофон, и мы совершили быстрое турне по их «Библиотеке Конгресса».

Мой отец считает, что библиотечная наука лежит в основе всех наук, а ключом ко всем ним является математика; выживем мы или погибнем, по его мнению, зависит от того, как хорошо справятся со своим делом библиотекари. Мне библиотечная профессия романтической не кажется, но, вероятно, папа высказал не очень очевидную истину.

В этой «библиотеке» были сотни, а то и тысячи веганцев, просматривающих изображения; перед каждым стояла серебристая сфера. Джо сказал, что они «рассказывают данные». Это соответствует карточкам для каталога с той лишь разницей, что больше похожи на запись в человеческую память — девять десятых того здания занимал электронный мозг.

Я заметил треугольный значок, похожий на тот, который носила Мэмми, но его изображение быстро сменилось каким-то другим. Такой же значок, в отличие от своих сородичей, носил Джо, но я как-то не удосужился спросить, что он означает, так как созерцание этой невероятной «библиотеки» напомнило мне о кибернетике и мы уклонились от темы. Потом я решил, что это, наверное, знак принадлежности к ученым: ведь Мэмми выделялась интеллектом даже среди веганцев, а Джо от нее почти не отставал.

Когда Джо был уверен, что понял какое-нибудь английское слово, он приходил в восторг, как обласканный щенок. Он был преисполнен достоинства, но подобная реакция не считается для веганца неприличной. Если веганец замирает, то, значит, он либо очень обеспокоен, либо недоволен чем-нибудь.

Беседы с Джо дали мне возможность путешествовать по разным местам, не покидая постели. Мне на наглядных примерах показывали разницу между «начальной школой» и «университетом». «Детский сад» выглядел так: один взрослый веганец следил за кучей шалунов детишек, невинно проказничающих, как проказничает щенок колли, когда наступает лапками на мордочку поваленного им братишки, стремясь дотянуться до блюдца с молоком.

Но «университет» впечатлял тихой красотой, странного вида деревьями, растениями и цветами, разбросанными между сюрреалистическими зданиями, не похожими ни на один известный мне архитектурный стиль Земли. Скорее, я удивился бы, окажись они на что-то похожими. Веганцы широко использовали параболы, и все их «прямые» линии казались выпуклыми, в них было то, что греки называли «энтасис» — изящество в сочетании с силой.

Однажды Джо пришел ко мне, весь светясь от радости. Он принес еще один серебристый шар, чуть большего размера, чем остальные. Поместив его передо мной, он пропел:

— Послушай это, Кип.

Вслед за ним из большого шара раздалось по-английски:

— Послушай это, Кип!

— Что вы хотите услышать от меня? — спросил я.

— Что вы хотите услышать от меня? — пропел большой шар по-вегански.

Больше «профессор» Джо ко мне не приходил.

Несмотря на всю помощь, мне оказываемую, несмотря на умение Мэмми объяснять, я казался себе армейским тупицей в академии Уэст-Пойнта, принятым почетным курсантом, но не способным овладеть программой. Я не понял устройства их правительства. Да, у них было правительство и государство, непохожие ни на одну известную мне систему. Джо понимал, что такое «голосование», «юриспруденция» и «демократия»; он располагал примерами из истории множества планет. О демократии он отозвался, как об «очень хорошей системе для начинающих». Это высказывание могло бы прозвучать высокомерно, однако высокомерие веганцам не свойственно.

Познакомиться с кем-нибудь из молодежи мне не удалось. Джо объяснил, что детям не положено видеть «непривычных существ», пока они не научатся понимать их и сочувствовать им... Я бы обиделся, если бы к тому времени сам уже не владел в некоторой степени этим искусством. И сказать по правде, повстречай десятилетний земной мальчик веганца, он либо убежал бы, либо ткнул его палкой.

Я пытался расспросить об их государственной системе Мэмми; в частности мне хотелось узнать, как они сохраняют мир и порядок, как действуют их законы, как они борются с преступностью, какие у них приняты наказания и правила уличного движения. Но разговор с Мэмми привел к самому серьезному случаю непонимания, когда-либо возникавшему в наших беседах.

— Но как же может разумное существо идти против собственной природы? — спрашивала Мэмми.

Сдается мне, что их единственный порок состоит в том, что у них нет никаких недостатков. А это, оказывается, очень утомительно.

Лечащие меня медики очень заинтересовались лекарствами из шлема «Оскара»; мы ведь интересуемся

шаманскими снадобьями, но интерес не был праздным, вспомните дигиталис и кураре. Я объяснил им, от чего помогает каждое лекарство, сумел привести не только торговое, но и научное название почти всех их. Я знал, что кодеин делается из опиума, а опиум добывается из мака. Знал, что декседрин относится к сульфатам, но на этом мои познания кончались. Органическая химия и биохимия и без языкового барьера — достаточно трудная тема для разговора.

Не знаю даже, когда я уяснил, что Мэмми не женщина, или, вернее, не совсем женщина. Но значения это не имело: материнство — вопрос отношений, а не биологическое родство. Если бы Ной строил свой ковчег на Веге V, ему пришлось бы брать каждой твари не по паре, а по дюжине. Это весьма сильно все осложняет.

Но Мэмми — существо, которое заботится о других. Я вовсе не уверен, что все они одного пола, скорее, все зависит от характера.

Встречался я и с веганцем «отцовского типа». Можно назвать его «губернатором» или «мэром», но, пожалуй, «пастырь» или «вожатый» подойдет лучше, хотя его авторитет распространялся на целый континент. Он вплыл в мою комнату во время одной из наших бесед с Джо, пробыл минут пять, прочирикал Джо, чтобы тот продолжал делать полезное дело, мне прочирикал, что я хороший мальчик, пожелал поскорее поправиться, и все без какой бы то ни было спешки. От него исходило наполнившее меня теплое чувство уверенности, как от папы, когда он со мной разговаривает. Визит его носил характер «посещения раненого членом королевской семьи», а ведь нелегко, наверное, было включить посещение моей палаты в его плотный рабочий график.

Джо по отношению ко мне не проявлял ни отцовской заботы, ни материнской ласки, он учил и изучал меня, как «настоящий ученый».

Однажды Крошка вбежала ко мне, веселая и довольная, и застыла в позе манекена.

— Как тебе нравится мой новый весенний костюм?

На ней был серебристый, плотно облегающий комбинезончик, а на спине горбился маленький рюкзачок. Выглядела она мило, но, конечно, не так, чтобы отправиться на бал в королевский дворец; вообще-то, она была худенькая, как тростинка.

— Очень здорово, — прокомментировал я. — В акробаты готовишься?

— Не говори глупости, Кип, это мой новый скафандр! Я посмотрел на громоздкого, неуклюжего, заполнявшего весь стеной шкаф «Оскара» и спросил:

— Слышал, дружище?

— Чего в жизни не бывает!

— А как шлем пристегивается?

— Он на мне, — хихикнула Крошка.

— Ну да? «Новое платье короля?»

— Что-то вроде этого. Забудь о предрассудках, Кип. Это скафандр того же типа, как у Мэмми, но сделан специально для меня. Мой старый скафандр был не первый сорт, да и мороз его почти доконал. А этот — просто чудо. Взять хотя бы шлем. Он на мне, просто ты его не видишь. Эффект силового поля. Воздух не может ни выйти, ни попасть сюда. — Она подошла поближе. — Дай мне пощечину.

— Зачем?

— Ой, я забыла. Поправляйся скорей и вставай с постели, я поведу тебя гулять.

— Я — за. И, говорят, не так уж долго ждать?

— Поскорей бы. Смотри, а я тебе покажу. — Она ударила себя по лицу, но в нескольких дюймах от ее лица рука наткнулась на преграду. — Смотри внимательней, — продолжала Крошка и медленно повела рукой.

Рука прошла сквозь невидимый барьер, Крошка ущипнула себя за нос и расхохоталась. Это произвело на меня впечатление: еще бы, скафандр, через который можно дотронуться до себя. Будь у нас такие, я бы смог тогда передать Крошке и воду, и декседрин, и таблетки сахара.

— Здорово! Как он устроен?

— На спине, под резервуаром с воздухом, размещается энергоустановка. Резервуара хватает на неделю, а со шлангами подачи воздуха не бывает проблем, потому что их нет.

— А если какой-нибудь предохранитель полетит? Сразу вакуума наглотаешься.

— Мэмми говорит, что такого не бывает.

Что ж, я не помню, чтобы Мэмми хоть однажды ошиблась в своих утверждениях.

— И это еще не все, — продолжала Крошка. — В нем чувствуешь себя, как в обычной одежде, ничего не мешает, никогда не бывает ни холодно, ни жарко.

— А как насчет ожогов? Ты ведь говорила...

— Поле действует, как поляризатор. Кип, попроси их сделать скафандр и для тебя, и мы отправимся путешествовать!

Я поглядел на «Оскара».

— Пожалуйста, дружище, пожалуйста, — ответил он еле слышно. — Я ведь не ревнивый.

— Знаешь, Крошка, я лучше останусь с «Оскаром». Но с удовольствием изучу этот твой обезьяний наряд.

— Обезьяний! Скажет тоже!

Проснувшись однажды утром, я перевернулся на живот и понял, что хочу есть. Потом рывком сел. Я перевернулся на живот! Меня предупреждали быть готовым к этому. «Кровать» снова стала просто кроватью, и тело слушалось меня. Более того, я проголодался, а за все время пребывания на Веге V я ни разу не хотел есть. Медицинская машина сама насыщала мой организм. Очень здорово было вновь почувствовать себя человеком, а не отдельным мозгом. Я соскочил с постели, ощутил легкое головокружение, оно сразу же прошло, и я усмехнулся. Руки! Ноги!

Я с восторгом исследовал их. Они были целехоньки и нисколько не изменились. Потом я присмотрелся повнимательней. Нет, кое-какие изменения есть. На голени не было больше шрама, заработанного в детстве во время игры. Когда-то на ярмарке я вытатуировал у себя на левом предплечье слово «мама». Мама очень огорчилась, а отец разозлился, но велел татуировку не сводить, чтобы впредь не повадно было дурить. Теперь ее не было. С рук и с ног исчезли мозоли. Несколько лет назад я лишился мизинца правой ноги, потому что промахнулся топором. Теперь палец оказался на месте. Я поспешно поискал шрам от аппендицита, нашел его и успокоился; исчезни он, я бы не был уверен, что я — это действительно я.

Подойдя к зеркалу, я обнаружил, что у меня отрасли такие длинные волосы, что я стал похож на хиппи.

На комодке лежали доллар и шестьдесят семь центов, автоматический карандаш, листок бумаги, мои часы и носовой платок. Часы шли. Долларовая бумажка, листочек и носовой платок были выстираны и выглажены. Одежда, безупречно чистая и отремонтированная, лежала на столе. Но носки были новые, из материала, похожего на войлок, если, конечно, бывает войлок не толще бумажной салфетки и растягивающийся вместо того,

чтобы рваться. На полу стояли теннисные туфли, такие же, как у Крошки, только моего размера. Я оделся.

В дверь влетела Крошка.

— Кто-нибудь есть дома? — Она несла поднос. — Не хочешь позавтракать?

— Крошка! Да посмотри же на меня!

— Очень неплохо, — отметила она, — особенно для такой обезьяны. Но надо подстричься.

— Меня по кусочкам собрали! Здорово!

— Ты никогда и не разваливался на куски, — ответила Крошка, — если не считать отдельных деталей. Куда поставить? — Она поставила поднос на стол.

— Крошка, — спросил я не без обиды. — Тебе безразлично, что я поправился?

— Что ты, конечно нет. А то с чего бы я попросилась нести тебе поднос? Но я еще вчера знала, что тебя выпускают из бутылки. Кто, по-твоему, стриг тебе ногти и брил тебя? С тебя за это доллар, сейчас цены на бритье возросли.

Я протянул ей свой многострадальный доллар.

— Ты что, шуток не понимаешь?

— «Ни кредитором будь, ни должником».

— Полоний. Нудный старый дурак. Нет, Кип, я не могу взять твой последний доллар.

— Так кто же не понимает шуток?

— Знаешь, лучше позавтракай, — ответила Крошка. — Этот пурпурный сок очень вкусный, похож на апельсиновый. Вот это похоже на яичницу-болтушку, вполне приличная имитация, я даже попросила окрасить ее в желтое, а местные яйца просто ужас, что, впрочем, неудивительно, когда знаешь, где их берут. Вот это растительный жир, я его тоже окрасила в нужный цвет. Хлеб настоящий, сама поджарила. Соль тоже настоящая, и они удивляются, что мы ее едим, потому что считают ее ядом. Ешь, я ведь все проверила на себе, как на кролике. Вот только кофе нет.

— Ничего, обойдусь.

— А я его вообще никогда не пью — хочу вырасти. Ешь!

Запах был восхитителен.

— А где твой завтрак, Крошка?

— Я уже давно поела. Но я буду следить за тобой и заодно глотать слюнки.

Вкус еды мне казался странным, но она была тем, «что доктор прописал», да, наверное, так и было. Давно

я не получал от еды такого удовольствия. Наконец я сделал паузу и сказал:

— Надо же, нож и вилка!

— Единственные на планете, — ответила Крошка, — мне надоело есть пальцами, а их приборы для нас неудобны. Я нарисовала картинку. Этот прибор мой, но тебе мы тоже закажем.

На подносе лежала салфетка, из того же войлокоподобного материала. Вода на вкус казалась дистиллированной. Но мне было все равно.

— Крошка, а чем ты меня так здорово побрила без единой царапинки?

— Маленьким таким приборчиком, полым внутри. Не знаю, для чего он предназначен здесь, но если ты запатентуешь его дома — заработаешь кучу денег. Доедай тосты.

— Больше не могу. А я-то думал, что съем все до последней крошки.

— Ну, ладно, тогда я доем. — Она подцепила тостом немножко масла и, проглотив его, заявила: — Я пошла.

— Куда?

— Надевать скафандр. Потом поведу тебя гулять. — Крошка исчезла.

За исключением части, видимой с моей кровати, холл вовсе не был похож на мой дом, но, как и дома, дверь налево вела в ванную. Ее и не пытались имитировать под земную, все освещение и оборудование веганские, но очень удобные.

Когда вернулась Крошка, я проверял «Оскара». Если они и впрямь срезали с меня скафандр по кускам, то восстановили его просто изумительно, исчезли даже те заплатки, которые ставил я. И вычистили скафандр так тщательно, что внутри не осталось никаких запахов. Скафандр был в отличной форме и имел трехчасовой запас воздуха.

— Ты отменно выглядишь, дружище.

— Обслуживание здесь на высоте.

— Оно и видно.

Подняв голову, я увидел Крошку, уже одетую в свой «весенний костюм».

— Крошка, а без скафандра здесь гулять нельзя?

— Можно. Достаточно одеть респиратор, козырек от солнца и темные очки.

— Ты меня убедила. А где же мадам Помпадур? Ты всунула ее под костюм?

— Всунуть-то нетрудно, но я оставила ее в своей комнате и велела хорошо себя вести.

— А как, надежда есть?

— Сомнительно. Она вся в меня.

— Где твоя комната?

— Рядом. Это единственная часть дома, где созданы земные условия.

Я начал влезать в скафандр.

— Слушай, а радио в твоём балахоне есть?

— Все то же самое, что у тебя, и даже больше. Ты не заметил перемен в «Оскаре»?

— Каких перемен? Я заметил, что он починен и вычищен, а что они с ним сделали еще?

— Так, пустячок. Лишний переключатель на рации. Нажмешь и можешь говорить с теми, у кого нет радио, не напрягая голосовых связок.

— Что-то не вижу динамика.

— Они не любят неуклюжих и громоздких приборов.

Я заглянул в Крошкину комнату, когда мы проходили мимо. Она не была выдержана в веганском стиле, я ведь достаточно насмотрелся на стерео местных интерьеров. Не была она и копией ее земной квартиры, если, конечно, ее родители люди здравомыслящие. Стиль «мавританский гарем», в воображении сумасшедшего короля Людвига вперемешку с Диснейлендом.

Но от комментариев я воздержался. Наверно, Мэмми хотела предложить ей комнату, копирующую ее собственное жилище, так же, как и мне, но Крошка не упустила возможности и дала развернуться вовсю своему неуправляемому воображению.

Сомнительно, конечно, чтобы ей удалось провести Мэмми хоть на секунду. Та, вероятно, снисходительно чирикнула и дала Крошке покапризничать.

Дом Мэмми был ненамного меньше капитолия нашего штата, семья ее насчитывала то ли десятки, то ли сотни родственников — слово «семья» имеет здесь более широкий смысл, чем у нас. Малышей на нашем этаже не было, и я знал, что их держат подальше от нас, «страшил». Все взрослые здоровались со мной, спрашивали о здоровье и поздравляли: я только и делал, что отвечал «спасибо», «прекрасно», «лучше не бывает». Каждый из них знал Крошку и мог прочиркать ее имя.

Мне показалось, что я узнал одного из своих врачей, но толком среди веганцев я мог узнать лишь Мэмми,

профессора Джо и главного медика, а они нам не встретились.

Мы шли дальше. У Мэмми был типичный веганский дом — круглые мягкие пуфики в фут толщиной и фута в четыре диаметром, используемые как стулья и кровати; голый пол, чистый и пружинящий под ногами; мебель, по большей части расположенная на стенах, цветы, неожиданно встречающие тебя здесь и там, как будто на дом надвинулись джунгли.

Пройдя сквозь ряд параболических арок, мы вышли на балкон. Ограждения на нем не было, а лететь до площадки над ним — футов семьдесят пять. Я остался у стены и в который раз пожалел, что у «Оскара» нет окошка под подбородком. Крошка подошла к краю, схватилась рукой за стройный столбик и высунулась наружу.

— Иди посмотри!

— Может, ты меня подстрахуешь веревкой?

— Что, высоты испугался?

— Я ее всегда боюсь, когда не вижу, куда ступаю.

— Так возмись за мою руку и держись за столб.

Я дал ей подвести меня к столбу, затем выглянул наружу.

Передо мной лежал город в джунглях. Сочная темная зелень заполняла все пространство и так перепуталась, что я не мог отличить деревья от кустов. Местами зеленое море разбивали островки зданий — таких же больших, как то, где находились мы, или еще больших. Дорог не было видно: в городах веганцы прокладывают дороги под землей. Но многие передвигались по воздуху с помощью очень легких индивидуальных летательных аппаратов, взлетая и садясь, как птицы, на балконы, подобные тому, на котором стояли мы.

Увидел я и настоящих птиц, стройных, длиннотелых и ярко раскрашенных, с двумя парами крыльев, что казалось нелепым с точки зрения аэродинамики, но вполне, видимо, устраивало их.

— Полезем на крышу? — предложила Крошка.

— А как?

— Через люк.

Наверху виднелся люк, к которому вели расположенные винтовой лестницей легкие кронштейны, которыми наши хозяева пользуются как ступеньками.

— А настоящей лестницы здесь нет?

— С другой стороны есть, но обходить долго.

— Боюсь, что эти ступеньки меня не выдержат. Да и вряд ли я пролезу в люк в «Оскаре».

— Не ной! — Крошка, как мартышка, ловко полезла вверх.

Я карабкался за ней, словно усталый медведь. Кронштейны, несмотря на кажущуюся хрупкость, оказались прочными, и отверстие люка достаточно большим.

Высоко в небе сияла Вега.

Под тем углом, под которым мы ее видели, она казалась размером с наше Солнце, что было вполне естественно, поскольку планета отстояла от нее намного дальше, чем Земля от своего светила. Но очень уж Вега яркая, свет слепил глаза, несмотря на поляризаторы. Пришлось отвернуться и подождать, пока глаза не привыкли, а поляризаторы не отрегулировались, и я снова смог нормально видеть. Голова Крошки, казалось, скрылась под баскетбольным мячом из темного стекла.

— Ты еще там? — спросил я на всякий случай.

— Конечно, — ответила она, — и мне этот свет смотреть не мешает. Красивый отсюда вид. Он тебе не напоминает вид Парижа с Триумфальной арки?

— Не знаю. Я ведь никогда нигде не бывал.

— Только бульваров, разумеется, здесь нет. А вот кто-то садится на нашу крышу.

Я обернулся в ту сторону, куда она показала: ей все было видно, а мой обзор ограничивал шлем. Едва я успел повернуться, веганец уже был подле нас.

— Здравствуйте, дети!

— Привет, Мэмми, — Крошка, обняв Мэмми обеими руками, подняла ее.

— Не спеши, милая, не спеши. Дай-ка мне снять все это. — Мэмми сбросила свое летательное приспособление, сложила его, как зонтик, и повесила на руку. — Ты хорошо выглядишь, Кип.

— Я себя прекрасно чувствую, Мэмми. Вот здорово, что вы снова с нами!

— Я хотела вернуться к тому моменту, когда ты встанешь с постели. И врачи держали меня в курсе дела каждую минуту. — Она приложила мне к груди свою маленькую ручку, при этом несколько вытянувшись, и глаза ее почти доставали до стекла моего шлема. — Ты совсем здоров.

— Лучше не бывает.

— Правда, правда, Мэмми, он здоров.

— Хорошо. Ты уверяешь, что здоров. Я чувствую, что это действительно так, Крошка заверяет, что это так, и, что самое существенное, главный лечащий врач тоже считает, что ты здоров. Мы отправимся немедленно.

— Что? — удивился я. — Куда отправимся, Мэмми? Она обернулась к Крошке:

— Ты еще не сказала ему, милая?

— Ой, что вы, Мэмми, никак случая не выдавалось.

— Хорошо. — Она снова повернулась ко мне. — Милый Кип, мы должны посетить важное собрание. Будут заданы вопросы, будут выслушаны ответы, будут приняты решения. — Теперь она обращалась к нам обоим: — Готовы ли вы тронуться в путь?

— Прямо сейчас? — спросила Крошка. — Конечно, только мне надо сбегать за мадам Помпадур.

— Иди же за ней. А ты, Кип?

Я сказал Мэмми, что не помню, надел ли часы, а сквозь ткань скафандра не могу определить этого на ощупь.

— Хорошо, дети, бегите по своим комнатам, пока я вызову корабль. Возвращайтесь сюда и не задерживайтесь.

Вниз мы спустились по лестнице.

— Ты опять скрыла от меня что-то важное, Крошка?

— Вовсе нет!

— Как же, по-твоему, это называется?

— Послушай меня, пожалуйста, Кип! Мне не велели тебе ничего говорить, пока ты не поправишься. Мэмми настаивала на том, чтобы тебя ничем не беспокоили.

— Почему я должен был беспокоиться? Что вообще происходит? Что это за собрание? Что за вопросы?

— Суд. Можно даже сказать, уголовный суд.

— Что? — Я мгновенно прозондировал собственную совесть. Но ведь при всем желании я не мог здесь ничего натворить, еще два часа назад я был беспомощным, как новорожденный младенец.

— Малышка, — сказал я строго. — Выкладывай все начистоту. Что ты натворила на этот раз?

— Я? Абсолютно ничего.

— Подумай хорошенько.

— Да нет же, Кип. Извини, что я ничего не рассказывала тебе за завтраком! Но папа не разрешает ничего рассказывать, пока не выпьет вторую чашку кофе, и я подумала, что хорошо бы нам погулять, прежде чем на-

чнутся всякие неприятности, и я как раз собиралась тебе рассказать...

— Так рассказывай, наконец.

— Я ничего не натворила. Но ты забыл о Червелице.

— Как? Да ведь он же погиб!

— Может быть, и нет. Но, как только что сказала Мэмми, еще «будут заданы вопросы и приняты решения». Сдается мне, ему крышка.

Я поразмыслил над этим по дороге. Тяжкие преступления и судебно наказуемые деяния... Разбой на космических дорогах, да, похоже, что Червелицкий получит «вышку». Если, разумеется, веганцы сумеют его поймать. Но, видимо, его уже схватили, коль скоро речь идет о суде.

— В качестве кого же привлекаемся мы? Свидетелей?

— Что-то вроде.

Судьба Червелицкого мне до лампочки, но, может быть, представится шанс побольше узнать о веганцах. Особенно, если суд находится где-нибудь вдали отсюда — удобный случай попутешествовать и познакомиться со страной.

— Но это еще не все, — озабоченно добавила Крошка.

— Что еще?

— Поэтому-то я хотела сначала погулять без всяких забот, — вздохнула она расстроенно.

— Не тяни, выкладывай.

— Видишь ли, потом перед судом предстанем мы.

— Что?!

— Ну, наверное, правильнее сказать: предстанем перед испытательной комиссией. Но одно я знаю точно: нас не отпустят домой, пока не вынесут нам вердикт.

— Но что же мы сделали?! — взорвался я.

— Не знаю!

— А ты уверена, что нас отпустят домой после суда? — Во мне все кипело.

— Мэмми отказывается об этом говорить.

Остановившись, я взял ее за руку.

— Все это означает, — сказал я зло, — что мы с тобой арестованы. Так?

— Да. — Она добавила, почти рыдая: — Но, Кип, я ведь говорила тебе, что она — полицейский, говорила!

— Вот здорово! Мы таскали ей каштаны из огня, а теперь арестованы и будем преданы суду, и даже не знаем за что! Чудесное место, Вега V! И такие дружелюбные

туземцы! Они лечили меня, как у нас лечат гангстеров, чтобы потом повесить!

— Но, Кип, — Крошка не могла больше сдерживать слезы и разревелась вовсю, — я знаю, я уверена, что все будет хорошо. Пусть она полицейский, она все-таки Мэмми!

— Да? Сомневаюсь. — Поведение Крошки резко не соответствовало ее словам. Она умоляла меня не беспокоиться, а сама...

Свои часы я нашел на умывальнике и, расстегнув скафандр, положил их во внутренний карман. Войдя к Крошке, я увидел, что она делает то же самое с мадам Помпадур.

— Давай, я возьму ее, — предложил я, — у меня больше места.

— Нет, спасибо, — вяло ответила Крошка. — Она нужна мне. А сейчас — особенно.

— Крошка, где находится суд? В этом городе? Или в другом?

— Разве я тебе не сказала? Он на другой планете.

— Разве Вега V не единственная населенная...

— Суд находится на планете в другой солнечной системе. И даже в другой галактике.

— Что-что?

— Это где-то в Малом Магеллановом облаке.

Г л а в а 10

Я не стал сопротивляться. В 160 триллионах миль от дома это бессмысленно. Но я не разговаривал с Мэмми, поднимаясь на борт корабля.

Корабль походил на старинный улей и казался маленьким каботажным судном, еле годным добросить нас до космопорта. Мы с Крошкой впритык уселись на полу, Мэмми свернулась спереди и покрутила блестящие стержни, похожие на счеты. Мы сразу же оторвались от земли. Через несколько минут мой гнев из угрюмой насупленности перешел в безрассудную агрессивность.

— Мэмми!

— Одну секунду, милый, дай мне вывести корабль из атмосферы.

Она нажала на что-то, корабль задрожал, потом лег на ровный курс.

— Мэмми! — повторил я.

— Подожди, пока не спустимся, Кип.

Пришлось ждать. Приставать к пилоту так же глупо, как пытаться вырывать руль у шофера. Корабль снова трянуло — должно быть, в верхней части атмосферы дуют сильные ветры. Но она свое дело знала.

Вскоре я ощутил мягкий толчок и решил, что мы прибыли в космопорт. Мэмми обернулась ко мне.

— Ну что ж, Кип, я улавливаю чувства страха и возмущения, овладевшие тобой. Станет тебе легче, если я заверю тебя, что вам двоим ничего не угрожает? Что я буду защищать вас своим собственным телом так же, как защищал его ты?

— Да, но...

— Тогда давай подождем и посмотрим, что будет. Показать легче, чем объяснить. Не застегивай шлем. На этой планете такой же воздух, как у тебя дома.

— Что? Мы уже там?

— Я ведь тебе говорила, — напомнила Крошка. — Раз и все! Прилетели.

Я ничего не ответил, пытаюсь сообразить, как далеко мы очутились от дома.

— Идемте, дети.

Вылетели мы в полдень, а сошли с корабля ночью. Корабль стоял на уходящей в даль, насколько хватал глаз, платформе. Я увидел перед собой незнакомые созвездия, вниз по небу тянулась тонкая нитка Млечного Пути. Так что похоже, Крошка ошиблась, хотя мы и очутились далеко от дома, но все в той же Галактике, может, нас просто перебросили на ночную сторону Вегги V.

Услышав за спиной изумленный вздох Крошки, я обернулся.

У меня не достало сил даже на вздох изумления. Небо сверкало необъятным звездным водоворотом. Сколько там было звезд? Миллионы? Миллиарды?

Случалось вам видеть фотоснимок Туманности Андромеды? Гигантской спирали из двух изогнутых витков? И сейчас мы увидели нечто подобное. Из всех красот неба — это самое чудесное.

Только не на фотографии, не в объективе телескопа — мы были так близко к звездам, что они простирались над нами через все небо, занимая пространство в два раза большее, чем звезды Большой Медведицы, когда смотришь на них с Земли. Так близко, что я увидел

скопление в их центре: два огромных звездных ствола, переплетающихся вместе.

И тогда я по-настоящему понял, как далеко очутились мы от дома. Дом остался далеко позади, затерянный среди миллиардов звезд.

Не сразу я заметил еще одну двойную спираль справа от меня, такую же раскладистую, но несколько смещенную в сторону и тускловатую — бледный призрак нашей прекраснейшей Галактики. И я сразу понял, что передо мной — Большое Магелланово облако, коль скоро мы находимся в Малом, и что искрящийся водоворот над головой и есть наша Галактика. То, что я принял за Млечный Путь, оказалось просто одним из многих таких млечных путей — Малое облако изнутри. Обернувшись, я снова поглядел на него.

Он имел правильные очертания широкой дороги посреди неба, но был бледен, как снятое молоко. Я не знаю, каким он должен был выглядеть, потому что никогда не видел Магеллановых облаков — я никогда не бывал южнее Рио-Гранде. Однако я помнил, что каждое облако является галактикой, но эти галактики меньше нашей и примыкают к ней.

Снова взглянув на сверкающую спираль нашей Галактики, я почувствовал такую тоску по дому, какую не испытывал с детских лет.

Крошка, ища спасения, прильнула к Мэмми. Та, вытянувшись, обняла ее.

— Ну, ну, милая. Я чувствовала то же самое, когда была маленькой и впервые увидела это.

— Мэмми, — робко спросила Крошка, — где наш дом?

— Посмотри направо, милая, видишь, вон там, где правая спираль уходит вдаль? Мы прилетели из этой точки.

— Нет, нет, я не Вегу имею в виду. Я спрашиваю, где находится Солнце.

— А, ваша звезда! Но, милая, на таком расстоянии его все равно не увидишь.

Потом мы выяснили, что Солнце и планету Ланадор разделяет 167 000 световых лет. Мэмми не могла сказать сразу, потому что не знала, какой отрезок времени мы подразумеваем под годом, сколько времени требуется Земле, чтобы совершить оборот вокруг Солнца, для нее эти данные имели такое же значение, как цены на арахис в Перте, так что если она и встречала их где-ни-

будь в справочнике, то тут же забывала. Но она помнила расстояние от Веги до Солнца и сообщила нам расстояние от Ланадора до Веги, используя эту цифру как ориентир: расстояние от Веги до Ланадора было в шесть тысяч сто девяносто раз больше, чем расстояние от Веги до Солнца. Умножив 27 световых лет на 6190, получаем 167 000 световых лет.

Мэмми любезно подсчитала нам все это в десятичной системе, вместо того чтобы использовать пять факториал ($1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5$ равно 120), как принято на Веге. 167 000 световых лет равно $9,82 \times 10^{17}$ миль. Округлив 9,82 до десяти, получаем:

1 000 000 000 000 000 000 миль, то есть расстояние от Веги до Ланадора, или от Солнца до Ланадора. В таких масштабах и Вега, и Солнце всего лишь глухие задворки.

Миллиард миллиардов миль. Я отказываюсь иметь что-либо общее с этой смехотворной цифрой. Может, для космических расстояний она и «невелика», но просто наступает такой момент, когда «предохранители» в мозгу больше не выдерживают.

Платформа, на которую мы приземлились, оказалась крышей гигантского треугольного здания, простирающегося на много миль во все стороны. Его изображения с двойной спиралью посередине — тот же рисунок, что и на украшении, которое носила Мэмми, — попадались нам потом на каждом шагу. Это был символ, означающий:

«Три Галактики — Один закон».

Я сваливаю в кучу все, что узнавал обрывками: Три Галактики — организация типа нашей Федерации Свободных наций, или ее предшественницы Организации Объединенных Наций, Лиги Наций, которая существовала еще раньше. Ланадор — столица Лиги, там расположены официальные учреждения и суды, подобно тому, как штаб-квартира Лиги Наций находилась в Женеве. Ланадор избран местом пребывания штаб-квартиры в силу исторических причин, его население — это древний народ, отсюда началось распространение цивилизации.

Три Галактики — островная группа, как штат Гавайи, у них нет других близких соседей. Цивилизация распространилась по Малому облаку, затем по Большому, а сейчас медленно прокладывает себе путь в нашей Галактике; медленно, потому что звезд в ней раз в пят-

надцать—двадцать больше, чем в первых двух, вместе взятых.

Когда я более или менее уяснил себе картину, я даже злиться перестал. Мэмми была очень важной особой у себя дома, но здесь она всего лишь мелкий чиновник, и все, что она могла сделать — это доставить нас сюда. Тем не менее я еще некоторое время сохранял холодную вежливость в отношениях с ней, она могла бы отвернуться и не заметить, но...

Нас разместили в той части огромного здания, которая служила чем-то вроде гостиницы для транзитных пассажиров, хотя, пожалуй, слова «арестантские бараки» или «тюрьма» подойдут больше. Грех жаловаться на условия, однако мне чертовски надоело садиться под замок каждый раз, как я попадаю в новое место. Вниз нас проводил робот — на Ланадоре роботы попадают на каждом шагу. И не какие-нибудь жестяные имитации человека, а машины, которые действительно полезны, как, например, этот, который отвел нас в наши комнаты, а потом топтался на месте, как ожидающий чаевых коридорный. Он представлял собой трехколесную тележку с большой корзиной наверху — для багажа, если он есть. Робот встретил нас на крыше, что-то прочирикал Мэмми по-вегански и повел нас к лифту, а затем по бесконечно длинному коридору.

Мне опять подготовили «мою» комнату — имитацию имитации. Вид ее произвел на меня впечатление, весьма далекое от ободряющего; становилось очевидным, что нас здесь собираются держать до... в общем, до тех пор, пока будет угодно хозяевам. Но в комнате было все, что нужно, включая вешалку для «Оскара» и ванную комнату по соседству. Сразу за «моей» комнатой располагалась модель кошмара из «Сказок Шехерезады», изобретенного Крошкой на Веге V. Но, поскольку Крошка пришла при виде комнаты в восторг, я не стал расстраивать ее своими подозрениями.

Мэмми оставалась с нами, пока мы не сняли скафандры.

— Вам будет удобно здесь?

— Ага, — согласился я без всякого энтузиазма.

— Если захотите есть и пить, скажите. Вам все будет доставлено.

— Да? А кому говорить? Здесь есть телефон?

— Просто скажите вслух, что вам надо. Вас услышат.

В этом я не сомневался, но мне надоело находиться в помещениях, где все прослушивалось, как и попадать все время под замок. Человек имеет право на уединение.

— Я проголодалась, — заявила Крошка. — Я завтракала очень рано.

Мы сидели в ее комнате. Раздвинулись пурпурные шторы, стена вспыхнула светом. Минуты через две из нее выехал накрытый стол, с приборами и посудой, холодными закусками, фруктами, хлебом, маслом и кофейником с дымящимся какао. Крошка захлопала в ладоши и завопила от радости. Я посмотрел на стол без особого восторга.

— Вот видите, — продолжала Мэмми с улыбкой, — только скажите, что вам нужно. Если я вам понадобится, я тоже приду. Но сейчас я должна вас покинуть.

— Мэмми, не уходите, пожалуйста!

— Я должна уйти, моя милая, но мы скоро увидимся. Кстати, здесь есть еще двое людей с вашей планеты.

— Как? — вскочил я. — Где?

— По соседству с вами.

Мэмми выплыла за дверь, робот покатил впереди нее.

— Ты слышала? — обернулся я к Крошке.

— Конечно!

— Ну, ешь, если тебе хочется, а я пошел искать людей.

— Подожди, я с тобой!

— Но я думал, что ты голодна.

— Что ж... — Крошка бросила взгляд на стол. — Подожди-ка.

Она торопливо намазала маслом два куска хлеба и протянула один из них мне. Я не так чтобы уж очень торопился, поэтому съел его. Крошка мгновенно слопала свой, потом отпила глоток прямо из кофейника и протянула мне.

— Хочешь?

Напиток оказался похож на какао, но отдавал привкусом мясного бульона, пить его было приятно. Я протянул кофейник Крошке.

— Теперь я готова хоть с дикими кошками драться. Пошли, Кип.

«Соседи» оказались недалеко, надо было пройти через холл от нашего трехкомнатного номера и еще пятнадцать футов по коридору, и мы обнаружили арку с дверью. Я велел Крошке держаться у меня за спиной и с любопытством приоткрыл ее.

Там оказалась диорама, очередная имитация. Но намного лучше, чем бывает в музеях. Сквозь кусты я смотрел на небольшую прогалину в диком лесу, выходящую на обрывистый берег. Я видел нависшее небо и вход в пещеру. Почва казалась сырой, как после дождя. У пещеры скорчился пещерный человек, обгладывающий тушку какого-то зверька, по всей вероятности белки.

Крошка попыталась вылезти из-за моего плеча, но я впихнул ее обратно. Пещерный человек, казалось, не замечал нас, что пришлось мне вполне по душе. Ноги его выглядели коротковатыми, хотя весил он, наверное, раза в два больше меня, а мускулам его позавидовал бы чемпион мира по штанге. Голова была огромной, больше и длиннее моей, но лба и подбородка почти не было. Зубы острые и желтые, передний сломан. Я слышал хруст костей. В музее, в подобном случае, я ожидал бы увидеть табличку с надписью: «Неандерталец, последний ледниковый период». Но восковые чучела костей не жуют.

— Ну, дай же посмотреть, — возмутилась Крошка.

Он услышал и обернулся. Крошка уставилась на него, он уставился на нас. Крошка закричала, он повернулся и вбежал в пещеру.

— Пошли отсюда, — потянул я Крошку за руку.

— Подожди, — ответила она спокойно. — Он теперь сразу не выйдет. — Она начала раздвигать руками кусты.

— Крошка!

— Попробуй-ка, — предложила она. Ее рука пыталась пробиться сквозь воздух. — Он все равно что в клетке.

Я попробовал. Проход в арке был закрыт какой-то прозрачной преградой. Я мог немного прогнуть ее — на дюйм, скажем, но не более.

— Пластик? — спросил я вслух.

— Да нет, — пробормотала Крошка, — скорее, что-то вроде шлема моего сфафандра. Однако прочнее, и, думаю я, свет проходит только с одной стороны. Не похоже, чтобы он нас видел.

— Ладно, давай вернемся в свои комнаты.

Она продолжала ощупывать барьер.

— Крошка! — сказал я резко. — Сейчас не время упрямиться!

— Ты совсем как папа. Слушай, он сейчас выйдет, он же уронил крысу, которую жевал.

— Если он выйдет, то тебя здесь не будет, потому что я тебя утащу, а если ты начнешь кусаться, то я сам тебя укушу, так и знай.

Она посмотрела на меня не без ярости:

— А я тебя кусать не буду, Кип, что бы ты ни делал. Но если ты намерен занудствовать... Ладно, вряд ли он выйдет в течение часа. Мы вернемся сюда потом.

— Хорошо, — я оттащил ее от арки. Но уйти нам не удалось. Раздался громкий свист, а за ним крик:

— Эй, парены! Поди сюда!

Кричали не по-английски, но я достаточно хорошо понял.

Крик донесся с противоположной стороны коридора. Поколебавшись, я пошел в ту сторону, потому что туда уже пошла Крошка.

В проходе маячил человек лет сорока пяти. Не неандерталец, а цивилизованный человек; во всяком случае, в какой-то степени цивилизованный. Одет он был в длинный тяжелый шерстяной плащ, перехваченный в талии поясом и образующий нечто вроде юбки. Ноги под юбкой тоже были обмотаны шерстью, обут он был в короткие, изрядно поношенные сапоги. На поясе, поддерживаемый перевязью через плечо, висел короткий тяжелый меч, с другой стороны пояса свисал кинжал. Он носил короткую прическу, а лицо, видно, брил несколько дней назад, потому что оно заросло серой щетиной. Смотрел он с выражением не то что дружеским или враждебным, а скорее, настороженным.

— Спасибо, — буркнул он ворчливо. — Ты тюремщик?

— Да это же латыни! — изумилась Крошка.

Как следует вести себя при встрече с легионером? Да еще сразу вслед за встречей с пещерным человеком?

— Нет, я тоже пленник, — ответил я по-испански, а потом повторил на вполне приличной классической латыни. Я прибегнул к испанскому, потому что Крошка несколько ошиблась. Легионер говорил не по-латыни, во всяком случае, это не была латынь Овидия и Гая Юлия Цезаря. Но не был это и испанский. Что-то среднее между ними, к тому же с чудовищным акцентом. Но смысл я вполне улавливал.

Пожевав губу, легионер буркнул:

— Это плохо. Три дня уже пытаюсь привлечь внимание тюремщика, а вместо него появился еще один плен-

ник. Но так уж легли кости. Однако странный у тебя акцент.

— Извини, амиго, но и я тебя с трудом понимаю. — Я повторил это по-латыни. Потом добавил: — Говори, пожалуйста, помедленнее.

— Я буду говорить так, как захочу. И не называй меня «амиго». Я — гражданин Рима, так что не спорь.

Это, конечно, в вольном переводе. На самом деле его пожелание звучало намного вульгарнее. Оно очень походило на одну безусловно пошлую испанскую фразу.

— Что он говорит? — дергала меня за рукав Крошка. — Это латынь? Переведи, пожалуйста!

Я обрадовался, что она его не поняла.

— Как, Крошка, разве ты не знаешь языка поэзии и науки?

— Не строй из себя профессора! Переведи!

— Не приставай, малышка. Я тебе потом переведу. Я сам с трудом за ним поспеваю.

— Что ты там бормочешь на своей варварской тарбарщине? — любезно осведомился римлянин. — Говори толком, не то получишь десять ударов мечом плашмя.

Не похоже было, чтобы его угроза была обоснованной. Я попробовал на ощупь воздух. Плотный. Я решил не обращать внимания на угрозы.

— Говорю, как могу. Мы беседовали друг с другом на нашем собственном языке.

— Поросячье хрюканье. Говори по-латыни, если умеешь. — Он глянул на Крошку, будто только что заметив ее. — Твоя дочь? Продаешь?

Лицо Крошки приняло свирепое выражение.

— Это я поняла, — сказала она яростно. — А ну, выходи сюда драться!

— Попробуй сказать по-латыни. Если он поймет, то наверняка тебя отшлепает.

Крошке это не понравилось.

— Но ты ведь ему не позволишь?

— Конечно не позволю.

— Пошли обратно.

— Я, кажется, уже давно это предлагал. — Я отвел ее обратно в наш номер. — Слушай, Крошка, ты не против, если я схожу и послушаю, что скажет нам благородный римлянин.

— Против, и еще как!

— Будь же благоразумной, Крошечка! Если бы они могли причинить нам вред, Мэмми знала бы об этом, но она сама ведь сказала нам о них.

— Я пойду с тобой.

— Зачем? Я ведь расскажу тебе все, что узнаю. Вероятно, мне удастся выяснить, что происходит. Он-то здесь что делает? Неужели его держали замороженным две тысячи лет? И как давно он очнулся? Что известно ему из того, что не знаем мы? Мы очутились в нелегком положении, и я хочу собрать как можно больше информации. Ты можешь помочь, если останешься сейчас в стороне. Станет страшно, позови Мэмми.

— Вовсе мне и не страшно, — надулась она. — Ну и иди, пожалуйста, если хочешь.

— Хочу. А ты пока поешь.

Пещерного человека не было видно. Я обошел его арку. Если корабль способен долететь куда угодно за несколько секунд, может ли он миновать одно из измерений и попасть в любое время по выбору?

Легионер все еще стоял у своей двери. Он поднял на меня глаза.

— Ты разве не слышал, что я приказал тебе стоять здесь?

— Слышал, — признался я, — но вряд ли мы сумеем договориться, если ты не изменишь своего поведения. Я ведь не служу у тебя рядовым.

— Твое счастье.

— Будем беседовать мирно? Или мне уйти?

Он оглядел меня с головы до пят.

— Мир. Но не вздумай перечить мне, варвар.

Он называл себя Иунио. Служил в Испании и в Галлии, затем перешел в шестой легион, о котором, как он считал, должны были знать и варвары. Легион стоял в Эборакуме, к северу от Лондиниума в Британии, а он был исполняющим обязанности центуриона, хотя настоящий его чин был что-то вроде старшего сержанта. Он был ниже меня ростом, но я не хотел бы встретить его ни в темном лесу, ни на городской стене во время боя.

Римлянин был невысокого мнения о бриттах и варварах вообще, включая меня, о женщинах, о климате Британии, о начальстве и жрецах, но хорошо отзывался о Цезаре, Риме, Богах и хвастал своей воинской доблестью. Армия, говорил он, уже не такая, как прежде, и из-за того, что к вспомогательным войскам отношение такое же, как и к римским гражданам.

Его патруль охранял строительство стены от вылазок грязных варваров — проклятых тварей, всегда готовых выскочить из-за угла, перерезать человеку глотку и сожрать его, что, несомненно, с ним и произошло, поскольку он вдруг очутился в аду. Я решил, что он говорит о строительстве Адриановой стены, но он имел в виду местность в трех днях пути к северу оттуда, где моря почти сходятся вместе. Климат там был просто невыносимый, а туземцы — кровожадные звери, которые раскрашивают тела красками и не ценят даров цивилизации. Можно подумать, что Римские Орлы пытаются украсть у них вонючий остров!

Тем не менее он купил себе в жены молоденькую туземку и ждал назначения, чтобы нести гарнизонную службу в Эборакуме, но вдруг... Иунио пожал плечами:

— Пожалуй, проявляй я больше внимания к жертвоприношениям и омовениям, удача не оставила бы меня. Но я всегда считал, что если человек содержит себя и свое оружие в чистоте, то обо всем остальном голова должна болеть у его офицеров. Осторожно с этим проходом, он заколдован.

Чем больше он говорил, тем легче становилось его понимать. Пользовался он отнюдь не классической латынью, к тому же разбавленной доброй дюжиной различных наречий, но ведь если в газетном тексте вымарать каждое третье слово, суть все равно будет ясна. Я узнал очень много подробностей о повседневной жизни и мелких интригах шестого легиона и не узнал ничего, что было бы мне интересно. Иунио и понятия не имел, как попал сюда и почему: он считал, что умер и ожидает дальнейших распоряжений в пересыльно-сортировочных бараках ада. Я же все еще не мог принять его гипотезу. Он знал год своей смерти — восьмой год правления Императора и 899 существования Рима. Чтобы не ошибиться, я написал эти цифры римскими знаками. Но я не помнил, когда был основан Рим, и не мог опознать его цезаря даже по полному титулу, потому что этих цезарей было очень много. Но Адрианова стена уже была построена, а Британия все еще оккупирована римскими войсками, следовательно, Иунио существовал где-то в третьем веке.

Пещерный человек, живший напротив него, его не интересовал, поскольку воплощал мерзейший порок варвара — трусость. Я не спросил, но вряд ли сам почувствовал бы смелость, если бы под моей дверью рыча-

ли саблезубые тигры. А были ли тогда саблезубые тигры? Ну ладно, сойдемся на «пещерных медведях».

Иунио отошел в глубь своего жилья и вернулся с темным твердым хлебом, сыром и чашкой в руках. Мне он еды не предложил, и я думаю, вовсе не из-за барьера. Прежде чем начать есть, он плеснул немного питья из чашки на пол. Пол был земляной, стены — из грубого камня, потолок опирался на деревянные балки. Вероятно, для Иунио сделали имитацию жилища римских солдат времен оккупации Британии, но я, разумеется, не специалист.

Больше я там не задерживался. Во-первых, вид еды напомнил мне, что я проголодался, во-вторых, я чем-то обидел Иунио. Я так и не понял, с чего он завелся, но он с холодной тщательностью разобрал по косточкам мои манеры, происхождение предков, внешность и способности, которыми я зарабатываю себе на жизнь. Иунио был вполне приятным человеком до тех пор, пока с ним соглашались, не обращали внимания на его ругательства и выказывали ему уважение. Такого отношения к себе требуют многие старшие даже при покупке в аптеке тридцатицентовой банки талька. Постепенно привыкаешь оказывать им почтение автоматически, без лишних раздумий, в противном случае прославишься нахальным юнцом и потенциальным преступником. Чем меньше уважения заслуживают старшие, тем больше они требуют его от молодежи. Так что я ушел, потому что Иунио все равно ничего толком не знал.

У входа в арку я наткнулся на невидимый барьер, почувствовав его, я просто сказал тихо, что хочу пройти, и барьер исчез. Войдя в арку, я обнаружил, что он снова закрылся за мной. Благодаря своим резиновым туфлям я шел беззвучно, а звать Крошку не стал, потому что она могла уснуть. Дверь ее комнаты была приоткрыта, и я заглянул внутрь. Крошка сидела в позе портного на своем невероятном восточном диване, баюкала мадам Помпадур и плакала.

Я попятился назад, потом вернулся, громко насвистывая и громко зовя ее. Крошка высунула из двери улыбающееся личико без малейших следов слез.

— Привет, Кип! Ты что так долго пропадал?

— Болтливый тип попался. Что нового?

— Ничего. Я поела, а тебя все не было, так что я решила поспать. Ты меня разбудил. А у тебя что нового?

— Дай-ка закажу ужин, а потом все тебе расскажу.

Я доедал последние капли подливки, когда за нами явился робот-коридорный, почти такой же, как и первый, только спереди на нем светился выложенный золотом треугольник с тремя спиралями.

— Следуйте за мной, — сказал он по-английски.

Я взглянул на Крошку.

— Разве Мэмми не говорила, что за нами вернется?

— Говорила.

— Следуйте за мной, — повторила машина, — вас ожидают.

В своей жизни я выполнял много распоряжений, многие из которых вовсе не стоило выполнять. Но подчиняться автомату мне еще не доводилось.

— Катись ты... — грубо ответил я. — Не пойду, хоть тащи.

Нет, роботам так отвечать не стоит. Он понял мои слова буквально.

— Мэмми! — завопила Крошка. — Где вы?

Из динамика робота послышалось ее чириканье:

— Не бойтесь, мои милые, слуга ведет вас ко мне.

Я перестал сопротивляться и пошел за этой консервной банкой. Она доставила нас к лифту, затем мы быстро подошли к гигантскому проходу-арке, увенчанному треугольником со спиралями, а потом машина привела нас в небольшой загон. То, что это был загон, стало ясно, когда я попытался шагнуть в сторону и путь мне преградил все тот же барьер из плотного воздуха.

В жизни не доводилось мне бывать в более просторном помещении: треугольной формы огромное пространство нигде не было разорвано ни колоннами, ни сводом; потолки настолько высокие, а стены так далеко друг от друга, что я не удивился бы, разразись здесь ураган. Я сам себе казался муравьем в этом зале, хорошо еще, что очутился подле стены. Однако зал не был пуст, в нем находились сотни существ, пустым он показался вначале, потому что все разместились вдоль стен, оставляя свободным голый гигантский пол.

В самом центре стояли трое червелицких — шел процесс.

Не знаю, был ли среди них наш мучитель. Я вряд ли сумел бы узнать его, окажись даже совсем рядом с ними, потому что один червелицкий отличается от другого не больше, чем отрезанная голова от отрубленной. Но как нам объяснили, присутствие или отсутствие того или иного конкретного преступника не имело никакого зна-

чения для этого суда. Судили червелицего — и все тут, неважно, живого или мертвого, очно или заочно.

Говорила Мэмми. Я видел издалека ее крохотную фигурку в центре зала, но поодаль от червелицых. Ее чириканье еле долетало до того места, где стояли мы, но я отчетливо слышал все, что она говорит, в английском переводе — звуки английской речи лились из стены над нашими головами, и в них так же ясно чувствовалась Мэмми, как если бы она пела по-вегански подле нас.

Она излагала все, что знала о поведении червелицых так же бесстрастно, как дающий показания регулировщик уличного движения: «В 9 часов 17 минут пятого числа, находясь на дежурстве в районе...» Сухой перечень фактов. Свой рассказ о событиях на Плутоне Мэмми ограничила моментом взрыва.

Еще один голос заговорил по-английски. Ровный голос, с гнусавым выговором, напомнивший мне одного бакалейщика янки, у которого мы покупали продукты как-то летом, когда я был маленьким. Он никогда не улыбался и никогда не хмурился, говорил мало, и все одним и тем же тоном: «Она хорошая женщина», или «Он родного отца продаст», или «Яйца стоят восемьдесят пять центов». Вот и этот голос бесстрастный, как звон кассового аппарата, был того же сорта.

— Вы закончили? — спросил он Мэмми.

— Да.

— Сейчас будут выслушаны другие свидетели. Клиффорд Рассел!

...Я дернулся так, как будто тот бакалейщик застучал меня в тот момент, когда я залез в ящик с конфетами.

Голос продолжал:

— ...Слушайте внимательно.

И вдруг послышался другой голос. Мой собственный. Это звучали записи, начитанные мной, когда я выздоравливал на Веге.

Но прокручивали не всю запись, а только ту ее часть, которая касалась червелицых. Да и то не полностью, излагались лишь факты, а мое мнение о них было опущено.

Мой рассказ начинался с того, как на пастбище, позади нашего дома приземлились корабли, а кончался тем, как последний ослепший червелицкий свалился в яму. Рассказ не занял много времени, потому что и из него немало вырезали, в частности наш марш по Луне.

Мое описание червелицего оставили, но поджали так, как будто я говорил о Венере Милосской, а не о безобразнейшей твари на свете.

Запись кончилась, и голос «янки бакалейщика» спросил:

— Это ваши слова?

— Да!

— Рассказ верен?

— Да, но...

— Верен или нет?

— Да.

— Он закончен?

Я хотел возразить в ответ, сказать, что он, безусловно, не полон, но я уже начал понимать систему.

— Да.

— Патриция Уайнант Рейсфелд...

Рассказ Крошки начинался с более раннего момента и описывал все те дни, которые она провела в плену червелицых до моего появления. Однако ее рассказ длился не больше, чем мой, потому что Крошка, хотя и наблюдательна и обладает хорошей памятью, но переполнена различными оценками и мнениями не меньше, чем фактами. А оценки и мнения здесь вырезались.

Когда Крошка подтвердила, что ее свидетельство изложено верно и полностью, бесстрастный голос констатировал:

— Все свидетели заслушаны, все известные факты обобщены. Слово предоставляется твоим подсудимым.

Насколько я понял, червелицы избрали одного из этой троицы своим представителем, возможно, даже «нашего» червелицего, если он был жив и его поймали. В английском переводе их речь лилась без того гортанного акцента, который я слышал впервые на борту их корабля, и тем не менее было ясно, что говорят именно червелицы. В ней звучала страшная, пробирающая до костей ненависть, полностью характеризующая глубоко порочных и в то же время высокоразумных существ. Она чувствовалась в каждом слове так же ощутимо, как прямой удар в зубы.

Их оратор находился достаточно далеко от меня и не мог парализовать мою волю своим видом, поэтому после первого приступа страха, скрутившего мне живот при звуках этого голоса, я пришел в себя и начал слушать более или менее рассудительно, начал он с полного отрицания какой-либо юрисдикции этого суда над его пла-

нетой. Он нес ответственность лишь перед своей матерью-королевой, а она — лишь перед своей повелительницей, во всяком случае, так это звучало в английском переводе.

Для защиты, как он считал, вполне было достаточно одного этого исчерпывающего аргумента. Тем не менее, если конфедерация «Трех Галактик» действительно существует — в чем он сильно сомневался, потому что никаких доказательств не получил, если не считать его незаконного задержания этим стадом наглых существ, ломающих комедию суда, — так вот, если она и существует, у нее все равно нет никаких прав над единственным народом; во-первых, потому что конфедерация не распространяется на ту часть Вселенной, где лежит его планета, во-вторых, потому, что если бы даже и распространялась, то единственный народ никогда не присоединился бы к ней и, следовательно, ее законы на него не распространяются; в-третьих, мало вероятно, чтобы их повелительница согласилась иметь что-либо общее с так называемыми «Галактиками», потому что люди не имеют никаких дел с животными.

Разумеется, и этот аргумент он считал вполне исчерпывающим. Но даже если, исключительно спора ради, не прибегать к этой безукоризненной аргументации, он все равно может доказать, что затеянный над ними процесс смехотворен, потому что они ничем не нарушили даже так называемые законы якобы существующей организации «Трех Галактик». Они всего лишь действовали в своем собственном секторе космоса, работая над освоением полезной, но никем не занятой планеты Земля. Какое же это преступление — колонизировать территорию, заселенную животными? Что же до представительницы «Трех Галактик», то она влезла не в свое дело, но ей не было нанесено никакого ущерба, ей всего лишь не позволяли мешать работать и задержали ее исключительно с целью вернуть туда, откуда она явилась.

Вот здесь ему и следовало бы остановиться. Все его аргументы звучали вполне приемлемо, особенно последний. Я привык думать о роде человеческом как о венце творения, но многое теперь изменилось в моем восприятии. И я совсем не был уверен, что этот суд сочтет людей и червелицких равными. Конечно же, червелицкие во многом опередили нас. Да и мы, расчищая джунгли, разве обращаем внимание на то, что обезьяны поселились там раньше нас.

Но червелиций объяснил, что привел эти доводы лишь в порядке интеллектуальных упражнений, чтобы показать, насколько глупо выглядит этот суд с точки зрения любых законов, с любой, какой бы то ни было точки зрения. А теперь он действительно перейдет к защите.

Но вместо защиты он перешел к нападению, каждое его злобное слово падало, как удар молота. Да как они посмели? Да они мыши, которые собрались кота хоронить — так уж смешно звучало в английском переводе. Они — животные, годные лишь в пищу; просто нечисть, которую придется истребить. Их преступления никогда не будут забыты, с ними не будет никаких переговоров, и никакие мольбы о прощении им не помогут. Единственный народ уничтожит их всех до единого!

Я осмотрелся по сторонам, чтобы увидеть реакцию суда. По стенам этого почти пустого треугольного зала расположились сотни существ, некоторые из них совсем недалеко от нас. До сих пор мое внимание было так занято процессом, что я почти не смотрел на них. А теперь стал рассматривать, потому что остро почувствовал необходимость хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, вызванных атакой червелицега.

Существа там были самые разнообразные, и среди них вряд ли нашлись бы хоть два друг на друга похожих. Футак в двадцати от меня стоял инопланетянин, очень похожий на червелицега, и такой же страшный, но почему-то его ужасная внешность не вызывала отвращения. Попадались и гуманоиды, но они были в явном меньшинстве. Затем я увидел одну очень симпатичную девчонку, выглядевшую вполне по-человечески, если не считать разноцветной раскраски кожи и весьма ограниченного количества одежды на теле. Она была такая хорошенькая, что я мог поклясться, что ее разноцветная кожа объяснялась всего лишь косметикой, но был бы, по всей вероятности, не прав. Интересно, подумал я, на каком языке слушает эти угрозы она? Уж точно не по-английски.

Почувствовав мой взгляд, она обернулась и холодно осмотрела меня с головы до ног, как я рассматривал бы шимпанзе в клетке. Похоже, что взаимной симпатии между нами не возникло.

Кого только здесь не было! А по левой стене неизвестные мне существа выглядывали из аквариумов. Не было никакой возможности определить, как они восп-

ринимают тирады червелицего. Радужная девушка держалась спокойно, но что можно сказать о поведении моржа со щупальцами осьминога? Если он дергается — это признак гнева или просто чесотки?

Председатель с голосом янки все не останавливал червелицего. Все это время Крошка держалась за мою руку. Теперь же она, вся затрепетав, прошептала мне на ухо:

— Как страшно он говорит!

Червелицкий закончил свою речь таким взрывом ненависти, что переводчик, видимо, не выдержал, потому что вместо английских слов слышались бессвязные вопли.

Раздался невозмутимый голос председателя:

— Но что вы имеете сказать в свою защиту?

Снова злобные крики и наконец связная речь:

— Я обосновал защиту тем, что в ней мы не нуждаемся.

Невозмутимый голос продолжал, обратившись к Мэмми:

— Вы заступаетесь за них?

— Милорды-собратья, — ответила она неохотно, — я... я вынуждена признать, что нахожу их крайне противными.

— Вы выступаете против них?

— Да.

— В таком случае ваше мнение не будет заслушано. Таков закон.

— «Три Галактики — Один закон». Я не буду говорить.

— Выступит ли кто-нибудь из свидетелей в их пользу? — продолжал бесстрастный голос.

Молчание. Нам давали шанс проявить благородство. Хотя мы, люди, были их жертвами, мы могли бы отметить, что, со своей точки зрения, червелицы не сделали ничего плохого, мы могли бы просить для них милосердия, если они дадут обещание впредь вести себя хорошо. Но я отказался проявить благородство. Слышал я все эти сладкие речи, которыми обычно пичкают детишек на счет того, как надо уметь прощать, что даже в самых плохих людях есть что-то хорошее и так далее. Но если я вижу ядовитого тарантула, то давя его ногой, а не уговариваю его быть милым, хорошим паучком и перестать кусать людей. Паук не виноват, конечно, что он паук. Но от этого нам не легче.

— Найдется ли народ, согласный заступиться за вас? — спросил червелицых голос. — Если да, то назовите его, мы призовем его представителей.

Оратор червелицых только выругался в ответ, одна лишь мысль о том, что кто-либо может ходатайствовать за них, вызвала у него глубочайшее отвращение.

— Пусть будет так, — сказал голос. — Достаточно ли фактов для принятия решения?

— Да.

Почти мгновенно он ответил сам себе:

— Каково же решение?

И снова ответ самому себе:

— Их планета будет развернута.

Приговор звучал не страшно — подумаешь, все планеты вращаются, да и объявил его голос безо всякого выражения. Но чем-то это меня напугало, даже показалось, что пол под ногами дрогнул. Мэмми развернулась и направилась к нам, идти ей было далеко, но она подошла к нам очень быстро. Крошка бросилась ей навстречу, и барьер, отделяющий наш загон, сгустился еще сильнее, пока мы трое не очутились в своего рода отдельной комнатке. Крошка дрожала и всхлипывала, а Мэмми утешала ее. Когда наконец Крошка взяла себя в руки, я спросил взволнованно:

— Мэмми! А что он имел в виду, когда сказал, что планета будет развернута?

Она взглянула на меня, не выпуская из объятий Крошку, и ее огромные добрые глаза стали суровыми и печальными.

— Это значит, что их планета выведена из пространства-времени, в котором существуем мы с тобой.

Голос ее звучал, как исполняемая на флейте панихида. Но приговор отнюдь не показался мне столь трагичным. Я понял, что она имеет в виду: если плоскостную фигуру параллельным переносом убрать из плоскости, то все, кто в плоскости останутся, никогда ее больше не увидят. Но существовать она отнюдь не перестанет — просто ее не будет больше там, где она была. Я решил, что червелицы легко отделались. Я даже ожидал, что их планету просто взорвут, и нисколько не сомневался, что «Три Галактики» вполне способны на это. А так, их просто изгоняют из города, куда им больше не найти дороги — ведь измерений существует очень много, но вреда им не причинят, просто поместят в своего рода резервацию. Но голос Мэмми звучал так, как будто против

своего желания ей пришлось принять участие в смертной казни через повешение. Поэтому я попросил ее объяснить подробнее.

— Понимаешь ли, милый добрый Кип, их звезда остается здесь.

— Ох, — это было все, что я смог сказать.

Крошка побелела. Звезды — источник жизни, планеты же лишь несут ее на себе, заберите Солнце, и планета начнет охлаждаться, пока не остынет совсем.

Через некоторое время замерзнет даже воздух. Сколько останется дней или часов, пока температура не достигнет абсолютного нуля? Я задрожал, по коже пошли мурашки. Даже Плутон покажется раем...

— Мэмми, а сколько потребуются времени, чтобы сделать это?

Меня охватило чувство вины, я должен был заступиться за них, ведь даже червелицы не заслуживали такой судьбы. Взорвать планету, перестрелять их всех — это одно, но обречь ее на смерть от холода...

— Это уже сделано, — пропела она все так же траурно.

— Что?

— Агент, уполномоченный привести приговор в исполнение, ожидал сигнала... Он слышал приговор в ту же минуту, что и мы. Их планету выбросили из нашего мира прежде, чем я успела дойти до вас.

Я не знал, что на это ответить.

А Мэмми быстро продолжала:

— Не думай больше об этом, потому что ты должен собрать сейчас все свое мужество.

— Зачем? Что сейчас произойдет, Мэмми?

— Сейчас в любой момент могут вызвать тебя, на твой собственный процесс.

Я был не в силах вымолвить ни слова, просто продолжал смотреть на нее. Я ведь решил, что все уже кончилось. Крошка побледнела, но не плакала. Облизав губы, она спросила:

— Вы пойдете с нами, Мэмми?

— О, мои дети! Я не могу. Вам придется предстать перед судом одним.

Я наконец обрел голос:

— Но за что нас судят? Мы никому не причинили зла. Мы же вообще ничего не сделали!

— Дело не в вас лично. Будет решаться вопрос о судьбе всего человечества. О нем будут судить по вам.

Отвернувшись от Мэмми, Крошка посмотрела на меня — и я почувствовал гордость от того, что в этот тяжкий час испытаний она повернулась ко мне, к собрату-человеку. И я знал, что думаем мы об одном и том же, о корабле, висящем неподалеку от Земли, всего лишь в мгновении полета от нее и в то же время — в неисчисленных триллионах миль; спрятанном в одной из складок пространства, куда не достанут ни радары, ни телескопы. Земля, голубая, зеленая и прекрасная, лениво поворачивающаяся в теплом свете Солнца. Бесстрастная команда — и Солнца больше нет. Нет звезд. Дернется рывком осиротелая Луна и начнет кружить вокруг Солнца надгробным памятником человечеству. Немногие оставшиеся в живых на Лунной станции, в Лунном городе и на станции Томба протянут еще несколько недель, а возможно, и месяцев. Последние люди во Вселенной! Потом умрут и они — если не от удушья, то от тоски и одиночества.

— Кип, ведь она не всерьез, скажи мне, что не всерьез!

— Что, Мэмми, палачи уже ждут? — спросил я хрипло.

Мэмми ничего не ответила мне. Она ответила Крошке.

— Все это очень серьезно, доченька. Но не бойся. Прежде чем доставить вас сюда, я заставила их обещать, что, если будет принято решение против вашей планеты, вы оба вернетесь со мной на Вегу V, где вам придется прожить свои маленькие жизни в моем доме. Итак, иди и говори только правду, не бойся.

— Вызываются люди Земли, — раздался над нашими головами невозмутимый голос.

Г л а в а 11

Мы шли по огромному пустому полу, и чем дальше отделялись от стены, тем больше я чувствовал себя маленьким и жалким. Ощущение было как в кошмаре, когда ты сам себе снишься непристойно одетым в общественном месте. Крошка вцепилась в мою руку и изо всех сил прижала к себе мадам Помпадур. Я пожалел, что не одел скафандр — в «Оскаре» я не чувствовал бы себя мухой под микроскопом.

Перед тем как мы тронулись с места, Мэмми приложила мне ко лбу ладонь и начала завораживать меня глазами. Я оттолкнул ее руку и отвернулся.

— Нет, не надо, — сказал я ей, — ничего не надо. Я понимаю, что вы хотите сделать как лучше, но я обойдусь без наркоза. Спасибо.

Мэмми не настаивала, она лишь повернулась к Крошке.

— Мы готовы! — заявила она.

Но чем дальше мы шли по этому огромному пустому полу, тем больше я жалел, что не позволил Мэмми сделать то, что она хотела, хотя я не знаю, каким образом она хотела заставить нас не волноваться. Надо было хоть Крошку уговорить согласиться.

Навстречу нам двигались от противоположной стены еще две точки, подойдя ближе, я узнал их — неандерталец и легионер. Пещерного человека тянули вперед невидимыми канатами, римлянин же шел широким, свободным, неторопливым шагом. Центра мы достигли одновременно, и там нас остановили футах в двадцати друг от друга: Крошка и я образовали одну вершину треугольника, римлянин и неандерталец — две другие.

— Привет, Иунио! — крикнул я.

— Молчи, варвар, — он огляделся, оценивая толпу у стен.

Одет он сейчас был строго. Исчезли неопрятные обмотки, правую голень закрывали поножи. Тунику покрыли латы, а голову гордо венчал плюмаж шлема. Сверкали начищенные доспехи, чисто начищены были кожаные ремни. Щит он нес на спине, как полагается в походах. Но как только остановился, мгновенно отстегнул его и одел на левую руку. Меча он не обнажал, поскольку в правой руке держал изготовленный к броску дротик, ощупывая настороженными глазами врагов.

Пещерный житель слева от него сжался в комок, как зверь, которому некуда спрятаться.

— Иунио! — крикнул я снова. — Слушай! — Вид этой парочки беспокоил меня все больше. И если с неандертальцем говорить было не о чем, то римлянина хотя бы можно было попробовать вразумить. — Ты знаешь, где мы?

— Знаю, — бросил он через плечо. — Сегодня Боги испытывают нас на своей арене. Это — дело чести солдата и римского гражданина. От тебя здесь толку ника-

кого, так что держись в стороне. Хотя нет, охраняй мой тыл и подавай сигналы. Цезарь вознаградит тебя.

Я попытался было втолковать ему что к чему, но мои слова заглушил мощный голос, раздавшийся одновременно во всех концах зала:

— Процесс начинается!

Крошка вздрогнула и прижалась ко мне. Я выдернул свою левую руку из ее сжатых пальцев и обнял ее за плечи.

— Выше голову, дружище, — сказал я мягко. — Не дай им себя напугать.

— Я не боюсь, — прошептала она, вся дрожа. — Только говори с ними ты, Кип.

— Ты так хочешь?

— Да. Ты не так быстро взрываешься, как я, а если у меня сейчас не хватит выдержки... ведь ужас что будет.

— Хорошо.

Наш разговор перебил все тот же гнусавый голос. Как и раньше, казалось, что говорящий стоит рядом с нами.

— Настоящее дело проистекает из предыдущего. Три временных пробы взяты с небольшой планеты Ланадорского типа, вращающейся вокруг звезды в периферийном районе Третьей Галактики. Это крайне примитивная зона, не заселенная цивилизованными расами. Раса, находящаяся на рассмотрении, является варварской, что видно по пробам. Она уже дважды обследовалась ранее, и срок следующего пересмотра дела еще не наступил, однако новые факты заставляют нас проводить его сейчас.

Голос спросил сам себя:

— Когда производилось последнее рассмотрение?

И сам себе ответил:

— Приблизительно один полураспад тория-230 назад. — И добавил, очевидно, специально для нас: — Около восьмидесяти тысяч ваших лет.

Иунио дернулся и огляделся по сторонам, как бы пытаясь определить, где стоит говорящий. Я заключил, что он услышал ту же цифру на своей испорченной латыни. Что ж, я тоже вострепнулся, хотя меня уже ничем не удивишь.

— Действительно ли необходимо производить рассмотрение спустя лишь такой короткий срок?

— Да. Замечено нарушение закономерности. Они развиваются с непредвиденной быстротой, — бесстрастный голос продолжал говорить, обращаясь теперь к нам.

— Я — ваш судья. Многие из цивилизованных существ, которых вы видите здесь, являются частью меня. Остальные — зрители. Некоторые присутствуют здесь, чтобы суметь уличить меня в ошибке, но этого никому не удавалось сделать более миллиона ваших лет.

— Вам больше, чем миллион лет? — вырвалось у меня. То, что я ему не поверил, я даже не стал говорить.

— Я намного старше, — ответил голос, — но весь в целом, а не составляющие меня компоненты. Частично я машина, и эту часть можно починить или воспроизвести. Частично я состою из живых существ, которые могут умереть и быть замещены. Моя живая часть состоит из многих дюжин цивилизованных существ из различных районов Трех Галактик, часть из которых взаимодействует с моим электронным мозгом. Сегодня я состою из двухсот девяти квалифицированных специалистов, в чьем распоряжении находятся все знания, накопленные моей механической частью, все ее умение анализировать и обобщать.

— Ваши решения принимаются единогласно? — спросил я немедленно. Мне показалось, что я нашел лазейку, мне редко удавалось поспорить мать с отцом, но все же в детстве случалось ухитриться внести в стан родителей сумятицу, заставляя их реагировать на одни и те же вещи по-разному.

— Решения всегда единогласны. Ведь легче воспринимать меня как единое целое, одну личность, — голос обращался и ко всем присутствующим. — Пробы взяты согласно установленной практике. Современная проба двойная, проба промежуточного периода, используемая для проверки точности кривой, представляет собой одиночный экземпляр, взятый, согласно стандарту, наугад из периода, отстоящего на один полураспад радия-226. Дистанционная проба проверки кривой взята тем же методом на расстоянии в две дюжины раз больше, чем расстояние от современной пробы до промежуточной.

— Почему проверка кривой ведется на столь короткой дистанции? — спросил сам себя голос. — Почему не взято расстояние, по крайней мере в дюжину раз большее?

— Потому что жизнь поколений этих организмов слишком невелика, а также наблюдаются быстрые мутации.

Похоже, что объяснение сочли удовлетворительным, поскольку голос продолжал:

— Самый юный образец начинает давать показания первым.

Я решил, что он имеет в виду Крошку, и она подумала то же самое, потому что вся напряглась. Но голос пролаял что-то, и пещерный человек задрожал. Он ничего не ответил, лишь сильнее скрючился.

Голос пролаял что-то опять. Потом сказал сам себе:

— Я кое-что установил.

— Что именно?

— Это существо не является предком остальных трех.

В голосе машины почти что прорвались эмоции, как будто наш хмурый «бакалейщик» обнаружил соль в жестянке с сахаром.

— Проба была взята правильно. И тем не менее, — ответил он сам себе, — это неверный образец. Придется пересмотреть все относящиеся к делу данные.

На долгие пять секунд стало тихо. Затем голос заговорил снова:

— Это существо не является предком остальных образцов, оно всего лишь побочная линия. У него нет будущего. Оно будет немедленно возвращено в то время-пространство, откуда было взято.

В ту же секунду неандертальца уволокли. Я следил с тоской за его исчезновением. Сначала я испугался его, потом — презирал и стыдился. Он был труслив, грязен и дурно пах. Любая собака цивилизованней его. Но за последние пять минут я стал смотреть на него другими глазами: какой-никакой, а человек! Скорее всего, он не был моим далеким предком, но в нынешнем положении я был вовсе не намерен отказываться и от самого захудалого сородича.

Голос спорил сам с собой, решая, может ли процесс продолжаться, и в конце концов принял решение.

— Рассмотрение будет продолжено. В случае нехватки фактов для принятия решения будет взята другая дистанционная проба нужной линии. Иунио!

Римлянин поднял свой дротик еще выше:

— Кто сказал «Иунио»?

— Выходите давать показания.

Как я и опасался, Иунио объяснил голосу, куда ему следует идти и чем заняться. И не было никакой возможности защитить Крошку от его языка: английский перевод изложил нам все в полном объеме, да сейчас уже и не имело значения, удастся уберечь Крошку от «неприличных» речей или нет.

Голос продолжал так же невозмутимо:

— Является ли это вашими показаниями?

Тут же слышался еще один голос, в котором я узнал римлянина, отвечающего на вопросы, описывающего сражения, рассказывающего об обращении с пленными. Мы слышали английский перевод, но даже в нем звучали гордость и самоуверенность.

— Колдовство! Ведьмы! — завопил легионер и стал делать рога пальцами, отпугивая колдуний. Трансляция прекратилась.

— Голоса совпадают, — сухо объявила машина. — Запись приобщена к материалам дела.

Но машина не прекращала допрашивать Иунио, требуя подробностей, кто он, как оказался в Британии, чем там занимался, почему считает необходимым служить цезарю. Иунио коротко на все отвечал, потом разозлился и перестал говорить, издав боевой клич, эхом прокатившийся по гигантскому залу. Он отпрянул назад и что было силы метнул дротик. До стены тот не долетел, но олимпийский рекорд был наверняка побит. Я вдруг понял, что кричу «ура!»

Дротик еще не успел упасть на пол, как Иунио обнажил меч, взметнул его в гладиаторском салюте и, выкрикнув «Слава цезарю», взял на караул. Как он поносил их всех! Он доходчиво объяснил, что думает о тварях, которые не то что не римские граждане, но даже не варвары!

Да, сказал я себе, матч, кажется, подходит к концу. Все! Крышка тебе, человечество.

Иунио вопил без остановки, призывая на помощь своих богов, грозя расправой, придумывая все более и более изощренные ее методы, подробно расписывал, что с ними со всеми сотворит цезарь. Я надеялся, что в переводе Крошка не поймет и половины, хотя надежды мои вряд ли были обоснованы; она вообще более догадлива, чем следовало бы. Но я почувствовал, что начинаю гордиться легионером.

В тирадах червелицего звучала ненависть, но ее не было в речах Иунио. Под ломаной грамматикой, смач-

ными ругательствами и грубой натурой старого сержанта — отвага, смелость и человеческое достоинство. Может, он и был старым негодяем, но негодяем, близким моей душе. Кончил он вызовом: требовал, чтобы они выходили на бой против него; пусть выходят поодиночке или выстроятся «черепашей», он согласен драться один против всех.

— Я слою из вас погребальный костер! Выпущу вам кишки! Я покажу, как умирает римский солдат у могилы, заваленной трупами врагов цезаря!

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Я снова заорал «браво», а Крошка подхватила мой крик.

Иунио взглянул на нас через плечо и усмехнулся.

— Перерезай им глотки, когда я начну сбивать их с ног, парень! Сейчас поработаем!

— Вернуть его обратно во время-пространство, откуда он был взят, — произнес холодный голос.

Иунио встрепенулся, громко призывая Марс и Юпитер, когда его потянули за собой невидимые руки. Меч его упал на пол, но тут же взлетел вверх и сам вошел в ножны.

Иунио молнией пронесся мимо меня. Сложив руки рупором, я крикнул ему вдогонку:

— Прощай, Иунио!

— Прощай, мальчик! — ответил он, пытаюсь вырваться. — Труссы, трусы! Ни на что не способны, кроме грязного колдовства!

Иунио исчез.

— Клиффорд Рассел.

— Я здесь.

Крошка сжала мою руку.

— Ваш ли это голос?

— Погодите, — сказал я.

— Говорите!

Я перевел дыхание. Крошка прижалась ко мне и зашептала в ухо:

— Не волнуйся, Кип. Они ведь всерьез.

— Постараюсь, малыш, — ответил я. — Что здесь происходит? Мне ведь сказали, что рассматривается вопрос о человечестве?

— Верно.

— Но ведь это невозможно! У вас нет достаточных исходных данных. Одно колдовство, да и только, как сказал Иунио. Вы взяли пещерного человека, потом признали, что это ошибка. Но это не единственная ваша

ошибка. Вот здесь был Иунио. Какой бы он ни был, я вовсе его не стыжусь, я горжусь им, он не имеет никакого отношения к нашему настоящему. Он уже две тысячи лет как мертв, хорошо ли, плохо ли, он не представляет сегодняшнее человечество.

— Мне это известно. С сегодняшнее человечество представляете вы двое.

— Нет, вы и по нам судить не можете. Крошка и я никак не являемся средним показателем. Мы не утверждаем, будто мы ангелы. Если вы осудите человечество на основании наших поступков, вы совершите величайшую несправедливость. Судите меня лично.

— И меня тоже! — воскликнула Крошка.

— ...На основании моих собственных поступков. Но не привлекайте за это к ответу моих сородичей. Это не научно. Это математически не обосновано!

— Обосновано.

— Нет! Люди — не молекулы. Все они очень разные, — относительно их юрисдикции над нами я спорить не стал. Червелицы уже пробовали.

— Согласен, люди не являются молекулами. Но они не являются и индивидуумами.

— Нет, являются!

— Они не могут считаться независимыми индивидуумами, они — частицы единого организма. Каждая клетка вашего тела повторяет один и тот же образец. По трем пробам организма, именуемого человечеством, я могу определить его потенциал и предел его возможностей.

— Им нет пределов! И никто не способен предсказать наше будущее.

— Весьма вероятно, что ваши возможности беспредельны, — согласился голос. — Это следует определить. Но если это так, то отнюдь не в вашу пользу.

— Почему?

— Потому что вы неверно представляете себе цель настоящего рассмотрения. Вы говорите о «справедливости». Я знаю, что вы имеете в виду. Однако ни разу еще не было случая, чтобы две разные расы вкладывали в это слово одно и то же значение и пришли к соглашению. Я не ставлю своей задачей исходить из этой концепции. Наш суд — это не уголовный суд.

— Что же он тогда?

— Можете сказать «Совет безопасности» или «Комитет бдительности». Неважно, как вы его назовете, потому что передо мной стоит лишь одна задача: рассмотреть

ваше человечество и определить, представляет ли оно собой угрозу для нашего выживания. Если да, я сейчас же покончу с вами. Это единственный надежный способ предотвратить суровую опасность. Данные, которыми я располагаю о вас, заставляют думать, что когда-нибудь вы способны вырасти в серьезную угрозу для «Трех Галактик». И сейчас я намерен установить факты.

— Но вы говорили, что для этого вам необходимо по крайней мере три образца. А пещерный человек не подошел.

— У нас есть три образца — римлянин и вы оба. Но установить факты можно и по одному. Три образца — традиция, оставшаяся с древних времен, результат осторожной привычки проверять и перепроверять. В мои задачи не входит определение «справедливости», я обязан не допустить ошибки.

Я хотел было сказать ему, что он не прав, хотя ему и миллион лет, но он добавил:

— Итак, рассмотрение продолжается. Клиффорд Рассел, ваш ли это голос?

Снова зазвучала запись моего рассказа, но на этот раз из него не было выпущено ничего: ни красочные эпитеты, ни личные оценки и мнения, ни суждения о разных проблемах.

Наслушавшись, я поднял руку:

— Ну ладно, хватит! Это мой голос.

Трансляция прекратилась.

— Вы подтверждаете?

— Да.

— Хотите что-нибудь добавить, изменить или снять?

Я напряженно думал. Если не считать нескольких ехидных комментариев, я рассказал все совершенно точно.

— Нет.

— А это тоже ваш голос?

Они включили бесконечную запись моих бесед с профессором Джо — все о Земле, ее истории, обычаях, людях... Я понял, почему Джо носил такой же значок, как Мэмми. Как это называется? «Подсадная утка»? Добрый старый профессор Джо, дрянь паскудная, оказался стукачом. Прямо тошно стало.

— Дайте мне еще послушать.

Мне пошли навстречу. Слушал я рассеянно, пытаюсь вспомнить, что же я еще наболтал такого, что могут сейчас использовать против человечества? Крестовые похо-

ды? Рабовладение? Газовые камеры в Дахау? Чего еще я там наболтал?

Трансляция все продолжалась. Еще бы, ведь записывали целыми неделями. Мы могли здесь простоять до тех пор, пока не упадем от усталости.

— Да, это мой голос.

— Вы все подтверждаете? Вы не хотите внести поправки либо дополнения?

— Можно прослушать это все с начала? — осторожно спросил я.

— Если вы так желаете.

Я хотел уж было сказать, что желаю, что надо всю эту запись стереть и начать все с начала. Но согласятся ли они? Или сохранят обе записи, чтобы потом их сравнить? Ложь не вызвала бы у меня угрызений совести. «Говори правду и посрами дьявола», — девиз малоподходящий, когда на карту поставлена жизнь твоих близких, твоих друзей и всего человечества.

Но сумеют ли они поймать меня на лжи? Мэмми советовала говорить правду и ничего не бояться. Но ведь она не на нашей стороне! Нет, на нашей!

Надо было отвечать. Но я так запутался, что плохо соображал. Я ведь пытался рассказать профессору Джо все по правде... Ну, может, я что и позабыл, не останавливался подробно на всех страшных газетных заголовках. Но в принципе все говорил правдиво. Сумею ли я изложить более приемлемую версию сейчас? Позволят ли они мне начать все сначала и проглотят ли состряпанные мной выдумки? Либо меня уличат во лжи, сверив ленты, и это погубит род человеческий?

— Я все подтверждаю.

— Запись приобщается к делу. Патриция Уайнант Рейсфелд.

У Крошки на эту процедуру много времени не ушло, она просто последовала моему примеру. Машина промолвила:

— Факты обобщены. Исходя из их собственных показаний, это дикий и жестокий народ, склонный ко всякого рода зверствам. Они поедают друг друга, морят друг друга голодом, убивают друг друга. У них совсем нет искусства, а наука самая примитивная, тем не менее их характер так сильно заражен насилием, что даже столь малый запас знаний энергично используется ими, чтобы истреблять друг друга, причем с таким рвением, что могут хорошо в этом преуспеть. Но если они пере-

станут это делать, то со временем неизбежно достигнут других звезд. Именно этот аспект и должен быть тщательно рассмотрен: как скоро они сумеют достичь нас, если выживут, и каков к тому времени будет их потенциал.

Голос снова обратился к нам:

— Это — обвинение против вас, против вашей собственной дикости, сочетаемой с вашим разумом. Что можете сказать в свою защиту?

Глубоко вздохнув, я попытался успокоиться. Я знал, что мы проиграли, но все же считал себя обязанным бороться до конца. Я вспомнил, как начинала свою речь Мэмми.

— Милорды-собратья!

— Поправка. Мы не являемся вашими «лордами», и так же не было установлено, что вы нам ровня. Если хотите найти правильную форму обращения, можете называть меня «председатель».

— Хорошо, мистер Председатель, — я отчаянно пытался вспомнить, что говорил своим судьям Сократ. Он знал заранее, что его осудят, так же, как и мы сейчас, но хотя его и заставили выпить сок цикуты, победил все же он, а не его враги.

Нет! Сократ здесь не подходит, ему нечего было терять, кроме собственной жизни, а сейчас речь шла о жизни всего человечества.

— ...вы сказали, что у нас нет искусства. Видели ли вы наш Парфенон?

— Взорванный в одной из ваших войн?

— Лучше взгляните на него, прежде чем нас «развернете», потому что иначе много потеряете. Читали ли вы нашу поэзию? «Окончен праздник. В этом представление актерами, сказал я, были духи. И в воздухе, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они. Вот так, подобно призракам без плоти, когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной»^{*}.

Продолжать я не мог. Рядом всхлипывала Крошка. Не знаю, что заставило меня выбрать этот отрывок, но утверждают, что подсознание никогда ничего не делает случайно.

^{*} Вильям Шекспир. «Буря», действие четвертое. Перевод М. Донского.

— Весьма вероятно, что так и будет, — заметил безжалостный голос.

— Я думаю, что не ваше дело судить, чем мы занимаемся, если мы вас не трогаем, — я запинался, еле сдерживая слезы.

— Мы считаем это своим делом.

— Мы не управляемся вашим правительством и...

— Поправка. «Три Галактики» не являются правительством: столь обширное пространство и такая разнообразность культур не дают правительству возможности функционировать. Мы всего лишь создали полицейские формирования в целях самообороны.

— Но даже если так, мы ведь никак не мешаем вашим полицейским. Мы жили на своей окраине, я, во всяком случае, спокойно гулял на собственных задворках, как вдруг появились корабли этих червелицких и стали причинять нам неприятности. Но ведь мы ничего плохого не сделали!

Я остановился, не зная, что говорить дальше. Я ведь не мог гарантировать, что весь род человеческий в будущем будет вести себя хорошо: машина знала это, и сам я тоже это знал.

— Вопрос, — снова заговорил сам с собой голос. — Эти существа кажутся идентичными с Древним Народом, учитывая мутационные поправки. В каком районе «Третьей Галактики» находится их планета?

Машина ответила на собственный вопрос, приводя координаты, ничего не говорящие мне.

— Но они не принадлежат к Древнему Народу, они эфемерны. В том-то и опасность, они слишком быстро меняются.

— Не исчез ли в том районе корабль Древнего Народа несколько полураспадов тория-230 назад? Не объяснит ли это тот факт, что образцы не совпали?

И твердый ответ:

— Происходят они от Древнего Народа или нет — значения не имеет. Идет процесс, следует принять решение.

— Решение должно быть обоснованным и не вызывающим сомнений.

— Таковым оно и будет, — бестелесный голос вновь обратился к нам: — Хотите ли вы оба добавить что-либо в свою защиту?

Я вспомнил их слова о примитивном состоянии нашей науки и хотел возразить, сказать, что всего за два

века мы прошли путь от мускульной энергии до атомной, но испугался, что этот факт, наоборот, может быть использован против нас.

— Крошка, ты ничего не хочешь сказать?

Резко шагнув вперед, она выкрикнула:

— А то, что Кип спас Мэмми, не считается?

— Нет, — ответил холодный голос, — это несущественно.

— А должно было бы быть существенным! — Она плакала снова. — Сволочи вы трусливые! Подонки! Вы еще хуже червелицых.

Я дернул ее за руку. Содрагаясь от рыданий, Крошка уткнулась мне головой в плечо и прошептала:

— Прости меня, Кип. Я не хотела. Я все испортила.

— Не расстраивайся, малыш. И так уж все было ясно.

— Имеете ли вы сказать что-нибудь еще? — безжалостно продолжал голос.

Я обвел глазами зал. «...и горделивые дворцы и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной».

— Только одно, — сказал я яростно. — И не в свою защиту. Вы ведь не нуждаетесь в нашей защите и в наших оправданиях. Черт с вами, забирайте нашу звезду, вы ведь на это способны. На здоровье! Мы сделаем себе новую звезду, сами! А потом, в один прекрасный день, вернемся в ваш мир и загоним вас в угол, всех до одного!

— Здорово, Кип, так их!

Мои слова не вызвали крика возмущения, и в наступившей тишине я вдруг почувствовал себя ребенком, совершившим бестактный поступок в присутствии взрослых гостей. Но отказываться от своих слов я не собирался. Нет, я не думал, конечно, что мы сможем сделать это. Не доросли еще. Но попытаемся уж наверняка. «Умереть сражаясь» — самое гордое свойство человека.

— Весьма вероятно, что так и будет, — сказал наконец голос. — Вы закончили?

— Да, закончил. — Со всеми нами было покончено.

— Кто-нибудь заступится за них? Люди, знаете ли вы расу, согласившуюся бы заступиться за вас?

Кого мы знаем, кроме себя? Собак, разве что? Собаки, может, и заступятся.

— Я буду говорить!

— Мэмми! — встрепенулась Крошка.

Неожиданно она очутилась прямо перед нами. Крошка рванулась к ней, но налетела на невидимый барьер. Я взял ее за руку.

— Спокойно, малыш. Это лишь стереоизображение.

— Милорды-собратья... Вы богаты мудростью многих планет и сокровищницами знаний. Но я знаю их самих. Да, действительно, они преисполнены буйства, особенно меньшая, но не более, чем это естественно для их возраста. Можем ли мы ожидать проявлений зрелой выдержанности от расы, которой предстоит умереть в столь раннем возрасте? И разве не свойственно насилие нам самим? Разве не обрекли мы сегодня на смерть миллиарды живых существ? И может ли выжить раса, лишенная стремления к борьбе? Да, правда, что эти существа зачастую намного более агрессивны, чем было бы необходимо и разумно. Но, братья, ведь они совсем еще дети! Дайте же им время повзрослеть.

— Именно этого и следует бояться, что они вырастут и поймут слишком много, слишком многому научатся. Наша раса всегда была сверхчувствительной, сентименты мешают вам проявить объективность.

— Неправда! Мы сострадательны, но отнюдь не глупы. И вы знаете не хуже меня, сколько крайних решений было принято на основании моих показаний. Их было так много, что мне больно о них вспоминать. Но я и впредь не уклонюсь от выполнения долга. Если ветвь больна неизлечимо, она должна быть отсечена. Мы не сентиментальны, мы — лучшие сторожа, когда-либо охранявшие «Три Галактики», потому что не поддаемся гневу. Мы безжалостно караем зло, но с любовью и терпением относимся к проступкам детей.

— Вы кончили?

— Я считаю, что им надо дать шанс!

Изображение Мэмми исчезло.

Снова раздался голос:

— Кто-нибудь еще?

— Да!

Там, где только что стояла Мэмми, выросла большая зеленая обезьяна. Смерив нас взглядом, она неожиданно сделала сальто-мортале и продолжала смотреть, просунув голову между ног.

— Я не друг им, но я люблю «справедливость», чем и отличаюсь от некоторых моих коллег в Совете. — Она несколько раз перекувыркнулась через голову. — И, как заметила только что наша сестра, земляне очень молоды. Младенцы моей благородной расы кусают и царапают друг друга, некоторые даже умирают от этого. Я сама когда-то так вела себя, — она подпрыгнула, приземли-

лась на руки и перевернулась кругом. — Но осмелится ли кто-нибудь утверждать, что я не цивилизованное существо? — Она замерла и продолжала разглядывать нас, почесываясь. — Да, это жестокие дикари, и я не понимаю, как они могут кому-нибудь понравиться, но считаю, что нужно дать им шанс!

Обезьяна исчезла.

— Хотите ли вы добавить что-либо, прежде чем будет вынесен вердикт? — спросил голос.

Я уже открыл рот, чтобы сказать: «Нет, кончайте скорее», как Крошка зашептала мне на ухо. Я кивнул и заговорил:

— Мистер Председатель, если вердикт будет вынесен против нас, могли бы вы попридержать своих палачей, пока мы не вернемся домой? Мы знаем, что вы можете доставить нас на Землю за несколько минут.

Голос ответил не сразу:

— Зачем вам это? Ведь я объяснил уже, что судят не вас лично. Было договорено, что вам двоим в любом случае сохраняется жизнь.

— Мы знаем. Но предпочитаем разделить судьбу всех людей, оставшихся на Земле.

— Хорошо.

— Достаточно ли фактов для принятия решения?

— Да.

— Каково же решение?

— Человечество будет рассмотрено вновь дюжину полураспадов ради спуска. Но пока что человечество может погубить себя само. Против этой опасности ему будет оказана помощь. В течение испытательного срока за ним будет пристально следить Мать-Хранительница, — голос прочирикал веганское имя Мэмми, — участковый инспектор этого района, которому вменяется в обязанность немедленно информировать Совет о любых зловещих симптомах. Пока же мы желаем человечеству успеха в его долгом пути к вершинам цивилизации. Образцы надлежит возвратить в то пространство-время, откуда они прибыли.

Г л а в а 12

Я счел, что сажать корабль в Нью-Джерси, не известив заранее военные власти, неразумно. Вокруг города

много важных объектов, нас могут обстрелять чем угодно, вплоть до ракет с ядерными зарядами, если засекут. Но Мэмми лишь чирикнула:

— Я думаю, что все обойдется.

Действительно, обошлось, никто нас и не заметил. Она высадила нас на окраине, распрощалась и исчезла. Закона, воспреещающего ночные прогулки в скафандрах, да еще с тряпичной куклой в руках, не существует, но зрелище это все равно непривычное, поэтому первый же полицейский патруль доставил нас в участок. Дежурный позвонил Крошкиному отцу, и через двадцать минут мы уже сидели в его кабинете, пили какао и разговаривали.

Крошкину маму чуть не хватил удар. Слушала она нас с раскрытым ртом, то и дело восклицала: «Невероятно, невероятно», пока профессор Рейсфелд не попросил ее либо перестать охать, либо идти спать. Но она не виновата. Еще бы, дочка исчезает на Луне, все уже уверены, что она погибла, и вдруг чудом возвращается на Землю. Профессор Рейсфелд поверил нам сразу. Так же, как Мэмми обладала даром «понимания», он обладал даром «восприятия». И когда возникали новые факты, охотно отбрасывал старые теории и представления, которые опровергались новыми данными.

Он тщательно изучил Крошкин скафандр, попросил ее включить поле шлема, направил на него свет настольной лампы, чтобы увидеть эффект светонепроницаемости, и все это проделал очень серьезно. Потом потянулся к телефону.

— Нужно срочно вызвать Дарио.

— Прямо среди ночи, Курт?

— Да, Джанис. Армагеддон не будет ждать открытия конторы.

— Профессор Рейсфелд?

— Да, Кип?

— Может, вам лучше посмотреть все остальное, прежде чем звонить?

— Что остальное?

Я извлек из карманов «Оскара»: два маяка — по одному на каждого из нас, листы металлической «бумаги», исписанные уравнениями, две «счастливые штучки», две серебристые сферы. По пути домой мы остановились на Веге V, где провели большую часть времени под своего рода гипнозом, пока профессор Джо с еще одним ученым выкачивали из нас все, что мы знали о зем-

ной математике. И вовсе не для того, чтобы у нас научиться — вот еще! Они лишь хотели усвоить язык наших математических символов, от векторов и радикалов до замысловатых знаков, применяемых в высшей физике, чтобы можно было кое-чему обучить нас, результаты были изложены на логических листах. Прежде всего я показал профессору Рейсфелду маяки:

— Мы теперь включены в участок Мэмми. Она велела пользоваться маяками в случае крайней необходимости. Мэмми будет находиться поблизости, не более чем в тысяче световых лет от нас. Но она услышит зов, где бы она ни была.

— Вот так, — профессор посмотрел на мой маяк. Он был намного аккуратнее и меньше размером, чем тот, который Мэмми тайком смастерила на Плутоне. — Может, осмелимся разобрать его?

— Он содержит огромный заряд энергии. Взорвется еще, чего доброго.

— Да, весьма вероятно, — профессор с сожалением протянул маяк мне обратно.

Объяснить, что такое «счастливые штучки», невозможно. Они похожи на маленькие абстрактные скульптурки, которые следует воспринимать не только зрительно, но и осязательно. Моя казалась обсидиановой, но была теплой и мягкой. Крошкина больше походила на нефрит. Для получения желаемого эффекта следует приложить ее к голове. Я дал свою профессору Рейсфелду, и на лице его появилось благоговейное выражение. Я знал, какой эффект они производят, любовь и ласка Мэмми окружают тебя, тебе тепло, ты ничего не боишься и чувствуешь себя понятым.

— Она любит тебя, — сказал профессор. — Эта «штучка» предназначалась не для меня. Извини.

— О нет, она любит и вас тоже.

— Что?

— Она любит всех маленьких пушистых беспомощных щенков. Потому-то она и Мэмми.

Я даже не понял, как это у меня сорвалось с языка, но профессор не обиделся.

— Так ты говоришь, она сотрудник полиции?

— Скорее — детской комнаты. С ее точки зрения, мы живем в трущобном, весьма опасном районе. Иногда ей приходилось прибегать к мерам, которые ей не по вкусу. Но она — хороший работник, а кто-то ведь должен вы-

полнять и неприятные обязанности. Она не увиливает от исполнения своего долга.

— Да, она увиливать не будет.

— Хотите попробовать еще?

— Тебе не жалко?

— Нет, что вы, она же вечная.

Он приложил «штучку» к виску, и на лице его снова появилось счастливое выражение. Посмотрев на Крошку, уснувшую прямо за столом, он сказал:

— Знай я, что, с одной стороны, о дочке заботится Мэмми, а с другой — ты, я бы беспокоиться не стал.

— Мы действовали коллективно, — объяснил я. — И ни за что не справились бы без Крошки. Она девочка с характером.

— Порой его даже слишком много.

— Иногда именно избыток и необходим. Вот эти шары содержат информацию. У вас есть магнитофон, профессор?

— Разумеется.

— Их надо переписать на пленку, потому что они разового действия. Молекулы после прослушивания снова приходят в хаотическое состояние.

Затем я показал профессору металлическую бумагу. Я пытался прочесть ее сам, но меня хватило всего на две строчки, а потом узнал кое-где отдельные знакомые знаки.

Профессор Рейсфелд прочитал наполовину первую страницу и поднял голову:

— Пойду-ка я позвоню.

На рассвете вошла Луна, и я пытался определить, где находится станция Томба. Крошка спала на диване отца, закутанная в его купальный халат, сжав в руках мадам Помпадур. Профессор пытался отнести ее в постель, но она проснулась и заупрямилась так, что он уложил ее обратно. Профессор жевал пустую трубку и слушал, как шарообразная кассета мягко шептала в его магнитофон. Время от времени он задавал мне какой-нибудь вопрос, и я отвечал, очнувшись от дремоты.

В противоположном углу кабинета сидели у доски профессор Гиами и доктор Брук, испещряя доску новыми формулами, стирая написанное, споря без остановки над листами металлической бумаги. Брук был похож на водителя сломавшегося грузовика, а Гиами — на разъ-

яренного Иунио. Оба были взволнованы, но доктора Брука выдавало лишь подергивание щеки, а Крошкин папа объяснил мне, что тик доктора Брука является верным признаком предстоящего нервного расстройства, но не у него, а у других физиков.

Через два дня мы все еще находились в кабинете. Профессор Рейсфелд побрился, чем резко отличался от остальных. Я поспал немного и один раз ухитрился даже принять душ.

Я хотел уехать домой сразу, как только передам им все материалы, но профессор Рейсфелд попросил меня задержаться, потому что должен был приехать Генеральный секретарь Федерации. Пришлось остаться. Домой звонить не стал. Зачем расстраивать родителей лишний раз? Я бы, конечно, предпочел сам поехать в Нью-Йорк, но профессор Рейсфелд пригласил его сюда; и я начал понимать, что самые важные люди не могут не считаться с его приглашениями.

Генеральный секретарь, мистер ван Довенюк, оказался стройным высоким человеком. Пожав мне руку, он спросил:

— Насколько я понимаю, вы сын доктора Сэмюэла Рассела?

— Вы знаете моего отца, сэр?

— Встречались когда-то в Гааге.

Доктор Брук повернулся ко мне, а когда Генеральный секретарь вошел в комнату, то ему он лишь небрежно кивнул:

— Ты — парень Сэма Рассела?

— И вы тоже его знаете?

— Еще бы. Он же автор блестящего труда «К вопросу о статистической обработке неподробных данных».

Я никогда не имел понятия ни о том, что папа написал такую книгу, ни о том, что он был знаком с высшим должностным лицом Федерации. Иногда мне кажется, что папа очень эксцентричный человек.

Мистер ван Довенюк подождал, когда ученые оторвутся от доски глотнуть воздуха, и спросил:

— Что-нибудь существенное, господа?

— Угу, — буркнул Брук.

— Блеск, да и только, — согласился Гиами.

— Что именно?

— Ну... — Д-р Брук ткнул пальцем в одну из строчек на доске. — Сказать пока не могу, но похоже на антигравитацию. А Гиами уверяет, что, если развернуть

принцип на девяносто градусов, мы получим формулу путешествия во времени.

— Совершенно верно!

— Но если он прав, то энергии нужно столько, что потребуется еще одна звезда. Хотя... — Брук впился взглядом в нацарапанные им на доске строчки. — Весьма возможно разработать энергоблок, который влезет в ваш жилетный карман, а энергии давать будет больше, чем реактор в Брисбене.

— Это действительно возможно?

— Расспросите своих внуков, когда они подрастут. Раньше не получится, — проворчал Брук.

— Чем вы так расстроены, доктор Брук? — спросил мистер ван Довенюк.

Теперь Брук зарычал:

— Небось, все засекретите? А я засекреченной математики на дух не переношу. Это позор!

Я наострил уши. Я ведь объяснял Мэмми все эти дела с секретностью, но своими объяснениями лишь шокировал ее. Я говорил, что Федерация должна хранить секреты, важные для ее безопасности, но она отказывалась меня понимать.

— Я тоже не сторонник секретности в науке, — ответил Бруку Генеральный секретарь. — Но вынужден с ней считаться.

— Я так и знал, что вы это скажете!

— Одну минуту. Являются ли эти сведения собственностью правительства США?

— Разумеется, нет!

— Не принадлежат они и Федерации. Итак, вы продемонстрировали мне интересные математические сведения. Но не могу же я вам запретить их публиковать. Они ваши.

— Нет, — покачал головой Брук. — Не мои, — он указал на меня. — Его.

— Понятно. — Генеральный секретарь посмотрел на меня. — Как юрист могу сказать вам следующее, молодой человек. Если вы желаете опубликовать эти данные, никто не сможет вам помешать это сделать.

— Но они не мои, я всего лишь доставил их.

— Все равно, кроме вас, никто не может на них претендовать. Хотите ли вы их опубликовать, подписав, скажем, совместно с этими господами?

У меня сложилось впечатление, что ему очень хотелось увидеть эти данные опубликованными.

— Конечно. Но третьим именем должно стоять не мое, а... — я запнулся. Не подписывать же работу нотами? — Ну, скажем, доктора Мэм Ми.

— Кто же это?

— Веганка. Но мы можем выдать ее имя за китайское.

Генеральный секретарь продолжал задавать вопросы, прослушивать записи. Затем заказал разговор с Лунной. Я знал, что это давно возможно, но никогда не думал, что доведется присутствовать при таком телефонном разговоре самому.

— Генеральный секретарь... да, начальника базы, пожалуйста... Джим?.. Ничего не слышу... Джим, ты иногда проводишь учения... Я звоню неофициально, но не проверил ли бы ты долину... — Он обернулся ко мне, я быстро ответил: «Долину сразу за хребтом к востоку от станции Томба». — Совет Безопасности ничего не знает, это так, между нами. Но если ты устроишь там маневры, очень тебе советую послать большой отряд с оружием. Там могут встретиться гадюки, к тому же хорошо замаскированные. Ну, скажем, интуиция. Да, дети чувствуют себя прекрасно, и Беатриса тоже. Я позвоню Мэри, скажу ей, что беседовал с тобой.

Генеральный секретарь попросил меня оставить ему мой адрес, но я не мог сказать, когда окажусь дома, потому что не знал, как буду туда добираться. В общем, я собирался «голосовать» на шоссе, но не хотел признаваться в этом. У мистера ван Довенюка поползли вверх брови.

— Полагаю, что мы должны подбросить его домой, а, профессор?

— Это лишь часть того, что мы ему должны.

— Рассел, я понял из магнитной записи, что вы хотите стать космическим инженером.

— Да, сэр, то есть мистер Генеральный секретарь.

— Вы не подумывали заняться юриспруденцией? В космосе ведь много инженеров, но мало юристов. А они нужны везде. Человек, хорошо изучивший космические законы, всегда найдет себе достойное место.

— Почему бы ему не овладеть обеими профессиями? — предложил Крошкин папа. — Не нравится мне эта современная сверхспециализация.

— Хорошая мысль, — согласился Генеральный секретарь. — Тогда он мог бы диктовать свои условия.

Я уже хотел сказать, что меня больше тянет к электронике, как вдруг понял, чем именно хотел бы заняться.

— Не думаю, что две профессии сразу будут мне под силу.

— Не говори глупости, — резко ответил профессор Рейсфелд.

— Не буду, сэр. Но я хочу заниматься скафандрами. У меня есть кое-какие идеи по их усовершенствованию.

— Насколько я помню твой рассказ, тебе отказали в приеме во все хорошие колледжи. Так... — профессор Рейсфелд побарабанил пальцами по столу. — Ну не глупо ли, мистер Генеральный секретарь? Парнишке легче попасть в Магеллановы облака, чем в колледж.

— Так что ж, профессор, поднажмем?

— Минуточку, — профессор снял трубку. — Сузи, дайте мне директора Массачусетского технологического института. Знаю, что праздник... А мне плевать, в Бомбее он или в своей постели... Вот и умница. — Он повернулся к нам. — Ничего, она его найдет.

Я смутился. Кто же откажется там учиться? Но денег на это нужно...

Зазвонил телефон.

— Привет, говорит Рейсфелд. В прошлый раз на встрече встречи ты вырвал у меня обещание предупредить тебя каждый раз, когда у Брука начнется тик. Держись за кресло, я насчитал двадцать один раз в минуту. Да, рекорд... Спокойно, спокойно, никого из твоих я и на порог не пущу, пока не получу от тебя свой кусок мяса. А если ты заведешь свою пластинку о свободе и праве на информацию, я повешу трубку и позвоню в университет Беркли... Да нет, ничего особенного, всего лишь стипендию на четыре года, плюс всю стоимость обучения и содержания... Да не кипятись ты, ради Бога, что, у тебя фондов нет? Ну, так подчисти бухгалтерские книги... Нет, никаких намеков. Покупай kota в мешке, а то твоих ребят вообще не пущу... Что-что? Ну, точно, я тоже растратчик, а ты разве не знал? погоди, — профессор обернулся ко мне. — Ты посылал заявление?

— Да, сэр, но...

— Подними дело в приемной комиссии. Клиффорд Рассел. Пошли ему вызов на домашний адрес... Что? Да, готовь группу... Одно скажу — такого в истории не было, с тех пор как Ньютона стукнули яблоком по голове. Это

точно, я шантажист, а ты кабинетная крыса. Когда наукой-то займешься? Пока.

Он повесил трубку.

— Вопрос решен. Слушай, Кип, я одного не пойму — зачем этим червелицам понадобился именно я.

Я не знал, как объяснить ему. Только вчера он сам говорил мне, что занимался сопоставлением и анализом различных, не связанных между собой сведений: о непознанных летающих объектах, развитии космонавтики, о многих необъяснимых происшествиях. Такой человек, как он, своего всегда добьется и заставит себя слушать. Если у него и был недостаток, так это скромность, которую от него совсем не унаследовала Крошка.

Скажи я ему, что его интеллектуальное любопытство заставило понервничать тех космических пиратов, он только посмеялся бы. Поэтому я ответил:

— Они так и не сказали нам, сэр. Но думаю, что они считали вас достаточно важным человеком.

Мистер ван Довенюк поднялся со стула.

— Ну что же, Рассел, вопрос о вашем образовании решен. Если я вам понадоблюсь, позвоните мне.

После его ухода я попытался поблагодарить профессора.

— Я рассчитывал заработать денег на учебу, сэр, прежде чем снова начнутся занятия.

— Это за оставшиеся-то две с половиной недели? Брось, Кип.

— Я имею в виду весь оставшийся год...

— Зачем же тебе год пропускать?

— Но я ведь все равно опоздал... — И вдруг я обратил внимание на зелень в саду. — Профессор... какое сегодня число?

— То есть как, какое?

Профессор выплеснул мне в лицо стакан воды.

— Ну как, пришел в себя?

— Пожалуй, да... Но мы же путешествовали несколько недель!

— Ты слишком много пережил, Кип, чтобы волноваться из-за такой ерунды. Можешь обсудить вопрос с близнецами, — он кивнул в сторону Гиами и Брука, — но все равно ничего не поймешь. Я, во всяком случае, пока не понял.

Когда я уезжал, миссис Рейсфелд расцеловала меня на прощание, Крошка разревелась, а мадам Помпадур попрощалась с «Оскаром», лежащим на заднем сиденье. В аэропорт профессор Рейсфелд решил отвезти меня сам.

По дороге он заметил:

— Крошка очень хорошо к тебе относится.

— Надеюсь, что да.

— А ты к ней? Или я нескромен?

— Хорошо ли я к ней отношусь! Еще бы! Она спасла меня от смерти раз пять, не меньше.

— Ты и сам заслужил не одну медаль за спасение утопающих.

Я поразмыслил над этим.

— Сдается мне, что я портил все, за что брался. Но она меня все время выручала, да и везло ей просто невероятно.

Я даже задрожал при одном воспоминании о том, как едва не угодил в суп.

— «Везение» — сентиментальное слово, — ответил профессор. — Ты считаешь невероятным везением то, что оказался на поле в скафандре, когда моя дочь звала на помощь. Но это не везение.

— Но что же это тогда?

— Почему ты принимал ее волну? Потому, что был в скафандре. Почему ты был в скафандре? Потому, что всеми силами стремился в космос. И когда ее корабль послал сигналы, ты ответил. Если это «везение», то спортсмену «везет» каждый раз, когда он попадает ракеткой по мячу. «Везение» всегда лишь результат тщательной подготовки, Кип. А «невезение» — следствие разболтанности и лени. Ты сумел убедить Суд, который древнее рода человеческого, что ты и твоё племя заслуживаете спасения, случайно ли это?

— По правде говоря, я психанул и чуть было все не испортил. Просто очень уж мне надоело, что мной все время помыкают.

— Лучшие страницы истории написаны теми людьми, которым надоело, что ими «помыкают». — Он нахмурился. — Я рад, что тебе нравится Крошка. У нее интеллект двадцатилетнего человека, а темперамент шестилетнего ребенка, и это, как правило, настраивает против нее людей. Поэтому я и рад, что она нашла себе друга, превосходящего ее умом.

У меня даже челюсть отвисла.

— Но, профессор, Крошка ведь намного умнее меня. Она то и дело оставляла меня в дураках.

Он глянул на меня.

— Она оставляет меня таким уже несколько лет, а я отнюдь не глуп. Тебе не следует недооценивать себя, Кип.

— Но это правда!

— Ты так считаешь? Есть один человек, величайший специалист в области математической психологии. Человек, всю жизнь делавший только то, что считал нужным, он даже сумел вовремя уйти в отставку, а это крайне трудно сделать, когда на тебя большой спрос. Так вот, этот человек женился на самой блестящей своей студентке. Сомневаюсь, чтобы их сын был глупее моей дочки.

До меня не сразу дошло, что речь идет обо мне. А потом я просто не знал, что отвечать. Многие ли дети считают своих родителей гениями? Во всяком случае, не я.

— Крошка очень трудная личность, — продолжал профессор. — Ну, вот и аэропорт. Когда отправишься в институт, не забудь заехать к нам. И приезжай, пожалуйста, на День Благодарения; на Рождество ты ведь, безусловно, поедешь домой?

— Спасибо, сэр, обязательно.

— Вот и хорошо.

— Кстати, насчет Крошки. Если она будет чересчур буяннить, то не забывайте про маяк. Мэмми с ней справится.

— Что ж, полезная идея.

— Крошке еще ни разу не удавалось провести Мэмми, хотя она и пробовала. Да, я совсем забыл. Кому можно об этом рассказывать? Не о Крошке, разумеется, а обо всей истории?

— А разве не понятно?

— Сэр?

— Рассказывай кому угодно. У тебя сразу пропадет всякое желание делать это, потому что почти никто тебе не поверит.

Домой я летел реактивным самолетом — быстрая все-таки машина! Обнаружив, что вся моя наличность состоит из доллара шестидесяти семи центов, профессор Рейсфелд настоял на том, чтобы я взял у него десять долларов, так что, когда мы прилетели, я подстригся на автобусной остановке и смог купить два билета до Сентервилля, чтобы не сдавать «Оскара» в багажник, где его могли повредить. Стипендия в Массачусетском технологическом институте больше всего порадовала меня тем, что «Оскара» не придется продавать, хотя теперь я и так не продал бы его ни за какие деньги.

Из-за «Оскара» водитель остановил автобус прямо у нашего дома — уж больно неудобно было бы его тащить

от станции. Я пошел в сарай, повесил «Оскара» на его стойку, сказал, что зайду позже, и вошел в дом с заднего крыльца. Мамы не было видно, папа сидел у себя в кабинете. Он поднял глаза от книги.

— Привет, Кип.

— Привет, пап.

— Как путешествовал?

— Видишь ли, я не попал на озеро.

— Я знаю. Звонил профессор Рейсфелд, он все мне рассказал.

— А... а... В целом, попутешествовал очень неплохо.

Я заметил, что он держит на коленях том энциклопедии «Британника», раскрытой на статье «Магелланово облако». Папа поймал мой взгляд.

— Никогда не доводилось их видеть, — сказал он с сожалением. — Была однажды возможность, да все времени найти не мог, если не считать одной облачной ночи.

— Когда это, папа?

— Еще до твоего рождения, в Южной Америке.

— А я и не знал, что ты там бывал.

— Приходилось. По заданию правительства. Но об этом не принято рассказывать. Красивые они?

— Да не очень-то. — Я снял с полки другой том энциклопедии и нашел Туманность Андромеды. — Вот где по-настоящему красиво.

— Да, прекрасно, должно быть, — вздохнул отец.

— Невероятная красота. Я тебе все расскажу подробно, у меня и магнитофонная пленка есть.

— Не к спеху. Ты ведь устал. Триста тридцать три тысячи световых лет — расстояние приличное.

— Нет, что ты, ровно в два раза меньше.

— Я имею в виду оба конца.

— Но мы вернулись обратно не тем же путем.

— То есть как?

— Не знаю даже, как объяснить, но когда эти корабли совершают прыжок, любой прыжок, путь обратно и есть долгий путь вокруг. Корабль летит прямо вперед, пока снова не оказывается в исходной точке. Ну, не совсем «прямо вперед», потому что пространство изогнуто, но настолько прямо, насколько возможно.

— Гигантский космический круг?

— Ну да. Круговой путь по прямой линии.

— Ну да. — Он задумался. — Кип, а какое расстояние охватывает этот круг Вселенной?

— Я спрашивал, папа, но не понял ответа. Мэмми сказала тогда: «Какое может быть "расстояние" там, где нет ничего?» Это вопрос не столько расстояния, сколько состояния. Мы не летели, мы просто перемещались.

— Да, неразумно выражать математические вопросы словами, следовало бы мне это знать, — упрекнул себя отец.

Я уже хотел было посоветовать ему обратиться к доктору Бруку, как вошла мама:

— Здравствуйте, мои дорогие!

На секунду мне показалось, что я слышу Мэмми.

Мама поцеловала отца, потом меня.

— Хорошо, что ты уже дома, милый.

— М-да... — Я обернулся к отцу.

— Она все знает.

— Да, — сказала мама тепло. — Я не боюсь, когда мой взрослый мальчик отправляется в путь куда бы то ни было, лишь бы он благополучно возвращался домой. Я ведь знаю, что ты всегда дойдешь туда, куда захочешь, — она потрепала меня по щеке. — И я всегда буду гордиться тобой.

Следующим утром, во вторник, я пришел на работу очень рано. Как и предполагал, моя стойка находилась в ужасном состоянии. Надев свой белый фартук, я быстро принялся наводить порядок. Мистер Чартон говорил по телефону. Повесив трубку, он подошел ко мне.

— Хорошая была поездка, Кип?

— Очень, мистер Чартон.

— Кип, я хотел спросить тебя кое о чем. Ты все еще хочешь улететь на Луну?

Я чуть не подпрыгнул. Да нет, не может он ничего знать. И поскольку Луны я толком так и не увидел, мне, конечно же, хотелось побывать там еще раз, но только уже не в такой спешке.

— Да, сэр. Но прежде всего колледж.

— Я именно об этом и говорю. Видишь ли... Детей у меня ведь нет. Так что, если нужны деньги, скажи мне.

Он намекал раньше на фармацевтическую школу, но ни о чем подобном и речи не было. А только вчера вечером папа сознался, что еще в тот день, когда я родился, оформил мне страховку на учебу, но никогда ничего мне не говорил, чтобы посмотреть, чего я сумею добиться своими силами.

— О, мистер Чартон, большое спасибо! Это очень любезно с вашей стороны!

— Я всецело одобряю твое стремление учиться.

— В общем-то, у меня уже все улажено, сэр, но когда-нибудь мне может понадобится занять денег.

— А можешь и не занимать. Дай мне знать. — Он отошел в сторону, заметно расстроившись.

Я работал, и мне было хорошо и тепло. Иногда я трогал рукой «счастливую штучку», лежащую в кармане. Вчера я дал ее маме и отцу, попросил приложить ее ко лбу. Мама заплакала, а отец сказал торжественно: «Я начинаю понимать, Кип». Я решил как-нибудь при случае дать ее мистеру Чартону, но нужно придумать, как это сделать. Стойку я надраил до блеска, потом проверил кондиционер. Сегодня он работал нормально.

После полудня появился Туз Квиггл и плюхнулся на табуретку.

— Здорово, космический пират! Что слышно от Галактических баронов? Ик-ик-ик!

Интересно, что бы он сказал, ответь я ему все по правде? Прикоснувшись к «счастливой штучке», я спросил:

— Что закажешь, Туз?

— Как всегда, да поживее!

— Солодовый коктейль с шоколадом?

— Ты что, забыл? Встряхнись, юнец! Проснись, наконец, и возвращайся в реальный мир!

— Конечно, Туз, конечно.

Что толку заводитьсь с Тузом, если его видение мира не глубже порослячей лужи?

Вошли две девушки, я подал им кока-колу, пока взбивался коктейль для Туза. Он спросил, ухмыляясь:

— Барышни, знакомы ли вы с командиром Кометой?

Одна из них прыснула. Ободренный Туз продолжал:

— Я его менеджер. Кому нужны подвиги, обращайтесь ко мне.

— «Имею скафандр — готов путешествовать...»

— Чтобы заработать на твоём шутовском балахоне, мы должны давить на все педали. Поэтому добавим: «Уничтожаю космических чудовищ! Специалист по спасению планет — ставки по договоренности!» Годится?

— Нет, Туз, — покачал я головой.

— Это почему же? Ты что, выгоды своей не понимаешь?

— Давай разберемся. За спасение планет я не берусь, да и заказов на это не принимаю, просто спасаю, если

уж так получается. Но я совсем не уверен, что стал бы сознательно спасать планету, на которой живешь ты!

Теперь прыснули обе девушки.

— Ишь ты, какой остроумный, — огрызнулся Туз. — Ты что, не знаешь, что клиент всегда прав?

— Всегда?

— Всегда! Заруби себе это на носу и подавай мой коктейль, живо!

— Да, Туз. — Я потянулся за стаканом, а он сунул мне тридцать пять центов. Я толкнул монетки обратно к нему через прилавок: — Этот стакан за счет заведения, Туз.

И выплеснул коктейль ему в лицо.

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

TUNNEL IN THE SKY

Перевод с английского
А. КОРЖЕНЕВСКОГО

Г л а в а 1

МАРШИРУЮЩИЕ ОРДЫ

На доске объявлений у аудитории 1712-А средней школы имени Патрика Генри мигал красный сигнал. Род Уокер попытался протиснуться через толпу учащихся, чтобы взглянуть, что там за объявление, но ему тут же двинули локтем в живот и посоветовали не толкаться.

— Извини, Джимми, я не нарочно. — Род зажал локоть в борцовском захвате, но давить не стал и, вытягивая шею над головой Джимми Трокстона, спросил: — Что там такое?

— Сегодня занятий не будет.

— Почему?

Ответил ему кто-то стоящий у доски:

— А потому что завтра начнется «Идущие на смерть приветствуют тебя, о Цезарь!»

— Серьезно? — Род почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел, как это обычно бывает перед экзаменами. Затем кто-то отодвинулся в сторону, и он наконец прочел объявление:

СРЕДНЯЯ ШКОЛА имени ПАТРИКА ГЕНРИ

Отделение общественных наук

ВНИМАНИЮ всех слушателей курса 410

**(факультетный семинар для учащихся
старших классов)**

«Выживание: дополнительные сведения».

Инстр. — доктор Мэтсон. 1712-А.

1. В пятницу 14 числа занятия отменяются.

2. Настоящим объявляется двадцатичетырехчасовая готовность к финальному экзамену по одиночному выживанию. Слушатели курса должны явиться на медицинское освидетельствование в 9.00 в амбулаторию при терминале «Темплтон» и в 10.00 с трехминутным интервалом начнут проходить ворота.

3. УСЛОВИЯ ИСПЫТАНИЙ:

а) любая планета, любой климат, любой рельеф местности;

б) никаких правил, оружие любое, снаряжение любое;

в) разрешается объединяться в группы, но члены групп будут проходить ворота по отдельности;

г) продолжительность экзамена — не менее сорока восьми часов и не более десяти суток.

4. Доктор Мэтсон консультирует в пятницу до 17.00.

5. Испытание может быть перенесено только по рекомендации врача, однако любой из учащихся имеет право отказаться от участия без всяких административных последствий до 10.00 субботы.

6. Удачи и долгих лет жизни вам всем!

Подп. — Б. П. Мэтсон, д. н.

Согласовано: Дж. Р. Рорих, член совета директоров.

Пытаясь унять волнение, Род Уокер медленно перечитал объявление. Еще раз прочел условия. Впрочем, какие тут условия? Это, скорее, «вообще никаких условий», полное отсутствие каких-либо ограничений! Тебя могут швырнуть через ворота, а в следующее мгновение ты нос к носу столкнешься с белым медведем при температуре минус сорок или сцепишься в теплой соленой воде с осьминогом.

Или же, подумал он, окажешься перед каким-либо трехголовым чудовищем, причем на планете, о которой никогда раньше не слышал.

Чей-то дискант в стороне пожаловался:

— Двадцатичетырехчасовая готовность! Да уже меньше двадцати часов осталось. Это просто нечестно!

— Какая разница? — откликнулась вторая девушка. — Лучше бы они начинали прямо сейчас. Я все равно сегодня не засну.

— Но если нам полагается двадцать четыре часа на подготовку, должны быть двадцать четыре часа. Чтобы все было справедливо.

Еще одна участница будущих испытаний, высокая зулусская девушка, мягко усмехнулась.

— А ты пойдй скажи об этом Мастеру.

Род выбрался из толпы и вытянул за собой Джимми Трокстона. Похоже, он и так знал, что Мастер Мэтсон может ответить на подобные претензии. Справедливость, мол, не имеет к выживанию никакого отношения. Однако пункт пятый заставил на какое-то время задуматься: никто его не упрекнет, если он решит бросить этот курс. В конце концов, «Выживание: дополнительные сведения» — курс институтский; школьный аттестат выдадут и без него.

Но он знал: если струсит сейчас, то уже никогда не наберется смелости на второй заход.

— И как тебе все это нравится, Род? — нервно спросил Джимми.

— Я полагаю, ничего страшного. Узнать бы только, стоит ли надевать подштанники с ворсом. Как думаешь, может, Мастер намекнет?

— Жди! У него с юмором туговато. И вообще, этот тип родную бабушку съест — не поморщится, причем без соли.

— Ну, это ты загнул. Без соли он есть не станет... Послушай, Джим... Ты видел, что там написано насчет групп?

— Да... А что? — Взгляд Джимми ушел в сторону.

Род почувствовал мимолетный всплеск раздражения. Ведь он пытался сделать предложение, ничуть не менее ответственное, чем, скажем, когда предлагаешь девушке руку и сердце. Он предлагал ему объединиться и бороться за жизнь вместе. Самая большая опасность одиночного испытания заключается в том, что его участник, хочет он того или нет, а должен хоть иногда спать. С напарником же можно поделить вахты и дежурить по очереди.

Джимми прекрасно знал, что Род подготовлен лучше — как с оружием, так и без. Предложение было явно в его пользу. И все же он колебался, словно думал, что без Рода ему будет легче.

— В чем дело, Джим? — спросил Род настороженно. — Ты полагаешь, в одиночку будет безопасней?

— Нет, не в этом дело...

— Хочешь сказать, что лучше договоришься с кем-то еще?

— Нет, что ты! Я совсем не это имею в виду.

— А тогда что?

— Я хочу сказать... Слушай, Род, я тебе в самом деле очень благодарен и никогда этого не забуду. Но в объявлении было и еще кое-что...

— Что именно?

— Там сказано, что можно бросить этот курс и все равно закончить школу. А я как раз вспомнил, что для торговли одеждой он совсем не нужен.

— Как это? Ведь ты собирался стать юристом широкого профиля.

— Выходит, эта экзотическая область юриспруденции потеряет свою ярчайшую звезду... И бог с ней. Мой старик будет очень рад, когда узнает, что я решил продолжить семейное дело.

— Короче, ты испугался.

— Можно и так сказать. А ты?

Род сделал глубокий вздох.

— Я тоже боюсь.

— Блеск! Давай вместе продемонстрируем классический пример выживания и подпишем отказные листы?

— М-м-м... нет. Но ты иди.

— Будешь сдавать?

— Видимо.

— Послушай, Род, а ты видел статистику по выпуску прошлого года?

— Нет. Я не хочу ничего видеть. Пока. — Род резко повернулся и двинулся к двери аудитории. Джимми остался на месте, провожая его встревоженным взглядом.

В аудитории разместилось более десятка слушателей курса. Доктор Мэтсон по прозвищу Мастер сидел, скрестив ноги по-турецки, на краю своего стола и вещал в довольно легкомысленной манере. Роста он был небольшого, жилистый, с худым лицом. Один глаз закрывала черная повязка, а на левой руке не хватало трех пальцев. На груди инструктора поблескивали миниатюрные орденские планки за участие в трех очень известных первых экспедициях; одну из них украшало крошечное

бриллиантовое созвездие, означавшее, что он — единственный, кто остался после этой экспедиции в живых.

Род проскользнул во второй ряд. Мастер повел взглядом в его сторону, но не стал прерываться.

— ...не понимаю, на что вы жалуетесь, — добродушно говорил он. — В условиях сказано «любое оружие», так что вы можете брать для защиты что угодно — от рогатки до кобальтовой бомбы. Я лично считаю, что финальную проверку нужно проводить с голыми руками. Чтобы даже пилки для ногтей не было. Но Совет по образованию не согласен, и поэтому экзамен будет проходить в таких вот тепличных условиях.

— Э-э-э... Доктор, значит, Совет знает, что мы столкнемся с опасными животными?

— А? Обязательно столкнетесь с самым опасным животным на свете.

— Если это не просто оборот речи...

— Разумеется, нет!

— Тогда нас или посылают на Митру, где водятся снежные обезьяны, или выбросят где-нибудь здесь, на Земле, где мы столкнемся с леопардами. Я прав?

Мастер разочарованно покачал головой.

— Мальчик мой, я думаю, тебе лучше отказаться от экзамена и пройти курс заново. Эти тупые твари совсем не опасны.

— Но у Джаспера в «Хищниках и жертвах» сказано, что два наиболее коварных и опасных вида...

— Черт с ним, с Джаспером! Я же говорю о настоящем царе зверей, о единственном животном, которое опасно всегда, даже когда не голодно. О двуногих хищниках! Посмотрите вокруг! — Инструктор наклонился вперед и продолжал: — Я вам сто раз повторял, но вы все равно никак не усвоите. Человек — это единственное животное, которое нельзя приручить. Когда его это устраивает, он годами может вести себя тихо, как корова. А когда не устраивает, даже леопард по сравнению с ним выглядит котенком. Это вдвойне касается женских особей. Посмотрите вокруг еще раз. Тут все друзья. Мы вместе проходили проверки на групповое выживание и, казалось бы, можем друг на друга положиться. Так? Но почитайте об экспедиции Доннера или о Первой Венерианской! Кроме того, на вашей территории будет еще несколько групп, люди, которых вы совершенно не знаете. — Доктор Мэтсон вперил в Рода свой единственный

глаз. — Мне, право, жаль, что некоторые из вас решились на этот экзамен, честное слово. Есть люди, по природе городские жители. Боюсь, мне так и не удалось вдолбить вам, что там, куда вы собираетесь, нет полисменов. И меня тоже не будет рядом, если вы совершите какую-нибудь глупую ошибку.

Взгляд инструктора ушел в сторону, и Род задумался, не его ли тот имел в виду. Иногда ему казалось, что Мастер просто наслаждается, устраивая ему тяжелую жизнь. Однако он знал, что этот курс обязателен для всех, кто собирается работать во Внеземелье, ибо во Внеземелье полно таких мест, где ты или сообразителен, или мертв. Род решил пройти курс еще до колледжа — в надежде, что это поможет ему получить стипендию, — но он прекрасно понимал, что это не пустая формальность.

Оглядывая аудиторию, Род задумался: теперь, когда Джимми выбыл, ему надо сговориться с кем-то еще. Впереди сидели Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. Их он отмел сразу: эти наверняка отправятся вдвоем. Они собирались стать медицинскими миссионерами и планировали пожениться, как только смогут.

Может быть, Иоганн Браун? Из него получился бы отличный напарник: силен, быстр и сообразителен. Однако Род не доверял ему и, кроме того, просто не был уверен, что тот захочет отправиться с ним. Похоже, он совершил ошибку, не подружившись ни с кем, кроме Джимми.

Эта зулусская девушка, Каролина, с совершенно непризносимой фамилией... Сильна, как бык, и абсолютно бесстрашна. Но брат в напарники девушек... Они часто принимают строгие деловые отношения за романтические гамбиты. Взгляд Рода скользнул по рядам, но в конце концов он был вынужден признать, что в аудитории нет никого, кому он хотел бы предложить стать его напарником.

— Проф, может, вы хоть намекнете? Брат с собой масло для загара или как?

Мэтсон усмехнулся.

— Сынок, я рассказал вам все, что знаю. Место для проведения экзамена выбрано преподавателем из Европы, а я выбирал место для его класса. Но где это, я знаю не больше вашего. Так что можете прислать мне оттуда открытку.

— Но... — задавший вопрос парень вдруг замолк, потом резко встал. — Проф, это несправедливая проверка. Я выбываю.

— Мы, конечно, думали о справедливости в последнюю очередь, но я не понимаю, почему все-таки испытания кажутся вам несправедливыми.

— Нас могут забросить куда угодно...

— Верно.

— ...на обратную сторону Луны, в вакуум. Или на планету с хлорной атмосферой. Или куда-нибудь посреди океана. Я даже не знаю, что с собой брать — скафандр или каноэ. Так что черт с ним, с этим экзаменом. В реальной жизни так не бывает.

— Не бывает, значит? — вкрадчиво переспросил Мэтсон. — То же самое сказал Иона, когда его проглотил кит. Однако я могу дать вам кое-какие наводки. Испытания, по нашему мнению, может выдержать любой, у кого хватит сообразительности и сноровки. То есть мы не выбросим вас в ядовитую атмосферу или в вакуум без дыхательных аппаратов, а если вы окажетесь в воде, то берег будет близко. В таком вот духе. Я не знаю, куда именно вас отправят, но я видел список экзаменационных территорий для выпускников этого года. Любой достаточно сообразительный человек может там выжить. Ты должен понимать, сынок, что Совет по образованию отнюдь не стремится прикончить всех претендентов на ключевые профессии.

Парень сел так же резко, как вскочил.

— Уже передумал? — спросил инструктор.

— Э-э-э... Да, сэр. Если испытания справедливые, я участвую.

Мэтсон покачал головой.

— Ты уже провалил экзамен. Свободен. В канцелярию можешь не заходить, я им сообщу.

Парень начал было протестовать, но Мэтсон только мотнул головой в сторону двери и коротко произнес:

— Вон.

В аудитории повисло неловкое молчание, и, лишь когда за неудачником закрылись двери, Мэтсон оживленно продолжил:

— Это курс прикладной философии, и здесь я решаю, кто готов к экзамену, а кто нет. Каждый, чье представление о мире складывается из понятий о том, каков он *должен* бы быть, а не каков он есть на самом деле, просто

не готов к последнему экзамену. Научитесь расслабляться и проще относиться к ударам судьбы. Совсем ни к чему трепать себе нервы и тратить адреналин при каждом ее фортеле. Вопросы еще будут?

Вопросы еще были, но вскоре стало понятно, что Мэтсон или в самом деле не знает, где именно будут проходить испытания, или твердо хранит эту информацию в тайне. Он также отказался давать советы по выбору оружия, сказав просто, что школьный оружейник будет готов выдать у ворот любое стандартное оружие, а все «нестандартное» — на усмотрение испытуемых.

— Помните, однако, что самое лучшее оружие у вас между ушей, под скальпом. Разумеется, если оно заряжено.

Группа начала расходиться. Род тоже встал, собираясь идти. Мэтсон поймал его взгляд и сказал:

— Уокер, вы собираетесь сдавать экзамен?

— Да, сэр, конечно. А что?

— Зайдите, пожалуйста, ко мне. — Он завел его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Затем взглянул на Рода, передвинул зачем-то пресс-папье и наконец произнес: — Ты неплохой парень, Род... Но иногда, бывает, этого недостаточно.

Род промолчал.

— Скажи, пожалуйста, зачем ты сдаешь этот экзамен?

— Сэр?!

— Что «сэр»? — проворчал Мэтсон. — Отвечай на вопрос.

Некоторое время Род глядел на него в недоумении, потому что они уже говорили на эту тему при зачислении на курс, но потом снова принялся рассказывать о своих планах получить профессию для работы во Внеземелье.

— Мне обязательно нужно сдать «Выживание». Без этого я не смогу получить ученую степень даже по колониальному администрированию, не говоря уже о планетологии и планетологии.

— Значит, хочешь стать исследователем?

— Да, сэр.

— Как я?

— Да, сэр. Как вы.

— Хм-м... Поверишь ли ты, если я скажу, что это самая большая ошибка в моей жизни?

— А? Нет, сэр.

— Я, в общем-то, и не надеялся. Однако на свете нет ничего лучше, чем знать в молодости то, что осознано в зрелые годы. Разумеется, это невозможно. Но поверь мне, ты родился не в том веке.

— Как это, сэр?

— Мне кажется, ты романтик. А время сейчас чересчур романтическое, так что на самом деле для романтиков теперь просто нет места. Теперь нужны практичные люди. Сто лет назад ты мог бы стать адвокатом, банкиром или профессором, а свои романтические порывы удовлетворять чтением приключенческих книг или мечтами о том, кем бы ты стал, если бы тебе посчастливилось родиться не в такое скучное время. Но сейчас романтика и приключения — часть повседневной жизни, а потому в этой жизни нужны очень практичные люди.

— Но я-то чем плох? — Разговор уже начал раздражать Рода.

— Ничем. Ты мне нравишься, и я не хотел бы, чтобы жизнь обошлась с тобой сурово. Однако для настоящего «выживания» ты слишком сентиментален и эмоционален.

Мэтсон поднял руку, опередив его возражения.

— Подожди-подожди. Я знаю, что ты можешь разжечь огонь с помощью двух сухих деревяшек. И мне лучше других известно о твоих отличных показателях практически по всем предметам. Я не сомневаюсь, что ты сумеешь сделать фильтр для воды голыми руками и знаешь, с какой стороны растет на дереве мох. Но я не думаю, что ты достаточно осторожен, чтобы не купиться на «медвежье перемирие».

— Медвежье перемирие?..

— Это просто оборот речи, не обращай внимания. Сын-нок, я думаю, тебе нужно отказаться от экзамена. Если будет необходимо, ты сможешь повторить этот курс в колледже.

Род упрямо затряс головой, и Мэтсон тяжело вздохнул.

— Я ведь имею право просто устранить тебя. Может, именно так мне и следует поступить.

— Но почему, сэр?

— В том-то и дело, что я не могу объяснить тебе причину. По оценкам ты один из лучших моих учеников. — Он встал и протянул Роду руку. — Удачи. И помни:

если жизнь загонит тебя в тупик, всегда поступай, как сочтешь нужным, и ни о чем не сожалей.

Вообще-то, Роду нужно было домой. Его родители жили в пригороде Большого Нью-Йорка, расположенного на плато у Гранд-Каньона, куда вели ворота «Хобокен». Но ему требовалось сделать пересадку в «Эмигрантс-Гэп», и он не удержался от того, чтобы остаться и поглазеть.

Когда он вышел из подземки, от школы нужно было повернуть направо, подняться лифтовым колесом на следующий уровень и пройти через ворота на Аризону к движущейся полосе. Но он задумался о припасах, снаряжении и оружии для завтрашнего экзамена, и ноги сами увели его налево, к движущейся полосе до огромного комплекса планетарных ворот.

Род сразу пообещал себе, что останется посмотреть только на десять минут: не хотелось опаздывать к обеду. Он просочился через толпу и оказался в зале — на зрительной трибуне над эмиграционным ярусом. Комплекс был новый, его открыли только в 68-м. Раньше эмиграционный пункт располагался в Джерси, в нескольких километрах от питавшего его реактора, но теперь там занимались только транспортировкой в пределах Земли и торговлей с Луной.

Трибуна была выстроена прямо напротив шести пространственных ворот и вмещала более восьми тысяч человек, но в тот день половина мест пустовала, а все зрители сбились ближе к центру. Именно там Роду и хотелось устроиться, чтобы видеть все шесть ворот сразу. Он протолкался по среднему проходу и присел у ограждения, но тут заметил, что освободилось место в первом ряду, и рванулся к нему, чуть-чуть опередив мужчину, который кинулся было туда же из соседнего прохода, однако, поняв, что опоздал, остановился и уставился на Рода сердитыми глазами.

Род опустил в щель на подлокотнике несколько монет, и кресло раскрылось. Он сел и огляделся. Место оказалось напротив копии Статуи Свободы, родной сестрой той, что более века стояла на месте теперешнего кратера Бедлоу. Факел ее почти доставал до потолка, а слева и справа располагалось по трое ворот, ведущих к дальним мирам.

Однако на статую Род не глядел; все его внимание приковывали сами ворота. На восточном побережье Северной Америки день близился к концу, и небо затянуло тяжелыми тучами, но ворота номер один открывались в какой-то другой мир, где всюду светило солнце. Род даже разглядел за ними мужчин, одетых лишь в шорты и солнцезащитные шлемы. У ворот номер два вплотную стоял шлюз, на дверях которого были изображены череп с костями и обозначение хлора. Над шлюзом горел красный сигнал, но спустя минуту он погас и сменился голубым. Двери медленно открылись, и оттуда выползла герметичная капсула с дышащим хлором существом. Встречали его восемь землян в парадном дипломатическом облачении, один — даже с золотым жезлом.

Род уже собирался потратить еще одну монету в пол-плутона, чтобы узнать, кто этот важный гость, но тут его внимание привлекли ворота номер пять. Напротив них, почти под трибуной, установили промежуточные ворота и соединили их высоким забором из проволоочной сетки — получилось нечто вроде коридора от ворот до ворот: пятнадцать метров в ширину и двадцать пять в длину. Загон тут же заполнился людьми, идущими от промежуточных ворот к планетарным и дальше, на какую-то планету за много световых лет от Земли. Они словно вытекали из ниоткуда, поскольку позади промежуточных ворот ничего не было, пробегали по загону, как стадо, подгоняемое пастухом, вливались в ворота номер пять и вновь исчезали. Вдоль каждой стены загона растянулся взвод темнолицых монгольских полисменов, с палками чуть ли не в рост человека, которыми они то и дело подгоняли эмигрантов, причем от души. Почти под самым креслом Рода один из них так сильно ткнул палкой старого кули, что тот споткнулся и упал. Все свои пожитки — имущество, с которым он собирался вступить в новый мир, — старик нес на правом плече, в привязанных к палке двух узлах.

Кули упал на костлявые колени, попытался встать, но его тут же сбили, и он распластался на полу. Род испугался, что его затопчут, но старик как-то умудрился встать — уже без вещей. Он хотел устоять в людском потоке и отыскать свои узлы, но охранник снова ткнул его палкой, и старика, оставшегося с пустыми руками, просто унесло толпой. Он не прошел и пяти метров, как Род потерял его из вида.

Местные полицейские стояли снаружи, но не вмешивались: узкое пространство от ворот до ворот стало на время экстерриториальным, и местная полиция не имела там власти. Правда, одного из них жестокое обращение со стариком, очевидно, возмутило, и он, прижавшись лицом к сетке, сказал что-то на общеземном языке. Монгольский полисмен резко ответил ему на том же языке, послав подальше, отвернулся и принялся орать, толкать переселенцев и лупить их палкой с еще большим остервенением.

Через загон текла толпа — японцы, индонезийцы, сиамцы, выходцы из Восточной Индии, совсем немного евразийцев, но в основном жители Южного Китая. Роду они казались почти одинаковыми — маленькие женщины с младенцами на боку или на спине, а часто с одним на спине и одним на руках, бесконечный поток сопливых бритоголовых детей, отцы семейств с пожитками в огромных тюках или на тачках. Время от времени появлялись заезженные пони, тянущие за собой большие и явно перегруженные повозки на двух колесах, но у большинства переселенцев было с собой лишь то, что можно унести.

Род слышал когда-то, что, если всех живущих на Земле китайцев выстроить в четыре ряда и заставить колонну двигаться, она так никогда и не кончится, потому что население будет расти быстрее, чем проходит колонна. Род не поленился проверить, посчитал, и оказалось, что это чушь: даже если не учитывать смертность и считать только прирост населения, последний китаец прошел бы в колонне меньше, чем через четыре года. Тем не менее, глядя, как людей гонят, словно скот на бойню, Род подумал, что в старой байке есть доля правды, хотя математика ее и не подтверждала. Казалось, им не будет конца.

Спустя несколько минут Род все-таки решил потратить еще полплутона — узнать, что происходит — и опустил монету в щель динамика, встроенного в кресло. В ушах тут же зазвучал голос комментатора:

— ...посещение министра. Наследного принца встречали представители Земной Корпорации во главе с самим генеральным директором, а теперь они сопровождают его до шлюзовой камеры анклава планеты Ратун. После телевизионного приема сегодня вечером начнутся переговоры на уровне делегаций. По мнению лиц, близ-

ких к генеральному директору, ввиду невозможности конфликта интересов между существами, потребляющими кислород, как мы, и ратунцами, любой исход переговоров будет нам на пользу, вопрос только, в какой степени.

Если вы снова обратите внимание на ворота номер пять, мы готовы повторить сообщенные ранее сведения. Ворота номер пять переданы на сорок восемь часов в распоряжение Австралазиатской республики. Временные ворота, которые вы можете видеть внизу, гипершунтированы на определенную точку в центральной Австралии, в пустыне Арунта, где в большом лагере в течение нескольких недель подряд накапливалась эта волна эмигрантов. Его Светлое Величество Председатель Австралазиатской республики Фунг Чи Му информировал Корпорацию, что его правительство планирует осуществить за сорок восемь часов переброску более двух миллионов человек — воистину впечатляющая цифра, более сорока тысяч иммигрантов в час. Общее число переселенцев, запланированное в этом году, для всех планетарных ворот — «Эмигрантс-Гэп», «Петр Великий» и «Уитуотерстрэнд» — составляет всего семьдесят миллионов, или в среднем около восьми тысяч человек в час. Это же перемещение предполагает темпы в пять раз более высокие, причем только через одни ворота!

Однако то, что мы наблюдаем — скорость, эффективность и э-э-э... решительность, присущая этой операции, — похоже, не оставляет сомнений в успехе. Наши данные за первые девять часов свидетельствуют, что эмигранты даже чуть опережают запланированные темпы. За эти же девять часов восемьдесят два эмигранта умерли, и сто семь детей появилось в отбывающих семьях. Столь высокая цифра смертности объясняется, разумеется, трудностями, связанными с эмиграционной операцией такого типа.

Планета назначения GO-8703-IV, отныне будет называться Райской Горой. По словам Председателя Фунга, это прекрасная богатейшая планета, и до сих пор попыток колонизировать ее никто не предпринимал. Корпорацию заверили, что все будущие колонисты являются добровольцами. — Тут Роду показалось, что в голосе комментатора прозвучала ироничная нотка. — Это и понятно, если принять во внимание феноменальное демографическое давление в Австралазиатской республике.

Здесь, впрочем, не помешает краткая историческая справка. После высылки остатков прежнего населения Австралии в Новую Зеландию по Бэйпинскому мирному договору, первым же удивительным актом нового правительства было создание огромного внутриконтинентального моря в...

Род приглушил звук и снова посмотрел вниз. Слушать школьную лекцию о том, как австралийскую пустыню превратили в цветущий сад, ему вовсе не хотелось. Тем более, что позже сад все равно загадили и превратили в трущобы, где жило больше населения, чем во всей Северной Америке. У ворот номер четыре разворачивались новые события...

Когда он пришел, пространство у ворот номер четыре было занято грузовым конвейером. Теперь же конвейерная лента отползла назад и скрылась в недрах терминала, а у ворот начала выстраиваться эмиграционная группа.

Здесь уже не было никаких нищих беглецов, подгоняемых полисменами. Здесь каждая семья переезжала в собственном фургоне. Широкие, длинные, классические фургоны с прочным верхом из стеклоткани и шестеркой лошадей. Угловатые прочные повозки со стальными кузовами и высокими тонкими колесами, запряженные одной или двумя парами. Животные в упряжках — как на подбор: морганы, величественные глайдсдейлы и миссурийские мулы с сильными заплечьями, хитрыми недоверчивыми глазами и похожими на кувшин мордами. Между колесами сновали собаки, фургоны были доверху нагружены домашней утварью, снаряжением и детьми. Громко жаловались на несправедливость судьбы куры, гуси и прочая домашняя птица в клетках, привязанных позади фургонов. У одного из них стоял рослый шотландский пони, оседланный, но без седока.

Роду показалось странным, что не видно скота, и он снова прибавил звук, но комментатор по-прежнему бубнил о плодovitости граждан Австралазиатской республики. Приглушив динамик, Род продолжал смотреть. Фургоны, готовые двигаться вперед, выстроились перед воротами в плотную колонну, конец которой исчезал где-то под трибуной. Однако время еще не подошло, и кучеры собирались небольшими группками у палатки Армии спасения под складками туники Богини Свободы

попить кофе и поболтать. Возможно, подумалось Роду, там, куда они направляются, нет никакого кофе и не будет еще долгие годы, поскольку Земля никогда не экспортировала продовольствие — напротив, продукты питания и радиоактивное топливо служили единственными предметами разрешенного импорта, и пока колония во Внеземелье не окрепнет настолько, чтобы производить излишки того или другого, она едва ли может рассчитывать на какую-то помощь Земли.

Из-за высокого расхода урана держать межпланетные ворота открытыми выходило слишком дорого, и эти люди, отправляющиеся караваном фургонов осваивать новую колонию, прекрасно понимали, что, скорее всего, потеряют коммерческие связи с Землей до тех пор, пока у них не появятся излишки ресурсов, которые позволят открывать ворота на регулярной основе. А до того времени они могут полагаться только на самих себя и рассчитывать только на то снаряжение, что берут с собой. Следовательно, лошади в данном случае лучше вертолетов, а кирки и лопаты надежнее бульдозеров. Машины, случается, выходят из строя и требуют сложного оборудования для ремонта, тогда как старые добрые «пожиратели сена» продолжают плодиться сами по себе, едят траву и таскают повозки как ни в чем не бывало.

Мастер Мэтсон как-то сказал на лекции по выживанию, что больше всего в примитивном Внеземелье жизнь осложняет не отсутствие канализации, отопления, энергии или света и не плохие климатические условия — хуже всего бывает, когда нет самых простых вещей вроде кофе и табака.

Род никогда не пробовал курить и к кофе тоже относился безразлично, поэтому плохо понимал, как это можно переживать из-за таких мелочей. Наклонившись в кресле, чтобы лучше видеть пространство за воротами, он пытался угадать, в чем причина задержки. Изогнутый дугой брезентовый верх первого «корабля прерий» загораживал ворота. Род почти ничего не видел, но похоже было, оператор ошибся при настройке фазы, и небо с землей поменялись местами. Внепространственная коррекция, необходимая, чтобы совместить две точки на различных планетах, отстоящих на многие световые годы друг от друга, требовала не только колоссальных затрат энергии, но и невероятной точности, а это уже область высшей математики и высокого искусства. С ма-

тематикой прекрасно справлялись машины, но окончательную настройку всегда осуществляли операторы — как говорится, при помощи молитвы и интуиции.

Помимо тех движений в пространстве, что совершает каждая из связываемых планет — векторов, которые можно легко складывать и вычитать, — необходимо учитывать еще и вращение планет вокруг оси. Главная проблема заключается в том, чтобы последняя гиперпространственная складка обеспечила касание планет во внутренней стороне окружности большей из них точками, где установлены ворота, причем планеты должны вращаться в одну сторону, и оси их должны быть параллельны. Теоретически возможно совместить точки и при вращении в противоположные стороны — для этого достаточно лишь искривить бесплотную ткань пространства-времени, чтобы «реальные» движения планет совпали, — однако на практике это не только слишком расточительно в плане энергии, но и совершенно непрактично: земля за воротами ускользает в сторону, словно лента движущейся дороги, и то и дело наклоняется под немыслимыми углами.

Впрочем, математики, которую Род уже освоил, все равно не хватало, чтобы по-настоящему оценить всю сложность проблемы. Он только заканчивал среднюю школу и не продвинулся дальше тензорного счисления, статистической механики и общей геометрии шестимерного пространства, а в прикладных дисциплинах остановился на основах электроники, введении в кибернетику и роботостроение и начальном курсе конструирования аналоговых компьютеров. Настоящая математика ждала его впереди. Поэтому он даже не подозревал о своем невежестве и просто решил, что оператор, должно быть, работал «левой ногой».

Кучеры все еще толпились у палатки, пили кофе и жевали бублики. Большинство мужчин отпустили бороды, и, судя по их длине, партия эмигрантов готовилась к переправке уже несколько месяцев. Капитан группы отрастил маленькую эспаньолку, усы и довольно длинные волосы, но все равно Роду казалось, что тот едва ли старше его. Разумеется, это был профессионал, прошедший целый курс необходимых во Внеземелье дисциплин — охота, разведка, элементарные ремесла, оружейное дело, фермерство, оказание первой помощи, групповая психология, тактика группового выживания, закон

и еще более десятка различных вещей, без которых не обойтись, когда остаешься один на один с дикой природой.

Одет он был в старинный калифорнийский костюм — может быть, просто для того, чтобы одежда соответствовала скакуну, прекрасной, как рассвет, гнедой кобыле. Когда над воротами вспыхнул предупреждающий сигнал, капитан группы вскочил в седло и, продолжая жевать бублик, двинулся вдоль колонны фургонов с последней проверкой. Сидел он прямо, осанисто и очень уверенно. На причудливом низком ремне болтались два пистолета-резака, каждый в украшенной серебром кобуре с такой же отделкой, как на уздечке и седле.

Род невольно задержал дыхание, пока капитан не скрылся под трибуной, затем вздохнул и подумал, а не стоит ли ему самому вместо какой-то более интеллектуальной профессии Внеземелья заняться чем-нибудь таким, что поможет ему стать похожим на этого человека. Он, в общем-то, и не знал пока, кем ему хочется работать — главное, покинуть Землю как можно скорее и очутиться там, далеко, где жизнь бьет ключом.

Эти размышления напомнили ему, что завтра у него важное испытание: через несколько дней он или сможет поступить, куда ему захочется, или... Но об этом лучше не думать. Род понял вдруг, что время уходит, а он даже не решил еще, какое оружие и снаряжение возьмет с собой. У капитана группы, готовящейся к отправке, были пистолеты-резаки... Может быть, и ему стоит взять такой же? Хотя нет, если им придется защищаться, они будут сражаться группой. И такое оружие у их лидера скорее для поднятия авторитета, чем для выживания в одиночку. Что же тогда взять?..

Зазвучала сирена, и кучеры вернулись к своим фургонам. На полном скаку вернулся к голове каравана и капитан.

— По места-а-а-ам! Приготовиться! — прокричал он и занял место у самых ворот, лицом к каравану. Кобыла вздрагивала и то и дело переступала ногами.

Из-за стойки в палатке Армии спасения появилась девушка с маленькой девчонкой на руках. Она крикнула что-то капитану, но голос ее до трибуны не долетел.

Однако у капитана голос оказался гораздо громче:

— Номер четыре! Дойл! Ну-ка заведи своего ребенка!

Рыжий мужчина с похожей на лопату бородой выскочил из четвертого фургона, со смущенным выражением лица принял ребенка и понес назад под крики, смех и улюлюканье из других фургонов. Затем отдал девочку жене, которая тут же задрала ей платье и хорошенько отшлепала. Дойл забрался на место и взял в руки вожжи.

— Рассчитайся! — протяжно крикнул капитан.

— Первый!

— Второй!

— Третий!

— Четвертый!

— Пятый!

Голоса ушли под трибуну и дальше, откуда их совсем не было слышно. Однако спустя какое-то время переключка вернулась в обратном порядке и закончилась громким «Первый»! Капитан поднял правую руку и замер, не сводя глаз с цветковых сигналов над воротами.

Наконец загорелся зеленый. Он резко опустил руку и крикнул:

— Тронулись! Хэй-хэй!

Его кобыла рванулась с места, словно на скачках, проскочила перед носом левой ведущей лошади в упряжке первого фургона и очутилась за воротами. Защелкали бичи. Снизу то и дело доносилось: «Вперед, Молли!», «Вперед, Нед!» или «Но, башкастые!». Караван покатился. К тому времени, когда стоявшие на виду под трибуной фургоны скрылись за воротами и показались остальные, ждавшие в подъездном туннеле, колонна неслась уже галопом. Кучеры сидели, оперевшись ногами вперед, а их жены держали руки на тормозах. Род пытался сосчитать их и добрался до шестидесяти трех, когда последний фургон проехал в ворота... и скрылся, оказавшись на полгалактики от Земли.

Вздохнув, Род откинулся на спинку с каким-то теплым чувством в душе, окрашенным необъяснимой грустью, затем прибавил звук.

— ...на Нью-Канаан, первоклассную планету, которую великий Лэнгфорд назвал «розой без шипов». За привилегию строить новую жизнь на этой планете ради будущего своих детей колонисты заплатили высшую ставку в шестнадцать тысяч четыреста плутонов за каждого человека — разумеется, без учета освобожденных от уплаты кооптированных членов группы. Компьютер-

ные центры предсказывают, что высшая ставка будет возрастать в течение еще двадцати восьми лет, и, если вы хотите подарить своим детям бесценное гражданство на Нью-Канаане, действовать надо сейчас. Всего за один плутон, высланный по адресу: «Информация, а/я 1, «Эмигрантс-Гэп», округ Нью-Джерси, Большой Нью-Йорк», вы сможете получить прекрасную кассету с видами планеты. Если же вас интересует полный список открытых для колонизации планет плюс отдельный список тех, что будут открыты в ближайшем будущем, добавьте еще полплутона. Те, кто наблюдают сейчас за событиями, о которых рассказывает наша передача, могут получить кассету и дополнительные материалы в фойе большого зала.

Род не прислушивался. Он давно выписал себе все бесплатные и большинство платных материалов, что распространялись Комиссией по эмиграции и торговле. Сейчас его больше занимало, почему ворота на Нью-Канаан не закрылись.

Но загадка прояснилась почти сразу же. От ворот номер четыре до самого туннеля поднялись из пола металлические ограждения, образовавшие длинный коридор, и спустя секунду из ворот вырвался поток ревущего, фыркающего скота — откормленные херефордширские бычки, которые в скором времени должны были превратиться в нежные бифштексы и восхитительное жаркое для богатой, но слегка голодной Земли. За ними и среди них ехали нью-канаанские погонщики с длинными палками, которыми они подгоняли животных, заставляя их двигаться быстрее, несмотря на то что они теряли при этом в весе: ворота были по-прежнему открыты и стоимость этой услуги автоматически вычиталась из стоимости скота.

Тут Род обнаружил, что комментатор умолк. Тридцать минут трансляции, за которые он заплатил, истекли. У него сейчас же возникло виноватое чувство, и он понял, что надо торопиться, иначе можно опоздать к обеду. Род бросился бегом, наступая на ноги и извиняясь направо и налево, и наконец добрался до движущейся полосы к воротам «Хобокен».

Эти ворота, поскольку они предназначались только для перемещения по поверхности Земли, были постоянно открыты и не требовали внимания оператора: две точки, которые они соединяли, располагались на одной

и той же жесткой основе, на твердой Земле. Род предъявил постоянный билет электронному контролеру и в компании знакомых и незнакомых людей шагнул в Аризону.

Поправка: «На *почти* твердой Земле». Компьютер, управляющий работой у ворот, учитывал приливные искажения поверхности, но не мог предвидеть мелкие сейсмические явления. Сделав шаг в Аризону, Род почувствовал, что ноги у него дрогнули словно при крошечном землетрясении, но спустя мгновение terra снова стала firma. Однако он все еще был в шлюзовой камере с давлением воздуха, как на уровне моря. Уловив тепло человеческих тел, механизм закрыл шлюз, и давление снизилось. Род протяжно зевнул, приспособляясь к давлению на северном плато Гранд-Каньона, где оно было на четверть меньше, чем в Нью-Джерси. Но даже при том что ему приходилось путешествовать туда и обратно почти ежедневно, уши каждый раз закладывало, и Род принялся тереть ладонью правое ухо, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Наконец шлюз открылся, и он вышел наружу. Преодолев две тысячи миль за долю секунды, он теперь должен был потратить десять минут на движущийся туннель и еще пятнадцать пройти пешком до дома. Род решил, что трусцой он все-таки доберется домой вовремя. И видимо, добрался бы — если бы тем же маршрутом не хотели воспользоваться еще несколько тысяч человек.

Г л а в а 2

ПЯТЫЙ ПУТЬ

Ракетные корабли отнюдь не покорили космос, они лишь бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, слишком тихаходна для огромных просторов, что лежат за пределами планеты. Одна лишь Луна более-менее рядом, и то до нее около четырех дней. До Марса при такой скорости — тридцать семь недель, до Сатурна — бесконечные шесть лет, а до Плутона — почти невозможные полвека. Все — по эллиптическим орбитам, доступным ракетам.

Факельные корабли Ортеги значительно приблизили к нам Солнечную систему. Эти корабли, работающие за счет преобразования массы в энергию по бессмертному эйнштейновскому $E = MC^2$, уже могли разогнаться на протяжении всего полета, причем с любым ускорением, которое только выдержит пилот. При вполне приемлемом ускорении в одну земную силу тяжести ближайшие планеты оказались всего в нескольких часах лета, а дорога до далекого Плутона занимала лишь восемнадцать дней. Человечество словно пересело с лошади в реактивный лайнер.

Люди заполучили дивную новую игрушку, вот только летать было особенно некуда. С точки зрения человека, Солнечная система — на удивление непривлекательное место. Разумеется, кроме прекрасной, зеленой, щедрой Земли. Жители Юпитера с их стальными мышцами прекрасно чувствуют себя при силе тяжести в 2,5 раза больше нашей и в совершенно ядовитой атмосфере с немыслимым давлением. Марсиане отлично живут почти что в вакууме, а лунные ящерицы так и вообще не дышат. Но все эти планеты — не для людей.

Людям нужна кислородная планета недалеко от звезды класса G и чтобы температура не очень сильно отклонялась от точки замерзания воды. Короче, такая, как Земля.

Однако если вы уже здесь, зачем лететь еще куда-то? Затем, что у людей рождаются дети, много-много детей. Мальтус об этом писал уже давно: производство продовольствия растет в арифметической прогрессии, в то время как численность человечества — в геометрической. К Первой мировой войне половина планеты уже жила на грани голода. Ко Второй мировой войне численность населения Земли увеличивалась на 55 000 человек каждый день. А уже в 1954 году этот прирост составил 100 000 ртов и животов в день. 35 миллионов новых людей каждый год... И вскоре население Земли превысило то количество, которое способны прокормить пашни планеты.

Термоядерные бомбы, бактериологическое оружие, нервнопаралитические газы и прочие ужасы, обрушившиеся на человечество позднее, в общем-то, объяснялись не политическими причинами. Истинная картина происходящего напоминала, скорее, нищих, дерущихся из-за корки хлеба.

Автор «Путешествий Гулливера» когда-то мрачно пошутил, предложив откармливать ирландских детишек для английских столов, другие проповедовали менее радикальные меры обуздания роста человечества, но ни одна из них никак не изменила положение на Земле. Жизнь — *любая* жизнь — имеет два побуждения: выжить и продолжить род. Разум — всего лишь побочный продукт эволюции, если он не служит этим двум целям.

Однако разум можно *заставить* работать на эти слепые императивы жизни. В нашей Галактике имеется более ста тысяч планет земного типа, и каждая может быть по-матерински добра к человечеству, как родная Земля. Факельные корабли Ортеги уже позволяли достичь звезд. Хотя голодные миллионы Европы по-прежнему пересекали Атлантику и вновь растили детей в Новом Свете, человечество уже могло колонизировать космос.

Некоторые так и поступили. Сотни тысяч людей. Но даже все человечество целиком, работая как одна команда, не могло строить и запускать по сотне кораблей в день, каждый на тысячу колонистов, день за днем, год за годом и так до бесконечности. Даже когда есть хорошие руки и решимость (а последнего человечеству всегда недоставало), не хватает стали, алюминия и урана во всей земной коре. Не хватает и на одну сотню нужного числа кораблей.

Но разум способен находить решения там, где их, казалось бы, нет. Однажды психологи заперли обезьяну в комнате, оставив ей только четыре возможных пути для побега, а затем уселись наблюдать, какой из четырех она выберет.

Обезьяна нашла пятый путь.

Доктор Джесс Эвелин Рамсботхэм вовсе не пытался решить проблему высокой рождаемости. Нет, он хотел построить машину времени. И причин для этого у него было две: во-первых, машину времени создать невозможно, во-вторых, в присутствии девушек, достигших брачного возраста, он всегда заикался и всегда мучился от того, что у него потеют ладони. Впрочем, сам он даже не подозревал, что первая причина лишь дополняет вторую. Строго говоря, он вообще не подозревал о существовании второй причины — этой темы его сознание старательно избегало.

Бессмысленно строить предположения о том, как повернулась бы история человечества, если бы родители Джесса Эвелина Рамсботхэма называли своего сына Биллом, а не наградили его двумя девичьими именами. Возможно, он стал бы тогда выдающимся полузащитником и, прославившись на всю Америку, занялся бы в конце концов продажей ценных бумаг, добавляя, как все, детишек к катастрофически растущему населению Земли. Но он стал физиком-теоретиком.

В физике прогресс достигается отрицанием очевидного и принятием на веру невозможного. Любой ученый девятнадцатого века мог бы убедительно объяснить, почему невозможны атомные бомбы — если бы его, конечно, не оскорбил подобный бессмысленный вопрос. Любой физик двадцатого столетия легко убедил бы вас, что путешествия во времени просто не вписываются в реальную пространственно-временную картину мира. Но Рамсботхэм начал как раз с трех величайших уравнений Эйнштейна — двух уравнений для релятивистского сокращения длины и замедления времени и уравнения, связывающего массу с энергией. В каждом из них фигурирует скорость света, а скорость есть не что иное, как производная первого порядка функции пройденного расстояния от времени. Он переписал уравнения в дифференциальной форме и принялся за математические игры, скормив эти соотношения «Ракитиaku», дальнему потомку «Унивака», «Эниака» и «Маниака». Работая с уравнениями, Рамсботхэм никогда не заикался, и у него никогда не потели при этом ладони — разве что когда ему приходилось общаться с молодой особой, служившей главным программистом гигантского компьютера.

Его первая рабочая модель дала статическое, или низкоэнтропийное поле размерами не больше футбольного мяча: при включении на полную мощность помещенная внутрь сигарета продолжала гореть целую неделю. Через семь дней после начала эксперимента Рамсботхэм достал сигарету, докурил и надолго задумался.

В следующий раз он опробовал машину на однодневном цыпленке, причем в присутствии коллег. Спустя три месяца цыпленок ничуть не вырос и даже не проголодался, во всяком случае не больше, чем любой в таком возрасте. Рамсботхэм поменял фазовое соотношение и настроил аппарат на самый короткий временной интер-

вал, какой только позволяла изготовленная в домашних условиях установка.

В долю секунды недавно вылупившийся цыпленок умер от голода и разложился.

Рамсботхэм понимал, что в данном случае лишь изменил наклон графика, но по-прежнему верил, что вскоре откроет способ перемещения во времени. Долгожданного открытия не произошло, хотя однажды был момент, когда он думал, что это ему все-таки удалось. Как-то раз Рамсботхэм по просьбе коллег повторил эксперимент с цыпленком. Ночью двое из них подобрали ключи к лаборатории, выпустили цыпленка и поместили в статическое поле яйца. Возможно, Рамсботхэм навсегда уверовал бы в возможность путешествий во времени и до конца своей жизни исследовал бы тупиковый маршрут, но коллеги сжалились и на его глазах раскололи яйцо — оказалось, что оно сварено вкрутую.

Однако Рамсботхэм не сдавался. Он построил модель еще больших размеров, после чего задался целью получить поле особой конфигурации, с некоей воронкой, аномалией (термин «ворота» он, конечно, не употреблял), позволяющей ему самому заходить внутрь и выбираться наружу.

Когда он включил питание, вместо голой стены за двумя изогнутыми магнетами установки перед ним вдруг предстали удушливые джунгли. Рамсботхэм сразу решил, что это лес каменноугольного периода. Ему нередко приходило в голову, что разница между пространством и временем — лишь свойственный людям предрассудок, но в этот раз он ни о чем таком не задумывался: он просто верил в то, во что ему хотелось верить.

Рамсботхэм схватил пистолет и храбро, но безрассудно полез между магнетами.

Спустя десять минут его арестовали за ношение оружия в ботаническом саду Рио-де-Жанейро. Незнание португальского только усугубило проблему и продлило срок его пребывания в душной тюремной камере тропической страны, но через три дня он при помощи американского консула все-таки отправился на родину. Всю дорогу до дома Рамсботхэм напряженно думал, исписав при этом несколько блокнотов уравнениями и вопросительными знаками.

Однако короткий путь к звездам был уже найден.

Открытия Рамсботхэма устранили основную причину войн и подсказали, что делать со всеми этими милыми детишками. Сотни тысяч планет оказались вдруг не дальше противоположной стороны улицы. Неосвоенные континенты, нетронутые дикие чащи, пышные джунгли, убийственные пустыни, замерзшие тундры, суровые горы — все это лежало теперь прямо за воротами городов, и человечество вновь устремилось туда, где не сияет уличное освещение, где на углу не стоит готовый прийти на помощь полисмен, где и углов-то еще никаких нет. Нет ни хорошо прожаренных нежных бифштексов, ни ветчины без костей, ни упакованной готовой к употреблению пищи для изысканных умов и изнеженных тел. Двухногому хищнику вновь понадобились его кусающие, рвущие, звериные зубы: человечество выплеснулось в большой мир (как это уже случалось раньше), где действуют законы «убей или будешь убит», «съешь или будешь съеден».

Однако человечество обладает огромным талантом выживать. Человечество, как всегда, приспособилось к новым условиям, и наиболее урбанизированная, механизированная и цивилизованная культура за всю его долгую историю начала учить своих лучших детей, своих потенциальных лидеров, выживать в примитивных условиях, когда обнаженный человек выходит один на один с дикой природой.

Разумеется, Род Уокер знал о докторе Дж. Э. Рамсботхэме так же, как знал он имена Эйнштейна, Ньютона или Колумба, но вспоминал о нем не чаще, чем, скажем, о том же Колумбе. Для него они были просто образами из книг, историческими личностями, грандиозными фигурами прошлого. Совершенно не задумываясь, он каждый день проходил ворота Рамсботхэма между Джерси и движущейся полосой в Аризоне — так же, как его предшественники пользовались лифтами, не вспоминая человека по имени Отис. И если он когда вспоминал об этом чуде, то с некоторой долей раздражения, потому что выход ворот «Хобокен» в Аризоне был слишком далеко от родительского дома. Здешние ворота назывались «Кайбаб» и располагались они в семи милях к северу от жилища Уокеров.

В то время, когда строился их дом, местность эта была на дальнем конце коммуникационной линии пневмодоставки и прочих городских удобств. Строили его дав-

но, и поэтому гостиная Уокеров стояла на поверхности, тогда как спальня, кладовые и бомбоубежище скрывались под землей. Раньше гостиная торчала на участке голым однослойным эллипсоидом, но позже, когда Большой Нью-Йорк стал разрастаться, строительство наземных сооружений, нарушающих целостную картину дикого леса в этом регионе, запретили.

Родители Рода решили подчиниться — до определенной степени — и засыпали купол землей, насадив сверху характерной для здешних мест растительности, но категорически отказались закрывать панорамное окно с видом на большой каньон, придававшее дому все его очарование. Окружной административный совет пытался заставить их убрать окно, предлагая за свой счет заменить его телеокном, как в других подземных жилищах, но отец Рода слыл упрямым человеком. Он утверждал, что погоду, женщину и вино невозможно заменить чем-то «почти таким же». Одним словом, окно осталось на месте.

Вернувшись домой, Род обнаружил, что все семейство сидит как раз перед этим самым окном, наблюдая, как движется через каньон грозовой фронт, — мать, отец и, к его удивлению, сестра Элен. Она была на десять лет старше Рода, служила капитаном в корпусе Амазонок и редко показывалась дома.

— Привет, сестренка! Здорово, что ты здесь! Я думал, ты на Тулии... — обрадованно заговорил Род, хотя и понимал, что даже ее приезд не спасет его от распеканий за опоздание.

— Я там и была. Всего несколько часов назад.

Род хотел пожать ей руку, но она сгребла его в объятия, как медведь, и смачно поцеловала в губы, прижав к рельефному орнаменту на хромированных латах. Элен даже не сняла еще форму, и Род подумал, что она, очевидно, только-только прибыла: во время своих редких посещений сестра обычно расхаживала по дому в халате и шлепанцах. Сейчас она все еще была в бронежилете и форменном кителе, а на полу лежали металлизированные перчатки, шлем и пояс с оружием.

— Боже, как ты вырос! — с гордостью произнесла сестра. — Почти догнал меня.

— Уже перегнал.

— Спорим?.. Ну-ка не дергайся, а то руку выверну. Снимай ботинки и давай померяемся спиной к спине...

— Сядьте, дети, — спокойным тоном сказал отец. — Род, ты почему опоздал?

— Э-э-э... — он уже придумал, как отвлечь внимание родителей рассказом о предстоящем экзамене, но тут вмешалась Элен.

— Ну что ты его спрашиваешь, патер? Если тебе так хочется оправданий, ты их обязательно получишь. Я это поняла, еще когда была младшим лейтенантом.

— Помолчи, дочь. Я вполне способен воспитать его без твоей помощи.

Рода удивила резкая реплика отца и еще больше удивил ответ Элен:

— Ой ли? — произнесла она каким-то странным тоном.

Род заметил, что мама всплеснула руками, собираясь что-то сказать, затем передумала. Выглядела она расстроенной. Отец и сестра молча смотрели друг на друга. Род недоуменно взглянул на них, потом спросил:

— Слушайте, что тут произошло?

— Ничего, — ответил отец, переводя взгляд на него. — Давайте-ка сейчас не будем об этом. Обед ждет. Пойдем, дорогая. — Он повернулся к жене, помог ей встать и предложил руку, собираясь идти.

— Пойдите, — нетерпеливо сказал Род. — Я опоздал, потому что проторчал в «Гэп».

— Ладно. Ты прекрасно знаешь, я не люблю, когда ты опаздываешь, но сейчас мы эту тему оставим. — Отец повернулся к лифту.

— Но я еще не все рассказал, пап. Меня не будет дома больше недели.

— Ладно... Что? Что ты сказал?

— Меня какое-то время не будет дома, сэр. Дней десять или больше.

Отец справился с удивлением и покачал головой.

— Каковы бы ни были твои планы, их придется изменить. Сейчас я не могу тебя отпустить.

— Но, пап...

— Извини, но это окончательное решение.

— Но я просто *должен*, пап!

Род был близок к отчаянию. Но тут неожиданно вступила в разговор сестра.

— Патер, может быть, стоит все-таки узнать, почему он собирается отсутствовать?

— Знаешь что, дочь...

— Пап, завтра у меня экзамен по одиночному выживанию!

Миссис Уокер судорожно вздохнула и заплакала. Отец попытался успокоить ее, потом повернулся к Роду и сказал суровым тоном:

— Ты расстроил маму.

— Но, пап, я... — Род обиженно замолчал. Никого, похоже, не волновало, что думает об этом он сам. А ведь завтра *его* экзамен, *ему* завтра «либо выплыть, либо утонуть». Много они понимают...

— Вот видишь, патер, — сказала сестра. — Он действительно должен. У него нет выбора, потому что...

— Ничего такого я не вижу! Род, я давно собирался поговорить с тобой, но не думал, что экзамен начнется так скоро. Должен признать, у меня были сомнения, когда я подписывал тебе разрешение на этот курс. Я считал, что в будущем знания могут пригодиться тебе... когда и если ты будешь проходить этот курс в колледже. Но я ни в коем случае не думал позволять тебе сдавать экзамен в рамках школьной программы. Ты еще слишком молод.

От обиды и негодования Род даже не знал, что сказать. И опять за него высказалась сестра:

— Чушь!

— А? Знаешь что, дочь, тебе, пожалуй, следует помнить, где...

— Повторяю: чушь! Любой из девушек моей роты приходилось сталкиваться по крайней мере с такими же трудностями, а многие из них не бог весть на сколько старше братишки. Чего ты добиваешься, патер? Хочешь сломать его?

— У тебя нет оснований... Ладно. Лучше будет, если мы обсудим все это позже.

— Вот и отлично. — Капитан Уокер взяла брата под руку, и они последовали за родителями вниз, в столовую. Обед в доставочных контейнерах уже ждал на столе и еще не остыл. Все встали у своих мест, и миссис Уокер торжественно зажгла Лампу Мира. Семья по традиции исповедовала евангелический монизм, поскольку деды Рода по обеим линиям обратились в эту веру еще во времена второй великой войны прозелитизма, накатившей из Персии в последние десятилетия прошлого века, а отец Рода всегда относился к обязанностям семейного священника весьма серьезно.

По ходу ритуала Род автоматически произносил нужные слова, но мысли его занимали совсем другие проблемы. Сестра вторила отцу от души, но голос матери был едва слышен.

Однако теплый символизм церемонии возымел действие, и Род почувствовал, что немного успокоился. Когда его отец повторил последнее «...единый Господь, единая семья, единая плоть!», ему уже захотелось есть. Он наконец сел и снял крышку со своей тарелки.

Белковая котлета в форме куска жареного мяса, немного настоящего бекона, большая печеная картофелина, жареная зеленая фасоль и несколько кочанчиков брюссельской капусты... У него сразу потекли слюнки, и он потянулся за кетчупом.

Род заметил, что мама ест мало, и это его удивило. Отец тоже едва притронулся к тарелке, но с ним такое случалось часто. Род вдруг понял с каким-то теплым, даже жалостливым чувством, что отец здорово исхудал и поседел. Сколько же ему уже?

Но вскоре его внимание привлек рассказ сестры.

— ...а комендант мне заявляет, что я должна подтянуть дисциплину. Я ей говорю: «Мадам, девушки есть девушки. Если мне придется понижать старшин каждый раз, когда кто-нибудь из них выкинет что-то подобное, у меня скоро останутся только рядовые. А сержант Дворак — мой лучший бортстрелок...»

— Подожди-ка, — перебил ее отец. — Мне казалось, ты говорила Келли, а не Дворак.

— Ну да. Я намеренно сделала вид, что не понимаю, какого сержанта она имеет в виду. Дворак я уже поймала один раз на том же самом, а Крошка Дворак — она ростом выше меня — это наша главная надежда на армейских соревнованиях. Если бы ее понизили в звании, и она, и мы потеряли бы право на участие. Короче, я сделала широкие глаза и решила действовать, как будто ничего не понимаю. Старуха разволновалась, только что ногти не грызет, а я ей говорю, что, мол, обе нарушительницы будут заперты в казарме до тех пор, пока парни из колледжа не установят новую следящую систему. Потом напела ей о милосердии: это, мол, и нам не чуждо, это как мягкий благодатный дождь... Пообещала лично проследить, чтобы ей не пришлось больше краснеть за подобные скандальные — это ее выражение — скандальные выходки, особенно когда она водит по ча-

сти командование сектора. Старуха немного еще поворчала — как командир роты, она, мол, ответственна за ее успехи и в случае чего спустит с меня шкуру, — но потом выгнала, сказав, что ей нужно подготовить квартальный отчет по обучению личного состава. Я тут же отсальтовала, как на параде, и вылетела оттуда пулей.

— Право, не знаю, — произнес мистер Уокер рассудительно, — стоит ли тебе возражать командиру в подобных случаях. В конце концов, она старше и, очевидно, мудрее тебя.

Элен сложила последние шарики брюссельской капусты маленькой горкой, подцепила вилкой и проглотила одним махом.

— Чепуха! Извини, патер, но, если бы ты проходил воинскую службу, ты бы и сам так думал. Я своих девчонок держу в ежовых рукавицах — отчего они только хвастают, что им достался самый страшный огнеед на двадцати ближайших планетах. Но когда у них неприятности с начальством, я должна их защищать. Всегда может случиться, что мы влипнем в такую ситуацию, когда мне останется только встать во весь рост и идти вперед. Но я этого не боюсь, потому что справа у меня будет Келли, а слева — Дворак, и каждая будет защищать «мамашу Уокер» уже по своей инициативе. Я знаю, что делаю. «Уокеровские Оборотни» — все друг за друга.

— Боже милостивый, дорогая моя. Зачем вы выбрали такое... м-м-м... опасное название?

Элен пожала плечами.

— Уровень смертности у нас такой же, как у всех других: один человек — одна смерть, раньше или позже. А что ты хотела, мам? Чтобы я сидела дома, вязала шарфики и ждала своего принца? Когда на одном только этом континенте женщин на восемнадцать миллионов больше, чем мужчин? В районе боевых действий мужчин всегда больше, и при случае я одного себе заарканю — такого же старого и страшного, как я.

— А ты в самом деле оставишь службу, чтобы выйти замуж? — с любопытством спросил Род.

— Ха! Я даже не останавлиюсь пересчитать, все ли у него руки и ноги! Если он еще тепленький и способен кивнуть головой, он обречен. Моя цель — шестеро детей и ферма!

Род окинул ее взглядом.

— Пожалуй, у тебя неплохие шансы. Ты здорово выглядишь, вот только лодыжки толстоваты.

— Ну спасибо, братец. Успокоил. А что у нас на десерт, мам?

— Я не смотрела. Открой, пожалуйста.

Оказалось, на десерт холодные мангорины, что Рода опять-таки обрадовало. Сестра продолжала рассказывать:

— Во время активных действий все не так уж плохо. Вот гарнизонная жизнь и в самом деле выматывает. Девчонки толстеют, становятся небрежны и цепляются друг к другу просто от скуки. На мой взгляд, эти потери страшнее боевых, и я надеюсь, нашу роту скоро переведут для наведения порядка на Планету Байера.

Мистер Уокер взглянул на жену, потом на дочь.

— Мама опять расстроилась, дорогая. Кое-какие темы, что мы сегодня затрагиваем, едва ли годятся для беседы под Лампой Мира.

— Меня спросили — я ответила.

— Может быть, может быть...

— А может быть, пора ее выключить. Все уже поели.

— Если хочешь. Хотя поспешность тут вряд ли уместна.

— Ничего. Господь прекрасно знает, что мы не вечны. — Она повернулась к Роду. — Слабо тебе исчезнуть на какое-то время, братец? Мне нужно поговорить с родителями.

— Ты себя ведешь, как...

— Сгинь. Увидимся позже.

Род ушел, чувствуя себя обиженным, и, выходя из комнаты, заметил, как сестра задула Лампу Мира.

Когда Элен заглянула в его комнату, он все еще составлял список.

— Привет.

— Привет, Элен.

— Чем занимаешься? Думаешь, что взять с собой на «выживание»?

— Вроде как.

— Не возражаешь, если я здесь у тебя устроюсь? — Она скинула с кровати разложенные там вещи и расположилась поудобнее. — Этим мы займемся позже.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что отец не будет больше возражать?

— Точно. Я долбила свое, пока он не узрел наконец свет истины. Но об этом опять же после. Сначала я хочу кое-что тебе сообщить, братец.

— Например?

— Во-первых, наши родители отнюдь не так глупы, как тебе представляется. Собственно говоря, они совсем не глупы.

— А я ничего такого никогда не говорил! — возразил Род, сознавая с чувством вины, что именно так он совсем недавно думал.

— Нет, конечно. Но я слышала, что происходило перед обедом, и ты тоже слышал. Отец пытался употребить свою власть и ничего не желал слушать. Я не знаю, приходило ли тебе в голову, какая это тяжелая работа — родитель. Может быть, самая тяжелая на свете, особенно если у тебя нет таланта. К отцу это в какой-то мере относится. Он знает свою работу, старается и делает ее добросовестно. По большей части справляется, хотя иногда делает ошибки вроде сегодняшней. Но одного ты еще не знаешь: папа может скоро умереть.

— Что? Как? — Рода словно ударили. — Я не знал, что он болен.

— Так и было задумано. Но не сходи с ума, выход еще есть. Папа сильно болен и может умереть через несколько недель — если только не предпринять решительных шагов. Что они и сделали. Так что успокойся.

Коротко, прямо она обрисовала ему ситуацию: мистер Уокер действительно страдал функциональным расстройством организма, от которого медленно умирал. Болезнь оказалась не под силу современному медицинскому искусству. Он мог протянуть еще несколько недель или месяцев, но в конце концов должен был умереть.

Род уронил голову на руки, проклиная себя за невнимательность. Отец умирал, а он даже ничего не заметил. От него скрыли это, как от малого ребенка, а он оказался слишком глуп, чтобы заметить самому.

Элен тронула его за плечо.

— Не надо. Нет ничего глупее, чем ругать себя, когда от тебя ничего не зависит. В любом случае, мы уже предприняли необходимые шаги.

— Но какие? Ты сама сказала, что медицина бессильна.

— Успокойся и помолчи. Родители отправляются в прыжок Рамсботхэма с соотношением пятьсот к одному — двадцать лет за две недели. Они уже подписали контракт с «Энтропи Инкорпорейтед». Папа оставил работу в «Дженерал Синтетикс» и сворачивает все остальные дела. В следующую среду они должны распрощаться с сегодняшним миром, поэтому отец и возражал против твоих планов. Он в тебе души не чает. Бог знает почему.

Род пытался разобраться во всех этих свалившихся на него новостях. Временной прыжок... ну конечно же! Отец останется жив еще двадцать лет. Но...

— Послушай, Элен, но ведь это ничего не даст! Я понимаю, двадцать лет, но для них пройдет всего две недели... и отец останется таким же больным. Я знаю такой случай: для прадеда Хэнка Роббинса сделали то же самое, но он все равно умер сразу после того, как его достали из статисного поля. Мне сам Хэнк рассказывал.

Сестра пожала плечами.

— Может быть, это и в самом деле безнадежный случай. Но лечащий врач отца, доктор Хенсли, сказал, что надежда есть... только через двадцать лет. Я ничего не понимаю в медкоррекции метаболизма, но Хенсли уверяет, что медики уже сейчас на грани открытия, а через двадцать лет они залатают отца так же легко, как сейчас людям отращивают новую ногу.

— Ты думаешь, так и будет?

— Откуда мне знать? В таких случаях остается лишь нанять самого лучшего специалиста, а затем поступить, как он посоветует. Если мы этого не сделаем, папа умрет. Поэтому мы и согласились.

— Да-да, конечно. Мы просто обязаны...

Сестра пристально посмотрела на него и добавила:

— Ладно. Хочешь поговорить с ними?

— Что? — Неожиданный вопрос сбил Рода с толку. — Зачем? Они меня ждут?

— Нет. Я убедила их ничего не рассказывать тебе. А затем пришла сюда и рассказала все сама. Теперь ты можешь поступить, как захочешь, — можешь сделать вид, что ничего не знаешь, а можешь признаться, после чего мама будет весь вечер плакать, а отец наставлять тебя последними «мужскими» советами, которым ты все равно не последуешь. В конце концов около полуночи вер-

нешься сюда с совершенно истерзанными нервами и начнешь собираться. Сам решай. Я сделала все, чтобы избавить тебя от этой сцены. Так всем будет легче. По мне, так лучше уходить по-кошачьи.

Род совсем растерялся. Не попрощаться, думал он, будет неестественно, неблагодарно, как-то не по-семейному, но и само прощание казалось невыносимо тягостным.

— Что значит «по-кошачьи»?

— Когда кошка приходит, она устраивает целое представление — тычется носом в ноги, трется вокруг тебя и урчит, как трактор. Но, уходя, она просто уходит и даже не оглядывается. Кошки — животные умные.

— И что...

— Помни еще, — добавила Элен, — что они делают это ради себя. Ты тут ни при чем.

— Но отец просто должен...

— Разумеется должен, если хочет выздороветь. — Она никак не могла решить, стоит ли упоминать, что стоимость временного прыжка оставит Рода практически без средств, но, в конце концов, пришла к выводу, что это лишнее. — Однако мама ничего такого не должна.

— Как же? Она должна быть с отцом.

— Да? Сам посчитай. Она предпочла оставить тебя одного на двадцать лет, чтобы провести с отцом две недели. Или можно еще так сказать: она предпочитает оставить тебя сиротой вместо того, чтобы овдоветь на двадцать лет.

— Я думаю, ты к ней несправедлива, — медленно произнес Род.

— Я же не критикую. Мама правильно решила. Однако оба они чувствуют себя здорово виноватыми перед тобой и...

— Передо мной?

— Да, перед тобой. Я уже давно сама по себе. Если ты захочешь все же попрощаться, это чувство вины может проявиться и как самооправдание, и как самовластие; они могут выместить свое чувство вины на тебе, и всем от этого будет только плохо. Мне бы не хотелось, чтобы так вышло. Ты теперь — вся моя семья.

— Может быть, ты права.

— Ну не за красивые же глаза мне поставили в свое время высший балл по логике эмоций и военному руко-

водству. Человек — существо не рациональное, а скорее, рационализирующее. Ладно, давай посмотрим, что ты собираешься брать с собой.

Элен пробежала глазами его список и взглянула на снаряжение.

— Боже, Род, сколько же ты набрал барахла! Прямо как Твидлдам, который собирался на войну, или Белый Рыцарь!

— Вообще-то, я собирался сократить список, — ответил Род смущенно.

— Надеюсь!

— Послушай, Элен, а какое мне лучше взять ружье или пистолет?

— Что? На кой черт тебе ружье?

— Ну как же? Я ведь неизвестно с чем там могу столкнуться. Дикие звери и все такое. Мастер Мэтсон подтвердил, что мы должны опасаться диких животных.

— Я сомневаюсь, что он посоветовал бы тебе брать с собой ружье. Судя по его репутации, Мэтсон — человек практичный. В этом путешествии, дитя ты малое, тебе отводится роль кролика, пытающегося убежать от лисы. Запомни, ты — не лиса.

— В смысле?

— Твоя единственная задача — остаться в живых. Не проявлять чудеса храбрости, не сражаться, не покорять планету, а только остаться в живых. В одном случае из ста ружье может спасти тебе жизнь. В остальных девяти оно лишь затянет тебя в какую-нибудь глупую историю. Мэтсон, без сомнения, взял бы ружье, да и я тоже. Но мы-то уже стреляные воробьи, мы знаем, когда не надо им пользоваться. И еще учти. В зоне проведения испытаний будет полно молодых сопляков, которым не терпится пострелять. Если тебя кто-нибудь подстрелит, уже не будет иметь никакого значения, есть у тебя ружье или нет — ты будешь мертв. Но если оно будет у тебя, ты почувствуешь себя таким суперменом и когда-нибудь просто забудешь про маскировку. Когда у тебя нет ружья, ты *знаешь*, что ты — кролик, и всегда осторожен.

— А ты сама брала ружье, когда сдавала «выживание»?

— Брала. И потеряла его в первый же день. Чем спасла себе жизнь.

— Как это?

— Я просто убежала от бессмеровского гриффина, а было бы у меня ружье, наверняка попыталась бы его пристрелить. Слышал про бессмеровских гриффинов?

— Э-э-э... Спика-V?

— Спика-IV. Я не знаю, как много экзозоологии вам сейчас преподают, но, глядя на наших рекрутов-недоучек, можно подумать, что в рамках этой новомодной системы «функционального образования» вообще запретили учиться и занимаются только развитием нежной трепетной личности. Ко мне однажды попала девица, которая хотела... Впрочем, ладно. Про гриффинов я тебе скажу самое главное: у них попросту нет ни одного жизненно важного органа. Нервная система у этих тварей децентрализована, и система ассимиляции тоже. Есть только один способ быстро убить гриффина — пропустить его через мясорубку, а стрельба для него — как щекотка. Но я тогда этого не знала, и, будь у меня ружье, наверняка узнала бы, только вряд ли кому уже рассказала. Он преследовал меня трое суток, что пошло на пользу моей фигуре и дало мне время поразмыслить о философии, этике и практических принципах самосохранения.

Род не стал спорить, но по-прежнему считал, что огнестрельное оружие — штука очень удобная и полезная. Когда на бедре висит пистолет, он всегда чувствовал себя выше, сильнее, увереннее — одним словом, хорошо себя чувствовал. И вовсе не обязательно его применять, кроме, может быть, самых крайних случаев. Род прекрасно знал, как важно уметь маскироваться и прятаться; никто в группе не умел подкрадываться так же незаметно, как он. Сестра, конечно, отличный солдат, но и она знает не все...

Однако Элен продолжала:

— Я знаю, какое это приятное чувство, когда на боку пистолет. Сразу чувствуешь, что глаза у тебя мечут молнии, роста в тебе три метра, хвост трубой и весь ты покрыт волосами, как пещерный человек. Ты готов ко всему, и тебе даже хочется приключений. Вот тут-то и кроется опасность, потому что все это тебе только кажется. Ты — слабый, голый эмбрион, которого на удивление легко убить. Ты можешь таскать с собой штурмовое ружье с прецизионным прицелом на два километра, но у тебя все равно нет глаз на затылке, как у птицы-яруса,

и в темноте ты все равно не видишь, как пигмеи Тетиса. Пока ты целишься во что-нибудь впереди, смерть запросто может подкрасться сзади.

— Да, однако вся твоя рота ходит с ружьями, сестренка.

— С ружьями, радарами, гранатами, приборами ночного видения, газами, помехопостановщиками и еще всякими штуками, которые мы без особой в том уверенности считаем секретными. Ну и что? Тебе же не крепость штурмовать. Иногда мне приходится посылать девчонок на разведку. Задача: попасть туда, заполучить информацию и вернуться живой. Как, ты думаешь, я их снаряжаю?

— Э-э-э...

— А вот как. Прежде всего, я никогда не выбираю ретивых молодых рекрутов. Я посылаю кого-нибудь из закаленных ветеранов, которых очень трудно убить. Она раздевается до исподнего, красит кожу в темный цвет — если кожа уже не темная — и отправляется на разведку с голыми руками, иногда босиком, безо всего вообще. Я не потеряла так ни одного разведчика. Когда ты беспомощен и незащищен, у тебя действительно отрастают глаза на затылке, а нервные окончания сами тянутся во все стороны и буквально ощупывают местность. Мне эту науку преподала, еще когда я сама была хвастливым зеленым рекрутом, сержант, очень опытная женщина, которая по возрасту годилась мне в матери.

На Рода это произвело впечатление, и он медленно произнес:

— Мастер Мэтсон сказал, что, будь его воля, он отправил бы нас на испытания с голыми руками.

— Доктор Мэтсон — разумный человек.

— Хорошо, а что бы взяла ты сама?

— Повтори мне условия.

Род перечислил пункты объявления об экзамене. Элен сдвинула брови.

— Не так уж много данных... От двух до десяти дней означает, скорее всего, пять. Климат вряд ли будет слишком суровый. Надеюсь, у тебя есть термокостюм.

— Нет, но у меня есть военный комбинезон. Я подумал, что возьму его с собой, а затем, если зона испытаний окажется не очень холодной, оставлю у ворот. Жал-

ко будет его потерять: он всего полкило весит, да и стоит недешево.

— На этот счет не беспокойся. В чистилище хорошая одежда все равно ни к чему. О'кей, кроме комбинезона, я бы взяла еще четыре килограмма продовольствия. Пять литров воды, два килограмма всякой всячины вроде таблеток, спичек и прочих мелочей — все в жилете с карманами — и нож.

— Это не так много на пять дней, тем более на десять.

У Рода было несколько ножей, но один он считал действительно «своим» — изящный, на все случаи жизни, с лезвием из молибденовой стали в 21 сантиметр длиной и отличным балансом. Он передал нож сестре, и она качнула его на ладони.

— Неплохо, — сказала Элен и огляделась.

— Вон там, у вытяжки, — подсказал Род.

— Вижу. Она метнула нож, и лезвие, воткнувшись в мишень, вздрогнуло и зазвенело. Элен протянула руку вниз и достала из сапога еще один.

— Этот тоже не плох. — Второй нож воткнулся в мишень на расстоянии ширины лезвия от первого.

Элен выдернула их и, взяв в каждую руку по ножу, остановилась посреди комнаты, оценивая балансировку каждого, затем перевернула свой рукоятью вперед и протянула Роду.

— Это мой любимый нож, «Леди Макбет». Я брала его с собой, когда сдавала «выживание». Возьми, он тебе пригодится.

— Ты хочешь поменяться ножами? Ладно. — Роду было немного жаль расставаться с «Полковником Боуи», и он опасался, что другой нож может его подвести, но от такого предложения не отказываются. Во всяком случае, когда предлагает родная сестра.

— Бог с тобой! Разве я могу лишить тебя твоего собственного ножа, да еще перед самым «выживанием»? Возьми оба, малыш. Ты не умрешь с голода или от жажды, но запасной нож, может статься, окажется для тебя дороже, чем его вес в тории.

— Спасибо, сестренка. Но я тоже не могу взять твой нож: ты говорила, что вас ждут скоро активные действия. Возьму запасной из своих.

— Мне он не понадобится. Девчонки годами уже не дают мне случая воспользоваться ножом. Так что пусть

«Леди Макбет» будет на экзамене с тобой. — Она вытащила из сапога ножны, вложила туда нож и вручила его Роду. — Носи на здоровье, брат.

Г л а в а 3

ЧЕРЕЗ ТУННЕЛЬ

На следующее утро Род прибыл к воротам «Темплтон», чувствуя себя далеко не в лучшей форме. Он собирался хорошенько выспаться перед испытанием, но приезд сестры и ошеломляющие семейные перемены эти планы нарушили. Как большинство детей, Род воспринимал семью и дом как нечто незыблемое. Он не особенно много думал об этом и на сознательном уровне не особенно ценил то, что у него есть — не больше, скажем, чем рыба думает о воде. Семья, дом — они просто всегда были.

А теперь вдруг исчезли.

Они с Элен проговорили допоздна, и у сестры в конце концов появились серьезные сомнения насчет того, стоило ли сообщать Роду о переменах накануне экзамена. Незадолго до того, она все взвесила и решила, что так «правильно», а чуть позже действительность в который раз продемонстрировала ей горькую древнюю истину: «правильное» и «неправильное» иногда познается лишь задним умом. Просто нечестно, подумалось ей, забивать Роду голову сомнениями и переживаниями перед самым экзаменом. Но и отпустить его, ничего не сказав, чтобы он вернулся потом в опустевший дом, тоже казалось нечестным.

А решать надлежало ей. Еще в первой половине того дня она стала его опекуном. Необходимые бумаги были уже подписаны и скреплены печатями; суд это решение утвердил. И теперь Элен вдруг обнаружила, что жизнь «родителя» состоит отнюдь не из одних лишь удовольствий. Гораздо больше это напоминало душевные переживания, выпавшие на ее долю, когда ей впервые пришлось участвовать в заседании трибунала.

Поняв, что ее ребенок никак не успокаивается, она настояла, чтобы он лег в постель, и долго гладила по спине, повторяя гипнотические инструкции: «Спать, спать,

спать...» Затем, когда ей показалось, что Род уснул, Элен тихо вышла из комнаты.

Однако Род не уснул; ему просто захотелось побыть одному. И наверно, еще целый час мысли его метались от бесполезных предположений о болезни отца к таким же бесполезным попыткам представить, что ждет его утром... Как, интересно, встретятся они через двадцать лет? Ведь ему будет почти столько же, сколько маме...

Он наконец осознал, что ему надо спать, и принялся внушать себе, что пора успокоиться, изгнать тревожные мысли и уйти в гипнотический транс. Времени на это ушло гораздо больше, чем обычно, но в конце концов Род провалился в большое золотистое облако сна.

Проснулся он лишь от второго сигнала будильника, но даже после холодного колючего душа глаза слипались и очень хотелось спать. Род посмотрел на себя в зеркало и решил, что там, куда он отправляется, можно ходить небритым, да и времени оставалось мало. Потом все-таки решил побриться, болезненно переживая из-за редкой мальчишеской поросли на щеках.

Мама еще не встала, но она никогда и не просыпалась так рано. Отец последнее время почти не завтракал, и Рода вдруг кольнуло воспоминание, отчего это. Но он ожидал, что сестренка все-таки выйдет попрощаться. В довольно мрачном настроении он прошел в столовую, снял крышку со своего подноса и обнаружил, что мама забыла заказать завтрак, а такое на его памяти случилось, может быть, всего раз или два. Род сделал заказ сам и сел ждать — еще десять минут потерянного времени.

Элен — на удивление, в халате — появилась, когда он уже собирался уходить.

— Доброе утро.

— Привет, сестренка. Тебе, видимо, придется заказывать утреннюю кормежку самой. Мама забыла, а я не знал, что ты захочешь.

— Я уже давно позавтракала. Ждала, когда ты соберешься. Хотела проводить.

— Ладно. Пока. Я уже опаздываю. Надо бежать.

— Я тебя не задержу. — Она подошла и обняла Рода. — Не дрейфь, парень. Это самое главное. От волнения умирают больше, чем от ран. И если придется бить, бей ниже пояса.

— Хорошо. Я запомню.

— Запомни.

— Я продлю свой отпуск, чтобы встретить тебя, когда ты вернешься. — Она поцеловала его и добавила: — А теперь беги.

Доктор Мэтсон сидел за столом рядом с помещением, где выдавали снаряжение, и отмечал в своем списке прибывших. Когда появился Род, он оторвал взгляд от бумаг и сказал:

— Привет, Уокер. Я думал, ты все-таки решил поступить разумно.

— Извините, сэр, что я опоздал. Дома много всякого произошло.

— Не беспокойся. Я однажды знал человека, которого не расстреляли на рассвете, потому что он проспал.

— В самом деле? Кто это?

— Один молодой парень, которого я знал. Я сам.

— Не может быть, сэр. Вы хотите сказать, что вас...

— Увы, я все это придумал. Хорошие истории редко бывают правдивы. Давай беги в амбулаторию и проходи обследование, пока они там совсем не разозлились.

Рода простукивали, просвечивали, затем снимали какие-то волнистые графики мозговой активности и подвергали всяким другим издевательствам, какие обычно придумывают врачи. Старший из них прослушал его сердце и потрогал влажную ладонь.

— Боишься, сынок?

— Конечно, боюсь, — буркнул Род.

— Ну и хорошо. Если бы ты не боялся, я бы не допустил тебя до экзамена. Что за повязка у тебя на ноге?

— Э-э-э... — Бинтовая повязка скрывала подаренный Элен нож, «Леди Макбет», в чем Род и признался с глуповатым видом.

— Сними.

— Сэр?

— Мне приходилось иметь дело с кандидатами, которые выкидывали подобные фокусы, чтобы что-то скрыть. Так что давай посмотрим.

Род принялся разматывать повязку. Врач молчал, пока не убедился, что Род действительно прячет там нож, а не заживающую рану.

— Можешь одеваться и идти к своему инструктору.

Род надел жилет с карманами, туго набитыми пайками и всякой всячиной, затем пристегнул к ремню

флягу — гибкий пояс из пластиковых контейнеров, каждый на поллитра жидкости. Вес распределялся на два плечевых ремня, и по одному из них, слева, шла трубка, через которую можно было пить, не снимая пояса. Он планировал растянуть этот скудный запас воды на все время испытания, чтобы избежать риска, связанного с грязными водоемами, и еще большей опасности, которая может подстергать у водопоя. Если, конечно, там, куда их отправят, вообще можно будет найти воду.

Вокруг пояса Род обмотал двадцать метров тонкой, легкой, но очень прочной веревки. Трусы, рубаша с длинными рукавами поверх жилета, штаны и сапоги-мокасины — вот и вся экипировка. «Полковник Боуи» висел на поясе. В полном снаряжении Род выглядел несколько полнее, чем на самом деле, но снаружи было видно только нож. Комбинезон он нес на левой руке: очень удобная и полезная штука — капюшон, пристроченные ботинки и перчатки, которые, однако, можно было отстегнуть, если надо делать что-то голыми руками, — но слишком уж теплая, чтобы надевать до тех пор, пока он действительно не понадобится. Род прекрасно понимал, что даже эскимосы боятся потеть.

Доктор Мэтсон ждал у входа на склад.

— Опоздавший мистер Уокер, — прокомментировал он, затем взглянул внимательно на раздутый торс Рода. — Бронежилет, сынок?

— Нет, сэр. Жилет с припасами.

— И сколько ты на себя нагрузил?

— Одиннадцать килограммов. В основном, вода и сухие пайки.

— Хм-м, неплохо. Но снаряжение покажется тебе тяжелее гораздо раньше, чем оно станет легче. Никаких скаутских наборов для первопроходцев? Никаких надувных вигвамов?

— Нет, сэр. — Щеки у Рода налились краской.

— Можешь оставить теплый комбинезон. Я отправлю его тебе домой почтой.

— Спасибо, сэр. — Род передал ему комбинезон и добавил: — Я не был уверен, что он понадобится, но на всякий случай прихватил его с собой.

— Он тебе уже понадобился.

— Сэр...

— Сегодня утром я выгнал пятерых, что явились без теплого снаряжения, и еще четверых, что явились со

скафандрами. И тех, и других за глупость. Им следовало понимать, что школьный совет просто не выбросит их в вакуум, в холодную атмосферу или еще куда-нибудь в таком же духе без предупреждения об условиях экзамена. Нам нужны выпускники, а не жертвы. А вот холодный климат — это как раз в пределах условий.

Род снова взглянул на свой комбинезон.

— Вы уверены, что он мне не понадобится, сэр?

— Абсолютно. Но если бы ты его не взял, я бы тебя не допустил. А теперь иди получи огнестрельное. Оружейнику не терпится закрыть лавочку. Что ты решил взять?

Род с трудом сглотнул.

— Я решил не брать с собой огнестрельного, Мастер... виноват, доктор.

— Ты можешь смело называть меня по прозвищу, но только после экзамена. Однако твоё решение меня заинтересовало. Как ты до этого додумался?

— М-м-м... видите ли, сэр... Короче, так посоветовала мне сестра.

— В самом деле? Мне непременно нужно встретиться с твоей сестрой. Как ее зовут?

— Штурмовой капитан Элен Уокер, — гордо ответил Род, — Корпус Амазонок.

Мэтсон записал.

— Ладно, иди. Сейчас будут разыгрывать очередь.

Род замялся.

— Простите, сэр, — у него вдруг возникло какое-то недоброе предчувствие; — но, если бы я брал с собой огнестрельное оружие, что бы вы мне посоветовали?

Мэтсон тут же скорчил недовольную мину.

— Я целый год скармливал вам с ложечки, что узнал на собственной шкуре. А теперь подходит экзамен и ты спрашиваешь у меня ответ, который должен знать сам. Я так же не вправе отвечать на твой вопрос, как не вправе был давать вчера советы насчет теплой одежды.

— Извините, сэр.

— Ты можешь, конечно, спросить. Только я на такой вопрос не отвечу. Давай-ка переменим тему. Эта твоя сестра, должно быть, очень славная девушка...

— Да, сэр, так оно и есть.

— М-да. Если бы я встретил такую девушку раньше, возможно, я не был бы сейчас старым чокнутым холо-

стяком... Ладно, иди тани свой номер. Первый отбывает через шесть минут.

— Да, доктор.

По дороге к воротам Род миновал палатку, что поставил у дверей школьный оружейник, в этот момент он как раз протирал бесшумный «Саммерфилд». Род поймал его взгляд.

— Привет, Пушкарь!

— Привет, парень. По-моему, ты опаздываешь. Что будешь брат?

Род пробежал глазами по рядам сияющих смертоносных игрушек. Может быть, какой-нибудь маленький игломет с ядовитой бомбой... Ведь вовсе не обязательно его использовать...

Тут он вдруг понял, что доктор Мэтсон все-таки ответил на его вопрос или, во всяком случае, намекнул.

— Нет, спасибо, Пушкарь. У меня уже есть все, что нужно.

— О'кей. Удачи тебе, и возвращайся скорей.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Род и вошел в зал, где размещались ворота.

Факультативный курс слушали более пятидесяти человек; дожидаясь начала экзамена, по залу расхаживали человек двадцать. Не успел Род оглянуться, как его позвал дежурный.

— Идите сюда! Тяните номер!

Номера тянули из большой чаши с капсулами. Род сунул туда руку, достал капсулу и раскрыл.

— Номер семь.

— Счастливый номер. Поздравляю! Ваше имя и фамилия?

Род назвал и повернулся к залу, ища, куда бы присесть, поскольку ждать ему оставалось еще минут двадцать. Потом принялся с интересом разглядывать однокашников: кто что посчитал необходимым взять с собой для выживания «в любых условиях».

Иоганн Браун сидел меж двух пустых сидений, а причина, почему никто не пожелал занять эти места, устроилась на полу у его ног — здоровый, крепкий боксер с недобрый взглядом. Через плечо у Брауна висела «Молния» модели «Дженерал Электрик», тяжелый разрядник с телескопическим прицелом и фокусировкой огневого конуса. Энергоблок Браун надел на спину вместо

рюкзак. На пояс он прицепил бинокль, нож, аптечку и три патронные сумки.

Род остановился, с восхищением разглядывая ружье и одновременно прикидывая, сколько же эта замечательная игрушка может стоить. Собака подняла голову и зарычала.

Браун успокаивающе положил руку ей на затылок.

— Держись подальше, — предупредил он. — Тор признает только меня одного.

Род сделал шаг назад.

— А ты неплохо вооружился, Иоганн.

Тот самодовольно улыбнулся.

— Мы с Тором собираемся жить охотой.

— С такой пушкой он тебе просто не нужен.

— Еще как нужен. Он у меня вместо сигнализации. Рядом с ним я могу спать спокойно. Рассказать, что он умеет, так ты не согласишься! Тор ничуть не глупее большинства людей.

— Ничего удивительного.

— Мастер было развыступался, что мы вдвоем, мол, уже группа и должны проходить ворота по отдельности. Но я ему объяснил, что, если нас попытаются разделить, он тут всех разорвет в клочья. — Браун погладил собаку по ушам. — Так что один Тор стоит целого взвода пехоты.

— Слушай, а дашь попробовать стрельнуть из этой штуковины? Я имею в виду, когда мы вернемся?

— Ради бога. Отличная игрушка. Воробья в воздухе берет так же легко, как лося за километр... Знаешь, что-то Тор нервничает. Позже поговорим.

Род понял намек, прошел дальше и сел, оглядываясь по сторонам и все еще надеясь найти напарника. Около закрытых ворот стоял священник, на коленях перед ним получал благословение кто-то из экзаменуемых. Еще четверо ждали поодаль.

Затем парень, что был перед священником, поднялся на ноги, и Род торопливо вскочил.

— Эй! Джимми!

Джимми Трокстон обернулся, искал его глазами и, улыбнувшись, бросился к нему.

— Привет, Род! Я уж думал, что ты увильнул и оставил меня одного. Ты еще ни с кем не договорился?

— Нет.

— Предложение еще в силе?

— А? Конечно.

— Блеск! Я, когда пойду через ворота, могу объявить, что мы в паре, если только у тебя не второй номер. У тебя не второй?

— Нет.

— Отлично. Потому что у меня...

— НОМЕР ОДИН! — выкрикнул дежурный у ворот. — Трокстон, Джеймс.

Джимми Трокстон даже вздрогнул от неожиданности.

— Вот видишь!

Он поддернул пояс с пистолетом, повернулся к раскрытым воротам и, бросив через плечо: «Увидимся на той стороне!», шагнул вперед.

Род успел крикнуть: «Джимми, как мы найдем...», но было уже поздно. Ладно, подумал он, если Джимми хоть что-нибудь соображает, у него хватит ума проследить, куда перемещаются ворота.

— Номер два! Мшийени, Каролина.

В противоположном конце зала поднялась высокая зулусская девушка, о которой Род думал раньше как о возможном напарнике, и направилась к воротам. Одета она была в рубашку и шорты — ни обуви, ни перчаток. Оружия тоже не было видно, но в руках Каролина держала небольшую сумку.

— Эй, Кэрол! — крикнул кто-то. — Что у тебя в сумочке?

— Камни, — ответила она с улыбкой.

— Да брось ты! Наверное, сандвичи с ветчиной. Сбереги один для меня!

— Я сберегу для тебя камень, милый.

Совсем незаметно пролетели минуты, и дежурный выкрикнул:

— Номер семь! Уокер, Родерик.

Род торопливо подошел к воротам. Дежурный сунул ему какую-то бумагу, потом пожал руку.

— Удачи, парень! Не зевай! — С этими словами он хлопнул Рода по спине и подтолкнул ко входу.

Оказавшись по ту сторону ворот, Род, к своему удивлению, обнаружил, что по-прежнему находится в помещении. Но еще более неожиданными оказались тошнота и головокружение: сила тяжести была явно меньше земной.

С трудом удерживая завтрак внутри, он лихорадочно соображал, что происходит. Где он? На Луне? На одном из спутников Юпитера? Или где-то еще?

Скорее всего, конечно, на Луне. Большинство дальних прыжков совершалось через Луну, чтобы избежать ошибок в настройке и не отправить путешественника ненароком куда-нибудь на светило, особенно, если в систему входит две звезды. Но не оставят же его здесь! Мэтсон обещал, что безвоздушных планет не будет.

На полу лежала пустая сумка, и Род догадался, что это, должно быть, сумка Каролины. Наконец он вспомнил про бумагу, что вручили ему при входе, и взглянул на листок.

ЭКЗАМЕН НА ВЫЖИВАНИЕ В ОДИНОЧКУ

Инструкция по возвращению

1. Вы должны пройти через дверь впереди в течение отпущенных вам трех минут — прежде чем появится следующий экзаменуемый. Задержка свыше трех минут означает полную дисквалификацию.

2. Возврат будет объявлен традиционными звуковыми и световыми сигналами. Предупреждение: местность остается опасной и после подачи сигнала.

3. Выходные ворота не будут совпадать со входными. Выход может находиться в пределах двадцати километров в направлении восхода.

4. За воротами нет подготовленной зоны. Испытания начинаются сразу же! Остерегайтесь столбов. Удачи!

Б.П.М.

Все еще борясь с поднимающейся тошнотой, Род продолжал разглядывать инструкцию, но тут в противоположном конце длинной узкой комнаты, где он находился, открылась дверь и оттуда донесся мужской голос:

— Быстрее! А то потеряешь право на участие.

Род торопливо бросился вперед, споткнулся, затем, пытаясь сохранить равновесие, перестарался и снова упал. Ему уже доводилось бывать в условиях пониженной гравитации во время экскурсий, и один раз родители брали его с собой в отпуск на Луну, но он все равно не привык к малой силе тяжести и с трудом доскользил до двери.

За ней оказалось еще одно помещение с воротами. Дежурный взглянул на таймер на стене и сказал:

— Двадцать секунд. Инструкцию надо вернуть.

Род вцепился в лист бумаги. «Двадцать секунд, но мои». ...*в пределах двадцати километров в направлении восхода*... Условно — на востоке. Пусть будет «восток». Но что это за чертовщина такая — стобор?

— Время! Время! — Дежурный выхватил у него инструкцию, створки откатились в стороны, и Рода толкнули через раскрытые ворота.

Упал он на четвереньки: сила тяжести за воротами оказалась почти земная, и неожиданная перемена застала Рода врасплох. Однако он остался лежать — молча, неподвижно — потом быстро огляделся. Вокруг раскинулась широкая равнина с высокой травой, кое-где торчали над морем травы деревья и кусты, а дальше начинался густой лес.

Род выгнул шею и посмотрел назад. Планета земного типа; почти нормальная сила тяжести; возможно, звезда класса G в качестве центрального светила; обильная растительность, но пока никаких признаков фауны — впрочем, это ничего не значит, в пределах слышимости могут бродить сотни зверей. Даже этот чертов стобор.

Ворота остались позади — темно-зеленые створки, что на самом деле далеко-далеко. Они висели над высокой травой, ни на чем не держась, и явно не вписывались в примитивный пейзаж. Зная об их одностороннем контакте с этим миром, Род подумал было отползти за ворота, чтобы, оставаясь невидимым, видеть через занятое ими пространство, кто появится следующим. Эта идея напомнила ему, что сейчас его самого прекрасно видно с той стороны, и он решил двигаться.

Где, интересно, Джимми? Ему следовало остаться неподалеку и подождать, когда появится Род. Или же спрятаться где-нибудь поблизости. Единственный верный способ найти друг друга в такой ситуации, это первому подождать второго. Род просто не знал, где искать Джимми.

Он снова огляделся, на этот раз внимательнее, и попытался представить себе, куда мог спрятаться Джимми. Ничего. Никакого намека... Но когда его взгляд вернулся к исходной точке, ворот на месте уже не оказалось.

Род почувствовал, как пробежал у него по позвоночнику, по кончикам пальцев холодок страха. Он заставил себя успокоиться, решив, что так, возможно, даже лучше. Исчезновение ворот на самом деле вполне объяснимо: должно быть, их фокусируют заново после каждого испытуемого, чтобы разбросать «выживателей» на расстояние в несколько километров друг от друга.

Хотя нет, как же тогда «в пределах двадцати километров к восходу»? Это ведь совсем маленькая зона.

Или... Может быть, все получили разные инструкции? В конце концов он признал, что ничего не знает наверняка, и от этого стало даже как-то спокойнее. Род не знал, где он сам, где Джимми или кто-нибудь еще из его группы. Не знал, что его здесь ждет. В одном лишь он не сомневался: человек может здесь выжить, если будет достаточно сообразителен. И удачлив.

Сейчас перед ним стояла только одна задача: выжить в течение — пусть будет по максимуму — десяти земных дней. Он выбросил мысль о Джимми Трокстоне из головы, выбросил вообще все лишние мысли, оставив только необходимость постоянно быть настороже. Заметив по склоненным венчикам травы направление ветра, он — где ползком, где на четвереньках — двинулся в ту же сторону.

Решение далось нелегко. Первой мыслью было пойти против ветра, потому что это казалось естественным направлением для хищника. Но очень кстати пришелся совет сестры: без ружья или пистолета он чувствовал себя обнаженным и беспомощным, и это напомнило ему, что он сейчас не охотник. Его запах все равно разнесется ветром, и, двигаясь в ту же сторону, он по крайней мере мог рассчитывать заранее увидеть подкрадывающегося хищника, тогда как незащищенный тыл будет в относительной безопасности.

Что это такое там дальше, в траве?

Род замер, напряженно вглядываясь вперед. Едва заметное движение все же привлекло его внимание, насторожило, и он продолжал ждать. Вот опять что-то движется впереди, справа налево. Словно темный стебель с пучком растительности на конце — возможно, задраный хвост.

Он так и не узнал, что за зверь бродил в траве с таким хвостом — если это и в самом деле был хвост. Существо остановилось точно напротив него по ветру, а затем рва-

нулось в сторону и скрылось из вида. Род выждал несколько минут и пополз дальше.

Жара стояла невыносимая, рубашка и штаны вскоре пропотели насквозь. Очень хотелось пить, но Род держался, напоминая себе, что пяти литров не хватит надолго, если он начнет расходовать воду в первый же час. Небо затянуло пеленой перистых облаков, но светило — или «солнце», как он решил его называть — палило нещадно даже через облачный покров. Солнце висело позади, низко над горизонтом, и Род невольно представил себе, какое будет пекло, когда оно окажется в зените. Утешало лишь то, что до леса было не так уж далеко, а лес сулил прохладу. Или во всяком случае шанс избежать солнечного удара.

Прямо по ходу травяное поле плавно спускалось в небольшую низину, и над этой низиной без конца кружили похожие на ястребов птицы. Не двигаясь с места, Род продолжал наблюдать. «Да, братцы, — пробормотал он вполголоса, — если вы ведете себя так же, как наши земные стервятники, значит, там впереди кто-то мертвый, и вы, прежде чем начать свое пиршество, хотите убедиться, что он действительно мертв. Если так, я, пожалуй, поползу стороной и подальше. Не ровен час, нагрянет еще кто-нибудь, а мне что-то ни с кем не хочется встречаться...»

Он двинулся вправо, немного наперерез легкому ветерку, и в конце концов оказался рядом с каменистой осыпью на гребне невысокого холма. Решив посмотреть, что происходило внизу, Род перебрался, прячась за камнями, ближе к краю осыпи и затаился под торчащим обломком.

Издалека казалось, что на земле лежит взрослый человек, а рядом с ним ребенок. Покопавшись в своих многочисленных карманах, Род извлек маленькую подзорную трубу с восьмикратным увеличением и пригляделся получше. «Взрослый» оказался Иоганном Брауном, а «ребенок» — его собакой.

Оба, без сомнения, были мертвы. Браун лежал как тряпичная кукла, которую небрежно швырнули на пол: голова неестественно повернута почти на сто восемьдесят градусов, одна нога загнута назад. Горло и пол-лица — сплошное темно-красное пятно.

Пока Род наблюдал, откуда-то появилось похожее на собаку существо, обнюхало боксера и вцепилось в труп

зубами, а следом за ним, присоединяясь к пиршеству, спустился на землю и первый стервятник. Чувствуя подкатившую тошноту, род опустил трубу. Да, бедняга Иоганн протянул недолго — может быть, на него напал тот самый стобор, — и даже его умный пес не смог ему помочь. Жаль. Но это доказывало, что в округе водятся крупные хищники, и лишний раз напоминало Роду, как осторожно надо себя вести, если он не хочет, чтобы шакалы и стервятники дрались из-за его останков.

Затем он вспомнил еще кое-что и вновь прильнул к окуляру. Великолепной «Молнии» Иоганна нигде не было видно, как и энергоблока к ружью. Род тихо присвистнул и задумался. Хищник, которому могло пригодиться ружье, без сомнения, передвигается на двух ногах. Род тут же вспомнил, что «Молния» бьет наповал почти на любом расстоянии в пределах прямой видимости, и теперь эта опасная игрушка оказалась в руках человека, который решил воспользоваться отсутствием закона в зоне проверки на выживание.

В данной ситуации единственное, что ему оставалось, это не маячить в пределах прямой видимости. Род сполз по рассыпанным камням и спрятался в кустах.

До леса оставалось меньше двух километров, и Род двинулся дальше. Оказавшись совсем рядом, он вдруг осознал, что солнце вот-вот сядет. Беспокойство гнало его вперед, заставляя торопиться и пренебрегать осторожностью. Ведь он собирался провести ночь на дереве, а забираться лучше всего засветло. Ночевать на земле, в незнакомом лесу, казалось еще опаснее, чем прятаться в траве.

Разумеется, он не потратил весь день только на то, чтобы добраться до леса. Хотя они прошли ворота «Темплтон» еще утром, но суточное время не имело никакого отношения к времени здешнему. Сюда его выбросили ближе к концу дня, и, когда Род достиг первых высоких деревьев, уже почти смеркалось.

Вернее, было уже темно, и он решил рискнуть, потому что ничего другого не оставалось. Остановившись на границе леса, все еще в высокой траве, Род извлек из кармана складные «кошки». Сестра убедила его оставить множество всяких приборчиков и приспособлений, но против «кошек» она не возражала. Это нехитрое приспособление для лазания по столбам придумали уже давно, но Род выбрал улучшенную, уменьшенную и облег-

ченную конструкцию — вместе с креплениями пара «кошек» из титанового сплава весила не больше ста граммов. Кроме того, они очень компактно складывались.

Род разложил их и, защелкнув крепления вокруг лодыжек и под стопами, затянул ремни потуже. Затем еще раз оглядел выбранное дерево — высокое, с развесистой кроной и стоящее достаточно далеко в глубине леса, чтобы в случае чего можно было воспользоваться «черным ходом», то есть перелезть на соседнее. Высокий, но не очень толстый ствол — он вполне мог обхватить его руками.

Прикинув маршрут, Род выпрямился и затрусил к ближайшему дереву, обогнул его, потом налево к следующему, тоже мимо и наконец чуть правее, к тому, что выбрал. Но когда до дерева оставалось метров пятнадцать, что-то рванулось из темноты прямо на него.

Оставшееся расстояние он преодолел почти мгновенно — возможно, даже быстрее, чем сработала бы гиперпространственная машина Рамсботхэма — и добрался до первого сука в десяти метрах от земли, буквально взлетев. Дальше Род карабкался более привычным способом — всаживая когти в гладкую кору дерева или опираясь ногами на сучья, когда они стали попадаться достаточно часто.

Метрах в тридцати от земли он, наконец, остановился и взглянул вниз. Сучья мешали, и под деревьями было гораздо темнее, чем на открытой местности, однако Род все же углядел расхаживающего там обитателя леса, что почтил его своим вниманием.

Он попытался найти точку, с которой будет лучше видно, но света с каждой минутой становилось все меньше. Хищник здорово напоминал... Одним словом, если бы Род не был уверен, что его забросили на неосвоенную планету бог знает как далеко от дома, он бы сказал, что это лев.

Только в несколько раз больше, чем обычно бывают львы.

Оставалось надеяться, что зверюга не лазает по деревьям. Впрочем, напомнил себе Род, будь это ей под силу, он бы уже минут пять назад начал перевариваться. Понимая, что нужно устроить место для ночлега до полной темноты, он полез выше, выискивая удобные сучья.

В конце концов, когда уже казалось, что придется спускаться ниже, Род нашел то, что искал, — два креп-

ких сука как раз на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было повесить гамак, — и принялся за дело наперегонки с наступающей темнотой: достал из кармана жилета гамак-паутинку из прочных, как паучий шелк, волокон и почти такой же легкий и тонкий, затем размотал веревку на поясе, привязал гамак к сучьям и попробовал туда влезть.

Не тут-то было. Для хорошего акробата с цепкими пальцами это не составило бы труда. Эквилибрист, привыкший ходить по канату, просто прошел бы по суку и сел в гамак. Но Род едва не свалился с дерева: нужно было за что-то держаться.

Гамак — штука практичная, и Роду уже приходилось спать в гамаке. Сестра тоже одобрила его выбор, заметив, что у него он даже лучше, чем те, которые выдавали им.

— Главное, не садись, когда проснешься, — добавила она.

— Не буду, — заверил ее Род. — Кроме того, я всегда пристегиваю нагрудный ремень.

Но никогда раньше ему не приходилось забираться в гамак в таких условиях: встать под гамаком не на что, а верхние сучья слишком высоко. После нескольких неуключих попыток, от которых сердце то и дело уходило в пятки, он уже начал думать, что придется провести всю ночь на суку, как птица, или оседлать его, прислонившись спиной к стволу. Спускаться вниз, когда там бродит эта тварь, было просто невыносимо.

Высоко над гамаком торчал еще один сук. Может быть, если перекинуть через него веревку, а затем, держась за нее...

Попробовал. Но уже совсем стемнело, и веревку он не потерял только потому, что другой ее конец крепил гамак к сучьям. Род наконец сдался и решил попытаться в последний раз. Держась изо всех сил руками по обе стороны от веревки у изголовья, он медленно, осторожно опустил в гамак ноги и стал сползать сам. Вот он уже наполовину в гамаке... Дальше требовалось лишь следить, чтобы центр тяжести тела оставался низко, и не делать никаких резких движений, пока он сползает в свой паутинчатый кокон.

Почувствовав, что он устроился надежно, Род глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться. В первый раз за весь день ему было и удобно, и спокойно.

После минуты восхитительного отдыха Род отыскал губами ниппель трубки от канистры с водой и, сделав два осторожных глотка, занялся приготовлением ужина. Для этого нужно было лишь извлечь из кармана четвертькилограммовый брусок походного концентрата: тысяча сто калорий в белках, жирах, углеводах и глюкозе плюс необходимые добавки. Этикетка на обертке, уже не различимая в темноте, сообщала, что концентрат «хорош на вкус, возбуждает аппетит и имеет приятную консистенцию», хотя на самом деле, положить перед настоящим гурманом этот концентрат и старую подметку, так еще неизвестно, что тот выберет.

Но, как говорится, голод — лучшая приправа. Род не уронил ни крошки и, когда доел, даже облизал обертку. Очень хотелось вскрыть еще один пакет, но он подавил в себе это предательское желание и лишь отпил еще один глоток воды, а затем натянул над головой москитную сетку и пристегнул ее к ремню на груди. Его иммунная система могла справиться с большинством земных болезней, что переносят насекомые, а инфекционные заболевания Внеземелья почти никогда не причиняли человеку вреда, но все равно не хотелось, чтобы местные ночные кровососы рассаживались на лице и устраивали себе кормежку.

Даже в легкой одежде было слишком жарко, и Род уже начал подумывать, а не раздеться ли ему до трусов: планета — или во всяком случае эта ее часть — здорово напоминала тропики. Но снимать рубашку, жилет с припасами и брюки, лежа в гамаке, казалось почти невыполнимой задачей, и он решил, что лучше проведет первую ночь как есть, пусть даже придется попотеть и потратить лишний литр воды.

Интересно, что это за планета, подумал Род, попытаюсь разглядеть небо сквозь пышную крону в надежде отыскать знакомые звезды. Но или крона была слишком густой, или небо затянуло облаками — он ничего не увидел. Выбросив из головы все лишние мысли, Род попытался уснуть.

Спустя десять минут сон по-прежнему не шел, и он лежал, вслушиваясь в ночь еще более настороженно. Занимаясь своим гамаком, а затем ужином, Род почти не обращал внимания на далекие звуки; теперь же все ночные голоса словно приблизились. Насекомые жужжали, гудели и пели, шелестела листва, а внизу кашлял

какой-то зверь. В ответ на этот кашель слышался безумный хохот — он становился все громче, потом вдруг снова стих, перейдя в сдавленный астматический хрип.

Роду очень хотелось верить, что это всего лишь какая-нибудь птица.

Затаив дыхание, он невольно продолжал вслушиваться в близкие и далекие звуки, затем, спохватившись, приказал себе успокоиться. По крайней мере девять десятых потенциальных врагов ничем не могли ему угрожать. Даже змея, если такие тут водятся, вряд ли заползет в гамак, и уж совсем маловероятно, что она нападет, если он будет лежать неподвижно. Змеи с крошечными мозгами редко интересуются чем-то большим, чем они способны проглотить. И едва ли в этой кроне прячется какое-нибудь существо, достаточно крупное, чтобы представлять опасность, или достаточно заинтересованное в нем как в жертве. «Так что, приятель, — сказал Род себе, — не обращай внимания на все эти странные звуки и спи. В конце концов, шум от транспорта в городах бывает и хуже».

Вспомнилась лекция Мастера о вреде лишних тревог, об опасностях, подстерегающих человека, когда тот слишком быстро приходит в возбуждение и слишком долго ждет в напряжении. Как сказала сестра, от волнения умирают больше, чем от ран. Род снова попытался заснуть.

И это ему почти удалось. Из сладкой полудремы его вырвал новый донесшийся издалека звук, и он невольно приподнялся, чтобы слышать лучше. Казалось, это человеческий голос — нет, и в самом деле человеческий... Истошный плач взрослого человека, глубокое, надрывное рыдание.

Род просто не знал, что делать. С одной стороны, это его не касается, здесь каждый сам за себя, но слышать эту жуткую агонию и ничего не предпринимать... Может, надо слезть и отыскать в темноте этого беднягу? Спотыкаясь о корни, напомнил он себе, проваливаясь в ямы и, возможно, двигаясь прямо в пасть какой-нибудь большой и голодной твари...

Что же делать? Имеет ли он право не помочь?

Вопрос решился сам собой. На плач вдруг ответили плачем — теперь гораздо ближе и громче. Этот голос уже не походил на человеческий, хотя чем-то напоминал

первый, и от неожиданности Род чуть не вывалился из гамака. Спас ремень.

Затем ко второму голосу присоединился третий, снова далекий, и спустя несколько секунд ночную тишину заполнили всхлипы и дикий вой — казалось, ужас, агония, непереносимое горе охватили всю равнину. Теперь уже Род понял, что это не люди, но ничего подобного он за всю жизнь никогда не слышал. И не припоминал, чтобы кто-то о таком рассказывал. Наверно, это и есть те самые стоборы, о которых предупреждали, неожиданно решил он.

Но что они из себя представляют? Как избегать встречи с ними? Ближайший голос, казалось, доносился даже откуда-то сверху, может быть, с соседнего дерева. Или с *этого*?

Что делать, если столкнешься со стобором в темноте? Плюнуть ему в глаза? Или попытаться заговорить зубы?

В одном только Род не сомневался: тварь, которая так разоряется ночью в джунглях, скорее всего, ничего не боится. Следовательно, бояться должен он. Но делать было нечего, и Род по-прежнему лежал неподвижно. Его страх проявлялся лишь напряжением мышц, гусиной кожей и холодным потом. Адский концерт продолжался, и ближайший стобор вопил чуть ли не над самым ухом. Во всяком случае, так Роду казалось.

Еще немного, и он, наверно, отрастил бы крылья и взлетел. До этого ночевать одному в лесу ему доводилось лишь на Земле, на Североамериканском континенте. Там опасности известны, да и не так велики: вполне предсказуемые медведи, изредка ленивая гремучая змея — встречи с ними избежать не трудно.

Но как можно обезопасить себя от чего-то совершенно неизвестного? Стобор — Род решил, что так и будет называть этого ночного зверя, — возможно, прямо сейчас подбирается к нему все ближе и ближе, разглядывает в темноте и думает, утащить ли его в берлогу или сожрать на месте.

Может, надо куда-то перебраться?.. Но вдруг он падет прямо в когти стобору? Что ж, беспомощно ждать, когда зверь ударит его лапой? Может быть, стоборы не нападают на деревьях... Но ведь, может, и наоборот, они только здесь и охотятся, а его единственная надежда — спуститься как можно скорее вниз и провести ночь на земле...

Что за зверь стобор? Как он охотится? Где и когда он опасен? Очевидно, Мастер предполагал, что вся группа знает ответы на эти вопросы. Может, они проходили стоборов как раз в те дни после Нового года, когда его не было в школе? Или он просто забыл, а теперь поплатится за это своей жизнью. Род неплохо разбирался в зоологии Внеземелья, но это слишком большая область знаний, чтобы усвоить их все. Да что там говорить: даже одна только земная зоология нередко преподносила ученым прошлого загадки. А тут десятки планет — кто в состоянии запомнить так много?

Это просто несправедливо!

Когда у него в мыслях всплыл этот древний и бесполезный протест, Роду вдруг привиделся Мастер с его доброй, насмешливой улыбкой, и он услышал его сухое ворчание: «Справедливость? Неужели ты еще ожидал справедливости, сынок? Это не игра. Я ведь пытался убедить тебя, что твое место в городе, что ты слишком мягок и неразумен для такой жизни. Но ты меня не послушал».

Род почувствовал, что зол на своего инструктора, и страх уступил место раздражению. Джимми прав: этот съест родную бабушку и не поморщится. Холодная, бесчувственная рыба!

Однако ладно. Как бы на его месте поступил Мастер?

И снова ему послышался голос Мэтсона, когда тот отвечал на вопрос, заданный кем-то из класса: «Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть».

Род немного поворочался и, положив руку на рукоять «Полковника Боуи», снова попытался уснуть. Из-за сумасшедшего гвалта это было почти невозможно, но в конце концов он решил, что стобор на его дереве — или на соседнем? — вроде бы не приближается. Впрочем, и без того казалось, что, подползи зверь чуть-чуть ближе, Род уже почувствует его дыхание. Но нападать он, похоже, не собирался, и на том спасибо.

Спустя какое-то время Род и в самом деле заснул, хотя легче от этого не стало. Ему снилось, что хнычущие, улюлюкающие стоборы окружили его плотным кольцом и, глядя из темноты, ждут, когда он шевельнется. Однако Род связан по рукам и ногам и не мог двинуться с места.

Когда же он поворачивал голову, чтобы узнать, как все-таки выглядит стобор, они отступали в темноту, и он

каждый раз успевал заметить только красные глаза и длинные зубы. Это было хуже всего.

Проснулся он неизвестно от чего, весь в холодном поту. Попытался подняться, но ремень удержал его на месте, и Род заставил себя лечь. Что произошло? Что его разбудило?

Со сна он не сразу понял, что случилось. Прекратился гвалт. Ни одного стобора — ни близкого, ни далекого — не было слышно. Это насторожило Рода еще больше: воющий стобор выдает себя голосом, а вот молчащий мог скрываться где угодно. Возможно, ближайший к нему сидит на суку прямо у него над головой. Род выгнул шею и, чтобы лучше видеть, убрал москитную сетку, но все равно было слишком темно. Кто их знает, может, они сидят там уже по трое в ряд...

Впрочем, наступившая тишина вскоре подействовала на Рода успокаивающе, и он стал прислушиваться к другим ночным звукам, казавшимся почти безобидными после той адской какофонии. Род решил, что вот-вот наступит утро и лучше будет больше не засыпать.

Потом уснул.

Во второй раз он проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Вспомнив, где он находится, и поняв, что еще темно, Род подумал, что ему опять приснилась какая-то муть. Он поворочался, повертел головой и снова попытался заснуть.

Нет, кто-то и в самом деле на него смотрит!

Глаза привыкли, наконец, к темноте, и он разглядел на суку у ног какой-то темный ком. Черное на черном — он даже не мог сказать с уверенностью, как существо выглядит. Но два чуть светящихся глаза, не мигая, глядели на него в упор.

«Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть». Роду это было не под силу. Казалось, целую вечность они с неизвестным существом смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Род сжал пальцы на рукоятке ножа и замер, борясь с оглушительным стуком сердца и пытаясь сообразить, как он будет отражать нападение, лежа в гамаке. Зверь тоже не шевелился и не издавал ни звука. Просто глядел и, похоже было, собирался просидеть так всю ночь.

Испытание нервов тянулось невыносимо долго, и Род уже готов был закричать, чтобы прекратить это издева-

тельство, но тут зверь, едва слышно царапая когтями, двинулся к стволу и исчез. Род почувствовал, как спружинил сук, и понял, что существо весит по крайней мере столько же, сколько он сам.

Он снова решил не засыпать. Небо вроде бы стало чуть светлее. Род пытался убедить себя в этом, но все равно не видел даже своих рук. Оставалось считать до десяти тысяч — и тогда придет заря.

Неожиданно вниз по стволу дерева скользнуло что-то большое, за ним еще одно такое же существо и еще. Не останавливаясь у гамака Рода, они бесшумно спускались вниз. Род с облегчением сунул нож обратно в ножны и пробормотал: «Ну и соседи попались! Носятся тут...» Он подождал еще немного, но наверх торопливая процессия так и не вернулась.

В третий раз его разбудил яркий солнечный луч. Род чихнул и открыл глаза. Попытался встать, и снова его удержал на месте ремень безопасности. Наконец он совсем проснулся и тут же об этом пожалел: нос забит, глаза слезились, во рту стоял отвратительный привкус, на зубах налипла какая-то гадость, и в довершение всего болела спина. Он попробовал изменить позу и обнаружил, что ноги болят тоже. И руки, и голова. Шея просто не поворачивается.

Тем не менее Род был просто счастлив, что долгая ночь закончилась. Мир вокруг уже не казался угрожающим — скорее, идиллическим. Забрался Род так высоко, что за ветками даже не видел земли внизу, но все равно оставался под плотной лиственной крышей джунглей, за которой не проглядывало ни кусочка неба — он словно плавал в зеленом облаке. Настолько плотно закрывали деревья небо, что утренний луч, коснувшийся его лица, оказался единственным, проникшим так глубоко вниз.

Это напомнило Роду, что надо бы запомнить, где восходит солнце. Оказалось, это не так просто. Солнце едва ли можно будет увидеть с земли... Может быть, пока оно не поднялось слишком высоко, есть смысл быстро слезть и выбежать посмотреть на равнину?.. Потом он заметил, что яркий луч светит как раз из развилки в кроне еще одного лесного гиганта, стоящего в пятнадцати метрах от его дерева. Отлично, решил Род, будем считать, что

это дерево «стоит к востоку»; позже, на земле, можно будет заметить направление.

Выбираться из гамака оказалось не легче, чем влезть в него, да и разболевшиеся мускулы отчаянно протестовали против такого насилия. Но в конце концов Род выбрался, с трудом удерживая равновесие, уселся на сук и пополз к стволу. Там он выпрямился, преодолевая боль в мышцах, и, держась за ствол, сделал несколько приседаний, чтобы хоть немного размяться. Постепенно боль унялась, и только шея по-прежнему ныла — видимо, он слишком сильно вертел головой, пытаясь разглядеть в темноте стоборов.

Сидя спиной к стволу, Род позавтракал и выпил немного воды. На этот раз он даже не особенно прислушивался к тому, что происходило вокруг, рассудив, что ночные охотники уже спят, а дневные вряд ли гоняются за жертвами по верхушкам деревьев — во всяком случае, крупные, которым положено охотиться на земле, ловить травоядных. Да и выглядело это зеленое укрытие слишком мирно, чтобы таить какую-то угрозу.

Род закончил завтрак, но продолжал сидеть, раздумывая, не выпить ли еще воды и не забраться ли опять в гамак. Предыдущая ночь показалась ему самой длинной в его жизни, но он смертельно устал, а дневная духота и жара уже давали себя знать. Хотелось лечь и уснуть. Да и почему нет? Ведь у него одна задача — выжить, а проспав еще несколько часов, он даже сэкономит воду и пищу.

Возможно, Род так бы и поступил, но он не знал, сколько времени. Часы показывали без пяти двенадцать, но как узнать полдень ли это воскресенья или полночь наступающего понедельника? Он не сомневался, что планета вращается медленнее Земли: ночь тянулась, наверное, целые земные сутки.

Значит, испытания продолжались уже по крайней мере двадцать шесть часов; возможно, даже все тридцать восемь, а сигнал к возвращению могут дать в любое время через сорок восемь часов после начала экзамена. Не исключено, что сигнал будет уже сегодня, до заката, а он пока жив и прекрасно себя чувствует, еды достаточно и еще вдоволь чистой воды.

От этих мыслей настроение у него заметно улучшилось. Что такое какой-то стобор по сравнению с человеком? Разве что голос громкий.

Однако до выходных ворот может быть километров двадцать к «востоку» от точки выброски. Значит, нужно пройти километров десять, и, когда появятся ворота, он наверняка окажется в километре или двух от них. Надо двигаться, а затем окопаться и ждать. Может быть, он уже сегодня будет спать дома — разумеется, после горячей ванны.

Род принялся отвязывать гамак, напомнив себе, что нужно заметить время от восхода до заката, чтобы определить продолжительность здешних суток. Потом эта мысль забылась, потому что ему никак не удавалось сложить гамак, а сложить его нужно было очень аккуратно, иначе он просто не поместился бы в карман. Лучше всего, конечно, в таком случае расстелить его на столе, но здесь самой большой ровной поверхностью служила ладонь.

Наконец Род справился, с грехом пополам упишал гамак на место и полез вниз. На самом нижнем суку он остановился и внимательно огляделся: огромной голодной твари, что погналась за ним вечером, нигде не было видно, но кто его знает — кустарник внизу здорово разросся. Род заметил себе, что здесь ни в коем случае нельзя уходить слишком далеко от деревьев. Куда можно в случае чего взобраться. А то замечтаешься, и привет...

Ладно, теперь сориентироваться... Где там дерево, которое отмечает «восток»? Это? Или вот то? Род понял, что запутался, и отругал себя за то, что не воспользовался компасом сразу. По правде сказать, он просто забыл наверху про компас. Теперь же от него никакого толка, поскольку восток по компасу вовсе не означает ту сторону, откуда на этой планете восходит солнце, а вниз, под кроны деревьев, лучи светила не проникали — весь лес стоял окутанный прозрачным мистическим светом, не дававшим теней.

Впрочем, открытая равнина не так далеко. Нужно будет выбраться и проверить. Род спустился к земле, прыгнул в мягкий пружинистый мох и двинулся, как ему показалось, к равнине, считая шаги и настороженно глядя по сторонам.

Через сто шагов он остановился и пошел обратно. Отыскал «свое» дерево и внимательно осмотрел. Вот здесь он слезал: внизу отпечатались следы. А с какой же стороны он поднимался? От «кошек» должны остаться отметины...

Вскоре Род нашел их и был немало удивлен своим собственным достижением: царапины начинались примерно на уровне его головы. Однако царапины указывали направление, откуда он бежал, и через пять минут Род вышел к равнине, которую он пересек днем раньше.

Здесь лежали четкие тени, и Род сверился с компасом. По чистой случайности восток совпадал с «востоком», и теперь оставалось только следовать указаниям стрелки. Дорога вела через лес.

По лесу Род просто шел. Ползти, как днем раньше, уже не было необходимости, но он старался идти бесшумно и поменьше торчать на виду, постоянно оглядывался, сворачивая то вправо, то влево, чтобы быть поближе к деревьям, на которые легко взобраться, и часто сверялся с компасом.

Не забывал он и считать шаги. Полторы тысячи шагов по пересеченной местности это примерно километр, и Род решил, что пятнадцать тысяч выведут его в район появления ворот, где он планировал устроиться понадежнее и дожидаться возвращения.

Но даже считая шаги, следя за компасом, высматривая хищников, змей и прочие опасности, Род успевал наслаждаться природой и погодой. Ночные страхи полностью оставили его, настроение поднялось, и казалось, все ему теперь нипочем. Он, конечно, двигался осторожно, старался не терять бдительности, но местность и в самом деле уже не казалась опасной, что бы там ни говорили о стоборах.

Лес, решил он, относится, скорее, к джунглям субтропиков: растительность была не настолько густая, чтобы приходилось прорубать дорогу. То и дело встречались протоптанные зверьем тропинки, но Род старательно обходил их стороной, опасаясь, что где-нибудь у такой тропинки может притаиться хищник, поджидающий, когда появится его завтрак — Рода такая роль совсем не прельщала.

Травоядных всяческих форм и размеров тоже хватало. Многие очень напоминали антилоп, но увидеть их было довольно трудно: защитная окраска почти сливалась с растительным фоном. Однако даже те, которых Род видел мельком, убедили его, что в лесах полно живности. Этих он тоже обходил стороной — ведь он явился сюда не охотиться и прекрасно понимал, что даже тра-

воядные с их копытами и рогами могут быть опасны — и сами по себе, и в стаде.

Мир над головой заселен не менее обильно — и птицами, и различными животными, живущими на деревьях. Несколько раз Род замечал семейства похожих на обезьян существ, и у него возникла мысль, что и на этой планете, возможно, развились гуманоиды. «Что же это все-таки за планета?» — подумал он в который раз. Почти Земля с точностью до нескольких знаков после запятой — кроме непривычно долгого дня. Видимо, ее открыли совсем недавно, иначе тут было бы полно колонистов. Без сомнения, планета высшей категории. Выжечь траву на той большой равнине, где он полз вчера, и получится отличное место для фермы с полями и пастбищами. Может быть, он даже вернется сюда когда-нибудь, чтобы помочь очистить планету от стоборов...

А пока надо смотреть, куда идешь, ни в коем случае не проходить под низкими ветками, не проверив заранее, кто там может прятаться, и вслушиваться в окружающий лесной мир, как пугливый заяц. Теперь Род по-настоящему понял слова сестры, когда та говорила, что человек без оружия сразу становится осторожным: у него вряд ли возникнет возможность применить оружие, если он позволит хищнику застать себя врасплох.

Именно эта повышенная осторожность заставила Рода понять, что кто-то идет за ним следом.

Поначалу возникло просто легкое предчувствие, но затем оно переросло в уверенность. Род несколько раз останавливался за деревом и, замирая, прислушивался. Дважды он прокрадывался кустами назад и возвращался по своим следам. Но кто бы это ни был, преследователь двигался так же бесшумно и маскировался ничуть не хуже его. Пожалуй, даже лучше.

Род подумал, что, возможно, есть смысл спрятаться на дереве и переждать преследователя, но желание поскорей достичь цели перевесило осторожность. Он убедил себя, что, двигаясь вперед, будет в большей безопасности, и, то и дело оглядываясь, пошел дальше, а спустя какое-то время и вовсе решил, что преследователь отстал.

Пройдя, по своим прикидкам, километра четыре, Род уловил запах воды, а еще через несколько минут вышел к оврагу, тянувшемуся как раз поперек дороги. Следы животных на тропе, выходящей по краю оврага, убе-

дили Рода, что она ведет к водопою, а таких опасных мест, он понимал, надо избегать. Поэтому Род быстро спустился вниз, двинулся по склону оврага в сторону и вскоре оказался у высокого дерева, откуда уже был слышен плеск воды.

Подавшись в кусты, Род ползком двинулся к краю. Крутой берег возносился над речкой метров на десять и резко обрывался вниз справа и впереди, где выходил к реке овраг. Там и образовался небольшой затон с водоворотами, облюбованный зверьем для водопоя. Животных не было видно, но на глинистом берегу осталось множество следов копыт.

Нет, он не собирался пить в таком месте: там, где легко пить, слишком легко умереть. Но его беспокоило, что место сбора оказалось на той стороне и придется перебираться через поток. Маленькая речка, скорее даже большой ручей — можно легко переплыть или перейти вброд, если найти подходящее место, — но это только на крайний случай, и то сначала нужно будет проверить, бросив в воду приманку, например, только что убитое животное... В родных краях такие речушки вполне безопасны, но здесь тропики, и логично будет предположить, что в речке водятся местные разновидности аллигаторов, пираний или еще что-нибудь похуже.

По верхушкам деревьев тоже не перейдешь: слишком далеко берега друг от друга... Лежа в кустах, Род размышлял над неожиданной проблемой, затем решил идти вверх по течению в надежде, что где-нибудь найдется узкое место или поток разделится на маленькие ручейки, перебраться через которые будет легче...

И это была его последняя мысль.

Очнулся он быстро, без раскачки: рядом стояло и принюживалось похожее на шакала существо. Род отмахнулся левой рукой, правой потянулся за ножом. Тварь отскочила назад, зарычала, но потом скрылась в листве.

Нож исчез! Это открытие сразу привело Рода в чувство. Он сел, но голова отозвалась дикой болью, и его качнуло. Род осторожно прикоснулся к затылку — пальцы оказались в крови. Потрогал еще и выяснил, что на затылке огромная, распухшая и очень болезненная шишка, но из-за плотной корки волос, спекшихся от крови, он не мог понять, цел череп или нет. Род даже

поблагодарил судьбу за то, что остался жив: он не сомневался, что этим ударом его хотели убить.

Однако пропал не только нож. Род остался в одних трусах. Пропал драгоценный запас воды, жилет с пайками и десятком других незаменимых вещей: антибиотики, соль, компас, «кошки», спички, гамак — все пропало.

Первый приступ отчаяния тут же сменился злостью. То, что пропало продовольствие и снаряжение, это вполне понятно: сам виноват, зазевался и забыл, что сзади могут напасть. Но часы, которые подарил ему отец!.. Тут уже чистый разбой, и кто-то за это поплатится!

От злости Род даже почувствовал себя лучше. И только сейчас заметил, что бинтовая повязка на ноге осталась нетронутой.

Коснулся рукой — нож на месте! Напавший на него мерзавец, видимо, решил, что бинт ему ни к чему. Род размотал повязку и извлек из ножен «Леди Макбет».

Кто бы ни был этот человек, он ему дорого заплатит!

Г л а в а 4

ДИКАРЬ

Род Уокер сидел на толстом нижнем суку, прячась в листве. Сидел уже два часа, неподвижно, и, если понадобится, собирался просидеть еще столько же. На поляне перед ним щипали траву несколько годовалых оленей — во всяком случае, они походили на самцов оленей. Род ждал, когда один из них подойдет поближе: он был голоден.

И очень хотелось воды, потому что за этот день он не пил ни разу. Кроме того, у него поднялась температура — из-за трех длинных, плохо заживших царапин на левой руке. Но на царапины и температуру Род уже не обращал внимания: он все еще был жив и собирался жить дальше.

Один из оленей переместился ближе, и Род напрягся в ожидании удобного момента. Однако олень вскинул голову, бросил на дерево короткий взгляд и отошел в сторону. Похоже, он не заметил Рода, но, очевидно, еще в младенчестве мать научила его остерегаться нависаю-

щих ветвей, или сотни тысяч поколений, борясь за выживание, отпечатали этот навык в его генах.

Род выругался про себя и снова замер. Рано или поздно один из них сделает ошибку, и тогда он наконец поест. Уже несколько дней Род думал только об одном — о еде, о том, как сохранить свою шкуру, о том, как напиться воды, не подвергаясь нападению из засады, о том, как устроиться на ночь, чтобы не проснуться в брюхе другого лесного хищника.

Заживающие раны свидетельствовали о том, как дорого обошелся один из уроков этой науки: однажды он позволил себе отойти слишком далеко от дерева, и в момент нападения даже не успел выхватить нож. Спасло его лишь то, что он сумел каким-то образом подпрыгнуть до ветки и подтянуться, несмотря на раненную руку. Зверь, который располосовал ему руку когтями, был, как Роду показалось, той же породы, что гнался за ним в первую ночь. Более того, Род подозревал, что это и в самом деле лев. У него возникла по этому поводу теория, но пока он не решался действовать на основе своих догадок.

За прошедшие дни Род сильно похудел и совсем потерял счет времени. Он понимал, что предельный срок окончания экзамена, скорее всего — нет, почти наверняка, — уже прошел, но не помнил точно, сколько дней провел на развилке дерева, ожидая, пока хоть немного заживет рука, или сколько времени прошло с тех пор, как он, гонимый жаждой и голодом, слез. Возможно, думал Род, сигнал к возвращению дали, когда он лежал без сознания. Но сейчас у него были совсем другие заботы, и он почти не вспоминал об этом. Его больше не интересовал экзамен по выживанию — только само выживание.

И несмотря на слабость, шансов у него стало теперь гораздо больше, чем в первый день. Он во многом разобрался, перестал бояться каких-то вещей, что пугали его раньше, и наоборот, научился относиться с осторожностью к тем, что прежде казались безобидными. Существа с дикими голосами, которых он окрестил стоборами, уже не вызывали у него страха: как-то днем он случайно спугнул такую тварь, и она подала голос. Размером не больше ладони, существо напоминало рогатую ящерицу, только с повадками древесной лягушки. Единственным ее талантом был голос: ящерица раздувала мемб-

рану у шеи чуть ли не в три раза больше собственного объема, а затем выпускала те пугающие вопли.

Больше она ничего не умела.

Род догадался, что это брачная песня, и на том успокоился, хотя по-прежнему называл горластых тварей столборами.

Узнал он и о свойствах лианы, очень похожей на земную эпомею: ее листья жгли как крапива, только гораздо сильнее и на какое-то время оставляли жертву парализованной. Еще на одной лиане росли большие, напоминающие виноград ягоды, очень симпатичные на вид и приятные на вкус — Род на собственном опыте узнал, что это сильнейшее слабительное.

Из двух своих собственных столкновений, едва не закончившихся трагично, и из съеденных останков жертв, встречавшихся в лесу, он знал, что в округе водятся свирепые хищники, хотя ни разу не видел ни одного толком. Судя по всему, хищных зверей, достаточно крупных, чтобы справиться с человеком, и способных лазать по деревьям, тут не было, но Род не мог знать этого наверняка и всегда спал, как говорится, только одним глазом.

По поведению стада он заключил, что есть хищники, которые охотятся таким же, как и он, способом, но пока судьба миловала, и он с ними не сталкивался... Совсем молодой олень бродил по всей поляне, даже останавливался под небольшими деревьями, но пока никто из них даже не польстился на траву под деревом Рода.

Так... Вот, кажется, один приближается... Род ухватил рукоять «Леди Макбет» покрепче и приготовился спрыгнуть на спину маленькому грациозному существу, когда оно пройдет под веткой. Но в метрах пяти олененок остановился, понял, похоже, что удалился от стада, и собрался повернуть.

Род метнул нож.

Он услышал хлесткий удар и увидел, что из лопатки животного торчит лишь рукоять, спрыгнул в то же мгновение на землю и бросился к оленю, чтобы его прикончить.

Тот вскинул голову, повернулся и побежал. Род прыгнул, но не дотянулся, а когда он перекатился и вскочил на ноги, поляна уже опустела. Род почувствовал горечь и раздражение. Он обещал себе никогда не бросать нож, если есть хоть малейший шанс, что он не сможет его вер-

нуть. Но в тот момент он не дал воли чувствам и сразу же принялся искать следы.

Когда-то давно он запомнил первый закон спортивной охоты: раненого зверя обязательно надо выследить и добить; нельзя оставлять его умирать мучительно и долго. Но сейчас ничего спортивного в охоте не было, и Род собрался в погоню, чтобы съесть добычу и — что гораздо важнее — чтобы вернуть свой нож, последнюю надежду на выживание.

Поначалу крови на земле не было видно, да и следы раненого оленя перепутались с сотнями других. Род три раза возвращался к поляне, начиная снова, и только после этого обнаружил первый кровавый след. Дальше стало легче, но Род сильно отстал, и, кроме того, напуганный олень двигался гораздо быстрее, чем он мог идти по следу. Жертва оставалась со стадом до следующей остановки за полкилометра от первой. Разглядывая оленей, Род притаился в кустах по краю поляны, но раненого животного среди них не было.

Странно. Ведь окровавленные следы вели сюда вместе со всеми остальными. Род возобновил преследование, и стадо снова бросилось бежать. Здесь он ненадолго потерял след и, когда снова нашел, обнаружил, что цепочка кровавых пятен ведет в сторону, в кусты. Это делало его работу одновременно и проще, и сложнее: проще, потому что уже не приходилось искать след среди сотен других, и сложнее, потому что продираться сквозь кустарник было трудно и опасно — ведь он сам не только охотник, но и возможная жертва. Кроме того, след в зарослях то и дело терялся. Однако Род не унывал, зная, что только ослабевшее животное покидает стадо, чтобы спрятаться. Скоро, скоро он его отыщет...

Но олень не останавливался. Похоже, он хотел жить не меньше человека. Преследование продолжалось бесконечно, и Род уже начал задумываться, что же делать, если наступит ночь, а олень так и не сдастся. Нож-то, по крайней мере, нужно вернуть во что бы то ни стало.

Неожиданно он увидел второй след.

Кто-то наступил рядом с раздвоенной чашечкой копыта раненого животного прямо на каплю крови. Дрожа от возбуждения и всеми своими чувствами прощупывая лес как радаром, Род бесшумно двинулся вперед. Снова след. Человеческий!

След ботинка. Однако Род одичал настолько, что открытие его даже не обрадовало, а скорее, заставило насторожиться.

Спустя двадцать минут он их настиг — и оленя, и человека. Олень лежал на земле — или умер, или его добил второй охотник. Молодой парень — немного моложе его и мельче, оценил Род — стоял на коленях и вспарывал оленю брюхо. Укрывшись в кустах, Род наблюдал и думал. Второй охотник слишком увлечен добычей, а сук вот этого дерева как раз нависает над прогалиной...

Несколькими минутами позже Род уже притаился на дереве, без ножа, но с длинным острым шипом в зубах. Он взглянул вниз: соперник оказался прямо над ним. Род перехватил шип в правую руку и приготовился.

Охотник положил нож на землю, собираясь перевернуть тушу. Род прыгнул.

Он сразу почувствовал бронежилет, скрытый под рубашкой противника и, мгновенно среагировав, приставил шип к его незащищенной шее.

— Не дергаться, или тебе конец!

Противник тут же прекратил попытки освободиться.

— Вот так-то лучше, — одобительно произнес Род. — Мир?

Ответа не последовало, и Род прижал шип сильнее.

— Я не шучу, — сказал он строго. — У тебя есть только один шанс остаться в живых. Или ты обещаешь мир и держишь свое слово — тогда мы едим вместе, — или ты никогда больше не ешь. Чувствуешь разницу?

Несколько секунд противник не мог решиться, затем сдавленным голосом произнес:

— Мир.

Все еще прижимая шип к шее противника, Род протянул руку и схватил нож, которым тот разделывал оленя, — его «Леди Макбет».

Спрятав его в ножны, он ощупал незнакомца и нашел еще один, на поясе. Достал, бросил шип в сторону и только тогда поднялся.

— Можешь вставать.

Парень поднялся с земли и смерил его хмурым взглядом.

— Отдай мне мой нож.

— Позже... если ты будешь хорошо себя вести.

— Я же обещал мир.

— Обещал. Повернись спиной, я хочу удостовериться, что у тебя нет пистолета.

— Я все оставил... У меня ничего нет, кроме ножа. Отдай.

— Где оставил?

Парень промолчал.

— Ладно, поворачивайся, — сказал Род, угрожая выставив вперед нож.

На этот раз он послушался, и Род быстро ощупал все места, где можно спрятать пистолет, убедившись заодно, что от пояса и выше у незнакомца сплошной бронежилет. Облечение самого Рода состояло из загара, царапин, нескольких шрамов и грязных порванных трусов.

— А тебе не жарко таскать на себе столько брони? — спросил он добродушно. — Можешь повернуться. Только не подходи близко.

Парень повернулся, все еще храня мрачное выражение лица.

— Как тебя зовут, приятель? — спросил Род.

— Джек.

— А дальше? Меня Род Уокер.

— Джек Доде.

— Ты из какой школы, Джек?

— «Понс де Леон».

— А я из школы имени Патрика Генри.

— Из класса Мэтсона?

— Точно. У нас сам Мэтсон преподает.

— Я о нем слышал, — сказал Джек. Заметно было, что это произвело на него впечатление.

— Все слышали. Слушай, хватит болтать, а то скоро тут весь лес соберется. Давай поедим. Ты следи за моей стороной, а я буду следить за твоей.

— Тогда отдай мне мой нож. Как я буду есть?

— Не так быстро. Я тебе отрежу пару кусков. Все будет как в лучших домах.

Род продолжил надрез, начатый Джеком, затем полоснул вверх и, оттянув шкуру с правой лопатки оленя, вырезал два больших куска мяса. Один кинул Джеку, сел на корточки и вцепился зубами в свой, не забывая, однако, глядеть по сторонам.

— Ты следишь? — спросил он.

— Разумеется.

Род оторвал упругий кус теплого мяса.

— Послушай, Джек, как они допустили до экзамена такого зеленого мальчишку? Тебе лет-то сколько?

— Ну уж не меньше, чем тебе!

— Сомневаюсь.

— Твое дело. Главное, допустили.

— Но тебе и на вид-то столько не дашь.

— Я здесь. И я жив.

Род улыбнулся.

— Убедил. Молчу.

Когда первая порция мяса удобно улеглась в желудке, он встал, разбил оленю череп и достал мозг.

— Хочешь половину?

— Спрашиваешь!

Род разделил десерт на две части и отдал одну Джеку. Тот принял свой кусок, задумался на секунду, потом буркнул:

— Соли хочешь?

— Соли? У тебя есть соль?!

Джек, похоже, тут же пожалел о своей несдержанности.

— Немного. Не очень нажимай.

Род подставил свой кусок мяса.

— Посыпь чуть-чуть. Сколько не жалко.

Джек сунул руку куда-то между жилетом и рубашкой, извлек походную солонку, посыпал порцию Рода, затем пожал плечами и сыпанул еще.

— Ты что, не взял с собой соли?

— Я? — От такого аппетитного зрелища у него даже глаза заслезились. — Взял, конечно. Но... Короче, не повезло. — Род решил, что лучше будет не признаваться, как его застали врасплох.

Джек решительно убрал солонку. Они сидели, жевали и внимательно следили за лесом. Спустя какое-то время Род тихо сказал:

— Джек, позади тебя шакал.

— Только шакал?

— Но пора рубить мясо и сматываться. Мы привлекаем внимание. Сколько тебе нужно?

— Заднюю ногу и кусок печени.

— Больше все равно съесть не успеешь. Испортится.

Род принялся рубить ножом задние ноги. Затем вырезал с живота полоску кожи и повесил свою долю на шею.

— Ладно, парень, пока. Держи свой нож. И спасибо за соль.

— Не за что.

— Вкусно было невероятно. Ну, пока. Гляди в оба!

— Тебе того же. И удачи!

Род продолжал стоять на месте. Затем почти против своей воли спросил:

— Джек, а ты не хотел бы объединиться, а?

Он тут же пожалел о своем вопросе, вспомнив, как легко ему удалось справиться с этим парнем. Джек прикусил губу, задумался.

— Я... я не знаю.

Род почувствовал себя обиженным: неужели Джек не понимает, что ему оказывают услугу?

— А в чем дело? Ты меня боишься?

— Нет! Я думаю, ты свой человек.

У Рода возникло неприятное подозрение.

— Ты думаешь, я пытаюсь оттяпать у тебя соль?

— А? Бог с тобой. Хочешь, я поделюсь?

— Не надо. Я просто подумал... — Род умолк. Он подумал, что они оба прозевали сигнал к возвращению, и ждать предстояло теперь, возможно, очень долго.

— Я не хотел тебя рассердить, Род. Ты прав. Нам нужно объединиться.

— Да ладно. Я как-нибудь выживу.

— Не сомневаюсь. Но давай все-таки объединимся. Договорились?

— М-м-м... Держи.

Скрепив договор рукопожатием, Род сразу взял командование на себя. Никаких дискуссий не было. Он просто сделал это, и Джек согласился.

— Иди первым, — сказал Род, — а я буду прикрывать сзади.

— О'кей. Куда мы идем?

— К тому холму ниже по течению. Там деревья удобные, и ночью там будет лучше, чем здесь. Нужно устроиться засветло, так что идем быстро и без разговоров.

Джек задумался, потом неуверенно спросил:

— О'кей. Но ты решил непременно ночевать на дереве?

Род выпятил губы.

— А ты собираешься провести ночь на земле? Как ты до сих пор выжил?

— Первые две ночи я действительно спал на деревьях, — неторопливо ответил Джек. — Но теперь у меня есть место получше.

— Да? Что за место?

— Что-то вроде пещеры.

Род задумался. Пещера, конечно, может превратиться в ловушку... Но возможность растянуться на ровной земле перевесила все остальные аргументы.

— Взглянуть не помешает, если это не далеко.

— Не далеко.

Г л а в а 5

НОВАЯ ЗВЕЗДА

Пещера Джека располагалась в одной из отвесных скал, вознесшихся над той самой речкой, где Рода ограбили. В этом месте холмы отгораживали небольшую долину, где в аллювиальных лугах прорезала себе мелкое устье петляющая речка. Вода вымыла в глинистом сланце карман, а сверху его закрывал огромный нависающий над входом обломок известняка. Прямо над пещерой берег был слишком крут, чтобы забраться снизу, сверху мешала глыба известняка, а поток огибал пещеру почти по самому основанию скалы. Чтобы попасть внутрь, приходилось спускаться к воде по соседнему холму выше по течению, затем идти через луг вдоль речки, а дальше по наклонному глинистому берегу, тоже достаточно крутому.

Они взобрались по глиняной горке, протиснулись под нависающим обломком и очутились на твердом сланцевом полу пещеры. Одной стороной она открывалась к реке и уходила далеко в тело скалы, но стоять во весь рост можно было только у самого входа. Дальше приходилось ползти на четвереньках. Джек швырнул внутрь пригоршню гальки и с ножом наготове встал у входа.

— Похоже, никого нет.

Они опустились на четвереньки и поползли.

— Как тебе тут?

— Блеск. Только нужно будет дежурить по очереди. Кто-нибудь может заползти так же, как мы. Пока тебе везло.

— Может быть, — Джек нащупал в полутьме сухие ветки шипастого кустарника и загородил ими вход, уперев концами в потолок. — Это моя сторожевая система.

— Если какая-нибудь тварь тебя учует, это ее не остановит.

— Конечно. Но я проснусь и дам ей отведать камней. У меня тут большой запас. И две сигнальные вспышки.

— Я думал... Ты говорил, у тебя есть ружье.

— Я не говорил, но есть. Однако стрелять в темноте — сам знаешь.

— А здесь нормально. Даже отлично. Похоже, я вовремя с тобой объединился. — Род огляделся. — Ого, у тебя тут и очаг есть!

— Да, пару раз разжигал, но только днем. Сырое мясо так надоедает.

Род глубоко вздохнул.

— Знаю. Как ты полагаешь...

— Уже почти стемнело. Я ни разу не разжигал огонь, когда его могут заметить. Может, лучше поджарим печень на завтрак? С солью.

У Рода потекли слюнки.

— Да, ты прав, Джек. Но очень хочется пить, и пока не стемнело... Может, сходим вместе, чтобы один охранял другого?

— Ни к чему. У меня есть бурдюк с водой. Пей.

Род снова поблагодарил судьбу за то, что она свела его с таким запасливым хозяином. Раздувшийся от воды бурдюк был сшит из шкурки какого-то небольшого зверька, хотя, что это за зверек, Род определить не сумел. Джек выскреб шкурку, но не выдубил, отчего вода пахла не особенно приятно. Однако Род не замечал этого, он напился вдоволь, вытер губы рукой и почувствовал себя совершенно умиротворенным.

Спать они легли не сразу: долго сидели в темноте и сравнивали свои наблюдения. Класс Джека забросили на день раньше, но с такими же инструкциями, и Джек согласился, что срок для сигнала к возвращению давно уже прошел.

— Должно быть, я его пропустил, когда лежал без сознания, — сказал Род. — Я даже не знаю, как долго у меня была высокая температура. Наверно, я чуть не умер.

— Нет, не в этом дело, Род.

— Почему?

— Со мной было все в порядке, и я следил за временем. Никакого сигнала не подавали.

— Ты уверен?

— А как я его мог пропустить? Сирену слышно за двадцать километров. Днем они используют дымовые ракеты, а ночью прожектора, и по закону, если все не вернутся раньше, это должно продолжаться неделю. Ничего такого и в помине не было.

— Может, мы слишком далеко? Честно говоря... Не знаю, как ты, но я в конце концов заблудился, чего уж тут скрывать...

— Нет. Мы примерно в четырех километрах от того места, где выбросили мой класс. Я даже могу показать тебе, где это. Так что, Род, нужно смотреть правде в глаза: что-то случилось, и теперь не известно, как долго мы тут проторчим, — сказал Джек, потом тихо добавил: — Поэтому-то я и решил, что будет лучше объединиться.

Род обдумал сказанное и решил, что пора рассказать о своей теории.

— Я тоже.

— Да. На несколько дней в одиночку безопаснее, но если мы застряли тут надолго...

— Я так не думаю, Джек.

— Что?

— Ты знаешь, какая это планета?

— Нет. Хотя я думал, конечно. Должно быть, она из совсем новых и очень похожа...

— Я знаю, где мы.

— Да ну? И где же?

— На Земле. На самой Земле.

Джек немного помолчал, потом спросил:

— Ты себя как чувствуешь, Род? У тебя нет температуры?

— Все у меня в порядке. Во всяком случае теперь, когда я наелся досыта и напился. Послушай, Джек, я понимаю, это неожиданно, но тут все сходится. Мы на Земле, и я, кажется, даже догадываюсь, где именно. По моему, они и не собирались подавать сигнал к возвращению; просто они ждут, когда мы сообразим, где нас выбросили, и выберемся сами. Такой трюк как раз в духе Мастера Мэтсона.

— Но...

— Подожди. Что ты все лезешь, как девчонка? Планета земного типа, так?

— Да, но...

— Дай мне договорить. Звезда класса G. Суточное вращение планеты такое же, как у Земли.

— Нет!

— Я сделал ту же ошибку. Первая ночь мне вообще показалась длиной в неделю. Но на самом деле я просто испугался до посинения, и поэтому ночь тянулась для меня бесконечно. Но теперь-то я уже не сомневаюсь, что суточное вращение то же самое.

— Не то же. По моему хронометру в сутках здесь примерно двадцать шесть часов.

— Когда вернемся домой, лучше отдай свои часы в починку. Ты, должно быть, ударил их об дерево или еще что.

— Но... Ладно, продолжай. Пленка за твой счет.

— Вот смотри. Флора такая же. Фауна такая же. Я знаю, как они это провернули, почему и куда нас засунули.

— Как это?

— А так. Люди постоянно жалуются, что школьные налоги слишком высоки. Разумеется, держать планетарные ворота открытыми стоит немало, а уран на деревьях не растет. Я их даже понимаю. Но Мастер Мэтсон всегда говорил, что экономить здесь глупо. Да, мол, дорого, но дорожке отлично подготовленного исследователя или лидера поселенцев бывает только плохо подготовленный мертвый исследователь или лидер. Как-то раз после занятий он нам сказал, что эти жмоты, сторонники экономии, не раз предлагали проводить экзамены в специально отведенных для этого зонах на Земле. Но Мастер утверждает, что суть выживания во Внеземелье заключается в способности подчинять себе неведомое. Если бы испытания проводились на Земле, кандидаты просто изучили бы земные условия, и только. По его словам, любой бойскаут способен выучить шесть основных климатических зон Земли и запомнить из книг, как и что там следует делать, но было бы преступно называть это «обучением выживанию», а потом забрасывать человека во внеземные условия с его первым же профессиональным заданием. Как он говорит, это то же самое, что научить подростка играть в шахматы, а затем отправлять его драться на дуэли.

— И он прав, — согласился Джек. — Капитан Бенбоу говорил примерно так же.

— Конечно, прав. Мастер даже пообещал, что, если такая политика будет принята за основу подготовки, он заканчивает год и уходит. Но я думаю, его перехитрили.

— Каким образом?

— А очень просто. Мастер забыл, что любое окружение кажется неведомым, когда не знаешь, где находишься. И они сделали так, чтобы мы ничего не узнали. Первым делом послали нас на Луну — там ворота открыты постоянно, так что ничего лишнего никто не трагил. А мы, разумеется, решили, что нас отправляют куда-то далеко. Кроме того — это опять же подействовало, — никто не ожидал, что нас выбросят при той же самой силе тяжести, а они именно это и сделали: вернули нас на Землю. Если ты спросишь куда, то я думаю, в Африку. Видимо, через лунные ворота нас связывали с «Уитуотерстрэндом» под Йоганнесбургом, а там уже все было готово, чтобы перебросить нас в буш. Может быть, это мемориальный парк Чаки или еще какой-нибудь заповедник. Все сходится. Множество травоядных, похожих на антилоп и оленей, хищники — я даже видел два раза львов и...

— Ты их *видел*?

— Во всяком случае, они очень похожи, а точно я скажу, когда у меня будет возможность снять с такого зверя шкуру. Но это не все. Небо могло их выдать, особенно Луна, и они организовали плотный облачный покров. Готов спорить, где-нибудь не очень далеко работают климатические генераторы. И напоследок нам подбросили еще одну хитрость. Тебя предупреждали насчет стоборов?

— Да.

— А ты их видел?

— Я, признаться, даже не знаю, что такое стобор.

— Вот и я не знаю. И думаю, никто не знает. Спорить готов, что стобор это выдуманное «пугало» — специально, чтобы нам было чем занять мысли. На Земле нет никаких стоборов, значит, мы где-то еще. Такой трюк подействовал бы даже на такого недоверчивого типа, как я. Собственно говоря, и подействовал. Я, признаться, выбрал какую-то неизвестную мне тварь и окрестил ее стобором — как они и планировали.

— Выглядит логично, Род.

— Еще бы! Когда понимаешь, наконец, что это Земля, — Род похлопал ладонью по полу, — и что они хо-

тели скрыть это от нас, все сразу становится на свои места. Теперь нам нужно сделать вот что... Я собирался в одиночку, но с такой рукой не очень-то попутешествуешь, а теперь мы можем идти вдвоем, пока с тобой тоже чего-нибудь не случилось. План у меня такой. Я думаю, мы в Африке или, может быть, в Южной Америке — короче, где-нибудь в тропиках. Это, в общем-то, неважно. Нам надо просто идти вниз по течению, ну и разумеется, держаться настороже: здесь можно умереть так же легко, как во Внеземелье. Не знаю, сколько времени нам потребуется — неделя, месяц, — но рано или поздно мы дойдем до какого-нибудь моста. А дальше пойдем по дороге, пока не найдем людей. Добравшись до поселения, свяжемся с властями, и нас отправят домой. Заодно получим зачеты по выживанию. Все очень просто.

— Слишком просто, — медленно произнес Джек.

— Не беспокойся, всяких неприятностей по дороге будет достаточно. Но теперь мы знаем, что делать, и нам это по силам. Я не хотел спрашивать сразу, но у тебя хватит соли, чтобы заготовить несколько килограммов копченого мяса? Если нам не придется охотиться каждый день, мы сможем двигаться очень быстро. А может, ты прихватил немного приправы для быстрого копчения?

— Прихватил, но...

— Отлично!

— Подожди, Род. Ничего не выйдет.

— Почему? Мы ведь партнеры?

— Успокойся. Все, что ты говорил, логично, но...

— Какие тогда «но»?

— Все логично, но все неверно.

— В смысле? Послушай, Джек...

— Нет, это ты теперь послушай. Я тебе дал высказаться.

— Но... Ладно, что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что небо их могло выдать и поэтому они, мол, напускают облака.

— Ну да. Так они, очевидно, и делают. Во всяком случае, по ночам. Естественные погодные условия их сразу выдают...

— Я тебе хочу сказать, что «они» себя уже выдали. Облачно было не каждую ночь, хотя ты, возможно, ночевал в глухом лесу и просто не заметил. Но я видел небо, Род. Видел звезды.

— И что?

— Это не наши звезды, Род. Извини.

Род закусил губу.

— Может, ты плохо знаешь южные созвездия? — предположил он.

— Южные созвездия я запомнил раньше, чем научился читать. Это чужие звезды, Род. Я знаю, что говорю. В той стороне, где садится солнце, ночью появляется пятиугольник из очень ярких звезд — ничего подобного с Земли не увидишь. Да и Луну, если бы она появилась, узнал бы любой.

Род попытался вспомнить, в какой фазе должна быть Луна, но бросил это дело, потому что не знал точно, сколько прошло времени.

— Может, она еще не взошла?

— Не может. Я не видел нашу Луну, но зато видел *луны*... Две луны, маленькие и очень быстрые, как спутники Марса.

— Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это Марс, — неодобрительно произнес Род.

— Что я, по-твоему, рехнулся? Кроме того, звезды выглядят с Марса так же, как и с Земли. Боже, Род, о чем мы говорим? Когда садилось солнце, небо почти очистилось — давай выползем и посмотрим. Уж своим-то глазам ты согласишься?

Род не стал спорить и последовал за Джеком. Из пещеры не было видно вообще ничего, кроме темных силуэтов деревьев на противоположном берегу, но с края каменного уступа просматривался кусочек неба. Род посмотрел вверх и моргнул.

— Осторожней. Не свались в воду, — предостерег Джек.

Род промолчал. Между нависающей глыбой известняка и верхушками деревьев светился рисунок из шести ярких звезд: неровный пятиугольник и одна звезда в центре. Очень заметное созвездие, которое так же невозможно спутать с чем-то другим, как видимые с Земли семь звезд Большой Медведицы. И без диплома по астрографии было понятно, что на Земле этого созвездия никто никогда не видел.

Стройные логические построения Рода рухнули. Он чувствовал себя потрясенным и одиноким. Деревья за рекой вдруг снова стали угрожающе чужими. Он повернулся к Джеку и уже безо всякого гонора сказал:

— Убедил. Что мы теперь будем делать?

Джек не отвечал.

— Что делать-то? — переспросил Род. — И что мы тут стоим?

— Род, — произнес Джек, — вот той звезды в центре пятиугольника раньше не было.

— Как это? Ты, должно быть, просто забыл.

— Нет, я уверен. Знаешь что, Род? Мы с тобой видим *новую* звезду.

От этого научного открытия Род не испытал никакой радости. Мысли его занимало переустройство личного видения мира, и какая-то там взорвавшаяся звезда большого впечатления на него не произвела.

— Может, это одна из твоих лун?

— Ни в коем случае. Они больше и отчетливо видны в форме диска. Я тебе говорю, новая! По-другому и быть не может. Ты только подумай, какая удача!

— Какая еще удача? — расстроенно переспросил Род. — Нам от этого никакого прока. До нее, наверно, светолет сто, не меньше.

— Да, но неужели тебя это не трогает?

— Нет.

Род пригнулся и заполз в пещеру. Джек взглянул на небо еще раз и последовал за ним. Оказавшись внутри, они долго молчали. Род — явно обиженно. Наконец Джек сказал:

— Пожалуй, я ложусь.

— Просто не понимаю, где я ошибся, — откликнулся Род невпопад. — Ведь все, казалось, было так логично.

— Не морочь себе голову, — посоветовал Джек. — Мой инструктор по аналитике говорит, что логика это просто тавтология. С помощью логики, мол, ты не узнаешь чего-то такого, чего не знал раньше.

— Тогда какой в ней смысл?

— Спроси что-нибудь полегче. Ладно, партнер, я спать хочу — умираю. Давай ложиться.

— Ладно. Но, Джек, если это не Африка — а я должен признать, что это действительно так, — то что нам делать? Получается, нас здесь просто бросили?

— Что значит «что делать»? То же, что и раньше: есть, спать, оставаться в живых. Это наверняка зарегистрированная планета. Если мы продержимся, кто-нибудь обязательно здесь появится. Может, просто нару-

шилась подача энергии к воротам, и завтра нас отсюда заберут.

— В таком случае...

— В таком случае хватит болтать и давай спать.

Г л а в а 6

«Я ДУМАЮ, ОН МЕРТВ»

Проснулся Род от заполнившего пещеру божественного аромата. Он перекатился на живот, заморгал от льющегося под навес яркого света и с некоторым усилием вспомнил, где он и что произошло днем раньше. Джек сидел на корточках у маленького костра на краю каменного уступа. Пахло жаренной на огне печенкой.

Род встал на колени и обнаружил, что мышцы у него по-прежнему ломит от усталости: во сне он снова сражался со стоборами. На этот раз в ночных кошмарах ему явились пучеглазые чудовища, вполне уместные на планете, вдруг ставшей чужой и неизмеримо более опасной. Однако он все же выспался, а когда с утра так восхитительно пахнет жареным мясом, никакие ночные ужасы не могут испортить настроение.

Джек поднял взгляд.

— Я уж думал, ты проспишь весь день. Иди почисти зубы, расчешись, прими душ и давай к столу. Завтрак готов. — Потом он снова взглянул на Рода и добавил: — Можешь еще и побриться.

Род улыбнулся и потрогал рукой подбородок.

— Ты просто завидуешь моей щетине, мальчишка. Подожди, через год или два и ты поймешь, какое это мучение. Бритье, простуда и налоги, как говорил мой отец, это три вечные проблемы, с которыми человечество, похоже, никогда не справится. — При мысли о родителях у Рода вдруг зашевелилась совесть: он даже не мог вспомнить, когда думал о них в последний раз. — Чем-нибудь помочь?

— Садись, бери соль. Этот кусок — тебе.

— Давай поделим.

— Ешь и не спорь. Я себе еще сделаю.

Род взял у Джека дымящийся, обугленный кусок печени — пришлось перекидывать его из руки в руку и

дуть. Он поискал глазами соль. Джек в это время резал второй кусок. Взгляд Рода скользнул дальше и тут же вернулся.

В руках у Джека был «Полковник Боуи».

Среагировал Род мгновенно. Стремительным движением он схватил Джека за запястье.

— Ты украл мой нож!

Джек застыл.

— Род... ты с ума сошел?

— Ты меня оглушил и украл мой нож!

Джек даже не сделал попытки освободиться.

— Ты еще не проснулся, Род. Твой нож у тебя на поясе. Это другой нож... Мой.

Не опуская глаз, Род сказал:

— Тот, что у меня на поясе, это «Леди Макбет». А я имею в виду нож, которым ты режешь мясо, «Полковник Боуи», *мой нож*.

— Отпусти руку.

— Брось нож!

— Род... ты, наверно, сможешь заставить меня бросить нож. Ты сильнее и уже держишь меня за руку. Но вчера мы с тобой объединились. Если ты сейчас же меня не отпустишь, наш договор аннулируется. Тебе, видимо, придется убить меня... Потому что, если ты этого не сделаешь, я тебя рано или поздно выслежу. Я буду следить за тобой, пока не застану спящим. И тогда тебе конец.

Не сводя друг с друга глаз, они застыли над костром. Род тяжело дышал и пытался осмыслить, что же произошло. Улики были против Джека. Но неужели этот маленький поганец шел за ним по следу, а затем оглушил и ограбил? Выходило, что так...

Но почему-то не верилось. В конце концов Род решил, что справится с Джеком, если рассказ покажется ему неубедительным, и отпустил его руку.

— Ладно, — сказал он, — как у тебя оказался мой нож?

— Это не бог весть какая история, — ответил Джек, продолжая резать печенку, — и я по-прежнему не уверен, что это *твой* нож. Собственно говоря, он и не мой тоже — мой ты видел. А этот я использую в качестве кухонного. У него балансировка неважная.

— У «Полковника Боуи»? Балансировка? Да это самый лучший метательный нож на свете!

— Ты будешь слушать или нет? Я нашел в зарослях одного парня — еще немного, и на него набросились бы шакалы. Не знаю, кто его прикончил — может быть, и стобор, — но он был наполовину съеден и весь изорван когтями. Однако лицо его осталось нетронутым, и я уверен, что он не из моего класса. У него была «Молния» и...

— Подожди. Ружье?

— Ну я же сказал. Видимо, он пытался им воспользоваться, но ему не повезло. Короче, я взял что можно — этот нож и еще кое-какое снаряжение. Могу тебе показать. «Молнию» я оставил: энергоблок был разряжен, а без него это просто металлолом.

— Джек, посмотри мне в глаза. Ты не лжешь?

— Я могу отвести тебя к этому месту, — сказал Джек, пожимая плечами. — От того парня, видимо, мало что осталось, но «Молния» наверняка там.

Род протянул руку.

— Извини. Я не соображал, что делаю.

Джек взглянул на него, но руки не подал.

— Я думаю, партнер из тебя неважный, так что лучше нам поставить здесь точку. Мы квиты. — Нож перевернулся в воздухе и упал рукояткой на ногу Рода. — Забирай свой тесак и проваливай.

Род оставил нож лежать на земле.

— Ну не обижайся, Джек. Я в самом деле ошибся.

— Я знаю, что это ошибка. Но ты меня заподозрил, и я вряд ли когда смогу доверять тебе. — Джек помолчал, затем добавил: — Доедай и отваливай. Так будет лучше.

— Джек, но мне право жаль, что так вышло. Я прошу прощения. Тут любой бы ошибся: ты ведь еще не слышал мой рассказ.

— Но ты даже не подождал, чтобы выслушать мой!

— Я был не прав, я же признал. — Род торопливо рассказал, как он остался совсем без снаряжения. — ...и естественно, увидев, что «Полковник Боуи» у тебя, я решил, что это твоих рук дело. Тут всё логично, нет?

Джек помолчал, но Род не отставал:

— Ну скажи, разве нет?

— Опять ты со своей логикой, — неохотно произнес Джек. — Она тебе слишком часто ударяет в голову. Не лучше ли было сначала подумать, а?

Род покраснел, но промолчал.

— Если бы я стащил твой нож, — продолжил Джек, — разве б я тебе его показал? Или если уж на то пошло, согласился бы я в таком случае стать твоим партнером по выживанию?

— Нет, видимо, Джек. Я действительно сделал поспешные выводы и не сдержался.

— Капитан Бенбоу всегда говорил, что поспешными выводами и несдержанностью можно заплатить за билет на кладбище, — произнес Джек строго.

— Мастер Мэтсон тоже говорил что-то в таком духе. — Род виновато улыбнулся.

— Похоже, они оба правы. Ладно, давай начнем все сначала. Даже собаке позволяется укусить хозяина один раз — но только один.

Род поднял взгляд и увидел перед собой грязную ладонь Джека.

— Ты хочешь сказать, что мы снова партнеры?

— Давай руку. Выбирать нам особенно не приходится.

Они с серьезным видом пожали друг другу руки, после чего Род подобрал «Полковника Боуи», еще раз взглянул на него и протянул рукояткой вперед Джеку.

— Видимо, он теперь твой.

— А? Нет. Пусть лучше он будет у тебя.

— Почему? Он достался тебе честно.

— Не валяй дурака, Род. У меня есть «Синяя борода» — как раз для меня нож.

— Он — твой. У меня есть «Леди Макбет».

Джек сдвинул брови.

— Мы ведь партнеры, так?

— Да, конечно.

— Значит, у нас все общее. «Синяя борода» принадлежит и тебе, и мне. И «Полковник Боуи». Но ты к нему приноровился, так что для нас обоих будет лучше, если нож останется у тебя. Как, твоя логика заумная тебе что-нибудь подсказывает?

— Э-э-э...

— Ну тогда заткнись и ешь. Давай я тебе еще кусок отрежу. Этот уже остыл.

Род подобрал обгоревший кусок печени, отряхнул пыль и пепел.

— Нет, он еще ничего.

— Выкинь его в реку и возьми горячий кусок. Печень все равно долго не пролежит.

Накормленный и согретый ощущением, что у него есть друг, Род растянулся после завтрака на каменном уступе и вперил взгляд в небо. Джек загасил костер и выбросил остатки завтрака в реку. Недоеденный кусок печени еще не коснулся воды, как оттуда высунулась в стремительном броске какая-то тварь и схватила его на лету. Джек повернулся к Роду.

— Так. Чем мы сегодня займемся?

— М-м-м... Мяса у нас хватит до завтра. Так что сегодня охотиться не нужно.

— С тех пор как я нашел эту пещеру, я охочусь через день. На второй день мясо даже лучше, но на третий — фу-у!

— Согласен. А чем ты хочешь заняться?

— Не знаю. Надо подумать. Для начала можно сходить купить молочные коктейли — в больших стаканах, густые, с шоколадом. Или фруктового салата. А еще лучше и то, и другое. Сначала я съем...

— Прекрати, а то у меня сердце не выдержит!

— Затем я приму ванну, разоденусь в пух и прах, смоताюсь в Голливуд и посмотрю парочку фильмов. Тот супербоевик с Дирком Мэнли в главной роли, а после что-нибудь приключенческое. Потом еще один молочный коктейль — на этот раз клубничный, а потом...

— Боже, заткнись!

— Ты сам спросил, чем я хочу заняться.

— Да, но я имел в виду в рамках возможного.

— Что ж ты сразу не сказал? Или, по-твоему, тут все «логично» и должно быть понятно сразу? Я думал, ты всегда действуешь в соответствии с логикой.

— Ну что ты ко мне пристал? Я же извинился.

— Да, извинился, — с мрачной ухмылкой признал Джек, — однако я еще не истратил весь накопленный яд.

— Ты часом не из тех, кто любит ворошить прошлое?

— Только тогда, когда ты этого меньше всего ожидаешь. Но если серьезно, Род, я думаю, надо идти сегодня охотиться.

— Ты же сам согласился, что это подождет до завтра. Лишний раз убивать ни к чему, да и опасно.

— Я думаю, надо поохотиться на людей.

Род приставил ладонь к уху.

— Еще раз...

— Я думаю, что сегодня нам надо поохотиться на людей.

— Да? От скуки я, конечно, готов на все. Только что мы будем с ними делать? Скальпировать или просто кричать: «Готов! Мы тебя убили!»?

— В скальпировании больше прока... Род, как потвоему, сколько мы здесь проторчим?

— А? Мы уже знаем, что с возвратом вышла наклад-ка. По твоим словам, мы здесь уже три недели... Мне казалось, что дольше, но я не делал зарубок. Следовательно...

— Что «следовательно»?

— Следовательно, ничего. Может, у них какие-нибудь технические неполадки, которые они устранят уже сегодня, и нас вернут домой. А может, Мастер Мэтсон и его коллеги, любители приключений, решили, что будет очень здорово, удвоить срок проверки, ничего не сообщив нам. В конце концов, может, далай-лама приказал бомбить иноверцев, и вместо ворот теперь радиоактивные развалины. Или прилетели трехголовые змеелюди из Малого Магелланова Облака и взяли ситуацию в свои руки — как они это понимают. Может, мы здесь навсегда.

Джек кивнул.

— Это я и имею в виду.

— Так сразу? Пока ясно только то, что про нас забыли.

— Род, группа из двух человек хороша на несколько недель. Но представь себе, что ожидание растянется на месяцы. Представь, что кто-то из нас сломал ногу. И даже если ничего такого не случится, надолго ли мы, потвоему, в безопасности с этой сторожевой системой из сухих веток? Нам нужно перегородить тропу, чтобы забираться сюда можно было только по веревочной лестнице, которую будет сбрасывать постоянный дежурный. Нужно найти соль, подумать о том, как выдубить шкуры, и много чего еще — кстати, этот мой бурдюк уже пахнет. На долгий срок нам нужно как минимум четыре человека.

Род в задумчивости почесал свои выпирающие ребра.

— Знаю. Я об этом еще вчера думал, после того как ты разгромил мою оптимистическую теорию, но я ждал, когда ты сам об этом заговоришь.

— Почему?

— Это твоя пещера. У тебя тут и снаряжение, и ружье, и лекарства, и еще, наверное, много всякого, чего я не видел. У тебя есть соль. А у меня только нож — теперь, благодаря тебе, два ножа. Хорошо бы я был, предложив поделить все это на четверых.

— Мы же одна команда, Род.

— М-м-м... верно. И мы оба считаем, что команда будет сильнее, если мы завербуем парочку рекрутов... Сколько там всего народа, по-твоему? — спросил он, махнув рукой в сторону зеленой стены за рекой.

— В моей группе допущены были семнадцать парней и одиннадцать девчонок. Капитан Бенбоу сказал, что в этой зоне испытаний будет четыре группы.

— Мастер нам даже этого не сказал. Но из нашего класса прошло человек двадцать.

— Значит, тут человек сто всего, — задумчиво произнес Джек.

— Если не учитывать потери.

— Если не учитывать потери. Примерно две трети ребят и одна треть девчонок. Выбор большой, если мы сумеем их отыскать.

— Только давай обойдемся без девчонок, Джек.

— А что ты против них имеешь?

— Я? Ничего. На пикнике им цены нет или, скажем, долгими зимними вечерами. Я обеими руками за прекрасную половину. Но в таких вот переделках они — чистая отравка.

Джек промолчал, и Род продолжил:

— Сам подумай. Ну появится у нас тут такая милашка, и в пещере сразу будет больше проблем, чем там, снаружи, со всеми этими столбами и прочей нечистью. Ссоры, сцены ревности, а то, гляди, кто-нибудь из парней еще и соперника из-за нее пырнет. Нам и без того проблем хватает.

— Ну хорошо, — задумчиво произнес Джек, — предположим, мы кого-то встретили, и оказалось, это девчонка. Как ты собираешься поступить? Снять шляпу и сказать: «Прекрасный день, мадам, не правда ли? Но теперь отвалите и не мешайтесь»?

Род вычертил на рассыпанном пепле пятиугольник, поставил в центре еще одну звезду, затем стер рисунок ногой.

— Не знаю, — медленно ответил он. — Будем надеяться, что наберем команду раньше, чем столкнемся с такой проблемой. Может, они сами объединятся.

— По-моему, нам надо продумать свою политику в этом вопросе заранее.

— Я — пас. А то ты опять обвинишь меня в пристрастии к логике. У тебя есть какие-нибудь соображения, как искать остальных?

— Пожалуй. Кто-то еще охотится выше по течению.

— Да? Ты его знаешь?

— Я видел его только издалека, и он не из моего класса. На полголовы ниже тебя, светлые волосы, светлая кожа, но он здорово обгорел на солнце. Кого-нибудь напоминает?

— Трудно сказать, — ответил Род, взволнованно подумав, что описание, и в самом деле кого-то напоминает. — Может, пойдем посмотрим, вдруг удастся его выследить?

— Я могу отдать его тебе со всеми потрохами. Но я не уверен, что нам нужен именно такой человек.

— Почему? Если он протянул до сих пор, он должен что-то соображать.

— Честно говоря, я не понимаю, как ему это удалось. Двигается он так, что за километр слышно, и уже неделю живет на одном и том же дереве.

— В этом тоже есть свой смысл.

— Да, но только если не кидаешь кости и объедки под своим же деревом. Меня именно шакалы на его жилище и навели.

— М-м-м... да. Но если он нам не понравится, мы можем его и не приглашать.

— Договорились.

Перед выходом Джек порылся в темном углу пещеры и извлек оттуда сложенную веревку.

— Род, может быть, это твоя?

Род внимательно осмотрел веревку.

— Во всяком случае, такая же, как у меня была. А что?

— Я ее нашел там же, где и «Полковника Боуи». Если не твоя, все равно возьми — пригодится.

Джек достал еще моток веревки и обмотал ее вокруг бронежилета. Род подумал, что он, должно быть, так и спал, но промолчал. Если Джек считает такую защиту

важнее подвижности, его дело. Каждому — по его привычкам, как говаривал Мастер.

Дерево стояло на небольшой поляне, но Джек провел Рода через кусты, подходившие близко к стволу, и последние несколько десятков метров они пробирались ползком. Джек пригнул голову Рода поближе и прошептал ему в ухо:

— Если мы пролежим тут часа три или четыре, я готов спорить, он обязательно слезет с дерева или появится из леса.

— О'кей. Следи за тылом.

Они пролежали около часа, но ничего не произошло. Род старался не замечать крошечных кусачих мушек, вьющихся вокруг. Он бесшумно поменял позу, чтобы не затекали руки и ноги, и с трудом подавил чих. Наконец он решил позвать Джека.

— Что случилось?

— Вот там из дерева растут две толстые ветки. Это и есть его «гнездо»?

— Может быть.

— Видишь? Рука торчит.

— Где?.. Кажется, да. Но возможно, это просто ветка.

— По-моему, все-таки рука, и я думаю, он мертв. С тех пор как мы пришли, рука ни разу не шевельнулась.

— Спит?

— Спящий человек обычно не лежит так долго в одной позе. Я хочу влезть посмотреть. Ты меня прикроешь. Если рука двинется, кричи.

— Может, не стоит так рисковать, Род?

— Смотри в оба! — распорядился Род и пополз вперед.

Как Род и предположил, едва услышав рассказ Джека, рука принадлежала Джимми Трокстону. Он не умер, но был без сознания, и Роду никак не удавалось привести его в чувство.

Джимми лежал в своем наполовину искусственном гнезде, и одна его рука свешивалась вниз. Род заметил, что он срезал мелкие ветки — получилась уютная колыбель между двумя сучьями и стволом дерева.

Спустить его на землю оказалось не так-то легко: весил Джимми примерно столько же, сколько сам Род. Он продел веревку у Джимми под мышками и перекинул ее через сук, чтобы она стравливалась помедленнее, но

сложнее всего было вытащить его из неопрятной колыбели и при этом не уронить.

На полпути вниз живой груз застрял, и Джеку пришлось подняться по стволу, чтобы его высвободить. Но в конце концов, изрядно попотев, они справились, и, оказавшись на земле, Джимми все еще дышал.

Роду пришлось нести своего друга до самой пещеры. Джек предложил делать это по очереди, но Джимми был явно слишком тяжел для него. Род только прикрикнул на Джека, чтобы тот прикрывал их со всех сторон: если бы не ровен час появился псевдолев, сам он мало чем мог помочь.

Хуже всего оказалось взбираться к пещере по крутому берегу из осыпающегося сланца. Род и без того уже выдохся — он больше километра тащил на себе обмякшее тяжелое тело по пересеченной местности, — и перед подъемом пришлось отдохнуть.

— Не урони его в воду! А то уже нечего будет вылавливать. Я видел... — озабоченно произнес Джек.

— Сам знаю. Обойдусь без дурацких советов.

— Извини.

Наконец он пополз вверх. Страшно было и за Джима, и за себя. Род не знал, что за твари живут в реке, но не сомневался, что сожрут их мгновенно. Когда он добрался до нависающей известняковой глыбы, пришлось совсем согнуться, чтобы попасть на каменный уступ, но даже так Род почувствовал, что его ноша цепляется за край и сползает назад.

Джек помог ему удержаться на месте, затем протолкнул дальше. Оказавшись в безопасности на каменном уступе, они повалились наземь. Род едва дышал и никак не мог унять дрожь в уставших мышцах.

Они уложили Джимми на спину, и Джек проверил его пульс.

— Быстрый, но слабый. Наверно, он не выкарабкается.

— Какие у тебя есть лекарства?

— Два вида неосульфатов и вердомицин. Но я не знаю, что ему давать.

— Давай все три и молись.

— А вдруг у него аллергия на какое-нибудь из них?

— У него сейчас аллергия на смерть, а это гораздо серьезнее. Температура поднялась, наверное, за сорок. Так что давай.

Род приподнял Джимми за плечи и ущипнул за мочку уха, а когда тот пришел в сознание, Джек запихнул ему в рот таблетки и заставил запить водой. Теперь оставалось только ждать.

Всю ночь они дежурили около больного по очереди. К утру температура спала, Джим очнулся и попросил пить. Род снова приподнял его, а Джек поднес к пересохшим губам бурдюк. Джимми напился воды и опять уснул.

Они решили ни в коем случае не оставлять Джима одного, поэтому Джек оставался ухаживать за больным, а Род каждый день ходил на охоту, стараясь добыть что-нибудь понежнее, чтобы с мясом мог управиться и их ослабевший подопечный. Уже на вторые сутки Джим мог говорить, не засыпая посреди фразы. Во второй половине дня Род вернулся с тушкой небольшого зверька, напоминающего гибрид кошки и кролика. Джек как раз шел ему навстречу с пустым бурдюком.

— Привет.

— Привет. Я вижу, тебе повезло. Слушай, Род, будешь его свежевать, поосторожней со шкуркой. Нам нужен новый бурдюк. Там не очень много порезов?

— Совсем нет. Я убил его камнем.

— Отлично!

— Как наш пациент?

— Выздоровливает не по дням, а по часам. Я сейчас вернусь.

— Давай посторожу тебя, пока ты наберешь воды.

— Не надо, я буду осторожен. Иди к Джиму.

Род поднялся наверх, положил добычу на каменный уступ и пролез в пещеру.

— Как ты тут?

— Шикарно. Думаю, что поборю тебя в двух случаях из трех.

— На следующей неделе. Джек заботится?

— Еще как! Слушай, Род, я просто не знаю, как вас благодарить! Если бы не вы...

— Не знаешь, значит, не пытайся. И не за что меня благодарить. А Джек — мой партнер, так что все нормально.

— Джеку цены нет!

— Да, отличный парень. Лучше не бывает. Мы с ним здорово ладим.

Джим посмотрел на него с удивлением, открыл было рот и тут же закрыл.

— В чем дело? — спросил Род. — Тебя укусил кто? Или тебе опять нехорошо?

— Как ты сказал про Джека? — медленно произнес Джим.

— А? Я сказал, что лучше не бывает. Мы с ним теперь — одна команда. Отличный парень.

Джимми Трокстон посмотрел на него с сомнением и спросил:

— Род... Ты от рождения такой дурной? Или после поглупел?

— А что такое?

— Джек — *девчонка*.

Г л а в а 7

«НАДО БЫЛО ХОТЬ ПИРОГ ИСПЕЧЬ»

Молчание тянулось долго.

— Закрой рот, — сказал наконец Джим, — а то кто-нибудь залетит.

— Джимми, ты, похоже, еще не в себе.

— Может, я еще болен, но не настолько, чтобы не отличить девушку от парня. Когда со мной такое случится, я буду уже не болен, а мертв.

— Но...

— Спроси ее сам. — Джимми пожал плечами.

На пол упала тень. Род обернулся и увидел, что Джек уже на каменном уступе.

— Свежая вода, Джим!

— Спасибо, — ответил Джим и посмотрел на Рода. — Давай, спроси.

Джек перевел взгляд с одного на другого.

— Что за безмолвная сцена? Что ты на меня так смотришь, Род?

— Джек, — медленно произнес Род. — Как тебя зовут?

— А? Джек Доде. Я же тебе говорил.

— Нет. Полное, настоящее имя.

Джек снова перевел взгляд с Рода на ухмыляющуюся физиономию Джимми, потом обратно.

— Мое полное имя... Жаклин Мари Доде. Если тебе это так важно. А что?

Род сделал глубокий вдох.

— Жаклин, — произнес он, словно оценивая имя на слух. — Я не знал...

— Так и было задумано.

— Я... Слушай, если я сказал что-нибудь такое, обидел тебя, я не имел в виду ничего плохого...

— Успокойся, ты ничего обидного не говорил, медведь ты этакий. Разве что про свой нож.

— Я не хотел.

— Или ты имеешь в виду, что «все девчонки — чистая отравка»? А тебе не приходило в голову, что к парням это относится в такой же степени? Впрочем, в такой ситуации, очевидно, нет. Но раз ты все узнал, то, может, оно и к лучшему. Теперь нас уже трое.

— Но, Жаклин...

— И пожалуйста, зови меня Джекки. — Она передернула плечами. — Теперь, когда вы оба знаете, мне не нужно будет носить этот чертов панцирь. Отвернитесь.

— Э-э-э... — Род отвернулся. Джимми перекатился на бок, лицом к стене.

— О'кей, — слышалось через минуту.

Род обернулся. В рубашке и брюках, без бронежилета, ее плечи были гораздо уже, а сама она изящнее и очень неплохо сложена. Жаклин сидела на полу и отчаянно чесала грудь и спину.

— С тех пор как я тебя встретила, Род Уокер, я даже не могла по-человечески почесаться, — произнесла она с упреком. — Иногда я просто умираю.

— Никто не заставлял тебя носить эту штуковину.

— А представь, если бы я ее не носила. Ты бы захотел быть со мной в одной команде?

— Э-э-э... ну я... в общем-то... — Род умолк.

— Вот видишь. — Неожиданно на ее лице отразилось беспокойство. — Мы все еще партнеры?

— Что? Разумеется!

— Тогда давай снова пожмем друг другу руки. И с Джимом тоже. Ты согласен, Джим?

— Спрашиваешь!

Три правые руки сошлись в рукопожатии, Джекки накрыла их левой рукой и торжественным тоном произнесла:

— Все за одного!

Род достал левой рукой «Полковника Боуи» и положил плашмя на сцепленные руки.

— И один за всех!

— Налоги делим на троих, — добавил Джимми. — И надо бы заверить это дело в нотариальной конторе.

Глаза у Жаклин заблестели от слез.

— Джимми Трокстон, — произнесла она многообещающим тоном, — когда-нибудь я заставлю тебя воспринимать жизнь всерьез!

— Я и так воспринимаю ее всерьез, — возразил он. — Не хочется только, чтобы и она воспринимала меня так же. Когда рождаешься заново, грех не порадоваться.

— Мы все, считай, родились по второму разу, — сказал Род. — Но сейчас помолчи. Ты и так слишком много болтаешь.

— Смотри как заговорил! А сам-то что?

— Во всяком случае не стоит смеяться над тем, что говорит Жаклин. Она для тебя очень много сделала.

— Кто ж с этим спорит!

— Тогда...

— Никаких «тогда»! — резко сказала Жаклин. — Меня зовут Джекки, Род. Забудь о Жаклин. Если вы начнете сейчас проявлять галантность, у нас будет полный набор всех тех проблем, о которых ты меня предупреждал. Если я правильно помню, ты сказал «чистая отравка».

— Но было бы только логично...

— Опять ты со своей логикой! Давай займемся практической стороной дела. Помог бы мне лучше сделать новый бурдюк.

На следующий день Джим уже взял на себя заботу по «дому», а Джекки и Род ушли на охоту вместе. Джим тоже хотел пойти, но наткнулся на двойной запрет. Охота втроем давала не бог весть сколько преимуществ, зато вдвоем у них получалось отлично: теперь им не приходилось выжидать в засаде по несколько часов, и дело было лишь за тем, чтобы найти добычу. Джекки загоняла зверя, а Род его приканчивал. Они выбирали животное где-нибудь на краю стада, Джекки подкрадывалась с другой стороны и спугивала его, обычно прямо на Рода.

Охотились они по-прежнему с ножами, хотя Джекки выбрала хорошее оружие для выживания в примитивных условиях — пневматическое ружье, стреляющее

ядовитыми стрелками. Поскольку стрелки можно было находить и снова заряжать ядом, ружье могло служить практически вечно. Именно по этой причине Джекки выбрала его, а не огнестрельное или энергетическое оружие.

Роду оно очень понравилось, но тем не менее он решил не брать ружье на охоту.

— Давление может упасть, и в нужный момент оно вдруг подведет.

— Такого ни разу не случалось. Да и перезарядить его — одна секунда.

— Хорошо... Но если мы начнем пользоваться ружьем, рано или поздно мы потеряем последнюю стрелку, и может так случиться, что именно тогда оно нам особенно понадобится. Возможно, мы здесь надолго, так что давай оставим его про запас, а?

— Как скажешь, Род.

— Почему это? У нас у всех равное право голоса.

— Нет. Мы с Джимми уже говорили об этом, и он согласен: кто-то должен быть главным.

Охота занимала у них около часа каждый второй день. Остальное время уходило на поиски новых партнеров: они поделили местность на квадраты и прочесывали их очень старательно. Однажды им удалось спугнуть стервятников с добычи, которую, похоже, кто-то разделывал ножом. Род и Джимми шли по следу — по человеческому следу, как они убедились, — но из-за темноты им пришлось вернуться в пещеру. Наутро они попытались отыскать след снова, но безуспешно: ночью прошел сильный дождь.

В другой раз они нашли остатки костра, но Род решил, что ему по крайней мере десять дней.

Как-то через неделю, которая прошла в бесплодных поисках, они вернулись домой не так поздно. Джимми оторвал взгляд от костра.

— Как успехи в переписи населения?

— И не спрашивай, — Род устало опустил на каменный пол. — Что у нас на обед?

— Сырое мясо, жареное мясо и горелое мясо. Я пытался запечь немного в мокрой глине, но получилась только отлично обожженная глина.

— И на том спасибо.

— Джим, — сказала Джекки, — нужно попробовать сделать глиняные горшки.

— Я уже пробовал. С первой попытки получил огромную трещину. Но я еще научусь. Послушайте-ка, дети мои, — продолжил он, — а вам не кажется, что вы ищете людей не тем способом?

— Почему не тем? — спросил Род.

— Ну, если вам хочется физических упражнений, то все нормально. Вы носитесь по всей округе, но результатов нет. Может, лучше будет, если они сами нас разыщут?

— Каким образом?

— Можно подать дымовой сигнал.

— Мы уже думали об этом. Но нам не нужен кто угодно, и сообщать всем подряд, где мы живем, тоже ни к чему. Нам нужны люди, с которыми мы станем сильнее.

— Вот это как раз и есть то, что инженеры называют «ошибочным критерием». Отличный плотник может оказаться тем человеком, которого вы никогда не найдете, пытаясь выследить его в лесу. А он вас найдет за просто, пока вы ломитесь через кустарник, расшвыривая камни, ломая ветки и распугивая птиц. Он может даже проследить за вами и понять, что вам нужно, но, если ему не захочется, вы его никогда не найдете.

— Род, в этом что-то есть, — сказала Джекки.

— Тебя мы нашли достаточно легко, — заметил Род Джиму. — Может, ты сам не тот тип, что нам нужен.

— Я просто был не в форме, — ответил Джимми спокойно. — Вот подожди, я наберусь сил и покажу свою истинную природу! Ург, пещерный человек — перед вами! Наполовину неандерталец, наполовину гибкий черный леопард. — Он постучал себя в грудь и зарычал.

— Это не очень похоже на истинную пропорцию. Неандерталец тут явно доминирует.

— Не дерзи. И помни, что ты мой должник.

— Я думаю, ты просто жульничаешь. Наверно, наизусть уже выучил, как каждая карта выглядит с другой стороны. Они у тебя скоро в лохмотья превратятся.

Когда Джимми спасли, при нем обнаружили игральные карты, и позже он объяснил, что это тоже снаряжение для выживания.

— Прежде всего, — сказал Джим, — если бы я потерялся, я всегда мог сесть и разложить пасьянс. Рано или поздно кто-нибудь меня нашел бы и...

— И начал давать советы, как играть. Это мы уже слышали.

— Тихо, Род. Во-вторых, Джекки, я планировал объединиться здесь с этой вот «дубиной». Мне ничего не стоит обыграть его в крибидж, но он все время пытается отыграться. Я решил, что за время испытания сумею выудить у него все карманные деньги на будущий год. Тактика выживания!

Как бы там ни было, но карты имелись, и каждый вечер они втроем играли в тихие семейные игры по миллиону плутонов за кон. Жаклин шла более-менее ровно, зато Род задолжал Джиму уже несколько сот миллионов. В тот вечер они продолжили дискуссию за игрой. Род по-прежнему не хотел раскрывать местонахождение их убежища.

— Мы можем подавать дымовой сигнал где-нибудь в другом месте, — предложил он задумчиво. — И дежурить в безопасном укрытии. Сними, Джим.

— Да, но тут тоже риск... Пятерка, как раз то, что нужно! Если вы устроите костер достаточно далеко отсюда, чтобы никто не знал про эту пещеру, вам придется мотаться туда и обратно по крайней мере дважды в день. Я думаю, очень скоро удача вам изменит, и в один прекрасный день вы просто не вернетесь. Не то чтобы я стал сильно горевать, но играть будет не с кем.

— Чья игра?

— Джекки. Но если мы разожжем костер близко, на виду, тогда нам останется только сидеть и ждать. Я сяду спиной к стене с этой пукалкой на коленях, и, если покажется враг, шлеп — и готово! Но если они нам понравятся, тогда мы возьмем их в игру.

— Считай.

— Пятнадцать-шесть, пятнадцать-двенадцать, пара, шестерка за валетов... Это будет стоить тебе еще один миллион, мой друг.

— По-моему, один из этих валетов — дама, — с угрозой произнес Род.

— В самом деле? Знаешь, уже темно. Сдаешься?

В конце концов они согласились с планом Джима. Времени для игры в карты стало больше, и долг Рода вырос за миллиард. Сигнальный костер горел на каменном уступе ниже по течению, и обычно ветер дул так, что дым сносило в сторону. Когда же его задувало в пещеру, это было просто невыносимо, и они пулей вылетали оттуда, размазывая слезы по щекам.

За четыре дня такое случалось три раза. Их реклама ни у кого пока не вызвала интереса, и они здорово устали таскать сухие дрова для костра и собирать зеленые ветки, которые давали дым. После третьего раза Джимми не выдержал.

— Род, я сдаюсь. Твоя взяла, и я снимаю свое предложение.

— Нет!

— А? Поимей совесть! Я не могу питаться дымом — в нем совсем нет витаминов. Давай лучше вывесим флаг. Я пожертвую свою рубашку.

Род задумался.

— А это идея!

— Стой, подожди! Я же пошутил. У меня нежная кожа, и я легко обгораю.

— А ты не торчи на солнце подолгу, и со временем у тебя будет отличный загар. Мы и вправду вывесим твою рубашку вместо флага. Но огонь тоже нужно поддерживать, только не здесь, на уступе, а где-нибудь там, на лугу может быть.

— Чтобы дым опять задувало в наш летний коттедж?

— Ну тогда еще дальше вниз по течению. Мы разведем большой костер, и дым будет видно издалека. А флаг повесим над пещерой.

— И тем самым допросимся, что нас выследят какие-нибудь лихие волосатые личности, которые никогда не слышали о праве на собственность.

— Мы уже признали, что рискуем, когда решили разжечь сигнальный костер в первый раз, так что чего уж там. Давайте за дело.

Род выбрал самое высокое дерево на скале, под которой расположилась пещера, забрался на самый верх, где ствол едва его держал, и целый час работал ножом, срубая верхушку. Затем привязал рубашку Джимми за рукава и полез вниз, срезая по пути все лишние ветки. Вскоре они стали слишком толстыми, чтобы справиться с ними ножом, но и так получилась голая мачта в несколько метров высотой. Рубашку трепало на ветру и отлично было видно издалека. Усталый, но довольный своей работой, Род еще раз взглянул вверх: без сомнения, сигнальный флаг.

Джимми и Жаклин развели тем временем новый костер ниже по течению, для чего перенесли огонь с уступа. У Жаклин еще оставалось несколько спичек, а у

Джимми была почти полностью заряженная зажигалка, но сознание того, что они могут остаться тут надолго, заставляло экономить. Спустившись на землю, Род присоединился к ним. Теперь места для костра хватало, да и валежник таскать стало легче, так что дым валил вовсю.

Лицо Жаклин, потное и не особенно чистое до этого, теперь совсем почернело от дыма, а на бледно-розовой коже Джимми сажу было заметно еще лучше.

— Пироманьяки, — улыбнулся Род, оглядев своих товарищей.

— Ты приказал дым, — ответил Джимми, — и я планирую такой костер, что сожжение Рима будет выглядеть по сравнению с ним детской забавой. Притащи-ка мне тогу и скрипку.

— Скрипки изобрели позже. Нерон играл на лире.

— Давай не будем мелочиться. У нас получается неплохое грибообразное облако, а?

— Гулять так гулять, Род! — подзадорила его Жаклин, вытирая лицо, отчего оно совсем не стало чище. — Весело ведь!

Она макнула огромную зеленую ветку в воду и бросила в костер — дым тут же повалил столбом.

— Еще дров, Джимми!

— Несу!

Род тоже разошелся, и вскоре стал таким же черным, как и они. Ни разу с самого начала испытания не было ему так весело. Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, они наконец оставили попытки сделать костер еще больше, лучше, дымнее и неохотно отправились к пещере. Только в этот момент Род осознал, что совсем забыл про осторожность.

Ладно, успокоил он себя, все опасные животные избегают огня.

Пока они ели, от догорающего костра еще тянулся вверх столб дыма. После Джимми достал карты и попытался перетасовать рыхлую колоду.

— Кто-нибудь желает поучаствовать? Обычные низкие ставки.

— Я слишком устал сегодня, — ответил Род. — Ты можешь просто увеличить мой долг на ту сумму, что я обычно проигрываю за день.

— Но это неспортивно. И потом, помнишь? Ты на прошлой неделе один раз выиграл. А ты, Джекки, что скажешь?

Жаклин хотела что-то ответить, но Род жестом заставил их замолчать.

— Ш-ш-ш! Я слышал какой-то звук, — прошептал он.

Джимми и Жаклин замерли, потом бесшумно достали ножи. Род сунул «Полковника Боуи» в зубы и выполз на каменный уступ. На тропе никого не было видно, и, похоже, никто не трогал загородку из сухих веток. Род высунулся еще дальше, пытаюсь определить, откуда донесся звук.

— Эй, внизу! — послышался негромкий голос.

Род почувствовал, как напряглись у него мышцы. Он обернулся и увидел, что Джимми взял тропу на прицел. Жаклин достала свое ружье и тоже зарядила.

— Кто там? — крикнул Род.

Сначала наверху молчали, потом тот же голос ответил:

— Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. А вы кто?

Род облегченно вздохнул.

— Род Уокер, Джимми Трокстон и еще один человек, не из нашего класса. Джекки Доде.

Бакстер какое-то время думал.

— Можно к вам присоединиться? По крайней мере на сегодня?

— О чем речь!

— Как нам спуститься вниз? Кармен не может карабкаться по скале — у нее болит нога.

— Вы прямо над нами?

— Наверно. Я тебя не вижу.

— Оставайся на месте. Я сейчас поднимусь. — Род повернулся к своим товарищам и улыбнулся. — У нас гости к ужину. Разводи огонь, Джимми.

Джимми удрученно причмокнул языком.

— А в доме почти ничего нет. Надо было хоть пирог испечь.

К тому времени, когда Род вернулся с Бобом и Кармен, на огне уже жарилось мясо. Задержались они из-за Кармен: она всего лишь растянула лодыжку, но по крутому берегу пришлось карабкаться на руках, да и туда еще нужно было добраться, а боль и усталость давали себя знать.

Когда Кармен поняла, что третий человек, незнакомый, — девушка, она даже расплакалась. Джекки посмотрела на парней сердитым взглядом — Род так и не

понял почему — и увела ее в дальний угол пещеры, где спала сама. Пока Боб Бакстер и Род с Джимом сравнивали свои наблюдения, девушки непрерывно о чем-то шептались.

У Боба и Кармен дела шли отлично до тех пор, пока она не подвернула ногу двумя днями раньше, — если не считать, конечно, что их по какой-то непонятной причине забыли на этой планете.

— Когда стало понятно, что никто не собирается вызволить нас отсюда, у меня, признаться, просто опустились руки, — сказал Боб. — Но Кармен быстро привела меня в чувство. Она — человек очень практичный.

— Женщины всегда практичнее мужчин, — согласился Джимми. — Вот я, например, натура поэтическая.

— Только все у тебя белым стихом получается, — поддел его Род.

— Это ты от зависти, Род. Ладно, Боб, старина, может, тебе еще кусок? Сырой или хорошо обугленный?

— И тот, и другой. Последние два дня мы жили впроголодь... М-м-м, вкусно-то как!

— Соус по моему рецепту, — скромно сказал Джимми. — У меня, знаешь ли, тут свой огород. Сначала надо растопить в сковородке кусок масла, а затем...

— Уймись, Джимми, ради бога! Боб, вы с Кармен хотите в нашу команду? Насколько я понимаю, мы вряд ли можем рассчитывать на возвращение. Следовательно, надо строить планы на будущее.

— Похоже, ты прав.

— Род всегда прав, — поддакнул Джимми. — А насчет планов на будущее... Боб, вы с Кармен играете в крибидж?

— Нет.

— Ничего. Я вас научу.

Г л а в а 8

«ПРИДЕТСЯ ВАМ ВЫБИРАТЬ»

Решение о том, что надо подавать дымовой сигнал и дальше, чтобы собрать как можно больше людей, никто на голосование не ставил, оно оформилось и утвердилось само. Род хотел обсудить этот вопрос утром, но Джимми

и Боб сами развели огонь, когда пошли вниз за водой, и он никому ничего не сказал. В тот день их разыскали еще две девушки.

Точно так же никто не заключал формальных договоров о партнерстве, и никто не выбирал лидера группы: Род продолжал руководить, и Боб Бакстер без разговоров принял сложившееся положение. Сам Род был слишком занят и даже не думал об этом. Проблемы безопасности, размещения и продовольствия для растущей колонии просто не оставляли времени ни на что другое.

С прибытием Боба и Кармен запас мяса иссяк мгновенно, и уже на следующий день пришлось идти на охоту. Боб Бакстер предложил поучаствовать, но Род решил взять с собой, как обычно, Джекки.

— Ты сегодня отдыхай. Не разрешай Кармен наступать на больную ногу и не отпускай Джимми одного к костру. Он считает, что уже совсем выздоровел, но это не так.

— Я заметил.

Джекки и Род отправились на охоту и довольно быстро убили оленя. Однако Род добил его не сразу, и, когда Жаклин подбежала помочь, бьющийся на земле раненый зверь ткнул ее рогом в бок. Джекки уверяла, что все в порядке, но на следующее утро бок все еще болел, и Боб сказал, что у нее, возможно, сломано ребро.

Трое из прежнего состава группы оказались больны, а тем временем у них появилось два новых рта. Правда, один из них — большой и с постоянной улыбкой на губах — принадлежал Каролине Мшийени, и Род выбрал ее на роль нового помощника в охоте.

Джекки надулась. Она отвела Рода в сторону и прошептала:

— Зачем ты так? Я вполне способна охотиться. Бок у меня в порядке, совсем немного болит.

— Болит, значит? Но это может подвести тебя в нужный момент. Я не хочу рисковать, Джекки.

Она еще раз взглянула на Каролину и надула губы, храня на лице упрямое выражение.

— Джекки, ты помнишь, что я говорил насчет ревности? — принялся уговаривать ее Род. — Если ты будешь устраивать сцены, я тебя отшлепаю.

— Кишка тонка!

— Ничего, мне помогут. Однако послушай... Мы ведь партнеры?

— Мне так казалось, во всяком случае.

— Тогда води себя соответственно и не добавляй нам проблем.

Джекки пожала плечами.

— Ладно. Я и так все понимаю. Останусь дома.

— Это не все. Возьми мой старый бинт — он где-то здесь должен валяться, — и пусть Боб Бакстер замотает тебе ребра.

— Нет!

— Ну, тогда Кармен. Они оба вроде как знахари. — Род повернулся к Каролине и громко спросил: — Ты уже готова?

— Ощетинилась и вся дрожу от возбуждения.

Род рассказал ей, как они с Джекки охотились, и объяснил, что от нее требуется. Первые два стада, что им попались, они прошли мимо: стада оказались смешанными. Мясо у старых самцов жесткое и не особенно вкусное, а пытаться убить кого-нибудь другого, кроме вожака-самца, просто опасно и потому глупо. Около полудня они отыскали стадо годовалых животных, расположившихся против ветра от них, и разошлись в стороны. Род приготовился ждать, когда Каролина погонит добычу на него.

Ждал долго и уже начал нервничать, когда из зарослей бесшумно появилась Каролина и жестом позвала его за собой. Род снялся с места, хотя идти так же быстро и бесшумно, как она, ему удавалось с трудом. Вскоре Каролина остановилась, и, догнав ее, Род увидел, что она уже свалила оленя. Глядя на поверженное животное, Род пытался побороть в себе растущее раздражение.

— Олень молодой, и мясо, я думаю, нежное, — сказала Каролина. — Устраивает, Род?

Он кивнул.

— Лучше не бывает. И сразу наповал... Кэрол!

— Что?

— Я думаю, у тебя это получается даже лучше, чем у меня.

— Брось. Мне просто повезло. — Она застенчиво улыбнулась.

— Я не верю в везение. Так что, когда ты захочешь повести охоту, просто скажи. Но только обязательно.

Каролина заметила мрачное выражение его лица и медленно произнесла:

— Ты, я чувствую, решил меня отчитать...

— Можно и так сказать. Но я настаиваю, чтобы ты всегда предупреждала меня, когда захочешь повести охоту. Никогда не меняй планов уже после того, как мы приступили к делу. Никогда. Понятно?

— В чем дело, Род? Ты завелся оттого, что я убила оленя? Это глупо.

Род вздохнул.

— Может быть. А может быть, мне не нравится, когда девушка делает за меня мою работу. Но в одном я уверен на все сто: мне не нравится напарник, на которого я не могу положиться до конца. Слишком опасно. Я лучше буду охотиться один.

— Может, лучше я буду охотиться одна. Мне во всяком случае, не нужна ничья помощь.

— Не сомневаюсь. Но ладно, давай оставим эту тему и оттащим добычу в лагерь.

Пока они свежевали тушу, Каролина не проронила ни слова. А когда они срезали все лишнее и уже собрались тащить мясо к пещере, Род сказал:

— Ты иди впереди. Я буду прикрывать сзади.

— Род?

— Что?

— Извини.

— А? Забудь.

— Я не стану так больше делать. Хочешь, я скажу, что это ты убил оленя?

Род остановился и тронул ее за руку.

— Зачем вообще кому-то что-то говорить? Никого не касается, как мы охотимся до тех пор, пока мы приносим мясо.

— Ты все еще сердишься на меня.

— Я вовсе не сердился, — солгал Род. — Просто не хочу, чтобы мы переходили друг другу дорогу.

— Родди, я никогда больше этого не сделаю. Обещаю.

До конца недели девушки оставались в большинстве. В пещере, где троим было удобно, а шестерым в общем-то, еще терпимо, стало просто тесно, потому что день ото дня население лагеря росло. Род решил превратить пещеру в «женское общежитие», а мужчин переместить на открытый воздух, на луг, где начиналась тропа вверх по наклонному сланцевому берегу. От непогоды и хищников там укрыться было негде, но зато их бивуак защищал единственную тропу к пещере. Впрочем, погода сто-

яла теплая, а для защиты от хищников они ставили на ночь дежурных, в чьи обязанности входило поддерживать два костра — между рекой и скалой выше по течению и в узком проходе ниже.

Роду самому такой порядок не нравился, но выбирать не приходилось. Он отправил Боба Бакстера и Роя Килроя вниз по течению, а Каролину и Марджери Чанг в противоположном направлении, чтобы они искали другие пещеры. Но за отпущенный на поиски один день они ничего не нашли. Девушки, однако, привели с собой еще одного человека.

Спустя неделю после того, как они вывесили рубашку Джима в качестве флага, прибыла еще группа из четырех парней. Теперь их стало двадцать пять, и парней оказалось больше, чем девушек. Впрочем, к четверым новеньким скорее подходило слово «мужчины», поскольку все они были на два-три года старше. Три из четырех групп, оказавшихся в зоне проверки на выживание, состояли из выпускников средних школ, но четвертая, куда входили новенькие, была из Теллерского университета, с отделения наук Внеземелья.

«Взрослый» — понятие довольно скользкое. Разные культуры относятся к этому понятию по-разному: у одних это аж с одиннадцати лет, у других только после тридцати пяти, третьи же вообще не признают никакого возраста до тех пор, пока жив родитель. Род и не думал о вновь прибывших как о «старших». В лагере уже было несколько человек из Теллерского университета, но он вряд ли бы сказал с уверенностью, кто именно: они полностью вписались в их маленькое сообщество. Клубок проблем рос, как снежный ком, и просто не хватало времени, чтобы беспокоиться еще и о том, кто чем занимался на далекой Земле.

Эти четверо — мускулистый и очень подвижный Джок Макгован, его младший брат Брюс, Чед Амес и Дик Берк — появились ближе к вечеру, и Род не успел толком с ними познакомиться. Утром тоже не удалось, поскольку совершенно неожиданно прибыли еще четыре девушки и пятеро парней и административные проблемы выросли до необъятных размеров. Места в пещере для вновь прибывших девушек уже не осталось, и нужно было срочно искать или строить новые жилища.

Род подошел к четверым парням, разлегшимся у костра, присел на корточки и спросил:

— Кто-нибудь из вас понимает что-нибудь в строительстве?

Вопрос был задан всем, но они ждали, когда ответит Джок Макгован.

— Кое-что понимаем, — признался тот. — При желании я, пожалуй, сумею построить все, что захочу.

— Ничего сложного я не планирую, — объяснил Род. — Только каменные стены. Ты когда-нибудь кладку делал?

— Спрашиваешь! А что?

— Идея, в общем, такова. Нам нужно срочно решать вопрос с жильем, а то людей уже — не протолкнешься. Но первым делом надо поставить стены от скалы до реки и отгородить часть луга. Позже мы построим хижины, но сначала нужен крааль, чтобы защититься от хищников.

Макгован рассмеялся.

— Ничего себе стену ты задумал! А тебе не приходилось видеть эту тварь, похожую на вытянутую пуму? Ты даже пикнуть не успеешь, а она уже перемахнет через любую стену.

— Я про них знаю, — согласился Род, потирая длинные белые шрамы на руке, — и большой любви к ним тоже не испытываю. Они, скорее всего, и в самом деле могут перебраться через любую стену, но мы приготовим им сюрприз... — Он взял сухой прут и принялся чертить на земле. — Здесь мы строим стену... Доводим ее до сих пор... А внутри метров на шесть в глубину ставим заостренные сверху колья. Любая тварь, которая перемахнет через стену, сразу распорет себе брюхо.

Джок Макгован взглянул на схему и сказал:

— По-моему, все это ерунда.

— Да, глупо, — согласился его брат.

Род покраснел, но все же спросил:

— А что, есть идеи получше?

— Есть, но не с нашими возможностями.

— Тогда, если никто не придумает ничего лучше, — медленно произнес Род, — или если мы не найдем хорошую большую пещеру, нужно укреплять это поселение. А значит, надо строить стену. Я собирался отправить девушек заготавливать острые колья. Все остальные займутся стеной. Если взяться как следует, мы еще до темноты многое успеем. Вы четверо хотите работать

вместе? Одна группа будет собирать камни, другая копать глину и месить раствор. Выбирайте.

Трое снова посмотрели на своего вожака. Джок Макгован откинулся на спину и заложил руки за голову.

— Извини. У меня сегодня охота.

Род почувствовал, что краснеет.

— Сегодня в этом нет необходимости, — сказал он осторожно.

— А тебя никто не спрашивает, сопляк.

Внутри у Рода, как перед экзаменом, все сжалось в тугой холодный узел. Краем глаза он заметил, что вокруг них уже собралась толпа, и старательно ровным тоном сказал:

— Возможно, я ошибся. Я...

— Ошибся.

— Мне показалось, вы четверо решили объединиться с нами. Так что...

— Может быть. А может быть, и нет.

— Придется вам выбирать. Или вы с нами и тогда работаете, как все. Или нет. В таком случае можете как-нибудь заглянуть на завтрак. А сейчас проваливайтесь. Я не хочу, чтобы кто-то бездельничал, когда все остальные работают.

Джок Макгован с шумом втянул в себя воздух и причмокнул языком. Руки его все еще оставались за головой.

— Мальчик, ты, кажется, еще не понял, что никто никогда не приказывает Макговану. Никто. Верно, Брюс?

— Верно, Джок!

— Верно, Чед? Дик?

Те тоже подтвердили. Макгован продолжал разглядывать небо.

— А это значит, — спокойно произнес он, — что я хожу, где и когда хочу, и остаюсь так долго, как меня устраивает. Вопрос не в том, хотим ли мы с вами объединиться, а в том, кого я захочу пригласить объединиться с нами. Тебя, мальчик, это не касается. У тебя еще молоко на губах не обсохло.

— Вставайте и убирайтесь!

«Полковник Боуи», как всегда, висел у Рода на поясе, но он не протянул руку к ножу и только собирался встать. Взгляд Джoka метнулся к брату. Род даже не успел распрямиться и, оказавшись на земле лицом вниз,

почувствовал холодный укус острия ножа под ребрами. Он замер.

— Что с ним делать, Джок? — спросил Брюс.

Род не видел старшего Макгована, но услышал его ответ:

— Пока поддержи его.

— О'кей, Джок.

У Джока Макгована кроме ножа было еще и ружье.

— Кто-нибудь хочет на тот свет? Всем стоять, не двигаться!

Род по-прежнему не мог видеть Джока, но по ошарашенному, испуганному выражению на лицах стоявших вокруг он догадался, что Макгован вскочил на ноги и держит их под прицелом. В лагере все ходили с ножами, и у большинства были ружья — Род заметил, что у Роя Килроя в этот раз ружье за спиной — но, как правило, они хранились в пещере, в арсенале, которым распоряжалась Кармен.

Сейчас это оружие помочь не могло: слишком быстро все случилось, слишком быстро словесная перепалка превратилась в угрозу жизни. Лежа на земле, Род не мог видеть своих самых близких друзей, а те люди, которых он видел, похоже, не собирались рисковать собой ради него.

— Чед! Дик! Держите их под прицелом!

— О'кей.

— Я пока займусь этой падалью. — В поле зрения Рода появились волосатые ноги Джока. — Он еще при оружии, Брюс?

— Да, пока.

— Сейчас я это исправлю. Ну-ка, мальчик, перевернись — я заберу твой нож. Пусть перевернется, Брюс.

Брюс Макгован чуть сполз в сторону, и Джок наклонился за ножом Рода, но в этот момент на боку у него, под ребрами, расцвел крошечный стальной цветок. Род не слышал звука выстрела, не слышал даже удара стрелки. Джок резко выпрямился, закричал и схватился за бок.

— Джок, что случилось?

— Убили... — прошептал он и свалился на землю, сложившись, словно тряпка.

У Рода за спиной все еще сидел человек с ножом, но тот на мгновение отвлекся, и этого оказалось достаточно. Одним стремительным движением Род перекатился

на бок, схватил Брюса за руку, и ситуация сразу же изменилась: теперь правая рука Брюса попала в железный захват, а острие «Полковника Боуи» заблестело на солнце под самым его носом.

— Эй, внизу, спокойно! Вы у нас на прицеле! — донеслось со скалы глубокое контральто.

Род поднял взгляд. Каролина стояла на каменном уступе у пещеры, прижав к плечу приклад винтовки. Ближе к воде и ниже по течению устроилась Жаклин со своим маленьким пневматическим ружьем. Она перезарядила его, подняла и прицелилась в кого-то за спиной Рода.

— Не стреляйте! — Крикнул Род и оглянулся. — Ну-ка вы, двое, бросьте оружие!

Чед Амес и Дик Берк послушались.

— Рой! И Грант Каупер! Заберите эти игрушки. И ножи тоже у них отберите! — Он повернулся к Брюсу и кольнул его под горлом. — Выпусти нож!

Род подобрал брошенный нож и встал. Те, кто был в пещере, повалили наружу. Каролина впереди всех. Джок Макгован корчился на земле, лицо его посинело, он задыхался — симптомы очень напоминали действие яда, что используется в стрелках. Подбежал Боб Бакстер, взглянул на Рода и, сказав: «Сейчас я тобой займусь», склонился над Джоком.

— Ты что, хочешь попытаться его спасти? — возмущенно спросила Каролина.

— Конечно.

— Зачем? Давайте лучше сбросим его в реку.

Бакстер снова посмотрел на Рода. Тот с трудом подавил в себе желание внять совету Каролины и сказал:

— Сделай для него, что можно, Боб... Где Жаклин? Джекки, у тебя есть противоядие? Принеси.

— Незачем. Ничего с ним не сделается.

— В смысле?

— Это просто булавоочный укол. Учебная стрелка. «Бетси» всегда заряжена учебной стрелкой. Охотничьи я держу подальше, в укромном месте, — чтобы никто случайно себя не царапнул. И у меня не было времени достать их. — Она легонько пнула Джока ногой. — Яд ту ни при чем. Это у него от испуга.

Каролина прыснула и взмахнула своей винтовкой.

— А у меня вообще не заряжена! Даже дубина из нее неважная.

— Ты уверена? — спросил Бакстер у Джекки. — Симптомы похожие.

— Конечно, уверена. Видишь цветное пятно на конце? Это учебная стрелка.

Бакстер склонился над раненым и похлопал его по щекам.

— Хватит дурака валять, Макгован! Вставай. Мне нужно вытащить стрелку.

Макгован застонал, но поднялся на ноги. Бакстер зажал оперение двумя пальцами и резко дернул. Джок вскрикнул, и Бакстер снова хлопнул его по щеке.

— Не вздумай падать в обморок, — проворчал Боб. — Считай, что тебе повезло. Пусть кровь немного стечет, и все будет в порядке. — Он повернулся к Роду. — Теперь ты.

— Что такое? У меня все в порядке.

— А на спине у тебя, надо полагать, красная краска, да? — Бакстер обернулся. — Кармен, принеси мою аптечку.

— Уже здесь.

— Молодец. Род, сядь и наклонись вперед. Будет немного больно.

Получилось действительно больно. Чтобы не показывать этого, Род заговорил с Кэрол:

— Слушай, я даже не представляю, как вы с Джекки так быстро договорились. Легко получилось.

— А мы и не договаривались. Просто сделали, что могли, и сделали быстро. — Она повернулась к Жаклин и хлопнула ее по плечу, от чего та едва не упала. — Ей цены нет, Родди, ей-богу!

Жаклин изо всех сил старалась не показывать, как она довольна, но это ей не очень удавалось.

— Да ладно тебе, Кэрол.

— Как бы там ни было, я вам очень благодарен, — сказал Род.

— Всегда пожалуйста. Жалко только, что эта пукалка не заряжена. А кстати, Род, что ты собираешься с ними делать?

— Не зна... У-у-у!

— Спокойно, — пробормотал Бакстер у него за спиной. — Я же сказал, что будет немного больно... Пожалуй, я лучше поставлю еще одну скобку. Нужно бы, конечно, забинтовать рану, но нечем. Так что ты на время оставь тяжелую работу и спи на животе.

— У-у-у! — снова взвыл Род.

— Все. Это последняя. Можешь встать. Не напрягай спину, и пусть образуется корка.

— Я все-таки думаю, что нам нужно скинуть их в реку. Пусть добираются на ту сторону вплавь, — не унималась Кэрол. — Можно будет даже делать ставки: доплывут или не доплывут.

— Кэрол, ты же цивилизованный человек.

— Ничего подобного. И я прекрасно знаю, с какой стороны собака виляет хвостом, а с какой кусается.

Род пошел взглянуть на пленников. Рой Килрой заставил их лечь друг на друга — довольно унижительное положение, лишаящее их, помимо всего прочего, возможности сопротивляться и вообще как-то действовать.

— Пусть сядут.

Охраняли их Килрой и Грант Каупер.

— Вы слышали капитана. Сесть! — приказал Каупер.

Выбравшись друг из-под друга, пленники с мрачными, испуганными лицами расселись на земле. Род посмотрел на старшего Макгована.

— И что, по-твоему, нам с вами делать?

Макгован молчал. Он заметно побледнел, из прокола у него на боку еще сочилась кровь.

— Кое-кто у нас считает, что вас нужно сбросить в реку, — сказал Род. — Но это все равно что смертный приговор, и если мы решим привести его в исполнение, то, скорее, расстреляем вас или повесим. Бросать живых людей на съедение хищникам не в моих правилах. Ну что, может быть, вас повесить?

— Мы же ничего не сделали, — буркнул Брюс Макгован.

— Да. Но собирались. Вас опасно оставлять рядом с людьми.

Кто-то из собравшихся выкрикнул:

— Давайте пристрелим их, и дело с концом!

Род никак не отреагировал. Подошел Грант Каупер и, наклонившись поближе, тихо сказал:

— Это надо ставить на голосование. Должен быть какой-то суд.

— Нет, — ответил Род, покачав головой, и, обращаясь к пленникам, добавил: — Я не собираюсь давать волю чувствам и наказывать вас. Но и оставить вас здесь мы тоже не можем. — Он обернулся к Кауперу. — Отдай им ножи.

— Род? Ты часом не собираешься драться с ними?

— Боже упаси. — Он снова повернулся к Макговану и его команде. — Ножи можете взять. Ружья останутся у нас. Когда вас отпустят, пойдете вниз по течению и будете идти по крайней мере неделю. Если мы когда-нибудь увидим ваши физиономии, возможности объясниться у вас уже не будет. Понятно?

Джок Макгован кивнул. Дик Берк сглотнул слюну и сказал:

— Но выгнать нас с одними ножами это все равно что убить.

— Чушь! Ружей вы не получите. И помните, если вы хоть раз повернете назад, даже во время охоты, пеняйте на себя. Возможно, кто-то будет за вами следить. Кто-то с ружьем.

— И на этот раз заряженным! — добавила Каролина. — Слушай, Родди, доверь это дело мне, а? Пожалуйста.

— Помолчи, Кэрол. Рой, и ты, Грант, проводите их из лагеря.

По дороге группа изгнанников, конвоиров и просто любопытных столкнулась с Джимми Трокстоном. Тот остановился, удивленно их разглядывая, и спросил:

— Это что за процессия? Род... Что у тебя на спине? Опять расчесал?

Несколько человек сразу принялись наперебой рассказывать ему, в чем дело. Наконец он уловил суть происшедшего и расстроено покачал головой.

— А я там, как дурак, ищу камни покрасивее для нашей садовой ограды! Ну почему каждый раз, когда люди собираются веселиться, забывают позвать меня? Дискриминация!

— Перестань, Джим. Ничего веселого тут нет.

— Вот я и говорю: дискриминация.

На все происшедшее ушло больше часа, но в конце концов Род распределил поручения, и работа над стеной началась. Вопреки врачебным рекомендациям Боба Бакстера, сам он тоже пытался таскать камни, но обнаружил, что это ему не под силу: рана болела при каждом движении, и, кроме того, после всего случившегося его немного лихорадило.

Во время полуденного перерыва Рода отыскал Грант Каупер.

— Капитан? Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Род отошел с ним в сторону.

— Что ты задумал?

— М-м-м... Род, я думаю, ты понимаешь, что сегодня утром тебе, в общем-то, повезло. Не хочу тебя обидеть, но...

— Конечно, понимаю. А что?

— А ты понимаешь, почему все это случилось?

— Теперь понимаю. Я поверил людям, которым верить не следовало.

Каупер покачал головой.

— Вовсе не в этом дело. Род, ты что-нибудь знаешь о теории государственного управления?

Род взглянул на него с удивлением.

— Я проходил обычный курс по основам гражданского права. А что?

— Возможно, у меня не было случая упомянуть об этом, но в Теллерском университете я специализировался как раз по колониальному администрированию. И помимо всего прочего, мы изучали, что такое власть в человеческом обществе и как ее поддерживать. Я не хочу тебя критиковать... Но если откровенно, ты едва не лишился жизни, потому что никогда не изучал подобных вещей.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Род, борясь с раздражением.

— Не кипятись. Дело в том, что у тебя нет никакой власти. Макгован знал это и отказался подчиняться. Да и все знали. Когда дошло до открытого конфликта, никто не мог решить, что делать, поддерживать тебя или нет. И все потому, что реальной власти у тебя нет ни капли.

— Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что я вовсе не капитан этого поселения?

— Ты, без сомнения, капитан, но только *de facto*. Тебя никто не выбирал на эту должность, и здесь кроется слабость твоего положения.

Род обдумал его слова.

— Пожалуй, ты прав, — медленно произнес он. — Но мы все это время были чертовски заняты.

— Понимаю. И не собираюсь критиковать. Но капитан должен быть избран по закону.

Род вздохнул.

— Я собирался провести выборы, но думал, что стена пока важнее. Ладно, давай всех соберем.

— Ну, не обязательно делать это вот так сразу.

— Почему? Чем скорее, тем лучше.

— Вечером, когда стемнеет и нельзя будет работать, самое подходящее время.

— М-м-м... Ладно.

Перед ужином Род объявил, что будет организационное собрание. Никого это не удивило, хотя он ни с кем свои планы не обсуждал. Род почувствовал раздражение, и ему пришлось напомнить себе, что никакого секрета тут нет. Тем более, что с Грантом он ни о чем таком не договаривался, и тот вполне мог кому-то рассказать. Когда все поужинали, Род расставил дежурных у костров и часовых, затем вернулся в центр освещенного круга и открыл собрание.

— Тихо, все! Давайте начинать. Если тем, кто стоит на вахте, не слышно, скажите! — На мгновение он умолк, затем продолжил: — У нас должны состояться выборы. Мне тут подсказали, что меня никто не выбирал капитаном поселения. Так что, если кто чем недоволен, я извиняюсь. Старался как мог. Однако выбирать капитана — ваше право. Давайте приступим. Предлагайте кандидатуры.

— Предлагаю Рода Уокера! — выкрикнул Джимми Трокстон.

— Поддерживаю! И предлагаю прекратить выдвижение кандидатур, — раздался голос Каролины.

— Кэрол, твое предложение не принимается, — торпливо сказал Род.

— Почему?

Прежде чем он успел ответить, слова попросил Рой Килрой.

— Род? Я хочу кое-что сказать. Важный вопрос.

Род повернулся и увидел, что Рой сидит рядом с Грантом Каупером.

— Пожалуйста.

— Я хочу остановиться на процедурном вопросе. Прежде всего полагается выбрать временного председателя собрания.

Род быстро обдумал сказанное.

— Видимо, ты прав. Джимми, твое предложение не принимается. Пожалуйста, кандидатуры на должность временного председателя собрания!

— Предлагаю Рода Уокера!

— Угомонись, Джимми. Я не хочу быть временным председателем.

В конце концов выбрали Роя Килроя. Он взмахнул воображаемым молоточком и объявил:

— Председатель приглашает Гранта Каупера с выступлением о целях и задачах сегодняшнего собрания.

Тут снова вылез Джимми Трокстон:

— На кой черт нам речи слушать? Давайте выберем Рода и ляжем спать. Я устал, а мне еще ночью два часа на вахте стоять.

— Предложение не принимается. Приглашается Грант Каупер.

Каупер встал. В отсветах костров его привлекательное лицо и короткая кучерявая борода сразу приковывали к себе взгляд. Род потрогал чухлую поросль у себя на подбородке и понял, что здесь до Каупера ему далеко. Одет тот был лишь в шорты и мягкие походные ботинки, но держался с непринужденностью хорошего оратора, выступающего перед каким-нибудь важным комитетом.

— Друзья, — начал он, — братья и сестры! Мы собрались здесь не для того, чтобы выбрать капитана поселения. Нет. Мы собрались, чтобы заложить основы новой нации.

Грант сделал паузу, предоставляя слушателям возможность прочувствовать сказанное, затем продолжил:

— Вы все представляете себе ситуацию, в которой мы оказались. Все мы надеемся на спасение, и, поверьте, я не меньше других. У меня нет сомнений, что нас спасут... рано или поздно. Но нам не дано знать, когда это случится, и оснований для хоть какого-нибудь прогноза у нас тоже нет. Возможно, это случится завтра, а может быть, спасатели отыщут наших потомков через тысячу лет. — Последнюю фразу он произнес очень торжественно. — Но когда-нибудь великая человеческая раса восстановит контакт со своей малой затерявшейся частичкой, с нами, и то, что увидят люди Земли, зависит от нас: или это будет цивилизованное общество, или замученные вшами животные без языка, без искусства, без искрящегося света разума в глазах... Или же обглоданные белые кости и ни души вокруг.

— Это не про меня! — выкрикнула Каролина.

Килрой бросил на нее короткий взгляд и призвал к порядку.

— Да, Каролина, не про тебя, — строго подтвердил Каупер. — И ни про кого из нас. Потому что сегодня мы сделаем важный шаг, который позволит колонии выжить. Мы бедны ресурсами, но создадим все, что нам понадобится, потому что мы богаты знаниями. Основы знаний нашей великой расы живут во всех нас. Мы должны их сохранить, и мы их сохраним!

— Красиво говорит, а? — вставила Каролина громким шепотом, когда Грант сделал паузу. — Может, мне выйти за него замуж?

На этот раз он не отреагировал на ее репризу и продолжил:

— Что же, по-вашему, есть величайшее достижение человечества? То, без чего все остальное просто бесполезно? Что мы должны беречь и ценить превыше всего?

— Огонь, — отозвался кто-то.

Каупер покачал головой.

— Письменность!

— Десятичную систему!

— Атомную физику!

— Колесо, конечно!

— Нет-нет, все это не то. Открытия и достижения, что вы назвали, важны, но не они основа цивилизации. Важнейшее изобретение человечества — это государственное управление. Оно же и самое сложное. Люди — индивидуалисты даже в большей степени, чем кошки, и тем не менее мы научились сотрудничать более эффективно, чем муравьи, пчелы или термиты. Дикие, хищные и опасные, как акулы, мы научились жить в мире, словно агнцы. Но это было нелегко. Именно поэтому то, что произойдет сегодня, определит наше будущее, а может быть, и будущее наших детей, внуков, правнуков и длинной череды потомков. Мы не выбираем сейчас временного лидера поселения, мы создаем правительство. И мы должны подходить к этой задаче со всей ответственностью. Да, нам нужно выбрать руководителя новой нации, мэра нашего города-государства. Но не только. Мы должны создать конституцию и определить, что связывает нас вместе. Мы должны быть организованны и четко планировать свое будущее!

— Правильно!

— Браво!

— У нас должен быть закон, судьи и правопорядок. Возьмите, к примеру, утренние события... — Каупер по-

вернулся к Роду, и на лице его появилась дружеская улыбка. — У меня нет никаких претензий к тебе лично. Род. Считаю, что ты поступил мудро, и я рад, что твое решение было продиктовано милосердием. Хотя в данном случае никто не упрекнул бы тебя, если бы ты поддался чувствам и пристрелил всю четверку этих... антиобщественных элементов. Тем не менее справедливость не должна подчиняться переменам настроения диктатора. Мы не можем полагаться только на характер одного человека, хорошего или плохого. Я думаю, ты тоже понимаешь это.

Род промолчал. У него было такое чувство, словно его только что назвали диктатором или тираном, а вдобавок продемонстрировали, что он просто опасен для их маленького общества. Вроде ничего конкретного, впрямую, все как будто по-дружески, и в то же время слова Каупера звучали как серьезный упрек лично ему.

— Ты ведь согласен, Род? — не отставал Каупер. — Правда же? Ты ведь не хочешь и впредь сохранять абсолютную власть над жизнью и душой каждого из нас? Правильно я понимаю? Так? — Он ждал ответа.

— А? Да, разумеется. Я имею в виду, что я с тобой согласен.

— Отлично! Я не сомневался, что ты поймешь. И должен сказать, я считаю, что ты отлично справился со своей работой, собрав нас всех вместе. Я ни в коем случае не соглашусь с твоими критиками. Ты сделал все, что в твоих силах, и что сделано, то сделано. — Каупер вновь одарил его своей дружеской улыбкой, и Род почувствовал, что его будто душат в объятьях.

Каупер повернулся к Килрою.

— Собственно, это все, что я хотел сказать, господин председатель. — Он улыбнулся собравшимся и, садясь, добавил: — Прошу прощения, если я занял много времени. Очень уж хотелось высказаться.

Килрой хлопнул в ладоши.

— Председатель предлагает выдвигать кандидатуры на пост... Послушай, Грант, если не «капитан», то как мы назовем эту должность?

— М-м-м... — задумался Каупер. — «Президент» звучит слишком помпезно. Думаю, «мэр» будет в самый раз: мэр нашего города-государства, мэр нашего поселения.

— Прошу выдвигать кандидатуры на пост мэра!

— Эй! — выкрикнул Джимми Трокстон. — А что, никому другому здесь высказаться не дадут?

— Не принимается!

— Пстой, — возразил Каупер. — Я думаю, ты не прав, не разрешая выступить Джимми, Рой. Каждый, кому есть что сказать, имеет право выступить. Нам нельзя действовать поспешно.

— О'кей, Трокстон, высказывайся.

— Я не собирался выступать. Просто мне не нравится, когда зажимают остальных.

— Поправка принимается. Кто-нибудь еще желает? Если нет, я прошу выдвигать...

— Минутку, господин председатель!

Род увидел, что поднялся Артур Нилсен из группы Теллерского университета. Каким-то образом ему удалось выглядеть прилично даже в таких условиях, хотя до лагеря он добрался совсем без снаряжения, даже без ножа, и был страшно голоден.

— Ты хочешь выступить, Вакси? — спросил Килрой.

— Нилсен. Или Артур. Как тебе известно. Да, я хочу.

— О'кей. Только покороче.

— Я буду краток — насколько позволят обстоятельства. Дорогие друзья, нам представилась уникальная возможность — возможность, которой не было ни у кого за всю историю человечества. И как сказал Каупер, нам следует подходить к решению наших задач со всей ответственностью. Однако мы уже встали на неверный путь. Нашей целью должно быть создание нового сообщества, действующего на истинно научной основе. Но что я вижу? Вы хотите выбрать руководителя простым подсчетом голосов? Лидеров нельзя выбирать, исходя из популярности; они должны выявляться по строгим научным критериям. И, будучи выбранными, они должны обладать всей полнотой свободы, чтобы направлять био-группу в соответствии с законами природы, без вмешательства таких искусственных анахронизмов как законодательство, конституция и суды. У нас здесь вполне достаточное число здоровых особей женского пола, и мы имеем возможность создать научно обоснованную новую расу, суперрасу, расу, которая, я осмелюсь ска...

В грудь ему ударил ком глины, и он умолк на полуслове.

— Я видел, кто это сделал! — выкрикнул Нилсен с обидой. — Как раз такой дуб, который всегда...

— Тихо! Я призываю собрание к порядку! — перебил его Килрой. — Грязью не кидаться, а то я буду вынужден вести в зал заседаний полицию. Ты закончил, Вакси?

— Я только начал.

— Минутку, — вмешался в разговор Каупер. — Процедурный вопрос, господин председатель. Артур имеет право быть выслушанным. Но я думаю, он выступает не перед тем собранием. У нас будет конституционный комитет, я не сомневаюсь. Вот ему-то Артур и должен будет изложить свои соображения. Если его доводы придутся нам по душе, тогда мы возьмем их на вооружение.

— Верно, Грант. Садись, Вакси.

— Как это? Я обращаюсь с запросом к собранию.

Рой Килрой, не мешкая, произнес:

— Председатель предлагает перенести это выступление на более подходящее время, но оратор настаивает на решении собрания. Ставим вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Вакси заткнулся, кричит «да».

Раздалось дружное громкое «да-а-а!».

— Против?.. Никого. Садись, Вакси. Кто-нибудь еще желает выступить? — Килрой оглядел собравшихся.

— Да.

— Не вижу. Кто это?

— Билл Кеннеди. Школа «Понс де Леон». Я не согласен с Нилсеном во всем, кроме одного: мы действительно взяли не то направление. Нам, безусловно, нужен капитан поселения, но, помимо пропитания, у нас должна быть только одна забота — поскорее вернуться назад. Меня интересует не научно обоснованное общество, а горячая ванная и приличная еда.

Вокруг зааплодировали, но не очень дружно.

— Я тоже не возражаю против ванны... — откликнулся председатель, — и готов сразиться с любым за тарелку кукурузных хлопьев, но, Билл, что, по-твоему, мы должны делать?

— Как что? В первую очередь бросить все силы на разработку и строительство гиперпространственных ворот.

Несколько секунд собрание молчало, затем заговорили все сразу:

— Ненормальный! А уран где взять?

— Мы можем найти уран!

— У нас нет никаких инструментов! Даже простой отвертки и то нет!

— А кто знает, где мы находимся?

— Все дело за...

— Тихо! — крикнул Килрой. — Билл, ты знаешь, как построить ворота?

— Нет.

— И я сомневаюсь, что кто-нибудь из нас это знает.

— Это поражение! Наверняка кто-нибудь из Теллерского университета изучал этот вопрос. Вы должны собраться, сложить свои знания и определить нам программу работ. Понятно, это займет много времени. Но это единственный выход.

— Секунду, Рой, — снова встал Каупер. — Билл, я не стану оспаривать твоё предложение, потому что каждое предложение нужно изучить и оценить. У нас будет и комитет по планированию. Может быть, мы сначала выберем мэра — или капитана, или как вы решите назвать эту должность, — а потом, когда у нас будет время обсудить твоё предложение в деталях, мы с ним разберемся. Я думаю, оно не лишено достоинств, и нужно его обсудить. Что ты думаешь по этому поводу?

— Конечно, Грант. Давай займемся выборами. Я просто не хотел, чтобы эта чушь насчет выведения расы суперменов прозвучала как заключительное слово.

— Господин председатель! Я протестую!

— Умолкни, Вакси. Вы готовы высказывать предложения? Если нет возражений, я объявляю окончание дебатов и предлагаю выдвигать кандидатуры.

— Предлагаю кандидатуру Гранта Каупера!

— Поддерживаю!

— Поддерживаю предложение!

— О'кей, я тоже поддерживаю!

— Единогласно! На голосование!

Тут сквозь гвалт прорвался голос Джимми Трокстона:

— Я ПРЕДЛАГАЮ РОДА УОКЕРА!

— Господин председатель? — Боб Бакстер встал.

— Тихо, все! Мистер Бакстер.

— Я поддерживаю кандидатуру Рода Уокера.

— О'кей. У нас две кандидатуры. Грант Каупер и Род Уокер. Есть еще предложения?

Короткий период молчания нарушил Род:

— Секунду, Рой... — Он почувствовал, как дрожит у него голос, и два раза глубоко вздохнул. — Я не хочу

этой должности. Мне и так уже хватило забот, и я хочу отдохнуть. Но в любом случае, спасибо, Боб. Спасибо, Джимми.

— Еще кандидатуры?

— Рой... Я тоже имею право высказаться. — Грант Каупер встал. — Род, я понимаю, какие чувства ты испытываешь. Ни один человек в здравом уме не ищет выборных постов — разве что повинувшись чувству долга и желанию служить своему народу. Если ты снимаешь свою кандидатуру, я намерен поступить так же. Мне не больше тебя нравятся головные боли.

— Подожди-ка, Грант. Ты...

— Нет, это ты подожди. Я думаю, ни один из нас не имеет права на самоотвод. Эту работу мы должны выполнять так же, как без разговоров заступаем на ночное дежурство, когда подходит очередь. Но я считаю, что нам нужно больше кандидатур. — Он окинул собрание взглядом и продолжил: — После утренней стычки у нас парней и девушек поровну, однако оба кандидата — мужчины. Это несправедливо. Э-э-э... господин председатель, я предлагаю кандидатуру Каролины Мшийени.

— Что? Эй, Грант, не валяй дурака. Я, конечно, буду неплохо выглядеть в качестве мэра, но я все равно за Родди.

— Это твое право, Каролина. Но ты должна оставить свою кандидатуру так же, как Род и я.

— Но за меня никто не будет голосовать!

— Вот здесь ты не права. Я буду голосовать за тебя. Но нам нужны еще кандидатуры.

— Собранию предложены три кандидатуры, — объявил Рой. — Кто-нибудь еще желает выступить? Если нет, я...

— Господин председатель!

— А? О'кей, Вакси, ты хочешь кого-нибудь предложить.

— Да.

— Кого же?

— Себя.

— Ты хочешь предложить себя?

— Ну да. А что тут такого? Я баллотируюсь на платформе строго научного правления. Я хочу, чтобы рационально мыслящим членам этой группы было за кого голосовать.

Килрой растерялся.

— Я не уверен, что это в рамках правильных парламентских процедур. Боюсь, мне придется...

— Какая разница? — рассмеялась Каролина. — Я его предлагаю! Но голосовать все равно буду за Родди.

— О'кей, четыре кандидата, — вздохнул Килрой. — Похоже, нам придется голосовать открыто: не из чего сделать бюллетени.

— Возражаю, господин председатель, — встал Боб Бакстер. — Я настаиваю на тайном голосовании. Мы вполне способны что-нибудь придумать.

Разумеется, придумали. Камешками решили обозначить голоса, отданные за Рода. Обломками прутиков — голоса за Каупера, зелеными листьями — за Каролину, а в качестве урны для голосования взяли одну из неудавшихся попыток Джимми слепить глиняный горшок.

— А как насчет Нилсена? — спросил Килрой.

— У меня есть предложение, — отозвался Джимми. — Я на днях сделал еще один горшок, но только он треснул. Я принесу обломки, и все, у кого голова с такой же трещиной, будут голосовать ими за Вакси.

— Господин председатель, я протестую против подобного...

— Тихо, Вакси. Куски обожженной глины — за тебя, камни — за Уокера, щепки — за Каупера, листья — за Кэрол. Выбирайте свои бюллетени и по очереди опускайте их в урну. Коротыш, и ты, Марджери, будете счетной комиссией.

В отвесах костров счетная комиссия подвела итоги. Пять голосов за Рода, один за Нилсена, ни одного за Каролину и двадцать два за Каупера. Род пожал ему руку и удалился в темноту, чтобы никто не видел его лица. Каролина взглянула на результаты и воскликнула:

— Эй, Грант! Ты же обещал голосовать за меня. В чем дело? Или ты за себя проголосовал, а?

Род промолчал. Сам он голосовал за Каупера, но был уверен, что новый мэр не ответил на его любезность тем же. Род прекрасно знал, кто эти пятеро друзей, отдавших за него свои голоса. Черт! Ведь он понимал, чем кончится дело. Почему Грант не дал ему снять свою кандидатуру?

Никак не отреагировав на вопрос Каролины, Грант занял место председательствующего и произнес:

— Спасибо! Спасибо вам всем. Я знаю, что вы уже хотите спать, и поэтому сегодня лишь назначу несколько комитетов...

Род заснул далеко не сразу. Долго убеждал себя, что проиграть выборы — вовсе не бесчестье: в конце концов, его отец тоже провалился, когда выдвигал свою кандидатуру в окружной административный совет. И кроме того, говорил себе Род, такая орава диких обезьян кого угодно может свести с ума, так что, может, оно и к лучшему. Ведь он, в общем-то, и не хотел этой должности... Однако внутри почему-то все сжималось от обиды, и поражение не давало покоя.

Казалось, он едва заснул... Рядом стоял отец и говорил: «Ты же знаешь, мы тобой гордимся, сынок. Но если бы ты предусмотрел...» Тут кто-то тронул его за плечо.

Род проснулся мгновенно, вскочил и выхватил из ножен «Полковника Боуи».

— Убери свою зубочистку, — прошептал Джимми, — а то кого-нибудь ненароком прирежешь. Меня, например.

— Что случилось?

— Ничего, просто сейчас моя очередь следить за костром. Но все равно поднимайся — у нас будет заседание тайного совета.

— Что?

— Заткнись и иди за мной. Только тихо: люди спят.

«Тайный совет», как оказалось, состоял из Джимми, Каролины, Жаклин, Боба Бакстера и Кармен Гарсиа. Они собрались вместе внутри охраняемого кострами круга, но на противоположном краю от спящих. Род огляделся и спросил:

— Что это вы надумали?

— Дело вот в чем, — с ходу начал Джимми. — Ты по-прежнему остаешься для нас капитаном, и, по нашему общему мнению, эти выборы — все равно что крапленая колода.

— Верно, — согласилась Каролина. — Одни его речи чего стоили!

— Но ведь все могли выступить. И все голосовали.

— Да, — признал Бакстер. — Но тем не менее...

— Все было по правилам. У меня нет претензий.

— Я понимаю. Однако... Не знаю, много ли тебе довелось вкусить политической жизни там, на Земле... Мне и самому не часто приходилось сталкиваться с подобными ситуациями — разве что в религиозных вопросах, но у нас, квакеров, все это делается иначе. Мы просто ждем наития. Болтовни сегодня было много, но в действительности это лишь ловкий маневр. Еще утром ты прошел бы единогласно, а уже вечером у тебя не осталось никаких шансов.

— Вопрос, короче, стоит так: согласны мы или нет? — закончил за него Джимми.

— А что мы можем сделать?

— Как что? Мы не обязаны сидеть здесь на привязи. Мы по-прежнему одна маленькая группа и можем просто уйти куда-нибудь в другое место. Найдем пещеру побольше...

— Вот именно, — согласилась Каролина. Можно прямо сейчас.

Род задумался. Идея, конечно, была соблазнительная. Они вполне способны обойтись без остальных, особенно таких, как Нилсен. Или Каупер. Род осознал, что друзья по-настоящему преданы ему, что они выберут изгнание, но не оставят его, и от волнения у него вдруг перехватило дыхание. Он повернулся к Жаклин.

— А ты, Джекки?

— Мы ведь партнеры, Род. Навсегда.

— Боб, вы в самом деле хотите этого? И ты, и Кармен?

— Да, но...

— Что «но»?

— Род, мы, понятно, с тобой. Выборы выборами, но ты принял нас к себе в команду, когда мы оказались в беде, и мы никогда этого не забудем. Более того, я думаю, Каупер никогда не станет таким капитаном, каким мог бы стать ты. Но есть одно дело.

— Какое именно?

— Если ты решишь, что надо уходить, то давай отложим это на один день. Мы с Кармен были бы очень благодарны...

— Зачем это? — спросила Каролина. — Сейчас самое время.

— Дело вот в чем... У них тут настоящая колония, поселение со своим мэром, а всем известно, что выбранный по закону мэр может оформлять браки.

— О! — спохватилась Каролина. — Молчу, молчу.

— О религиозной стороне мы с Кармен позаботимся сами — у нас это несложно. Но на тот случай, если нас спасут, мы бы хотели, чтобы все формальности гражданского брака были соблюдены. Родителям так будет спокойней. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Род.

— Но если ты скажешь, что идем сейчас...

— Не скажу, — ответил Род, неожиданно решившись. — Мы останемся и поженим вас как положено. А затем...

— А затем скроемся под звуки свадебной музыки, — закончила Каролина.

— А затем посмотрим. Может быть, Каупер окажется неплохим мэром. Нам вовсе необязательно уходить только потому, что я проиграл выборы. — Род обвел своих друзей взглядом. — Но... я вам всем очень благодарен. Я...

Он не справился с охватившими его чувствами и умолк. Кармен шагнула вперед и чмокнула его в щеку.

— Спокойной ночи, Род. Спасибо.

Г л а в а 9

«РАДОСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ»

Мэр Каупер начал неплохо. Прежде всего, он одобрил, поддержал и запустил в работу предложение выделить Кармен и Бобу отдельное жилье. Для этого все на время оставили стену и дружно принялись за строительство коттеджа для новобрачных. И только когда его помощник, Рой Килрой, напомнил ему, Каупер распорядился насчет охоты.

Сам мэр тоже работал не покладая рук — свадьбу назначили на вечер, и он объявил, что дом должен быть готов к заходу солнца. Построить они его построили, только для этого пришлось разобрать часть стены: не хватало камня. Поскольку не было ни инструментов, ни брусьев, а вместо раствора месили глину, конструкция, понятно, получилась предельно простой — прямоугольная коробка в рост человека и площадью метра в два с дырой в одной из стен. Крышу сложили из стеблей вы-

соченной травы, что росла выше по течению. Трава здорово напоминала по виду бамбук, и это название быстро закрепилось. Стебли обрезали, уложили рядами и навалили сверху глины — крыша сильно просела, но удержалась.

Как бы то ни было, у них вышел настоящий дом и даже с закрывающейся дверью, которую сделали из травяной циновки, натянутой на бамбуковую рамку. Дверь не поворачивалась на петлях и не запиралась, но по крайней мере ее можно было поставить на место и прижать камнем. На полу в доме насыпали чистого песка и настелили свежих листьев.

Не бог весть какое жилище для человека: гораздо больше строение походило на будку для сенбернара. Но за долгую историю человечества людям приходилось жить в домах и похуже. Боба и Кармен жилище вполне устраивало.

Во время перерыва на ланч Род намеренно сел неподалеку от группы, окружившей Каупера. Ночью он долго себя убеждал и в конце концов убедил, что правильнее всего будет «сделать хорошую мину при плохой погоде». Для начала не избегать Каупера.

В тот день готовила Марджери Чанг. Она отрезала Роду кусок обжаренного на огне мяса, и он, поблагодарив повара, впился в него зубами. Каупер вещал. Род не старался подслушивать, но никаких причин не слушать тоже не было.

— ...а это единственный способ привить нашей группе необходимую дисциплину. Я не сомневаюсь, что вы согласитесь. — Тут Каупер поднял взгляд и заметил Рода. На лице его промелькнуло раздражение, но он тут же улыбнулся. — Привет, Род.

— Привет.

— Слушай, старина, у нас тут заседание исполнительного комитета. Ты не мог бы поесть где-нибудь в другом месте?

Род покраснел и встал.

— Ради бога.

Каупер, похоже, о чем-то подумал и добавил:

— Тут никаких секретов, разумеется, но работа есть работа. А вообще-то, может быть, и тебе стоит к нам присоединиться: глядишь, что-то и посоветуешь.

— А? Нет уж! Я и не думал, что вы тут что-то обсуждаете. — Он двинулся прочь.

Настаивать Каупер не стал.

— Ладно, надо работать. Еще полно всяких дел. Позже увидимся. В любое время. — Он снова улыбнулся и повернулся к своему комитету.

Чувствуя, что на него обращают внимание, Род пошел через лагерь. Затем его окликнули, и, увидев Джимми Трокстона, он обрадованно двинулся в его сторону.

— Пойдем за стену, — тихо сказал Джимми. — Тайная шестерка устраивает пикник. Ты не видел счастливую парочку?

— Кармен и Боба?

— А ты знаешь какую-нибудь другую счастливую парочку? О, вон они, разглядывают голодными глазами свой будущий особняк. Иди, там увидимся.

Род вышел за стену и обнаружил, что Жаклин и Каролина уже там: сидят у воды и уминают мясо. По привычке он огляделся, высматривая, где могут прятаться хищники, и прикидывая маршрут отступления к ограде, но все это почти бессознательно — на открытой местности, да еще когда рядом столько людей, опасности, пожалуй, никакой не было. Он подошел к девушкам и сел.

— Привет, девчонки.

— Привет, Род.

— Привет, Родди, — отозвалась Каролина. — Что новенького?

— Ничего, похоже. Слушай, а что, Грант назначил вчера и исполнительный комитет?

— Он назначил тысячу комитетов, но про исполнительный я ничего не слышала. Видимо, он сделал это, когда мы уже разошлись. И зачем он ему? Нам исполнительный комитет нужен как собаке пятая нога.

— Кто туда входит, Род? — спросила Жаклин.

Род по памяти перечислил сидевших вокруг Гранта. Жаклин задумалась.

— Похоже, это все его дружки из Теллерского университета.

— Видимо, да.

— Не нравится мне это.

— А что тут плохого?

— Пока, возможно, ничего. Этого даже следовало ожидать. Но мне было бы спокойнее, если бы там уча-

ствовали все классы, а не только эта великовозрастная банда. Сам понимаешь...

— Ну подожди, Джекки, надо дать ему время, а там видно будет.

— Да что тут смотреть? — сказала Каролина. — Вся эта банда, что ты назвал, как раз и есть те люди, которых его величество назначил руководителями других комитетов. Маленькая сплоченная клика. Ты, наверно, заметил, что из нашей шестерки никого в важные комитеты не назначили: меня — в комитет уборки и санитарии, Джекки — в комитет питания, а тебя вообще никуда. Ты должен быть и в конституционном, и в юридическом, и в организационном, но он назначил председателем этих комитетов себя, а тебя вообще не пригласил. Что получается?

Род промолчал, а Каролина продолжила:

— Я тебе скажу, что получается. Мы и оглянуться не успеем, как у нас появится выборный комитет. Затем окажется, что занимать ведущие должности могут только те, кто достиг определенного возраста, скажем, двадцати одного года. А вскоре этот комитет превратится в сенат — только называться, может, будет как-нибудь по-другому — с правом вето, которое можно отменить лишь тремя четвертями голосов, чего нам никогда не добиться. Я думаю, мой дядя Фил так бы и сделал.

— Твой дядя Фил?

— О, вот это политик! Я его никогда не любила — за время своей карьеры он перецеловал столько детишек, что у него губы вытянулись трубочкой, — и всегда пряталась, когда он приезжал к нам в гости. Но вот натравить бы его на нашего императора, то-то была бы битва динозавров! Ты же видишь, Род, нас окрутили, как младенцев, и я думаю, надо сниматься отсюда сразу после свадьбы. — Она повернулась к Жаклин. — Верно я говорю?

— Конечно... если Род согласен.

— Нет, я не согласен, Кэрл. Мне и самому ситуация не особенно нравится. Сказать по правде... я был здорово обижен, что меня вышибли с должности капитана. Но я не хочу, чтобы вы все уходили отсюда только из-за этого. Нас не так много, чтобы мы могли основать новую колонию, причем столь же безопасную.

— Бог с тобой, Родди! Там, в лесах, еще в три раза больше народа, чем здесь, в лагере, и теперь мы будем

осторожнее и разборчивее. А потом, шестеро это не так уж мало. Мы выживем.

— Не шестеро, Кэрол. Четверо.

— Как это? Шестеро! Мы вчера только собирались! Род покачал головой.

— Кэрол, разве можем мы настаивать, чтобы Боб и Кармен ушли после того, как все остальные сделали им такой свадебный подарок — собственный дом?

— А, черт!.. Мы построим им новый дом!

— Они пойдут с нами, Кэрол, но настаивать на этом, сама понимаешь...

— Я думаю, Род прав, Кэрол, — признала Джекки.

Спор закончился с появлением Боба, Кармен и Джимми. Джимми объяснил, что они задержались, потому что обследовали дом.

— Как будто я и без того не знаю в нем каждый камень! О, моя бедная спина!

— Джимми, мы очень ценим твои усилия, — ласково сказала Кармен. — Я тебе разотру спину.

— Заметано! — Джимми повалился на землю лицом вниз.

— Эй! — возмутилась тут же Каролина. — Я камней перетаскала не меньше его. Он то как раз только стоял и командовал.

— У надсмотрщика всегда самая тяжелая работа, — самодовольно произнес Джим. — А тебе пусть Боб спину разотрет.

Однако ни Джимми, ни Кэрол обещанных процедур не дождались. На стену взобрался Рой Килрой и крикнул оттуда:

— Эй, внизу! Перерыв окончен. Пошли работать.

— Извини, Джимми. Позже. — Кармен повернулась к стене.

Джимми вскочил на ноги.

— Боб, Кармен! Подождите. Я хотел что-то сказать.

Все остановились. Род махнул Килрою рукой и крикнул:

— Сейчас будем!

Джимми никак не мог подобрать нужные слова.

— Э-э-э... Кармен и Боб... — сказал он наконец. — Будущие Бакстеры. Вы знаете, что все мы вас очень любим. И это здорово, что вы решили пожениться... У каждой семьи должна быть свадьба. Но... Короче, в магазинах тут не густо, и мы не знали, что вам подарить... Од-

нако поговорили и решили подарить вам вот это. От всех нас. На свадьбу. — Джимми сунул руку в карман, достал свою затрепанную, грязную колоду карт и вручил ее Кармен.

Боб Бакстер не сразу нашелся, что сказать.

— Боже, Джимми, мы не можем принять твои карты. Это ведь *единственная* колода на все поселение.

— Я... я хочу, чтобы это были ваши карты.

— Но...

— Помолчи, Боб, — Кармен взяла из рук Джимми колоду. — Спасибо, Джимми. Огромное спасибо. Спасибо вам всем. — Она обвела их взглядом. — Я хотела сказать, что наша свадьба ничего не меняет. Мы по-прежнему одна семья. Приходите к нам в гости... играть в карты... как и раньше... — Кармен умолкла и всхлипнула, уронив голову Бобу на плечо.

Боб успокаивающе погладил ее по голове. Джимми часто заморгал, а Род просто не знал, что сказать от волнения. Кармен обняла одной рукой своего суженого, другой — Джимми, и они двинулись обратно к лагерю. Род и двое девушек шли чуть позади.

— Джимми вам что-нибудь говорил об этом? — прошептал Род.

— Нет, — ответила Жаклин.

— Мне тоже, — подтвердила Каролина. — Я собиралась подарить им свою сковородку, но теперь подожду день-другой.

В той самой «сумке с камнями» оказалось много всякой всячины, и среди прочего дневник с тонкими листами, губная гармошка и маленькая сковородка — весьма странный набор снаряжения для проверки на выживание. Время от времени она удивляла всех, извлекая откуда-то разные другие полезные мелочи. Никто не мог понять, почему Каролина взяла их с собой и как она умудрилась сохранить все это, выбросив сумку, но, как говорил Мастер Мэтсон: «У каждого свои методы. Выживание — не наука, а искусство». Так или иначе, появившись у входа в пещеру, Каролина была здорова, сыта и удивительно опрятна, хотя она целый месяц провела среди дикой природы.

— Они подумают, что это слишком ценный подарок, Кэрл.

— Я все равно не могу ей пользоваться, когда нас так много. И мне очень хочется сделать им подарок.

— А у меня вообще ничего нет, — расстроился Род.

— Ты можешь сделать для них бурдюк, — подсказала Жаклин, бросив на него заботливый взгляд. — Их это сильно обрадует. А чтобы он долго служил, мы истратим немного дубильного препарата из моих запасов.

Род сразу же повеселел.

— Слушай, а ты здорово придумала!

— Мы собрались сегодня, — торжественно произнес Грант Каупер, — чтобы соединить двух этих молодых людей священными узами брака. Я не буду задавать традиционных вопросов, так как все мы прекрасно знаем, что никаких препятствий этому союзу не существует. И вообще, более радостное событие для нашего маленького поселения даже представить себе трудно. Я бы сказал, это радостное знамение грядущих перемен, надежда на будущее, гарантия того, что мы твердо решили сохранить огонь цивилизации, зажженный на этой планете, и передать его следующим поколениям. А это означает...

Дальше Род не слушал. Он стоял справа от жениха в качестве шафера. Обязанности его ничего сложного из себя не представляли, но ему вдруг невыносимо захотелось чихнуть. Он долго морщил нос, яростно тер верхнюю губу и, наконец, справился с собой. Следя за церемонией, Род тихо вздохнул и впервые почувствовал облегчение от того, что эта работа досталась Гранту Кауперу. Тот, похоже, знал все нужные слова, чего про себя Род сказать не мог.

Слева от невесты стояла Каролина Мшийени. Обе девушки держали в руках букеты алых цветов. Каролина, как обычно, была в шортах и рубашке, а невеста в джинсах и легкой куртке. Кармен причесалась и заплела волосы в косу, отмытое по случаю свадьбы лицо буквально светилось в отблесках костра, и вся она была в этот момент сказочно красива.

— Кто отдает эту женщину?

Джимми Трокстон шагнул вперед и хрипло ответил:

— Я!

— Кольцо, пожалуйста.

Немного замешкавшись, Род стянул кольцо с мизинца и вручил его Кауперу. За неимением другого, пришлось взять у Билла Кеннеди на время выпускное кольцо школы «Понс де Леон».

— Кармен Элеонора, согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, чтобы любить его и заботиться о нем и быть рядом в горе и радости, пока не разлучит вас смерть?

— Согласна.

— Роберт Эдвард, согласен ли ты взять в жены эту женщину? Будешь ли ты любить ее, заботиться о ней и хранить ей верность, пока не разлучит вас смерть?

— Буду. В смысле, согласен. И то, и другое.

— Возьми ее руку в свою, надень ей на палец кольцо, и повторяйте за мной...

На Рода снова напал чих; он боролся изо всех сил и пропустил мимо ушей значительную часть речи.

— ...итак, властью, данной мне как законно избранному главе магистрата этого суверенного поселения, я объявляю вас мужем и женой! Теперь поцелуй жену, парень, пока никто тебя не опередил.

Кэрол и Джекки почему-то плакали, а Род никак не мог понять почему. Он пропустил свою очередь целовать молодую жену, но она сама повернулась к нему, обняла за шею и поцеловала. Затем он долго тряс руку Бобу.

— Ну вот, поздравляю. Не забудь, что ты должен внести ее через порог на руках.

— Не забуду.

— Ты просил напомнить... И благослови вас Господь!

Г л а в а 10

«ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Разговоров о том, чтобы уйти, больше не возникало. Даже Каролина успокоилась.

Но разговоров на другие темы хватало. Каупер созывал общее собрание каждый вечер. Начинались они с отчетов комитетов: комитет продовольственных ресурсов и заготовок, комитеты инвентаризации, уборки и санитарии, внешней безопасности, трудовых ресурсов и распределения работ, иммиграции, сохранения искусства и науки, конституционный комитет, комитет питания, юридический, по строительству и планированию...

Каупер, похоже, наслаждался всей этой говорильней, и Род признавал, что остальным она тоже вроде бы нра-

вится. К большому своему удивлению, он обнаружил, что и сам с нетерпением ждет вечеров, создававших некое подобие общественной жизни в поселении, а кроме того, служивших, пожалуй, их единственным развлечением. Каждый вечер разгорались настоящие словесные баталии, часто переходили на личности и весьма ядовито критиковали всех подряд — собраниям не хватало порой джентльменской официальности, присущей более зрелым конгрессам, но этот недостаток с лихвой окупался остротой и живостью. Роду просто нравилось растянуться на земле рядом с Джимми и слушать его язвительные комментарии об умственных способностях, мотивах поведения и родословной каждого из выступающих. Не меньшее удовольствие доставляли ему и критические выпады Каролины.

Правда, в последнее время она немного сбавила накал своих критических наскоков. Узнав, что у нее есть дневник и что она владеет стенографией, Каупер сразу назначил ее летописцем.

— Крайне важно, — поведал он ей в присутствии всей колонии, — чтобы мы сохранили для грядущих поколений полный отчет о героических первых днях. Ты делаешь записи каждый день?

— Разумеется. Дневник для этого и предназначен.

— Отлично! Отныне это будет официальный документ. Хотелось бы, чтобы ты записывала все важные события каждого дня.

— Как скажешь. Я и так делаю это каждый день.

— Да, но надо подробнее. И я хочу, чтобы ты фиксировала наши заседания тоже. Это будет неоценимый документ для историков, Кэрол.

— Еще бы!

Каупер на секунду задумался.

— Сколько у тебя осталось чистых листков?

— Сотни две, пожалуй.

— Отлично! Это сразу решает проблему, которая мучила меня уже давно. Нам э-э-э... придется конфисковать половину бумаги на официальные нужды — объявления, протоколы комитетов и тому подобное.

— Это довольно много бумаги, — с деланным удивлением произнесла Каролина. — Ты лучше пошли за ней двоих-троих крепких парней.

— Ты шутишь... — озадаченно сказал Каупер.

— А еще лучше — четверых. С тремя я, пожалуй, справлюсь, и кому-то из них придется несладко.

— Но послушай, Каролина, это только временная мера в интересах всего общества. К тому времени, когда тебе понадобятся эти листки, мы уже научимся делать другие материалы для записей.

— Вот давай учись. А дневник — мой!

Обычно Каролина сидела рядом с Каупером и, пристроив дневник на коленях, делала записи. Каждый вечер она открывала заседание, зачитывая выдержки из протокола предыдущего собрания. Род как-то не удержался и спросил, неужели она и в самом деле записывает эту бесконечную трепотню.

— Боже упаси! Конечно, нет!

— То-то я и думаю. Записывать все подряд — никакой бумаги не хватит. Однако твои «выдержки» всегда точны.

Каролина усмехнулась.

— Родди, хочешь, я тебе прочту, что я записываю на самом деле? Только обещай, что никому не скажешь.

— О чем речи!

— Зачитывая «выдержки», я просто вспоминаю, о чем болтали предыдущим вечером — у меня отличная память. А бумагу я трачу вот на что... Сейчас покажу... — Она достала дневник из кармана. — Например, вчерашнее заседание. «Его величество назначил собрание сразу после вечерней отрыжки. Слушали комитет по кошкам и собакам. Выяснилось: нет ни кошек, ни собак. Долго обсуждали острую нехватку и тех, и других. Затем закрыли заседание, и те, кто еще не уснул, отправились спать».

Род ухмыльнулся.

— Хорошо, что Грант не знает стенографии.

— Разумеется, если происходит что-то действительно важное, я записываю. Но не эту болтовню.

Впрочем, когда бумага требовалась для чего-то стоящего, Каролина не жадничала. На одном из листков они оформили свидетельство о браке: Ховард Голдштейн, студент-юрист из Теллерского университета, написал официальный текст, а подписали документ сами Бакстеры, Грант Каупер и Род с Каролиной в качестве свидетелей. Каролина, прежде чем преподнести свидетельство молодоженам, еще и украсила его цветочным орнаментом и изображениями голубков.

Были и другие, кому казалось, что новое правительство больше говорит, чем делает. К таким относился и Боб Бакстер, но чета квакеров присутствовала на собраниях не так часто. Как-то в конце первой недели правления Каупера после бесконечных докладов комитетов слово попросил Коротыш Дюмон.

— Господин председатель!

— Что такое, Коротыш? Может, ты подождешь? Перед тем как перейти к следующему вопросу, я хотел сделать объявление.

— Это как раз по поводу отчетов наших комитетов. Когда будет отчитываться конституционный комитет?

— Но я уже отчитался.

— Ты сказал, что готовится новый, доработанный вариант конституции, и поэтому отчет переносится на более поздний срок. По-моему, это не называется «отчитался». Я хочу знать, когда у нас будет постоянная конституция вместо этих временных постановлений, которые плодятся каждый день. Когда прекратится это взвешенное состояние?

Щеки Каупера налились краской.

— Ты возражаешь против моего решения?

— Не то чтобы возражаю, но и не соглашаюсь тоже. Род проиграл, и мы выбрали тебя как раз потому, что ты проповедовал конституционное правительство вместо диктатуры. Я за тебя поэтому и голосовал. Теперь я хочу знать, где наши законы? Когда мы будем их принимать?

— Ты наверняка понимаешь, — старательно подыскивая слова, ответил Каупер, — что конституция не создается за одну ночь. Тут необходимо учесть много разных моментов.

— Безусловно. Но пришло время и нам узнать, что за конституцию вы готовите. Как там насчет Билля о правах? Он-то хоть у вас уже готов?

— Всеу свое время.

— А чего тут тянуть? Вношу предложение: для начала давайте примем в качестве первой статьи Билль о правах.

— Не принимается! И кроме того, у нас даже нет его текста.

— Не беспокойся. Я его помню наизусть. Ты готова, Кэрол? Записывай...

— Не надо, — ответила Каролина. — Я его тоже знаю. И уже пишу.

— Вот видишь? Оказывается, ничего сложного тут нет, Грант. Большинство из нас способно прочесть Билль по памяти. Так что хватит откладывать на потом.

— Молодец, Коротыш! Так ему! Поддерживаю предложение! — закричали со всех сторон

Перекрывая гвалт, Каупер призвал собрание к порядку, затем сказал:

— Сейчас не место и не время. Когда конституционный комитет доложит о своей работе, вы убедитесь, что все демократические свободы соблюдены, а права надежно гарантированы — с некоторыми изменениями, вызванными жесткими и опасными условиями, в которых мы оказались. — Он улыбнулся и продолжил: — А теперь давайте вернемся к делу. У меня есть объявления, касающиеся порядка выхода на охоту. Отныне каждая охотничья группа будет...

Дюмон все еще стоял.

— Я сказал «хватит откладывать», Грант. Ты сам говорил, что нам нужны законы, а не произвол лидера. Но пока ты только приказываешь, а законов что-то не видно. Каковы твои обязанности? Где границы твоей власти? Ты что, истина в последней инстанции? Или у нас тоже есть права?

— Замолчи и сядь!

— Как долго ты можешь находиться у власти?

Каупер сделал над собой усилие и уже спокойным тоном сказал:

— Коротыш, если у тебя есть предложения по этим вопросам, внеси их на рассмотрение комитета.

— К черту комитет! Я настаиваю на прямом ответе.

— Не принимается!

— Ах, не принимается? Я требую, чтобы конституционный комитет отчитался в своей работе. И я не сяду, пока не получу ответ. Здесь общее собрание, и у меня столько же прав, как и у всех остальных.

Каупер покраснел от злости.

— Ты уверен? — спросил он многозначительным тоном. — Сколько тебе лет, Коротыш?

Дюмон взглянул на него в упор.

— Вот оно что! Теперь все ясно! — Он обвел собравшихся взглядом. — Я вижу, что здесь есть люди даже моложе меня. Вы чувствуете, на что он намекает, а ?

Граждане второго сорта! Он собирается воткнуть в эту так называемую конституцию ограничение прав по возрасту! А, Грант? Ну-ка, смотри мне в глаза и отвечай!

— Рой! Дейв! Усадите его силой!

Род внимательно прислушивался к перепалке: представление оказалось гораздо интересней, чем обычно. Джимми по своему обыкновению добавлял ко всему сказанному непочтительные комментарии. Теперь он наклонился и прошептал:

— Ну вот, началось. Мы как, выбираем, на чьей мы стороне, или тихо растворяемся в ночи и смотрим на этот цирк со стороны?

Не успел Род ответить, как Коротыш дал всем понять, что помощь ему не требуется — по крайней мере сейчас.

— Пусть только попробуют. Кого-то придется откачивать, — сказал он, принимая боевую стойку. Он даже не потянулся за ножом, но и так было видно, что Коротыш всерьез настроен драться. — Грант, я хочу сказать еще кое-что, а потом уж заткнусь. — Коротыш повернулся и заговорил, обращаясь ко всем сразу. — Вы видите, что у нас нет никаких прав и положение наше не ясно, однако мы уже заорганизованы до такой степени, что это напоминает смирительную рубашку. Комитеты для этого, комитеты для того, а толку? Лучше, что ли, стало после того, как появились эти недопеченные комитеты? Стена еще не закончена, в лагере грязнее прежнего, и никто не знает, что ему положено делать. У нас вчера даже сигнальный костер погас! Когда течет крыша, надо не комитеты назначать, а чинить крышу. Я предлагаю опять отдать правление Роду, разогнать эти дурацкие комитеты и заняться делом. Кто-нибудь меня поддерживает? Подайте голос.

Поднялся страшный гвалт. Кричали, должно быть, меньше половины собравшихся, но Каупер уже понял, что теряет свои позиции. Рой Килрой прокрался сзади Коротыша и вопросительно взглянул на Каупера. Джимми толкнул Рода в бок и прошептал:

— Приготовься!

Однако Каупер поглядел на Роя и покачал головой.

— Коротыш, — сказал он спокойно, — ты закончил речь?

— Это не речь. Это предложение для голосования. И не вздумай сказать, что оно не принимается!

— Я не понял твоего предложения. Будь добр, повтори.

— Ты прекрасно все понял. Я предлагаю снять тебя с должности мэра и отдать ее снова Роду.

— Эй, Грант, — заговорил Килрой. — Так не положено. Это не по...

— Тихо, Рой. Коротыш, твое предложение не принимается.

— Я просто ждал, когда ты это скажешь!

— И на самом деле тут два предложения. Однако я не стану мелочиться. Ты утверждаешь, что никому тут мои порядки не нравятся? Давай сейчас и узнаем. Кто-нибудь поддерживает это предложение?

— Да!

— Я поддерживаю!

— Ладно, предложение поддерживается. Предлагается отозвать меня и передать правление Роду. Кто-нибудь желает выступить?

Пожелали сразу несколько, но Род добился своего, просто перекричав остальных.

— Господин председатель! Важное заявление!

— Слово предоставляется Роду Уокеру.

— Поскольку вопрос касается меня самого, я хочу сделать заявление.

— Да? Вперед.

— Я понятия не имел, что Коротыш решил меня выдвинуть, Грант. Скажи ему, Коротыш.

— Верно.

— О'кей-о'кей, — произнес Грант, поморщившись. — Еще кто-нибудь? Только не орите, а поднимайте руки.

— Я еще не закончил, — сказал Род.

— И что же?

— Я не только не знал об этом предложении, но я еще и не одобряю его. Коротыш, я прошу тебя снять свое предложение.

— Нет!

— Думаю, так будет правильнее. У Гранта была всего неделя, и за такое время нельзя ожидать чудес. Я-то уж знаю. С этим дикарским племенем и у меня забот хватало. То, что он делает, может тебе не нравиться — мне самому многое тут не нравится, — но этого следовало ожидать. И если ты воспользуешься подобными настроениями как поводом, чтобы снять его с должности, тогда в нашей группе наверняка произойдет раскол.

— Так это не я виноват, а Грант! Может, он и старше меня, но если ему кажется, что мое слово от этого меньше значит, то ему лучше хорошенько подумать еще раз. Я его предупредил. Ты слышал, Грант?

— Слышал. Но ты меня неправильно понял.

— Черта с два я неправильно понял!

— Коротыш, — настаивал Род, — ты согласен снять предложение? Я прошу тебя сам. Пожалуйста.

Коротыш Дюмон на уговоры не поддался. Род беспомощно поглядел на Каупера, пожал плечами и сел. Каупер отвел взгляд в сторону и ворчливо спросил:

— Есть еще желающие продолжить прения? Вот там, сзади... Агнесса? Пожалуйста.

Джимми снова наклонился и прошептал:

— За каким чертом ты это сделал, Род? Благородство тебе не идет.

— Благородство тут ни при чем. Я знаю, что делаю, — так же тихо ответил Род.

— Ты потерял шанс на переизбрание.

— Тише... — Род прислушался к выступлению: у Агнессы Фрис, судя по всему, накопилось немало претензий. — Джим?

— Что?

— Встань и предложи разойтись.

— Как? Все испортить, когда началось самое интересное? Сейчас кто-нибудь кому-нибудь еще и в волосы вцепится. Надеюсь.

— Не спорь. Сделай, о чем я прошу. Или я тебе сам устрою интересную жизнь.

— Ладно. Обломщик! — Джимми нехотя встал на ноги, глубоко вздохнул и закричал: — Вношу предложение закрыть заседание и разойтись!

— Поддерживаю предложение! — заорал Род, вскакивая.

Каупер даже не взглянул в их сторону.

— Не принимается. Сядьте.

— Предложение закрыть собрание не может не приниматься, — громко сказал Род. — Такое предложение всегда принимается, всегда приоритетно и не подлежит обсуждению. Настаиваю на голосовании!

— Я не давал тебе слова. А предложение о переизбрании я поставлю на голосование, даже если это будет последнее, что мне удастся сделать. — По лицу Каупера было заметно, что он здорово зол. — Ты закончила, Аг-

несса? Или будешь обсуждать еще и мое умение вести себя во время еды?

— Ты обязан принять это предложение, — настаивал Род. — Я требую голосования!

Его поддержали криками с мест, совершенно заглушившими Агнессу Фрис. Грант даже не мог предоставить слово новому выступающему. Собрание выло и улюлюкало.

Каупер поднял обе руки вверх, призывая всех к тишине, и произнес:

— Поступило предложение закрыть собрание. Кто за это предложение, говорит «да».

— Да-а-а!

— Против!

— Никого, — ответил Джимми.

— Собрание объявляется закрытым, — отрезал Каупер и быстро удалился в темноту за кругом костров.

Коротыш Дюмон подскочил к Роду, встал на пути и посмотрел ему в глаза снизу вверх.

— Хорош друг! — презрительно произнес он, плюнул на землю и пошел прочь.

— Да, — согласился Джимми, — ты что? Приступ шизофрении? Или тебя в младенчестве головой вниз уронили? В правильных дозах это твое благородство могло вернуть все назад — так нет же, ты совсем меры не знаешь!

Джимми еще не закончил свою отповедь, когда подошла Жаклин.

— Я и не собирался ничего возвращать, — сказал Род. — И я говорил совершенно серьезно. Если турнуть капитана сейчас, когда в его распоряжении было всего-то несколько дней, наше поселение расколется на дюжину мелких группировок. И тогда уже я точно не смогу удержать всех вместе. Никто не сможет.

— Боже, Джекки, ну скажи ему.

Она нахмурилась.

— Джимми, ты просто прелесть, но по части сообразительности...

— И ты, Джекки?

— Ладно, я научу тебя уму-разуму. А ты, Род, молодец. Завтра они это поймут. Сегодня все еще на взводе.

— Я только одного не понимаю, — сказал Род задумчиво. — Коротыш-то из-за чего так завелся?

— А ты не слышал? Впрочем, может быть, ты в это время был на охоте. Я сама не видела, но знаю, что он поцапался с Роем, а Грант отчитал его на глазах у всех. Видимо, у него комплекс из-за маленького роста, — задумчиво сказала Жаклин. — Он не любит, когда ему приказывают.

— Боже, да кто же это любит?

На следующий день Грант Каупер вел себя так, словно ничего не произошло. Однако гонора у него поубавилось. Во второй половине дня он отыскал Рода.

— Уокер! Ты не уделишь мне несколько минут?

— О чем речь.

— Тогда давай отойдем поговорим.

Грант отвел его подальше, где их никто не мог слышать, и они уселись прямо на землю. Род ждал, а Грант, видимо, не знал, с чего начать.

— Род, я понял, что на тебя можно положиться, — сказал он наконец и улыбнулся, только улыбка получилась немного вымученной.

— С чего ты так решил?

— С того, как ты вел себя вчера вечером.

— Ясно. Но можешь не обольщаться: я сделал это не ради тебя, — сказал Род. — Если уж начистоту, то ты мне не нравишься.

На этот раз Каупер даже не улыбнулся.

— Это взаимно. Ты мне совершенно не нравишься. Но мы должны ладить друг с другом, и я думаю, тебе можно доверять.

— Может быть.

— Ладно, я рискну.

— Хочу сразу сказать, что я согласен со всеми претензиями Коротыша. Меня не устраивает только его решение.

Губы Каупера изогнулись в кривой ухмылке, совсем не похожей на его обычную сияющую улыбку.

— Самое печальное здесь, что я тоже согласен со всеми его претензиями.

— В смысле?

— Род, ты, видимо, думаешь, что я полный идиот, но дело в том, что я действительно кое-что смыслю в теории государственного управления. Труднее всего ее применять в такой вот... переходный период вроде нашего. У нас здесь пятьдесят человек, и ни один из них

не имеет практического опыта руководящей работы, даже я. Однако все считают себя крупными специалистами. Взять хотя бы это предложение насчет Билля о правах — ну ведь полная ерунда! Я достаточно знаю об этих вещах и понимаю, что комплекс прав и обязанностей, необходимых для нашей колонии, нельзя копировать слово в слово с документа аграрной демократии, и в такой же степени они отличаются от прав и обязанностей, необходимых для индустриальной республики. — На лице его появилось обеспокоенное выражение. — И мы в самом деле хотели ввести ограничение на право голоса по возрасту.

— Только заикнись об этом, и тебя сбросят в реку.

— Знаю. И это одна из причин, по которой конституционный комитет до сих пор не отчитался. Другая причина... Черт бы все побрал! Ну как можно подготовить что-то вроде конституции, когда практически нет бумаги? Это кошмар!.. Однако насчет права голоса: самому старшему из нас двадцать два, самому младшему шестнадцать, и самые молодые как раз больше всех и лезут. Каждый — ну прямо гений или почти гений. — Каупер поднял взгляд. — Я не имею в виду тебя.

— Слава богу, — торопливо сказал Род, — потому что я никакой не гений.

— Ну, тебе и не шестнадцать уже. Но этот гениальный молодняк меня очень беспокоит. Все до одного — доморощенные юристы. У каждого всегда наготове какая-нибудь колкость, но ни одного дельного предложения. Мы думали, что с ограничением по возрасту — вполне разумным — старшая часть населения будет чем-то вроде противовеса, а они тем временем подрастут. Но, похоже, ничего из этого не выйдет.

— Не выйдет.

— Но делать-то что-то надо! Этот запрет на охоту смешанными парами... Он не был направлен, скажем, против вас с Кэрол, но она решила, что это именно так, и устроила мне жуткий скандал. А я лишь пытался защитить этих ребятишек. Черт! Лучше бы они все скорее выросли, попереженились и успокоились. Вот с Бакстерами, например, никаких проблем.

— Не волнуйся. Через год или около того девяносто процентов колонии будут составлять семейные люди.

— Надеюсь. Послушай... А ты сам часом не подумываешь?

— Я? — Род даже удивился. — И в голову не приходило.

— Да? А я думал... Впрочем, ладно. Я тебя отозвал не для того, чтобы расспрашивать о твоих личных делах. То, о чем говорил Коротыш, не так-то легко проглотить, но я собираюсь ввести кое-какие изменения. Большинство комитетов распускаются.

— В самом деле?

— Да. Ну их к черту! Все равно ничего не делают, только готовят доклады. Я собираюсь назначить одну из девушек главным поваром и одного из парней — главным охотником. А тебе я хотел предложить стать начальником полиции.

— Что? За каким дьяволом тебе начальник полиции?

— Ну как же... Кто-то же должен следить, чтобы распоряжения выполнялись. Сам знаешь — уборка лагеря и прочее. Кто-то должен следить за тем, чтобы всегда горел сигнальный костер: мы пока не досчитываемся тридцати семи человек — это без тех, про кого точно известно, что они погибли. Кто-то должен распределять ночные дежурства и проверять посты. Эти ребяташки просто с ума сходят, если за ними не присматривать. Как раз для тебя работа.

— Почему?

— Ну, если быть практичным, Род... Сторонники есть и у тебя, и у меня. Но когда все увидят, что мы заодно, неприятностей и беспорядков в лагере будет гораздо меньше. Колония от этого только выиграет.

Род не хуже Гранта понимал, что их группа должна жить сплоченно. Но Каупер просил поддержать его шаткую администрацию, а Род мало того что относился к нему неприязненно, но еще и был уверен, что кроме болтовни от Каупера ожидать нечего.

И дело не только в том, что стена до сих пор не достроена — нужно, просто необходимо было заняться еще множеством других дел. Кто-то должен искать соль, каждый день. Надо организовать регулярные поиски съедобных кореньев, ягод и прочего — сам он, например, уже просто устал от мясной диеты. Конечно, если разнообразить добычу и не есть только постное мясо, на здоровье это не отразится, но кому охота всю жизнь питаться одним лишь мясом? И эти вонючие шкуры... Грант распорядился, чтобы охотники обязательно снимали с

убитых животных шкуры и приносили их в лагерь для использования в хозяйстве.

— Что ты собираешься делать с этими протухшими шкурами? — спросил Род неожиданно.

— А что?

— Воняют. Если ты назначишь меня на эту должность, я первым делом велю выбросить их все в реку.

— Но нам нужны шкуры. Половина лагеря уже сейчас ходит в лохмотьях.

— Шкур у нас будет предостаточно, но нам нужны дубильные вещества. При такой погоде одного солнца мало.

— Но у нас нет танина. Не говори ерунды, Род.

— Значит, надо отправить кого-то жевать кору, пока его не найдут. На вкус танин определяется совершенно безошибочно. И выброси эти шкуры, наконец!

— Если я сделаю так, ты согласишься на мое предложение?

— Может быть. Ты сказал «следить, чтобы выполнялись распоряжения». Чьи распоряжения? Твои? Или Килроя?

— Обоих, видимо. Рой — мой заместитель.

Род покачал головой.

— Нет, благодарю за честь. У тебя уже есть Рой; значит, я тебе не нужен. Слишком много генералов и слишком мало солдат.

— Но, Род, мне действительно без тебя не обойтись. Рой не умеет ладить с молодыми ребятами. Он их раздражает.

— Меня тоже. Ничего не выйдет, Грант. И кроме того, мне не нравится этот титул — просто глупо звучит.

— Ну, выбери сам, как называться. Капитаном охраны там или менеджер поселения... Это неважно. Важно, чтобы кто-то навел порядок с ночными дежурствами и чтобы в лагере тоже был порядок. За молодняком нужно следить. Ты способен на это, а значит, это твой долг.

— А чем будешь заниматься ты сам?

— Прежде всего, мне нужно утрясти наш свод законов. Нужно планировать на будущее... Боже, Род, у меня в голове сотни дел. Я просто не могу тратить время на то, чтобы разбираться в мелочных ссорах, когда, например, кто-нибудь из молодых донимает повара своими глупыми претензиями. Коротыш был прав: отклады-

вать больше нельзя. Отдавая распоряжение, я хочу, чтобы закон меня поддерживал, а сейчас мне чаще всего приходится выслушивать замечания какого-нибудь сопляка. Я не справлюсь со всем этим один, мне нужна помощь.

В такой ситуации грех отказывать, и все же...

— А как насчет Килроя?

Черт побери, Род, ты не вправе просить, чтобы я вытолкал кого-то другого и освободил место для тебя.

— Я не *прошу* эту работу. — Род сомневался, стоит ли говорить, что для него, хоть он и осознавал общественную необходимость такого решения, этим дело не исчерпывается. Поддержать человека, которому он проиграл выборы, это в каком-то смысле даже вопрос чести, благородное упрямство. Тем не менее он прекрасно понимал, что Каупер и Килрой люди очень разные.

— Я не буду таскать за него каштаны из огня. Грант, я готов служить тебе, потому что тебя выбрали. Но служить слуге я не собираюсь.

— Род, но сам подумай! Если ты получаешь приказ от Килроя, значит, это мой приказ. Он просто его передает.

Род встал.

— Нет.

Каупер в раздражении вскочил на ноги и быстро удалился.

В тот вечер собрания не было — впервые за все время после выборов. Род собирался навестить Бакстеров, но тут его снова отозвал в сторону Каупер.

— Твоя взяла. Я назначил Роя главным охотником.

— И что?

— Теперь ты — менеджер поселения, или Майская Королева, или как ты там еще придумаешь. Ночную вахту опять никто не назначил. Так что займись делом.

— Подожди-ка! Я не говорил, что согласен.

— Ты дал мне понять, что тебя не устраивает только Рой. Теперь приказы будут исходить исключительно от меня.

Род все еще не мог решиться. Каупер смерил его презрительным взглядом.

— Похоже, ты не хочешь помогать, даже когда все вышло по-твоему.

— Нет, но...

— Никаких «но». Берешься ты за эту работу или нет? Отвечай: да или нет?

— М-м-м... да.

— Договорились. — Каупер нахмурился и добавил: — Хотя я до сих пор не уверен, стоит ли по этому поводу радоваться.

— Не ты один.

Начав разбираться с ночными дежурствами, Род обнаружил, что каждый, к кому он обращался, считает, будто уже отдежурил больше всех остальных, а поскольку комитет внешней безопасности не вел никаких записей — и не мог их вести — узнать, кто говорил правду, а кто хочет сачкануть, было просто невозможно.

— Все! Хватит! — сказал наконец Род. — Завтра же я составлю алфавитный список, и все будут дежурить строго по очереди. Я это сделаю, даже если мне придется выцарапать список на камне.

Похоже, в словах Гранта, когда тот говорил, что без бумаги приходится нелегко, была доля истины.

— А почему ты не поставишь на дежурство своего дружка Бакстера?

— Потому что мэр дал ему две недели свадебного отпуска. Как тебе прекрасно известно. И хватит болтать. Чарли тебя сменил, поэтому запомни, где он спит.

— Две недели безделья и мне не помешали бы. Пожалуй, я тоже женюсь.

— Пока еще никто из девушек из ума не выжил. Ты дежуришь с полуночи до двух.

Большинство приняли неизбежное, убедившись, что в будущем все будет честно, и только Пиви Шнайдер, самый молодой в их группе — ему едва стукнуло шестнадцать, — продолжал качать права: он, мол, уже дежурил прошлой ночью, и теперь по крайней мере три ночи дежурить не должен, и никто, так вашу и так, его не заставит.

На это Род сказал ему, что он заступит на дежурство или получит в ухо, после чего все равно придется дежурить. И добавил:

— Услышу еще хоть раз в лагере такие выражения, вымою тебе рот мылом.

— Ха! Где ты возьмешь мыло? — Шнайдер тут же переменил тему.

— Пока у нас нет мыла, я буду пользоваться песком. И передай остальным, Пиви: в лагере больше не выра-

жаться. Мы должны оставаться цивилизованными людьми даже в такой ситуации. Твое время — с четырех до шести, и покажи Кенни, где ты спишь.

Когда Пиви отошел, Род подумал, что неплохо бы начать собирать пепел и жир. Он очень смутно представлял себе, как делать мыло, но кто-нибудь наверняка знает... А мыло нужно отнюдь не для того только, чтобы воспитывать любителей грязной словесности. Последнее время ему нередко хотелось встать против ветра от самого себя, а носки он выкинул уже давно.

В ту ночь Род спал очень плохо. Просыпаясь, он каждый раз проверял дежурных, и дважды его будили, когда дежурным показалось, что в темноте за освещенной зоной кто-то бродит. Род и сам не мог сказать точно, но один раз он тоже разглядел большую длинную тень, скользившую в отдалении. Ложился он не сразу, оставаясь какое-то время рядом с дежурными — еще один ствол на случай, если ночной хищник рискнет прыгнуть через стену или костер. Очень хотелось выстрелить в крадущуюся тень, но он подавлял в себе это желание. Напасть на хищника означало лишь потратить драгоценные боеприпасы — хищников от этого едва ли станет заметно меньше. Вокруг лагеря каждую ночь бродили какие-то твари, но с этим приходилось мириться.

Наутро Род чувствовал себя усталым и разбитым. После четырех ночи он уже не ложился, проверял Пиви Шнайдера. Еще за завтраком у него возникла мысль забраться в пещеру и вздремнуть пару часов, но слишком много было дел. Он пообещал себе, что отоспится позже, и пошел искать Каупера.

— У меня сразу несколько вопросов, Грант.

— Сыпь.

— Почему мы не ставим на дежурство девушек?

— Хм, я думал, просто не стоит.

— Почему это? Девушки у нас не из тех, что, завидев мышь, визжат или падают в обморок. Каждая из них по крайней мере месяц до прихода сюда прожила в лесу сама по себе и осталась в живых. Ты когда-нибудь видел Каролину в действии?

— М-м-м... нет.

— Зря. Она того стоит. Мгновенная смерть в обеих руках и глаза на затылке. Во время ее дежурства я буду спать, как бревно. Сколько у нас сейчас парней?

— Двадцать семь, с теми тремя, что пришли вчера.

— Ладно. Кто из этих двадцати семи не дежурит?

— Как? Все дежурят, по очереди.

— А ты?

— Не слишком ли ты далеко заходишь? В конце концов я же не настаиваю, чтобы и ты дежурил.

— Значит, минус два. Рой Килрой?

— Э-э-э... Род, давай договоримся так: он все-таки главный охотник и, следовательно, от дежурства освобожден. Ты сам знаешь, как он оказался на этой должности, так что лучше его не трогай.

— О'кей, знаю. Боб Бакстер тоже освобожден.

— До начала следующей недели.

— Я говорю про эту неделю. Комитет решил оставить только одного дежурного на смену. Я собираюсь снова ввести парное дежурство. Кроме того, мне на каждую ночь нужен начальник охраны. Он будет бодрствовать всю ночь и отсыпаться на следующий день, а еще пару суток он должен быть освобожден от дежурства. Ты уже понял, что получается? На каждую ночь мне нужно двенадцать человек. А у меня сейчас меньше двадцати, из которых я могу выбирать.

— Но комитет решил, что больше одного человека на вахте нам не нужно, — встревоженно сказал Каупер.

— К чертовой матери этот комитет! — Род почесал шрамы на руке и снова вспомнил крадущиеся в темноте тени. — Мы сделаем так, как я сочту нужным, или опять будем ставить на голосование?

— Ну...

— Когда человек дежурит в одиночку, он или трясется от страха и видит то, чего нет, или засыпает, и тогда от него вообще нет никакого толка. Прошлой ночью мне пришлось одного разбудить — я не скажу, кого именно, потому что больше, я думаю, этого не повторится: когда я тряхнул его за плечо, он от испуга чуть из штанов не выпрыгнул... Короче, нам нужна настоящая охрана, достаточно сильная, чтобы в случае чего продержаться, пока не проснется весь лагерь. А если ты хочешь оставить все по-старому, то лучше снимай меня и ставь кого-нибудь другого.

— Нет-нет. Делай, как считаешь нужным.

— О'кей. Я ставлю девушек на дежурство. Боба с Кармен тоже. И тебя.

— Э-э-э...

— И себя. И Роя Килроя. Всех без исключения. Это единственный способ заставить людей дежурить без пиратств. Кроме того, такой порядок убедит их, что это абсолютно серьезно, что эта наша первая забота, самая важная, даже важнее охоты.

Каупер задумчиво подергал заусенец на пальце.

— Ты в самом деле считаешь, что мне тоже нужно дежурить? И тебе самому?

— Считаю. Это здорово повысит моральный дух. И кроме того, так будет правильнее э-э-э... с политической точки зрения.

Каупер вскинул взгляд и сказал без улыбки:

— Убедил. Дашь мне знать, когда моя очередь.

— Следующий вопрос. Прошлой ночью запаса дров еле хватило на два костра.

— Это уже твоя забота. Можешь брать всех, кто не на охоте и не при кухне.

— И возьму. Но приготовься — на меня будут жаловаться. Однако это все мелочи. Теперь о главном. Ночью я посмотрел на наш лагерь, так сказать, свежим взглядом. Не нравится он мне — во всяком случае, как постоянный лагерь.

— Почему?

— Его почти невозможно защищать. Между сланцем и водой выше по течению метров пятьдесят пустого пространства. Ниже по течению чуть лучше, потому что в узком проходе у нас постоянно горит костер. Но с противоположной стороны мы отгородили стеной только половину лагеря, да и там нужно ставить больше кольев. Сам посмотри, — сказал Род, указывая рукой. — Там целая армия строем пройдет, а ночью в этом месте было только два костра. Нам обязательно нужно достроить стену.

— Достроим.

— Но лучше всего по-настоящему заняться поисками более подходящего места. Здесь — в лучшем случае временный лагерь. До того как ты стал мэром, я пытался отыскать другие пещеры, но очень далеко не ходил — не хватало времени. Ты когда-нибудь был в Меса-Верде?

— В Колорадо? Нет.

— Это пещерный город. Ты, наверно, видел снимок. Так вот, может быть, где-то там выше или ниже по течению — скорее, ниже, — мы отыщем что-то похожее и сможем построить жилища для всей колонии. Нужно

выслать небольшую группу на разведку, недели на две или даже больше. Я, кстати, готов.

— Может быть, мы так и сделаем. Но тебе нельзя. Ты нужен мне здесь.

— Через неделю я так налажу охрану, что все будет делаться само по себе. Кроме того, меня может заменить Боб Бакстер. Его уважают... — Род задумался на секунду, кого взять в пару: Джекки? Джимми? — Я бы взял с собой Кэрл.

— Род, я же сказал, что ты нужен мне здесь. А вы с Кэрл, что, собираетесь пожениться?

— С чего ты взял?

— Тогда ты тем более не можешь взять ее с собой. Мы стараемся привить людям вкус к семейной жизни.

— Знаешь что, Каупер...

— Все. Забудь.

— М-м-м... Ладно. Но первым делом — самым первым — надо закончить стену. Я хочу поставить всех на работу прямо сейчас.

— Извини, сегодня ничего не выйдет, — сказал Каупер.

— Почему?

— Потому что сегодня мы строим дом. Билл Кеннеди и Сью Бриггс решили пожениться. Вечером свадьба.

— Я даже ничего не слышал об этом.

— Никто еще не слышал. Они сообщили об этом пока только мне, за завтраком.

Известие Рода не удивило: Билла и Сью часто можно было видеть вместе.

— Послушай, а что, им обязательно прямо сегодня жениться? Стена важнее, Грант, поверь.

— Ну что ты так завелся с этой стеной, Род? Еще ночь или две будем жечь костры побольше. И запомни, в жизни есть вещи поважнее материальных ценностей.

Г л а в а 11

БЕРЕГ СКЕЛЕТОВ

29 июля — Сегодня вечером поженились Билл и Сью. Его величество был выше всяких похвал: организовал очень красивую церемонию. Я даже всплакнула, другие

девчонки тоже. Если бы он еще и делал столько же, сколько говорит! Я играла на губной гармонике «Свадебный марш» Мендельсона, а слезы текли по щекам и капали прямо на гармонику. Хотела еще сыграть на свадьбе Кармен, но не могла отказаться от роли подружки невесты. Молодой муж пытался занести Сью в «дом» — если его можно так назвать — на руках, но застрял: пришлось опустить ее на землю и протолкнуть вперед себя. Потолок здесь ниже, чем следует, потому он и застрял. Камни кончились, а когда мы стали брать их из стены, Род устроил страшный скандал. Атаку на стену начал его величество, и они с Родом долго друг на друга орали, оба аж покраснели. Потом Родди отвел его в сторону и что-то сказал, после чего его величество тут же пошел на попятную. Билл здорово обиделся на Рода, но Боб его как-то уломал и предложил поменяться домами, а Род пообещал, что, достроив стену, он первым делом снимет крышу с этого дома и сделает его выше. Возможно, это случится несколько позже, чем он думает: искать камни, которые можно использовать, становится с каждым днем труднее. Я себе все ногти пообломала, выковыривая куски, которые могли бы нам пригодиться. Но я согласна с Родди, что нужно доделать стену, и теперь, когда он взялся за охрану, силу гораздо спокойнее. Однако еще лучше буду спать, когда закончим стену и поставим с этой стороны заточенных кольев. Конечно, девушки все спят на дальнем, безопасном краю, но все равно, кому это понравится — проснуться и обнаружить, что кого-то из парней уже нет. У нас их и не так много, кстати, чтобы разбрасываться. Как говорила мама, ничто не придает дому такой обжитой вид, как мужчина.

30 июля — Теперь буду делать записи, только если случится что-то особенное. Его величество говорит, что мы по примеру египтян можем изготовить папирус, но я в это поверю, лишь когда увижу его своими глазами.

5 авг. — Прошлой ночью я была назначена начальником охраны и видела, что Родди не спал почти всю ночь. После завтрака я завалилась на боковую и проспала чуть не до вечера. Проснулась, а он так и не ложился — злой, с покрасневшими глазами, носится и орет на всех, что нужно больше камней и больше дров. Иногда я его не понимаю.

9 авг. — Соль, что нашла Алиса, гораздо ближе, чем то место, которое неделю назад отыскал Коротыш, но хуже.

14 авг. — Джекки, наконец, решилась и дала согласие выйти за Джимми. Родди эта новость, похоже, просто ошарашила, хотя я могла бы предупредить его еще месяц назад. Родди в таких делах мало что понимает. Предвижу еще один стенодомостроительный кризис, и Родди, наверно, просто рехнется, потому что он захочет, чтобы у Джимми и Жаклин сразу появился дом, а кроме как из стены, в такой короткий срок камни взять негде.

15 авг. — Сегодня замечательное двойное торжество — поженились Джимми и Джекки, Агнесса и Курт. Трокстоны временно поселились в доме Бакстеров, а Пулвермахеры временно въехали в будку четы Кеннеди. Тем временем в пещере поставили несколько перегородок, чтобы разместить две супружеские пары и отделить склад.

1 сент. — Корешки, что я откопала, вроде не ядовитые — пока жива. Мы разыскали энергоблок от «Молнии» — видимо, той самой, что принадлежала Иоганну, — и из его корпуса получился неплохой котел. Сегодня вечером я сварила в нем похлебку — всем досталось понемногу. Однако вкус странный. Может быть, потому, что раньше Агнесса пыталась сварить в нем мыло — тоже получилось не бог весть что. Корешки я буду называть «ямсом», потому что они похожи на ямс, хотя вкусом больше напоминают пастернак. Их тут растет очень много. Завтра попробую сварить их с зеленью, куском мяса и солью. Ням-ням! А еще попробую запечь их в золе.

16 сент. — Поджав хвосты, вернулись Чед Амес и Дик Берк. Его величество подобрел и разрешил им остаться. Они сказали, что Джок Макгован совсем спятил. Охотно верю.

28 сент. — Сегодня во время охоты погиб Филип Шнайдер. Рой принес его в лагерь, но он был уже мертв, потому что потерял много крови: раны оказались очень глубокие. Рой отказался от должности главного охотни-

ка, и его величество назначил Клиффа. Рой буквально сломлен, хотя никто его не винит. Бог дал, бог взял. Да святится имя его.

7 окт. — Я решила выйти замуж за М.

10 окт. — Похоже, я ошиблась. М. собирается жениться на Марджери Чанг. Ладно, они неплохие ребята, а если я когда-нибудь выберусь отсюда, то буду только рада, что осталась одна — ведь я собиралась идти в Амазонки. На заметку: будь немного сдержанней, Каролина. Во всяком случае, старайся.

11 окт. — Кармен????

21 окт. — Точно.

1 нояб. — Боже правый! Я теперь — новый менеджер поселения. Подумать только! Правда, это временно, на две недели, пока не вернется Родди. Но я теперь иначе как на «сэр» не отзываюсь. Его величество в конце концов отпустил Родди на разведку вниз по реке — тот спал и видел себя в этой роли — и надавал ему кучу советов и рекомендаций, которые Родди забудет, едва скрывшись из вида. Мне ли его не знать? Отправились они вдвоем, и Родди выбрал напарником Роя. Ушли сегодня утром.

5 нояб. — Работа менеджера совсем не сахар. Скорее бы вернулся Родди.

11 нояб. — Его величество пристал ко мне, чтобы я записала доклад «комитета по ресурсам». До этого Мик Махмуд держал его в голове — там ему, на мой взгляд, и место. Но с тех пор как ушли Родди и Рой, его величество здорово нервничает, и я решила, что так уж и быть. Вот он:

12 запасных ножей (не считая по одному на каждого).

53 единицы огнестрельного и другого оружия — но только к половине есть хотя бы по одному патрону.

6 экз. Евангелия.

2 экз. «Мира пламени».

1 экз. Корана.

1 экз. «Книги мормона».

1 экз. оксфордского юбилейного издания сборника английской поэзии.

1 стальной лук и 3 охотничьи стрелы.

1 котел, сделанный из экранированной обшивки энергоблока, и целая куча разных мелочей из пластика и металла (которые теперь, надо признать, на вес урана) от найденной Джекки «Молнии».

1 сковородка (подарена Кармен).

1 колода игральных карт без девяти червей.

13 спичек, целый ворох неработающих зажигалок и 27 увеличительных стекол.

1 небольшой топорик.

565 метров альпинистской веревки, частично порезанной для разных целей.

91 рыболовный крючок (и никакой съедобной рыбы!).

61 карманный компас, некоторые — сломанные.

19 наручных часов, которые еще работают (4 из них настроены на местное время).

2 куска ароматизированного мыла.

2 упаковки приправы для копчения и неполная коробка дубильного препарата.

Несколько килограммов всякой всячины, которой мы со временем, очевидно, найдем применение, но перечислять все это я не стану. У Мика не голова, а каталог.

Множество вещей, которые мы сделали сами и которых можем сделать еще больше — горшки, луки, стрелы, скребки для шкур, каменная ступка и пестик, при помощи которых можно толочь зерно (если, конечно, вы не имеете ничего против песка на зубах), и т. д.

Его величество утверждает, что оксфордский сборник стихов это наше самое большое достояние, и я с ним согласна, но только у нас разные причины так думать. Он хочет, чтобы я застенографировала на полях и чистых страницах всяческие полезные сведения, которыми располагает каждый из нас — от математики до свиноводства. Клифф разрешил — при условии, что мы не будем заползать на стихи. Не известно только, когда я буду этим заниматься: с тех пор как ушел Родди, я почти не бываю за пределами лагеря, а о том, что такое сон, слышу только от других.

13 нояб. — Осталось два дня. «С каким нетерпением я жду...»

16 нояб. — Я и не рассчитывала, что они вернутся вовремя.

21 нояб. — Мы наконец приняли нашу конституцию и базовый свод законов на первом общем собрании за несколько недель. Текст записан на форзацах двух Евангелий, Боба и Джорджии. Если кому-нибудь понадобится что-то уточнить — в чем я лично сомневаюсь — можно обратиться к ним.

29 нояб. — Джимми сказал, что Рода так просто не прикончишь. Очень надеюсь, что он прав. Ну почему я не заставила его величество, чтобы он меня отпустил?

15 дек. — Дальше обманывать себя бесполезно.

21 дек. — Трокстоны, Бакстеры, я и Грант собрались сегодня вечером у Бакстеров дома, и Грант провел поминальную службу. Боб прочел молитву за Роя и Рода, а потом мы долго сидели и молчали, как это принято у квакеров. Родди всегда напоминал мне моего братишку Рикки, и я про себя попросила Мать божью позаботиться и о них двоих, и о Рое тоже — чтобы все они были ей как дети.

Официально Грант ничего не объявлял: пока они просто «задерживаются с возвращением».

25 дек. — Рождество.

Род и Рой двигались налегке, быстро: один всегда шел впереди, другой прикрывал, потом менялись. У каждого было с собой несколько килограммов засоленного мяса, но они больше рассчитывали на охоту. Кроме того, теперь они знали много съедобных фруктов, ягод, орехов: для тех, кто разбирается, лес — словно бесплатное кафе. Воды с собой не брали, поскольку планировали идти все время вдоль реки, однако на берегу вели себя осторожно: помимо ихтиозавров, которым иногда удавалось затянуть в воду пришедшего на водопой быка, в реке водились маленькие кровожадные рыбки; они кусали совсем по чуть-чуть, но плавали огромными косяками и могли обглодать животное до костей буквально за считанные минуты.

Род взял с собой и «Леди Макбет» и «Полковника Боуи», а Рой Килрой, помимо своего собственного «Скальпеля Оккама», прихватил нож, одолженный ему Кармен Бакстер. Рой намотал на пояс веревку, и у каждого был пистолет, но это на самый крайний случай — в одном из них оставалось всего три патрона. Кроме того, Род взял пневматическую винтовку Жаклин Трокстон с заряженными свежим ядом стрелками — они решили, что это сэкономит им время на охоту и позволит двигаться быстрее.

Три дня спустя они обнаружили ниже по течению небольшую пещеру, в которой жили пятеро потерявших всякую надежду на спасение девушек. После радостной шумной встречи Род и Рой направились дальше, а девушки двинулись вверх по реке к поселению. Девушки рассказали им, где можно перебраться через реку, и вскоре они нашли это место — широкий перекат с торчащими из воды частыми камнями, — однако, потратив два дня на том берегу, все же вернулись обратно.

К утру седьмого дня, кроме той пещеры, где обосновались пятеро девушек, они так ничего и не нашли.

— Неделя уже прошла, — сказал Род. — Грант приказывал вернуться через две недели.

— Да, было такое дело.

— Но мы ничего не нашли.

— Вот именно.

— Надо возвращаться.

Рой промолчал.

— А ты сам-то что думаешь? — спросил Род немного раздраженно.

Килрой лежал на животе, разглядывая местное подобие муравья, и не торопился с ответом.

— Род, — сказал он наконец. — Здесь командуешь ты. Так что, куда скажешь — вверх по течению, вниз...

— Да ну тебя...

— С другой стороны, какой-нибудь законник-недоучка вроде Коротыша мог бы спросить: а какое право у Гранта приказывать нам возвращаться к такому-то сроку? Мы, мол, тут «свободные граждане», «суверенная автономия», мол, и все такое. Возможно, он в чем-то прав — мы чертовски далеко от дома...

— По крайней мере, еще один день у нас есть: на обратном пути нам не придется тратить время на разведку другого берега.

— Разумеется. И если бы этой экспедицией руководил я... Впрочем, ладно.

— Хватит ходить вокруг да около. Я же попросил у тебя совета.

— Ну тогда я бы сказал, что наша главная цель — не в две недели уложиться, а найти пещеры.

Род перестал хмуриться.

— Тогда хватит валяться. Пошли.

И они двинулись дальше вниз по реке.

Вскоре лесная долина сменилась изрезанной оврагами каменистой равниной, где прорезала себе русло река. Дичи стало меньше, и им пришлось воспользоваться запасами соленого мяса. Еще два дня спустя они добрались до первого из целой гряды скалистых возвышений, где в незапамятные времена вода прорезала множество пещер, углублений и мелких вымоин.

— Похоже, это то, что нам нужно.

— Пожалуй, — согласился Рой, оглядываясь по сторонам. — Но может быть, дальше будет еще лучше.

И они продолжили путь.

Река стала шире, но пещер больше не попадалось, и каньоны уступили место бескрайней саванне, где деревья росли лишь вдоль берега реки.

— Я чую запах соли, — сказал Род, приняв хавшись.

— Ничего удивительного. Где-то там должен быть океан.

— Сомневаюсь.

Однако они отправились дальше, избегая зарослей высокой травы и держась ближе к деревьям. Все вместе колонисты насчитали более дюжины крупных хищников, представляющих опасность для человека — от похожих на львов существ (только эти были раза в два крупнее африканских) до маленькой свирепой чешуйчатой твари, которая нападала, если загнать ее в угол. Большинство считало, что напоминающие львов чудовища и есть стоборы, о которых их предупредили перед началом экзамена, хотя некоторые полагали, что это название относится к другому — не такому крупному, но более проворному и коварному — хищнику, который был гораздо опаснее.

Подобных сомнений не удостоилась только одна хищная тварь — размерами не больше зайца, но с огромной головой и массивными челюстями, с длинными

передними лапами и без хвоста. Морды у них были глупые, с выпученными глазами, а двигались твари, если их спугнуть, медленно и неуклюже — за все это их прозвали «сонными кроликами». Охотились они, похоже, просто поджидая у нор полевых грызунов. Шкуры этих тварей обрабатывались, и из них получались отличные бурдюки. На таких травяных равнинах их водилось великое множество.

После очередного перехода Рой и Род устроились на привал в небольшой рощице у воды.

— Ну что, потратим спичку или опять пыхтеть? — спросил Род.

— Как хочешь. Я пойду поищу что-нибудь на обед.

— Осторожнее там. Не заходи в траву.

— Я пройду по самому краю. Зря, что ли, все страховые компании планеты называют меня «Осторожным Килроем»?

Род заглянул в коробок, надеясь, что вместо трех спичек там окажется четыре, затем принялся добывать огонь трением и почти уже добился цели — мох оказался недостаточно сухим, — когда вернулся Рой и бросил на землю маленькую тушку.

— Произошла удивительная вещь!

Добычей Роя оказался «сонный кролик». Род взглянул на несуразное существо и спросил:

— А что, лучше ничего не было? Они на вкус — как картон.

— Ты еще не слышал самого интересного. Я вовсе не собирался его убивать. Он сам на меня напал.

— Шутишь?

— Клянусь. Пришлось его прикончить, а то он все время пытался откусить мне пятки. Но теперь мясо есть...

Род еще раз посмотрел на «сонного кролика».

— Никогда не слышал ничего подобного. Должно быть, ненормальный.

— Видимо. — Рой принялся разделывать добычу.

На следующее утро они вышли к морю. До самого горизонта как застывшее стекло тянулась неподвижная водная гладь — ни плеска волн, ни даже медленного движения прилива. Сильно пахло солью, и весь берег был покрыт белой коркой. Род с Роем решили, что это, скорее всего, не выход к океану, а внутриконтиненталь-

ное море. Но больше всего их поразила совсем не безбрежная водная гладь. В обе стороны вдоль берега — очевидно, до самого горизонта — тянулась гряда выбеленных солнцем костей — миллионы и миллионы скелетов.

— Откуда они все тут взялись? — спросил Род, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища.

Рой присвистнул.

— Убей меня бог. Но если продавать их хотя бы по пять пенсов за тонну, мы могли бы стать миллионерами!

— Ты имеешь в виду миллиардерами.

— Не цепляйся к словам.

Забыв об осторожности, они пошли вдоль берега, разглядывая это чудо природы. Здесь были и древние кости, потрескавшиеся от солнца и воды, и совсем новые, еще с хрящами. Огромные скелеты гигантских антилоп, на которых они никогда не охотились. И крошечные косточки травоядных с терьера ростом — кости всевозможные и без числа. Но ни одной туши.

Заинтригованные новой загадкой планеты, Род и Рой обследовали километра два побережья, но, повернув назад, оба уже знали, что возвращаются не просто на ночевку, а домой. Дальше пути не было.

Двигаясь вниз по реке, они не обследовали найденные пещеры, и теперь, на обратном пути, Род решил, что нужно заранее выбрать место для поселения, разведать дичь, найти подступы к воде, а самое главное, прикинуть, удобно ли здесь будет жить и можно ли защитить это место от нападения.

Прежде всего, они занялись рядом пещер, проточенных водой в скале из песчаника. Терраса самого нижнего ряда была в шести-семи метрах над крутым земляным склоном. Здесь каньон резко уходил вниз, и Роду сразу представилось, как они сделают выше по течению небольшую протоку и пустят воду прямо в пещеры... Не в один день, конечно, такие дела делаются, но рано или поздно они найдут время, чтобы изготовить инструменты и справиться с этой задачей. Однако уже сейчас было ясно, что они нашли отличное место для поселения, которое, кроме всего прочего, еще и отлично защищено. А уж от дождя здесь точно есть где укрыться, мысленно добавил Род.

Оказалось, что горнолаз из Роя лучше; прижимаясь к каменной стене, он влез на следующую террасу и скинул Роду веревку, а затем подтянул его вверх. Род за-

кинул руку на карниз, вскарабкался на колени, встал... и даже вскрикнул от неожиданности.

— Что за чертовщина?

— Вот потому-то я и молчал, — сказал Рой. — Боялся, ты подумаешь, что я рехнулся.

— Кажется, мы оба тронулись.

Род огляделся. Невидимые снизу, на террасе ряд за рядом ютились жилища — настоящий пещерный город.

Пустой город. И явно не для людей предназначенный: отверстия в стенах — двери — были не выше колена и слишком узкие, чтобы человек мог свободно пролезть внутрь. Но в том, что это искусственные жилища, а не промытые водой пещеры, сомнений не возникало. Низкие комнаты теснились в шесть ярусов до самого верхнего края склона, а в качестве строительного материала неизвестные мастера использовали саманы, высушенные глиняные блоки, армированные деревом.

Но кто все это построил? Рой сунулся было в дверь ближайшего жилища, и Род тут же крикнул:

— Эй! С ума сошел?

— А что? Тут же никого нет.

— Откуда ты знаешь, что там внутри? Может, там змеи.

— Здесь нет змей. Никто их ни разу не видел.

— Да, но все равно лучше не лезть.

— Эх, был бы у меня фонарь!

— А у меня восемь танцовщиц и вертолет «Кадиллак»! Осторожнее! Мне совсем не улыбается возвращаться одному.

Они устроились на террасе перекусить и заодно обсудить находку.

— Это наверняка разумные существа, — заявил Рой. — Может, мы когда-нибудь даже встретим их. Не исключено, что их цивилизация достигла уже высокого уровня развития: эти постройки больше походят на древние руины.

— При чем тут разум? — возразил Род. — Пчелы строят и более сложные жилища.

— Пчелы не умеют комбинировать глину с древесиной, как эти существа. Взгляни на дверное перекрытие.

— Ну, тогда птицы. Это доказывает, что у них мозгов не больше, чем у птиц. Именно не больше.

— Род, ты просто не хочешь видеть доказательств.

— А где предметы материальной культуры? Покажи мне хоть одну пепельницу с надписью «Изготовлено в Джерси».

— Может, я и нашел бы что-нибудь, но ты слишком осторожничаешь.

— Всему свое время. Однако, раз они считали, что здесь безопасно, нас это тоже устраивает.

— Может быть. Но что их убило? Или почему они ушли?

Перекусив, они обследовали еще две террасы, где тоже нашли искусственные жилища. Судя по всему, когда-то тут было огромное поселение. Но четвертая терраса оказалась почти пустой — лишь в одной стороне теснились несколько недостроенных помещений.

— Похоже, нас такой вариант устроит, — сказал Род, оглядевшись. — Может быть, он не самый идеальный, но мы можем перебраться сюда всей командой, а потом уже разберемся, где тут получше.

— Мы идем назад?

— Утром. Здесь вполне можно устроиться на ночь, а завтра отправимся к старому поселению... Интересно, а что вот там? — Род остановил взгляд на каменном уступе чуть выше по стене.

Рой прищурился.

— Сейчас узнаю.

— Не стоит. Тут стена почти отвесная. Когда переберемся, сделаем для таких мест лестницы.

— Не волнуйся — я рожден для горных круч. Смотри.

До уступа вполне можно было дотянуться рукой. Рой уцепился пальцами за край, подтянулся — и тут край осыпался. Падал Рой всего-то полметра.

— Ты как, в порядке? — подскочил к нему Род.

— Вроде да. — Рой попытался встать и, вскрикнув, снова упал на спину.

— Что случилось?

— Нога. Правая. Кажется... у-у-у!.. кажется, у меня перелом.

Род осмотрел его ногу и полез нарезать палок, чтобы сделать шину. Затем, подложив листьев, примотал палки к голени веревкой, что Рой носил на поясе. Веревку пришлось использовать очень экономно — она была нужна, чтобы забираться на террасу. У Роя оказалась сломанной большая берцовая кость, но при закрытом переломе можно было не опасаться заражения.

Много времени ушло на споры.

— Конечно же, тебе нужно идти, — говорил Рой. — Оставишь мне свежую добычу и все засоленное мясо. Да, и насчет воды нужно что-то придумать.

— А потом вернусь и найду тут твои обглоданные косточки.

— С чего это? Мне тут ничего не угрожает. Если ты поторопишься, то доберешься обратно дня за три.

— За четыре или, скорее, за пять. И еще шесть дней, чтобы привести сюда группу. А потом обратно с тобой на носилках? Если на нас нападет стобор, ты будешь совершенно беспомощен.

— А зачем нести меня обратно? Все равно мы перебираемся сюда.

— Ты уверен? Но в любом случае, одиннадцать дней — а скорее, двенадцать — это слишком много. Помоему, Рой, ты еще и головой ударился.

Пока заживала нога Роя, они не испытывали, в общем-то, никаких трудностей и не подвергались никакой опасности — хуже всего оказалась скука. Род хотел было, пока есть время, обследовать все пещеры, но в первый же раз, когда он задержался дольше, чем, по мнению Роя, требовалось, чтобы раздобыть свежего мяса, тот едва не впал в истерику. Видимо, у него разыгралось воображение, и он уже представлял себе, что Род мертв и что его, беспомощного и одинокого, тоже ждет смерть от голода и жажды. После этого случая Род оставлял его лишь для того, чтобы поохотиться или принести воды. Напасть на них на террасе никто не мог, и поэтому они даже не дежурили по ночам, а костер использовали только для приготовления пищи. Погода с каждым днем становилась все теплее, а дневные дожди почти прекратились.

Долгие дни ожидания проходили в разговорах о чем только можно: о девушках, о нуждах поселения, о том, что могло вызвать ситуацию, в которой они оказались, о том, что бы они съели, если бы представилась возможность выбирать, снова о девушках... Не обсуждали они лишь вероятность спасения — никто уже не сомневался, что им суждено остаться здесь навсегда. Род с Роем много спали и часто ничего не делали — просто ждали в каком-то оцепенении.

Рой хотел отправиться в обратный путь, едва Род снимет шины, но спустя несколько секунд понял, что

разучился ходить. Он тренировал ногу целыми днями и здорово рассердился, когда Род сказал, что ему все равно еще рано собираться в дорогу. Раздражение и обида на себя и на обстоятельства, копившиеся в душе беспомощного человека так долго, стали причиной их единственной ссоры за время путешествия.

Род тоже вспылil и, швырнув Рою веревку, крикнул:

— Ну давай! Посмотрим, как далеко ты уйдешь на такой ноге!

Спустя пять минут он уже затаскивал побледневшего, дрожащего, но присмирившего Роя на террасу. И лишь потратив еще дней десять на то, чтобы его нога разработалась как следует, они двинулись к поселению.

Первым же, на кого они наткнулись на подходе к лагерю, оказался Коротыш Дюмон. У того отвисла челюсть, в глазах на мгновение появился испуг, но затем он бросился вперед, чтобы поприветствовать их, и сразу же понесся в лагерь сообщить всем радостную весть.

— Эй, вы слышите?! Они вернулись!

Едва услышав этот крик, Каролина бросилась им навстречу — она не бежала, а почти летела над землей — и, обогнав всех остальных, кинулась обнимать и целовать обоих путешественников.

— Привет, Кэрол, — сказал Род. — Что ты так разревелась?

— Родди, негодник... Бить тебя некому...

Г л а в а 12

«НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ, РОДДИ»

Встречали их бурно, но Род успел заметить многочисленные перемены: в поселении появилось больше дюжины новых домов, в том числе и два похожих на сараи строения из бамбука и глины. Одна хижина была сложена из высушенных на солнце кирпичей, а в стенах даже сделали окна. На месте костра для приготовления пищи теперь выкопали яму, где туши запекали целиком, и установили небольшую жаровню. Рядом лилась из бамбуковой трубки вода, падала в сито из выделанной кожи, затем в каменную чашу и дальше отводилась об-

ратно к реке. Род даже не знал, радоваться или огорчаться оттого, что кто-то уже реализовал его замысел.

Однако все эти нововведения он замечал лишь мельком, поскольку их триумфальное шествие по лагерю то и дело прерывалось объятиями, поцелуями, мощными хлопками по спине и вопросами, вопросами, вопросами...

— Нет, все нормально, только Рой разозлился на меня и сломал себе ногу... Да, конечно, мы нашли, что искали... Увидите — закачааетесь... Нет... Да... Джекки! Привет, Боб! Как я рад тебя видеть! А где Кармен?.. Привет, Грант!..

Каупер улыбался до ушей, в бороде блестели два ряда белых зубов, но Род с удивлением отметил, что он выглядит здорово постаревшим — а ведь ему всего-то двадцать два, от силы двадцать три. Откуда все эти морщины?

— Род, старина! Даже не знаю, что с вами обоими делать: то ли упечь в каталажку, то ли увенчать лавровыми венками.

— Пришлось немного задержаться.

— Да уж. Однако ладно. Вернулись, и слава богу. Пойдем в мэрию.

— Куда?

— Это хижина, где я сплю, — ответил Грант, застенчиво улыбаясь. Все ее так называют, ну и я тоже привык. Во всяком случае, это лучше, чем «Даунинг-стрит, 10», как было вначале. Но хижина не моя, — добавил он. — Когда выберут кого-нибудь еще, я буду спать в холостяцком доме.

Грант отвел его к небольшому строению, стоящему чуть поодаль фасадом к кухне.

Стены вокруг поселения не было!

Род вдруг осознал, что же ему показалось странным в этом конце поселения: стены не было вовсе, а вместо нее стоял плетень из колючего кустарника. Он уже собрался высказать Гранту все, что он о нем думает, но тут вспомнил, что это не имеет больше значения. Зачем заводить ссору, когда им все равно скоро перебираться в пещерный город? Стены уже никогда не понадобятся: ночи они будут проводить на высокой террасе с поднятыми вверх лестницами... И Род заговорил о другом:

— Грант, как вам удалось убрать переборки из этих бамбуковых труб?

— А? Очень просто. Привязываешь нож полоской кожи к трубке меньшего диаметра, вставляешь ее в большую и долбишь до посинения. Вакси додумался. Но это еще ерунда. У нас будет железо!

— Да ну?

— Мы нашли руду и пока экспериментируем. Хорошо бы отыскать уголь. Слушай, а вам часом уголь нигде не попадался?

Обед превратился в настоящий пир, праздник, с которым не могло сравниться даже свадебное торжество. Роду дали настоящую тарелку — неглазурованную, кривобокую, некрасивую, но все же тарелку. А когда он достал «Полковника Боуи», Марджери Чанг-Кински вложила ему в руку деревянную ложку.

— У нас их пока мало, но вы сегодня почетные гости.

Род взглянул на ложку с любопытством: за прошедшее время он успел отвыкнуть от столовых приборов.

На обед в тот день была вареная зелень, какие-то новые, незнакомые ему корни и запеченный окорок, порезанный тонкими ломтиками. Рою и Роду выдали по маленькой лепешке из пресного теста. Лепешки достались только им двоим, но Род из вежливости не стал заострять на этом внимание и только нахваливал новое блюдо, то и дело восклицая, как здорово, мол, снова попробовать хлеба.

Марджери зарделась.

— Когда-нибудь у нас будет много хлеба. Может быть, уже в следующем году.

Еще были терпкие маленькие плоды на десерт и вдоволь безвкусных мягких фруктов, напоминающих карликовые бананы с семечками. Род, конечно, объелся.

После обеда Грант призвал всех к порядку и объявил, что он собирается попросить обоих путешественников рассказать о своих приключениях.

— Пусть лучше расскажут сейчас, — добавил он, — тогда им не придется рассказывать семьдесят раз подряд всем по отдельности. Давай, Род. Покажись.

— Может, пусть Рой? У него язык лучше подвешен.

— Будете рассказывать по очереди. Когда устанешь, Рой тебя сменит.

Говорили они долго, то и дело перебивая и дополняя друг друга. Огромное впечатление на поселенцев произвел рассказ о берегу скелетов, и еще больше заинтересовал их брошенный город.

— Мы с Родом до сих пор спорим, — сказал Рой. — Я утверждаю, что это цивилизация, он говорит, инстинкт. Совсем, видимо, от жары сдвинулся. Они, точно, люди. Не в том смысле, что земляне, конечно, но настоящие разумные существа.

— И где же они теперь?

Рой пожал плечами.

— А где теперь селениты, Дора? Или куда подевались митряне?

— Рой просто романтик, — возразил Род. — Но вы все увидите сами, когда мы туда переберемся.

— Верно, Род, — согласился Рой.

— Вот, пожалуй, и все, — закончил Род. — Остальное время мы ждали, когда у Роя срастется кость. Кстати, как скоро мы сможем двинуться на новое место? Грант, есть ли какие-то причины откладывать? Может, стоит с самого утра собрать все, что нужно, и отправиться в путь? Я много думал об этом — я имею в виду о том, как нам перебраться, — и хочу предложить прямо на заре выслать небольшую группу. Рой или я можем ее возглавить. Скажем, мы налегке уходим вперед на один дневной переход, выбираем место, добываем свежего мяса, и, когда вы нас нагоняете, у нас уже все готово — и костры, и ужин. На следующий день — то же самое. Думаю, что таким образом мы уже дней через пять доберемся до пещер и будем в полной безопасности.

— Меня возьмите в эту группу! Дибса!

— Меня тоже!

Раздалось еще несколько голосов, но Род не мог не заметить, что общая реакция оказалась совсем не такой, как он ожидал. Джимми не вызвался. Каролина о чем-то сосредоточенно думала. Бакстеры сидели в тени, и их он не видел.

Род повернулся к Кауперу.

— Грант? Есть предложения лучше?

— Род, — медленно произнес тот, — план у тебя замечательный... Но ты кое-чего не учитываешь.

— В смысле?

— Ну как же? Нас ведь за этим и посылали! Найти место понадежнее и получше. Мы его нашли. В этих пещерах можно целую армию отбить! В чем дело? Конечно, нужно перебираться!

Каупер сидел некоторое время, разглядывая свои ногти, затем, наконец, сказал:

— Род, только не обижайся, но у меня на этот счет другое мнение, и я подозреваю, что многие со мной согласятся. Я не хочу сказать, что вы с Роем нашли плохое место. Может быть, оно гораздо лучше этого, во всяком случае в том виде, как у нас было раньше. Но мы недурно устроились и здесь. Да и слишком много затрачено времени и усилий, чтобы наладить здесь жизнь. Зачем отсюда уходить?

— Но я же говорил... Там безопасно, совершенно безопасно. А здесь мы как на ладони. Мы постоянно рискуем.

— Может быть. Но, Род, за все время, что мы тут живем, в пределах лагеря ни с кем ничего не случилось. Можно, конечно, поставить вопрос на голосование, но не жди, что мы покинем наши дома и все, ради чего столько трудились, только чтобы избежать, скорее всего, воображаемой опасности.

— Воображаемой? По-твоему, стобор не перепрыгнет эту хлипкую баррикаду? — гневно спросил Род, махнув рукой в сторону ограды.

— По-моему, если стобор попытается проникнуть сюда через ограду, то останется висеть на заточенных кольях, — спокойно ответил Грант. — Эта «хлипкая баррикада» на самом деле очень эффективное сооружение. Завтра утром посмотри повнимательней.

— Но там, где мы были с Роем, нам не понадобится даже она. Не нужно дежурить по ночам. Там даже дома не нужны. Эти пещеры — лучше любого дома!

— Возможно. Однако, Род, ты не видел еще всего, что мы тут сделали и сколько нам придется оставить. Давай осмотрим лагерь при дневном свете и тогда уже поговорим.

— Ладно... Впрочем, нет, Грант. О чем тут говорить? Важно одно: в пещерах безопасно, а здесь нет. Я предлагаю голосовать.

— Полегче. Это же не общее собрание, а торжество в честь вашего возвращения. Давай не будем его портить.

— Да... Извини. Но здесь и так собрались все. Давайте проголосуем.

— Нет. — Каупер встал. — Общее собрание состоится, как всегда, в пятницу. Спокойной ночи, Род. Спокойной ночи, Рой. Мы ужасно рады вас видеть. Всем спокойной ночи.

Постепенно вечеринка распалась, и все разошлись спать. Остались лишь несколько парней из самых молодых, которым не терпелось обсудить предложенный переход на новое место. Подошел Боб Бакстер и, положив руку на плечо Роду, сказал:

— Утром увидимся, Род. И благослови тебя Господь.

Затем быстро удалился, и Роду пришлось выслушивать до конца своего предыдущего собеседника. Однако с ним остались Джимми Трокстон и Каролина. Выбрав момент, Род спросил:

— Джимми? Я хотел спросить, что об этом думаешь ты?

— Я? Ты же меня знаешь, дружище. Джекки я отправил спать — она неважно себя чувствовала, — но она велела передать тебе, что мы оба, как всегда, на твоей стороне.

— Спасибо. Мне уже лучше.

— До завтра. Пойду посмотрю, как там Джекки.

— Ладно. Крепкого сна.

В конце концов с ним осталась одна Каролина.

— Родди? Хочешь, пойдем вместе проверим посты? Со следующей ночи тебе так и так этим заниматься, но сегодня мы решили дать тебе отоспаться.

— Подожди-ка, Кэрл... Ты как-то странно себя ведешь.

— Я? Почему, Родди?

— Не знаю. Может, мне показалось. Что ты думаешь о моем предложении? Я не слышал твоего мнения.

Каролина отвела взгляд в сторону.

— Родди, если бы дело было только во мне, я бы сказала: «Завтра. И нечего тянуть». Я бы даже пошла в первой группе.

— Отлично! Но что с ними со всеми случилось? Грант их словно стреножил, и я никак не пойму, в чем дело. — Он почесал в голове. — Может, нам есть смысл организовать свою группу? Я, ты, Джимми и Джекки, Бакстеры, Рой, еще несколько человек из тех, кто так рвался сегодня вперед — короче, все те, кого тянет на новое место.

Каролина вздохнула.

— Ничего не выйдет, Родди.

— Но почему?

— Я пойду. Кто-то из молодых тоже пойдет ради забавы. Джимми и Джекки — если ты будешь настаивать. Но они постараются увильнуть, если ты не станешь да-

вить. Бакстерам этого просто делать не следует, и я думаю, Боб не согласится. Кармен сейчас не в самой лучшей форме для таких путешествий.

Г л а в а 13

НЕПОБЕДИМЫЙ

До голосования так и не дошло. Задолго до пятницы Род понял, как оно пройдет — человек пятьдесят будут против, меньше половины этого числа за, причем его друзья будут голосовать за, скорее, из преданности, чем из искренней убежденности. А может, и они проголосуют в конце концов против.

Род решил поговорить с Каупером наедине.

— Грант, твоя взяла. Даже Рой на твоей стороне. Но ты можешь их переубедить.

— Сомневаюсь. Род, ты не поймешь, что мы уже укоренились здесь, приросли. Возможно, вы нашли место получше... Но уже поздно. В конце концов, это место тоже выбрал ты.

— Не совсем так. Это случилось само собой.

— В жизни многое случается само собой. Приходится это учитывать и выбирать лучшее из возможного.

— Ну так и я о том же! Я понимаю, что переход — дело нелегкое, но нам это по силам. Можно делать переходы покороче, полегче. Можно послать парней поздоровее за всем тем, что мы не хотели бы бросать. В конце концов, мы можем перенести кого-то на носилках — надо только побольше охраны.

— Если поселение проголосует за, то я согласен. Но я не стану их переубеждать. Послушай, Род, ты просто вбил себе в голову, что лагерь плохо защищен, однако факты говорят против тебя. И потом, посмотри, что у нас уже есть: проточная вода выше по течению — и ею же мы смываем мусор и нечистоты ниже, — удобные и вполне пригодные для такого климата дома, соль... Там есть соль?

— Не знаю. Мы не искали. Но соль легко будет принести с морского побережья.

— А здесь это совсем близко. И кроме того, есть шанс, что у нас будет металл. Ты ведь еще не видел рудный

пласт, что мы нашли, верно? С каждым днем поселение оснащается все лучше — короче, уровень жизни растет. У нас здесь настоящая колония, хотя никто не ставил перед нами такой задачи, и мы вправе гордиться этими достижениями, потому что все сделали своими руками. Зачем же бросать то, что здесь создано, и переселяться в пещеры, где мы будем жить как дикари?

— Грант, — вздохнул Род, — помимо того, что лагерь плохо защищен, в сезон дождей этот берег может затопить.

— Не думаю. Но если такое случится, у нас будет достаточно времени, чтобы как-то выйти из положения. Сухой сезон еще только начинается, так что давай поговорим на эту тему через несколько месяцев.

Род сдался. Однако он отказался занять пост менеджера поселения, и точно так же отказалась Каролина. Назначили Билла Кеннеди, а Род занялся охотой под началом Клиффа. Спал он в большом сарае выше по течению, вместе с остальными холостяками и, когда подходила его очередь, заступал на ночные дежурства. Пока они с Роем отсутствовали, вахту снова сократили до одного человека, и главной обязанностью дежурного стало поддерживать огонь в заградительных кострах. Кое-кто ратовал за то, чтобы упразднить и ночные костры: собирать дрова поблизости становилось все труднее, и многие считали, что для безопасности лагеря вполне достаточно колючей изгороди.

Род молчал, но по ночам спал очень чутко.

Дичи по-прежнему хватало, но животные стали более пугливы. Антилопы теперь не паслись на открытой местности, как в дождливую погоду, — все чаще приходилось искать их по зарослям и гнать на засаду. Хищников вроде бы стало меньше. Однако впервые поселенцам пришлось задуматься о странных сезонных повадках местной фауны после инцидента с мелким и, казалось бы, не опасным хищником. В тот день Мик Махмуд вернулся в лагерь с покусанной ногой. Боб Бакстер забинтовал ему раны и спросил, что случилось.

— Не веришь!

— Ну-ка, ну-ка.

— Всего лишь «сонный кролик». Я поначалу даже не обратил на него внимания. А через секунду он вцепился мне в ногу, и я оказался на спине. Ты сам видел, как

он меня обглодал, прежде чем я всадил в него нож. Да еще и челюсти пришлось разжимать.

— Тебе просто повезло, что ты не истек кровью.

Услышав об этом происшествии, Род сразу же рассказал Рою. Один раз им уже встретился агрессивно настроенный «сонный кролик», и Роду показалось, что это серьезно. Он поделился своими сомнениями с Клиффом, и тот предупредил всех, кто выходит за пределы лагеря, чтобы они были настороже: «сонные кролики», похоже, стали опасны.

А через три дня началась миграция животных.

Первое время, казалось, что звери перемещаются бесцельно, но почему-то в одном направлении, вниз по течению. Антилопы и олени давно уже перестали пользоваться водопоем чуть выше лагеря и редко когда забредали в небольшую долину. Теперь же они появлялись все чаще, но, обнаружив изгородь, удирали прочь. Впрочем, это касалось не только антилоп. Бескрылые птицы с большими, похожими на маски головами, грызуны, корнееды и прочие, которым переселенцы даже не придумали названия, — все включились в миграцию. Один из тех напоминающих львов хищников, которых поселенцы прозвали стоборами, тоже появился как-то раз у изгороди при свете дня, оглядел преграду, взмахнул хвостом, потом вскарабкался по скале и двинулся дальше вдоль реки.

Клифф вернул все охотничьи отряды в лагерь: зачем охотиться, когда дичь сама идет к поселению?

Когда стемнело, у Рода возникло неудобное, тревожное чувство. Он оставил свое место у костровой ямы и подошел к Джимми с Жаклин.

— Слушайте, что происходит? Даже как-то страшно...

Джимми пожал плечами.

— Я тоже чувствую. Может, это из-за странного поведения животных... А ты слышал, что сегодня убили одного «сонного кролика» прямо в лагере?

— Я знаю, в чем дело, — неожиданно сказала Жаклин. — «Гранд-опера» заткнулась.

«Гранд-оперой» Джимми прозвал существ с дикими голосами, что превратили первую ночь Рода на планете в кошмарную осаду. После заката они каждый вечер устраивали примерно часовые концерты. Род уже давно привык к ним и замечал не больше, чем цикад на Земле.

Во всяком случае, он даже не мог вспомнить, когда в последний раз сознательно прислушивался к их безумным воплям.

Теперь же они не развопились вовремя, и это его встревожило.

Род неуверенно улыбнулся.

— Точно, Джекки. Странно, как все-таки к этим вещам привыкаешь. Думаешь, у них забастовка?

— Скорее, похороны, — ответил Джимми. — Завтра, наверно, опять концерт устроят.

Уснул Род с трудом и, когда прозвучал сигнал тревоги, мгновенно выскочил из холостяцкого сарая с ножом в руке.

— Что случилось?

Дежурил на этот раз Артур Нилсен.

— Все уже нормально, — ответил он, немного нервничая. — Бык проломил ограду, и эта тварь пробралась внутрь. — Он указал на труп «сонного кролика».

— У тебя кровь на ноге.

— Просто царапина.

Вокруг уже собрались все остальные поселенцы. Каупер протолкался в центр и сразу оценил ситуацию.

— Вакси, займись раной. Билл... Где Билл? Билл, поставь на вахту кого-нибудь еще. И как только рассветет, нужно починить изгородь.

Небо на востоке стало уже серым.

— Можно и не ложиться, — предложила Марджери. — Скоро будем завтракать. Я пойду разведу огонь.

Она отправилась за горящей веткой к сторожевому костру. Род выглянул через пролом в ограде. Бык лежал на земле в дальнем конце поляны, и в него вцепились, по крайней мере, шесть «сонных кроликов». Подошел Клифф, выглянул наружу и спросил:

— Как, по-твоему, мы их сможем прикончить?

— Разве что из ружья.

— Жалко тратить на них патроны.

— Конечно.

Немного поразмыслив, Род двинулся к сложенным в кучу бамбуковым палкам, что заготавливались для новых строений. Выбрал одну покрепче, но не длинную — до плеча — затем уселся на землю и, привязав «Леди Макбет» полоской кожи к концу палки, смастерил себе копье. Каролина заметила его, подошла, присела рядом на корточки.

— Что ты делаешь?

— Кроликобой.

Она понаблюдала еще немного, затем вдруг вскочила на ноги и сказала:

— Пожалуй, я себе тоже сделаю такую штуку.

К рассвету животные уже неслись вдоль реки во весь опор, словно за ними наступал лесной пожар. Поскольку с приходом сухого сезона река обмелела, ниже каменного уступа, где расположился лагерь, получилось что-то вроде миниатюрного пляжа от метра до двух шириной. Изгородь из кустарника протянули, чтобы закрыть и этот участок, но обезумевшие животные проломили ее и теперь неслись нескончаемым потоком под самым поселением, у воды.

Несколько бесплодных попыток остановить их ни к чему не привели, и, в конце концов, поселенцы оставили животных в покое: они так и так попадали в замкнутую долину лагеря, а проход между крутым берегом и водой служил своего рода «аварийным клапаном». По крайней мере, животным было теперь куда деться — иначе этот бешеный поток просто снес бы ограду целиком.

Впрочем, мелкие животные все равно проникали внутрь и, не обращая внимания на людей, неслись дальше.

Род остановился у изгороди и даже завтрак съел стоя. С рассвета он уже убил шесть «сонных кроликов», но у Каролины счет был еще выше. Глядя на них, и остальные принялись мастерить копья. К счастью, «сонных кроликов» попадало в лагерь не так много; в основном они гнали зверье вдоль реки. Тех же, что проникали за изгородь, убивали копьями: с ножом в руке справиться с ними было гораздо сложнее.

Обходя ограду, Каупер и Кеннеди остановились рядом с Родом. Оба выглядели встревоженно.

— Род, — спросил Грант, — как, по-твоему, долго еще это будет продолжаться?

— Откуда я знаю? Наверно, пока они не кончатся. Выглядит это... Взять его, Коротыш! Выглядит это, как будто «сонные кролики» гонят всех остальных, но я так не думаю. Мне кажется, они все с ума посходили.

— Но почему? — спросил Кеннеди.

— Убей меня Бог. Хотя теперь я, похоже, догадываюсь, откуда на морском побережье столько костей. Но почему это происходит? Почему куры бегут через доро-

гу? Почему лемминги устраивают массовые самоубийства? Откуда берутся тучи саранчи?.. Сзади! Прыгай!

Кеннеди подпрыгнул, Род одним ударом прикончил очередного «кролика», и они продолжили разговор.

— Лучше отряди кого-нибудь, чтобы бросали этих тварей в воду, Билл, а то они скоро вонять начнут. Знаешь, Грант, пока еще все в порядке, но я знаю, что бы я сделал.

— Что? Перебрался в эти пещеры? Род, ты был прав, но сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Это все в прошлом. Забудь. Больше всего меня сейчас пугают эти злющие маленькие дьяволы. Они теперь совсем не сонные — они стремительны, свирепы... и так или иначе просачиваются через изгородь. Пока мы еще с ними справляемся, но что будет, когда наступит ночь? Нужна целая цепочка костров вдоль изгороди и вдоль всего берега. Огонь — это единственное, что может их остановить. По крайней мере, хотелось бы так думать.

— Для этого нужно очень много дров. — Грант взглянул на изгородь и нахмурился.

— Еще бы. Но так мы сможем продержаться и ночью. Знаешь что, дай-ка мне топор и шестерых парней с копьями. Я поведу группу.

Кеннеди покачал головой.

— Это моя работа.

— Нет, Билл, — твердо сказал Каупер. — С ними пойду я. А ты оставайся и защищай поселение.

До конца дня Каупер выходил за дровами с двумя группами, и по одному разу ходили Билл и Род. Они выбирали периоды, когда поток животных на время ослабевал, но группе Билла пришлось просидеть в лесу над пещерой почти два часа в бездействии. Они решили, что оттуда будет удобно сбрасывать дрова в лагерь, однако по большей части вынуждены были пережидать наплывы зверья на деревьях. В маленькой долине вокруг поселения уже давно не осталось ни одной сухой деревяшки, и, чтобы найти пригодные для костра дрова, приходилось подниматься выше, в лес.

Пятую группу, ближе к вечеру, повел Клифф Паули, главный охотник, но у них сразу сломалась рукоять топора, и они вернулись лишь с тем, что смогли нарубить ножами. Пока их не было, один из гигантских быков сорвался со скалы над лагерьем, упал вниз и сломал себе

шею. В шкуру ему вцепились четыре «кролика», и, поскольку они даже не разжали челюстей, убить их оказалось несложно.

Вечером Джимми и Род дежурили с копьями у изгороди. Джимми оглянулся назад, туда, где две девушки сбрасывали в реку трупы «сонных кроликов».

— Знаешь, Род, — произнес он задумчиво, — мы все не так поняли. Стоборы-то вот они. *Настоящие* стоборы.

— А?

— Те большие кошки вовсе никакие не стоборы. Мастер предупреждал нас именно об этих вот тварях.

— Как там их ни называй, они меня устраивают только мертвые. Вставай. Вон еще один лезет.

Перед наступлением темноты Каупер приказал разжечь костры. Больше всего его беспокоило, чтобы случайно не спалили водопровод, но вскоре вопрос решился сам собой: труба вздрогнула, и вода иссякла. Видимо, выше по течению какая-то зверюга наконец разнесла хрупкое сооружение на куски.

Поселенцы уже давно перестали пользоваться большими бурдюками, и теперь в запасе осталось всего несколько литров воды — в горшке, что использовали повара. Впрочем, никто не посчитал, что это опасно — так, всего лишь очередная трудность. Главной задачей было разложить костры вокруг лагеря. Человек пять или шесть уже пострадали — никто не погиб, но укусы и раны от когтей тоже дело серьезное, — и почти все от нападений маленьких хищников, которых они презрительно называли «сонными кроликами». Запасы антисептиков, и без того значительно сократившиеся за долгие месяцы существования колонии, теперь буквально таяли на глазах, и Боб Бакстер решил экономить, тратя лекарства только на самые тяжелые раны.

Когда дрова разложили по широкой дуге, протянувшейся внутри ограды до берега и дальше прямо к пещере, стало понятно, что дневные труды напрасны: в кучах осталось не намного больше, чем разложили. Билл Кеннеди бросил один взгляд на кучи и сказал:

— На всю ночь не хватит, Грант.

— *Должно* хватить, Билл. Поджигай.

— Может быть, если мы отодвинемся от ограды и берега, а затем срежем до скалы... Как ты думаешь?

Каупер прикинул, насколько это будет экономнее, и покачал головой.

— Так не намного короче. Впрочем... Не зажигай пока костры ниже по течению — только если зверье вдруг полезет назад. И давай шевелиться: уже темнеет.

Он прошел к кухонному костру, вытащил горящую ветку и принялся разжигать протянувшиеся цепочкой костры. Кеннеди помогал, и вскоре по всему краю поселения запылал огонь. Каупер бросил ветку в костер и сказал:

— Билл, подели мужчин на две вахты, а всех женщин отправь наверх, в пещеру — пусть там как-нибудь разместятся.

— Их же больше тридцати. Едва ли из этого что выйдет

— Пусть потеснятся. Но отправь их в пещеру. И раненых мужчин тоже.

— Ладно. — Кеннеди пошел отдавать распоряжения, и спустя несколько минут к Кауперу с копьем в руке подлетела Каролина.

— Грант, что это за чушь такая? Кто решил загнать девчонок наверх? Если ты думаешь, что я буду сидеть в пещере, пока вы тут развлекаетесь, то у тебя с головой что-то не в порядке.

Каупер посмотрел на нее усталыми глазами.

— Кэрол, у меня нет времени на глупые препирательства. Заткнись и делай, как я сказал.

Каролина открыла было рот, потом закрыла и молча двинулась к пещере. Подбежал Боб Бакстер. Род заметил, как встревоженно тот выглядит.

— Грант? Ты приказал укрыть всех женщин в пещере?

— Да.

— Извини, но Кармен не может.

— Тебе придется ее отнести. О ней-то я как раз и думал в первую очередь.

— Но... — Боб замолчал, отвел Гранта чуть подальше от остальных и принялся в чем-то его убеждать — тихо, но настойчиво. Грант покачал головой.

— Это опасно, Грант, — продолжил Боб, повышая голос. — Я не могу рисковать. Интервалы между схватками уже девятнадцать минут.

— М-м-м... Ладно. Оставь с ней двух женщин. Возьми Каролину, хорошо? По крайней мере, она не будет ко мне цепляться.

— О'кей. — Бакстер торопливо двинулся к пещере.

Кеннеди и еще более десятка мужчин заступили в первую вахту, растянувшись вдоль линии костров. Роду выпало дежурить во вторую смену, которой руководил Клифф Паули. Он двинулся было к дому Бакстеров, чтобы узнать, как там Кармен, но Агнесса его прогнала. Тогда Род отправился в холостяцкий сарай и попытался уснуть.

Разбудили его крики, и, выскочив из сарая, он успел заметить, как похожее на льва чудовище метров пять длиной пронеслось по лагерю и скрылось ниже по течению. Зверь одним прыжком перемахнул через ограду, оставив далеко позади и острые колья, и костры.

— Эй, никого не зацепило? — крикнул Род.

— Нет. Он даже не остановился помахать хвостом, — ответил Коротыш Дюмон. На левой икре у него темнела глубокая царапина, по ноге стекала кровь, но Коротыш этого даже не замечал.

Род заполз в сарай и снова попытался уснуть. Во второй раз он проснулся, когда затряслись стены. Род торопливо выбрался наружу и спросил:

— Что происходит?

— Это ты, Род? Я не знал, что внутри кто-то есть. Давай-ка помоги. Мы хотим его сжечь. — Голос принадлежал Бобу Бакстеру. Он перерезал привязанные к угловому столбу полоски кожи и теперь вовсю его раскачивал.

Род положил копье в сторону, чтобы случайно не наступить на него в темноте, сунул «Полковника Боуи» обратно в ножны и подключился к делу: строили сарай из бамбука и веток, крыли тростником и глиной, так что дров получилось бы достаточно.

— Как Кармен?

— О'кей. Все идет нормально. Но здесь от меня больше пользы. Да и потом, женщины меня сами выгнали.

Бакстер с грохотом повалил угол сарая, сгреб полную охапку обломков и заторопился прочь. Род набрал дров и двинулся за ним.

Резервный запас дров исчез. Кто-то срывал крышу с «мэрии» и швырял куски на землю, чтобы отбить глину. Стены у этого здания были из обожженных на солнце кирпичей, но крыша вполне годилась для костра. Род подошел ближе и увидел, что символ суверенного поселения уничтожает сам Каупер, причем работал он с каким-то даже остервенением.

— Давай я этим займусь, Грант. Ты хоть немного отдышал?

— А? Нет.

— Пойди отдохни. Ночь будет длинная. Сколько сейчас?

— Не знаю. Должно быть, полночь.

Неподалеку вспыхнул огонь, и Каупер повернулся в ту сторону, вытирая лицо рукой.

— Род, смени Билла и возьми на себя командование второй смены. У Клиффа глубокие раны, и я отправил его наверх.

— О'кей. Жечь все, что горит?

— Все, кроме крыши над домом Бакстеров. Но расходуй дрова экономно: нужно протянуть до утра.

— Ясно. — Род бросился к цепочке костров и отыскал Билла. — Я тебя сменю. Приказ Гранта. Иди немного поспи. Как они, прорываются?

— Не очень много. И не далеко. — Копье Билла потемнело от крови. — Я все равно не буду спать, Род. Так что найди место вдоль ограды и помогай.

Род покачал головой.

— Ты же еле на ногах держишься. Приказ Гранта.

— Нет!

— Ладно. Знаешь что, бери свою банду и идите ломайте сарай наших старых дев. По крайней мере, какая-то перемена.

— М-м-м... хорошо. — Кеннеди, шатаясь, пошел в глубь лагеря.

Поток зверья на какое-то время ослабел. За оградой стало спокойно, и у Рода появилась возможность разобратся со своей вахтой. Он сразу отослал спать тех, кто дежурил с заката, и послал за сменой. Затем назначил Дуга Сандерса и Мика Махмуда костровыми, приказав, чтобы никто, кроме них, не смел подбрасывать дрова в огонь.

Вернувшись к центру линии обороны, он обнаружил там Боба Бакстера с копьем в руке.

— Медику вовсе не обязательно драться на передовой, — сказал Род, положив руку ему на плечо. — Положение не настолько плохо.

— Аптечка у меня с собой — по крайней мере, то, что от нее осталось, — ответил тот, пожимая плечами, — а здесь она нужнее всего.

— Тебе других забот мало?

Бакстер через силу улыбнулся.

— Но это лучше, чем ходить под дверью взад-вперед... Смотри, Род, опять зашевелились. Может, стоит разжечь костры посильней?

— Не надо. А то нам не хватит дров до утра. Я думаю, и этих костров достаточно — не перепрыгнут.

Бакстер не ответил, потому что в этот момент сквозь ограду пролез «сонный кролик». Он махнул через низкое пламя, и Боб тут же проткнул его копьем. Род сложил ладони рупором и прокричал:

— Развести огонь посильнее! Но не очень!

— Сзади, Род!

Род подпрыгнул, обернулся и в прыжке подколол еще одного «кролика».

— Откуда он взялся? Я даже не видел, где он пролез.

Не успел Боб ответить, как из темноты вынырнула Каролина.

— Боб! Боб Бакстер! Мне нужно найти Боба Бакстера!

— Он здесь! — крикнул Род.

Лицо Боба исказилось гримасой отчаянья, и он с трудом произнес:

— Что с ней? Она...

— Нет! Нет, — закричала Каролина. — С ней все в порядке. Она прекрасно себя чувствует. *И у тебя девочка!*

Бакстер выронил копье и молча повалился без чувств. Каролина успела подхватить его и тем самым спасла от ожогов. Боб открыл глаза и сказал:

— Извините. Ты меня напугала. Там в самом деле все в порядке?

— В лучшем виде. И ребенок тоже. Килограмма три будет. Дай-ка мне свой тесак — тебя Кармен зовет.

Бакстер, качаясь, пошел к дому, а Каролина заняла его место и улыбнулась Роду.

— Я так счастлива, что все обошлось! Как тут дела, Родди? Все кипит? Ну-ка, я сейчас подколю штук восемь-десять этих тварей!

Спустя несколько минут появился Каупер.

— Ты уже слышал хорошие новости? — спросила Каролина.

— Да. Я только что оттуда. — Ни словом не обмолвившись по поводу присутствия Каролины на передовой, он обратился к Роду. — Мы делаем носилки из ос-

татков водопровода, чтобы затащить Кармен в пещеру. Потом их сбросят вниз, и можете бамбук сжечь.

— Отлично.

— Ребенка отнесет Агнесса. Род, сколько, по-твоему, людей войдет в пещеру?

— Хм, — Род обернулся и взглянул на каменный уступ. — Они и так, должно быть, скоро через край посыпятся.

— Боюсь, да. Но мы просто должны набить в пещеру как можно больше. Я хочу послать наверх всех женатых мужчин и самых молодых парней тоже. Здесь будут держаться холостяки...

— Я тоже «холостяк»! — перебила его Каролина.

Каупер не обратил на нее внимания.

— Как только Кармен будет в безопасности, я загоняю всех наверх. Огонь прогорит уже совсем скоро. — Он повернулся и двинулся к пещере.

Каролина тихо присвистнула.

— Похоже, мы здорово повеселимся, Родди.

— У меня о веселье несколько иные представления. Подержи-ка пока оборону, Кэрол. Мне надо разобраться с людьми. — И он двинулся вдоль линии огня, отдавая распоряжения, кому остаться, а кому идти к пещере.

— Я не пойду, — скорчил физиономию Джимми. — Пока все не уйдут, я не пойду. Как я посмотрю Джекки в глаза?

— Ты пристегнешь одну губу к другой и сделаешь, как скажет Грант. А то еще и от меня получишь. Ясно тебе?

— Ясно. Но мне все равно это не нравится.

— Никто от тебя этого не требует. Просто сделай, как тебе говорят. Джекки видел? Как она?

— Недавно бегал, смотрел. Все в порядке, только немного подташнивает. Но, узнав о Кармен, она почувствовала себя гораздо лучше.

Никаких ограничений по возрасту Род не учитывал. Без женатых мужчин, раненых и всех женщин выбор у него был совсем небольшой; он просто приказал тем, кого сам считал слишком молодыми и слишком неопытными, уйти, когда будет дан сигнал. Оставалось с полдюжины парней, он, Каупер и... возможно, Каролина. Убедить ее уйти — задача не из легких, и Род решил до поры до времени не связываться.

Он обернулся и обнаружил рядом Каупера.

— Кармен уже подняли, — сказал тот. — Можешь отправлять остальных.

— Тогда можно сжечь крышу дома Бакстеров.

— Я уже сорвал ее, пока Кармен тащили наверх. — Каупер огляделся. — Кэрол! В пещеру!

Каролина встала напротив него.

— Не пойду!

— Кэрол, — мягко сказал Род, — ты же слышала. Наверх. *И быстро!*

Бросив на него сердитый взгляд, она надула губы, пробормотала: «Ну раз ты так *просишь*, Родди Уокер...», повернулась к ним спиной и побежала вверх по тропе.

Род сложил ладони рупором и крикнул:

— Все, кроме тех, кому я сказал остаться, тоже наверх! Быстро!

Половина из тех, кому полагалось уйти, уже взбирались по тропе к каменной террасе, когда сверху донесся голос Агнессы:

— Эй! Потише! Если будете так толкаться, кто-нибудь свалится с обрыва.

Цепочка людей замерла.

— Всем выдохнуть! — крикнул Джимми. — Вот так оно лучше.

Кто-то снизу тут же откликнулся:

— Сбросьте Джимми в реку — будет еще лучше.

Очередь снова поползла вверх, теперь медленнее, и минут за десять они все-таки совершили невозможное — упаковали почти семьдесят человек в пещеру, где при нормальных обстоятельствах больше десятка уже чувствовали бы себя стесненно. Короче, расположились, как сардины в банке. Стоять в полный рост там можно было лишь у самого входа, поэтому девушек, сидя или на корточках, задвинули подальше и так плотно, что они едва могли дышать. Стоявшим у входа было легче, но в темноте кто-нибудь мог оступиться или же не удержаться на ногах, когда другой нечаянно толкнет локтем.

— Посмотри тут пока, Род. Я схожу проверю.

Грант взбежал по тропе и через несколько минут вернулся.

— Тесно, как на дне мешка, — сказал он. — Однако у меня есть план. Если нужно, они все-таки смогут еще немного потесниться. Раненым будет неудобно, и Кармен придется сесть — сейчас она лежит — но это возможно. Когда погаснут костры, мы втиснем туда остальных

и, выставив копьа над краем тропы, сумеем продержаться до рассвета. Понятно?

— Деваться некуда.

— Договорились. Когда придет время, ты идешь предпоследним, я замыкаю.

— Э-э-э... Давай кинем жребий.

Каупер грубо выругался, что с ним случалось крайне редко, и добавил:

— Я здесь главный. Я пойду последним. А сейчас нужно обойти костры и побыстрее все, что осталось, — в огонь. Затем соберем людей здесь. Ты иди вдоль берега, я — вдоль ограды.

Они побросали остатки дерева в огонь — времени это отняло совсем немного — и собрались у подножья тропы: Рой, Кенни, Дик, Чарли, Ховард, Род и Грант. Накатила новая безумная волна мигрирующих животных, но пока огонь еще сдерживал их, заставляя двигаться в обход лагеря по узкому перешейку у воды.

У Рода затекли пальцы, и он перебросил копье в левую руку. Огонь умирал, лишь кое-где оставляя после себя светящиеся угли. Род с надеждой взглянул на восточный небосклон, но тут Ховард Голдштейн сказал:

— В дальнем конце один уже прорвался.

— Спокойно, Голди, — ответил Каупер. — Если он сюда не полезет, мы его не трогаем.

Род снова перекинул копье в правую руку. «Сонные кролики» проникли за стену огня уже в нескольких местах, но, что еще хуже, теперь угли давали так мало света, что хищников почти не было видно.

Каупер повернулся к Роду.

— Ладно, все навверх. Ты их пересчитай, — распорядился он и добавил громче: — Билл! Агнесса! Потеснитесь там, к вам пополнение!

Род бросил взгляд на ограду, затем сказал:

— О'кей. Кенни — первый. Следующий — Дуг. Не толкайтесь. Голди. Потом Дик. Кто остался? Рой... — Род обернулся, почувствовав, что за спиной у него что-то произошло.

Гранта рядом не было. Он стоял неподалеку от ограды, склонившись над гаснущим костром.

— Эй, Грант!

— Сейчас вернусь! — Каупер выбрал тлеющий сук и несколько раз взмахнул им в воздухе, отчего пламя снова занялось. Перепрыгнув через угли, он пробрался меж-

ду острыми кольями, подбежал к изгороди из колючего кустарника и сунул туда свой факел. Сухие ветки тут же вспыхнули. Грант медленно отошел назад, пробираясь между кольями.

— Я тебе помогу! — крикнул Род. — Зажгу с другого конца.

Каупер обернулся, и огонь высветил его суровое бородатое лицо.

— Назад! Поднимай всех наверх! Это приказ!

Люди на тропе остановились, и Род, прорывав: «Вперед, остолопы! Шевелитесь!», ткнул кого-то тупым концом копья в зад.

Когда он обернулся, Каупер уже поджигал изгородь в другом месте. Он выпрямился, собираясь двинуться дальше, потом резко повернулся и прыгнул через полосу погасших костров. Остановился, ткнул копьем куда-то в темноту... и вдруг закричал.

— Грант! — Род соскочил вниз и бросился вперед, но, когда он подбежал к Кауперу, тот уже лежал на земле и в каждую его ногу вцепилось по «сонному кролику». Совсем рядом подбирались еще несколько. Род ткнул копьем одного, стараясь не задеть Гранта, выдернул, затем второго, и тут он почувствовал, как «кролик» вцепился в ногу уже ему. Он едва успел удивиться, что почти не чувствует боли, как стало дико больно. Род повалился на землю, и копье выпало у него из рук. Но пальцы сами нащупали рукоять ножа, и «Полковник Боуи» одним ударом прикончил вцепившуюся в ногу тварь.

Дальше, как ему казалось, все происходило в какой-то кошмарной замедленной съемке. Лениво, словно нехотя, люди били копьями еле ползающих хищников. Пламя, взметнувшееся над колючей изгородью, высветило еще одного подбирающегося к нему «сонного кролика». Род взмахнул ножом, прикончил очередную тварь, перекатился на живот и попытался встать...

Очнулся он от бьющего в глаза яркого дневного света. Пошевелился, и нога тут же отозвалась вспышкой боли. Подняв ногу, Род увидел компресс из листьев, аккуратно перемотанный полоской кожи. Лежал он в пещере, а рядом лежали еще несколько человек. Род привстал на локтях.

— Эй, кто-нибудь...

— Ш-ш-ш! — Сью Кеннеди подползла ближе и склонилась над ним. — Ребенок спит.

— О!

— Я сейчас дежурная медсестра. Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, вроде. Слушай, а как они ее называли?

— Хоуп* Роберта Бакстер. Красивое имя. Я скажу Каролине, что ты проснулся.

Вскоре появилась Каролина, присела рядом на корточки и, бросив многозначительный взгляд на его лодыжку, сказала:

— Будешь теперь знать, как веселиться без меня.

— Видимо, буду. Как у нас дела, Кэрол?

— Шестеро ранены серьезно. Ходячих раненых примерно вдвое больше. Кто здоров, все собирают дрова и рубят кустарник. Топор мы уже починили.

— А как же... Уже что, не нужно отбиваться от этих тварей?

— Сью тебе ничего не сказала? За все утро сюда забрели лишь несколько оленей, и те — как сонные мухи. Больше никого.

— Это может начаться опять.

— Если начнется, мы будем готовы.

— Хорошо. — Род попытался встать. — Где Грант? Сильно ему досталось?

Каролина покачала головой.

— Грант не выжил, Родди.

— Как?

— Бобу пришлось ампутировать ему обе ноги у колен, руку тоже нужно было отрезать, но Грант не выдержал операции, умер. — Она взмахнула рукой, словно подвела черту. — Его похоронили в реке.

Род хотел что-то сказать, но не выдержал и отвернулся, уронив голову на грудь. Каролина положила руку ему на плечо.

— Не переживай так сильно, Родди. Боб зря пытался его спасти. В такой ситуации лучше умереть.

Роду пришло в голову, что она, возможно, права: на этой планете пока не существовало анатомических банков. Но легче не стало.

— Не ценили мы его, — пробормотал он.

*Норе (англ.) — надежда.

— Перестань! — сердито прошептала Кэрол. — Грант всегда был дураком.

— Как тебе не стыдно, Кэрол? — спросил Род укоризненно и с удивлением увидел у нее на глазах слезы.

— Ты сам это знаешь. И все знают, но мы все равно его любим. Я бы даже вышла за него замуж, только он никогда не предлагал. — Она смахнула слезы. — Ты уже видел ребенка?

Нет.

Лицо Кэрол озарилось радостью.

— Сейчас я ее принесу. Красавица!

— Сю сказала, что она спит.

— М-м-м... тогда ладно. Но я, собственно, пришла по другому поводу. Какие будут распоряжения?

— В смысле? — Род подумал, что раз Гранта больше нет... — Билл его заместитель. Он что, тоже лежащий?

— Сю тебе ничего не сказала?

— А что она должна была сказать?

— Ты — наш новый мэр. Тебя выбрали сегодня утром. Пока ты спал, мы с Биллом и Роем пытались хоть как-то наладить работу.

Род почувствовал, что у него кружится голова. Лицо Кэрол то отдалялось, то снова наплывало, и он испугался, что потеряет сознание.

— ...деревя достаточно, — продолжала Каролина, — и к закату мы отстроим изгородь. Мяса пока хватает. Марджери все еще кромсает того быка, что свалился вчера со скалы и свернул шею. На новое место нам все равно не перебраться, пока Кармен, ты и другие раненые не поправятся, так что мы решили хотя бы на время привести лагерь в порядок. Как, по-твоему, что-нибудь еще нужно сделать прямо сейчас?

Род задумался.

— Нет. Не прямо сейчас.

— О'кей. Тебе положено отдыхать. — Каролина попятилась и встала. — Я загляну позже.

Род вытянул ногу и перевернулся. Спустя какое-то время волнение оставило его, и он уснул.

Сю принесла бульон в горшке и подержала ему голову, пока он пил. Затем подползла ближе с Хоуп Бакстер на руках и показала ему новорожденную. Род, как в таких случаях полагается, сюсюкал и говорил какие-то глупости, а про себя думал: неужели все новорожденные выглядят так же?

Затем его оставили в покое, и все это время он думал. Каролина вернулась вместе с Роем.

— Как дела, вождь? — спросил Рой.

— Готов откусить башку гремучей змее.

— Нога у тебя — не дай бог, но это пройдет. Мы прокипятили листья, и у Боба еще оставались антисептики.

— Я себя нормально чувствую. Температуры вроде нет.

— Джимми всегда говорил, что тебя ничего не берет, — добавила Каролина. — Что-нибудь нужно, Родди? Или хочешь нам что-нибудь сказать?

— Да.

— Что?

— Вытащите меня отсюда. Помогите спуститься по тропе.

— Тебе нельзя, — торопливо сказал Рой. — Ты еще не оклемался.

— Ты так считаешь? Давай-ка или помоги, или отойди с дороги. И соберите всех вместе. У нас будет общее собрание.

Они переглянулись и вышли из пещеры оба. Род сам дополз до каменного карниза, когда у входа в пещеру появился Бакстер.

— Ну-ка, Род! Давай назад и ложись!

— Отойди.

— Послушай, друг, я не люблю применять силу в отношении больных, но, если ты меня вынудишь, я это сделаю.

— Боб... Сильно у меня нога повреждена?

— Все будет в порядке — если будешь меня слушаться. Если же нет... Знаешь, что такое гангрена? Когда нога чернеет и появляется такой сладковатый запах?..

— Не надо меня запугивать. Что мешает спустить меня вниз на веревках?

— Ну если так только...

Спускали Рода, пропустив две веревки под мышками и третьей поддерживая больную ногу. Операцией руководил Бакстер. Внизу его подхватили на руки, отнесли к кухонному костру и уложили на землю.

— Спасибо, — буркнул Род. — Здесь все, кто может ходить?

— Кажется, да, Родди. Пересчитать?

— Не надо. Насколько я понимаю, сегодня утром вы избрали меня кап... мэром поселения?

— Верно, — подтвердил Кеннеди.

— Какие были еще кандидатуры? Сколько голосов я набрал?

— Э-э-э... тебя выбрали единогласно.

Род вздохнул.

— Спасибо. Хотя я не уверен, что согласился бы с вами, будь это в моем присутствии. Теперь вот что. Вы ожидаете, что я поведу вас к тем пещерам, которые нашли мы с Роем, так? Каролина что-то об этом говорила...

— Мы не ставили вопрос на голосование, Род, но все считают, что надо перебираться, — несколько озадаченно ответил Рой. — После того, что случилось ночью, всем понятно, как опасно здесь оставаться.

Род кивнул.

— Ясно... Так, меня всем видно? Я собираюсь сказать что-то важное. Насколько я знаю, пока нас с Роем не было, вы приняли конституцию и всякие там законы. Я их не читал и поэтому не знаю, насколько легально будет то, что мне хотелось бы вам предложить. Но раз уже мне досталась эта работа, я собираюсь руководить. Если кому-то не понравятся мои решения и мы оба окажемся достаточно упрямы, чтобы вынести конфликт на всеобщее осуждение, вы будете голосовать. Или вы меня поддерживаете, или снимаете и выбираете кого-то еще. Так пойдет? Твое мнение, Голди? Ты ведь был в законодательном комитете.

Ховард Голдштейн сдвинул брови.

— Ты не очень точно это сформулировал, Род...

— Возможно. Но все-таки?

— То, что ты описал, называется парламентский вотум доверия. В общем-то, это основа нашей конституции. Мы специально его ввели, чтобы закон был прост, но все же демократичен. Это Грант придумал.

— Отлично, — серьезно сказал Род. — Не хотелось бы думать, что я сразу ломаю весь свод законов Гранта, стоивший ему стольких трудов. При первой же возможности я его изучу, обещаю. Но насчет того, чтобы перебираться в пещерный город, мы будем голосовать прямо сейчас. Вотум доверия.

Голдштейн улыбнулся.

— Я и так могу сказать тебе, как пройдет голосование. Никого убеждать не надо.

Род хлопнул ладонями по земле.

— Вы ничего не поняли. Если хотите перебираться, перебирайтесь. Но пусть вас ведет кто-нибудь другой. Рою это вполне по силам. Или Клиффу. Или Биллу. Если же вы слушаете меня, то я скажу так: ни одна хищная и зубастая, но безмозглая тварь не сгонит нас с этой земли. Мы — люди. И людям не к лицу отступать — по крайней мере, перед такими тварями. За эту землю Грант заплатил своей жизнью, и теперь это наша земля. Мы останемся здесь и отстоим ее!

Г л а в а 14

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Достопочтенный Родерик Л. Уокер, мэр Каупертауна, глава суверенной планеты GO-73901-11 (по каталогу Лимы), главнокомандующий вооруженными силами, главный судья и Защитник Свобод отдыхал у порога мэрии. При этом он почесывался и раздумывал, не попросить ли кого-нибудь снова подрезать ему волосы — ощущение было такое, будто у него завелись вши, только на этой планете вши не водились.

Напротив сидела на корточках мисс Каролина Беатрис Мшийени, его первый заместитель и менеджер поселения.

— Родди, я им говорила уже тысячу раз — и никакого толка. Грязи от этой семейки больше, чем от всех остальных вместе. Видел бы ты, что у них творилось сегодня утром! Помой прямо у порога дома... Мухи!

— Я видел.

— И что прикажешь делать? Вот если бы ты разрешил мне хорошенько его вздуть... так нет же, ты слишком мягок.

— Видимо, да. — Род в задумчивости перевел взгляд на кусок сланца, установленный посреди городской площади. Надпись на нем гласила:

Памяти первого мэра
УЛИССА ГРАНТА КАУПЕРА,
который отдал за этот
город свою жизнь

Буквы получились неровные — надпись делал сам Род.

— Грант как-то сказал мне, — заметил он, — что государственное управление это умение ладить с людьми, которые тебе не нравятся.

— Брюс и Тея мне совершенно не нравятся!

— Мне тоже. Но Грант наверняка нашел бы способ приструнить их без рукоприкладства.

— Ну тогда сам придумай. Я на это не способна. Родди, тебе вообще не следовало пускать Брюса обратно. Мерзкий тип. А уж когда он женился на этой...

— Похоже, они просто созданы друг для друга, — ответил Род. — Никому другому и в голову бы не пришло взять в жены или в мужья кого-нибудь из них.

— Я же не шучу. Это почти... Хоуп! Ну-ка оставь Гранти в покое! — Каролина вскочила на ноги.

Мисс Хоуп Роберта Бакстер, шестнадцати месяцев от роду, увлеченно колотила в это время мистера Гранта Родерика Трокстона, тринадцати месяцев, а тот, соответственно, хныкал. Оба ползали голые и очень грязные, но это была, что называется, чистая грязь: всего час назад Каролина их мыла. Дети росли полненькие и здоровые.

Хоуп повернулась к Каролине и без тени сомнения заявила:

— Я хаосая!

— Я все видела! — Каролина перевернула ее попкой кверху и легонько шлепнула, затем взяла на руки Гранта Трокстона.

— Дай ее мне, — сказал Род.

— Ради бога, — ответила Каролина и, усевшись на землю, принялась укачивать малыша. — Бедненький. Покажи тете Кэрол, где у тебя бо-бо.

— Не надо с ним так разговаривать, а то вырастет сюсюкалкой.

— Ишь кто заговорил! Тоже мне специалист!

Хоуп обняла Рода своими крохотными ручонками и, проворковав «одди», чмокнула его чумазыми губами. Род чмокнул ее в ответ. По его мнению, ребенок был безвозвратно испорчен ласками, но тем не менее он и сам баловал ее сверх всякой меры.

— Вот-вот, — согласилась Кэрол. — Все любят дядю Родди. Он раздает медали, а тете Кэрол достается вся грязная работа.

— Кэрол, я тут думал...

— Сегодня жарко. Не перегружай свою думалку.

— ...про Брюса и Тею. Мне нужно с ними поговорить.

— Поговорить?!

— После принятия конституции мы еще ни разу не применяли самое серьезное у нас наказание — изгнание. И Макгованы ведут себя так безобразно, потому что думают, мы никогда на это не решимся. Хотя я бы с удовольствием их турнул. И если дело до того дойдет, я поставлю вопрос перед городским собранием — или мы их выгоняем, или я оставлю свой пост.

— Тебя все поддержат. Он не мылся уже по крайней мере неделю.

— Поддержат, не поддержат... Я уже семь раз проходил вотум доверия. Когда-нибудь мне повезет, и я заживу наконец спокойно. Но главная задача сейчас — убедить Брюса, что я готов поставить вопрос на голосование, и, если он поверит, делать этого просто не придется. Кому охота оказаться в диком лесу, когда здесь такая славная жизнь? Главное — его убедить.

— Может, если он будет думать, что ты все еще не забыл ту царапину под ребрами...

— Может, я и не забыл. Но мне нельзя опускаться до личных обид, Кэрол. Я слишком для этого горд.

— Хм... Ну тогда скажи наоборот: город, мол, закипает — что совсем не далеко от правды, — и ты попытаешься нас сдержать.

— Вот это уже лучше. Да, я думаю, Гранту бы это понравилось. Надо обмозговать.

— Обмозгуй. — Кэрол встала. — Пойду вымою их еще раз. Честное слово, ума не приложу, где они берут столько грязи!

Она подхватила обоих детей под руки и двинулась к душевой. Род лениво посмотрел ей вслед. В лагере Каролина носила кожаный пояс и травяную юбку из длинных узких листьев, переплетенных особым образом и затем высушенных. Женской половине населения этот фасон пришелся по душе, и к ней нередко обращались за помощью. Однако, отправляясь на охоту, она всегда надевала набедренную повязку, какие носили мужчины.

Из тех же самых листьев, если их вымочить, размять и расчесать, можно было соткать полотно, но его пока не хватало даже на одежду для малышей. Билл Кеннеди выстрогал для Сью примитивный ткацкий станок, и он, в общем-то, работал, хотя не очень надежно и не очень

быстро, да и ткань получалась всего в полметра шириной. Тем не менее, думал Род, это уже прогресс, уже цивилизация. Они многого достигли.

Теперь город был надежно защищен от стоборов. Стена из высушенного на солнце кирпича огораживала поселение с берега и выше по течению — высокая отвесная скала, преодолеть которую могли разве что эти похожие на львов огромные хищники, но любого «льва», достаточно глупого, чтобы рискнуть, ждала за стеной полоса острых кольев, слишком широкая даже для их могучих прыжков. Навес, под которым отдыхал Род, как раз и был сделан из шкуры хищника, совершившего подобную ошибку. На всем протяжении стены располагались ловушки для стоборов, узкие туннели, выходившие к глубоким ямам, где маленькие свирепые хищники могли сколько угодно рвать друг друга на части — чем они, попадая в ловушки, и занимались.

Возможно, проще было бы заставить стоборов двигаться в обход города, но Роду хотелось уничтожить их как можно больше — без них, по его мнению, планета стала бы только лучше.

Короче, городу ничто не угрожало. Стоборы продолжали оправдывать прозвище «сонные кролики», выбиваясь из характера только к сухому сезону, и становились по-настоящему опасны лишь во время бешеной ежегодной миграции. Впрочем, последняя миграция прошла без жертв: теперь поселенцы знали, чего опасаться, и защитные сооружения выдержали. Самый пик Род заставил женщин с младенцами пересидеть в пещере, остальные же дежурили две ночи у стены, но лезвия ножей так и остались не обгавленными кровью.

Борясь с дремотой, Род подумал, что им действительно нужна теперь бумага. Грант был прав: без бумаги управлять поселением оказалось нелегко. Они просто разучатся писать, если не будет практики, а этого допустить нельзя. Кроме того, Роду очень хотелось воплотить в жизнь идею Гранта — записать все полезное, что они знают. Взять, например, логарифмы — они, может, еще несколько поколений никому не понадобятся, но когда-нибудь придет время, и тогда вот... Он все-таки уснул.

— Ты занят, вождь?

Род открыл глаза и увидел перед собой Артура Нилсена.

— Сплю. Рекомендую, кстати. По субботам после полудня это сплошное удовольствие... Что-нибудь случилось, Арт? Коротыш и Дуг качают мехи без тебя?

— Нет. Эта чертова затычка опять вылетела, огонь погас, и мы загубили плавку, — расстроенно сказал Нилсен и устало опустился на землю — только-только от печи, разгоряченный, с красным лицом. На правой руке у него блестел след ожога, но он, похоже, даже не заметил еще, что обжегся. — Род, ну что мы делаем не так, а?

— Спроси что-нибудь попроще. Если бы я знал о выплавке стали больше тебя, мы бы давно поменялись работами.

— Да я, в общем-то, не всерьез спрашивал. Две вещи, которые «не так», я сам знаю. Во-первых, установка слишком мала, во-вторых, нет каменного угля. Род, чтобы получать чугун и сталь, нам позарез нужен каменный уголь. С древесным мы не получим ничего, кроме пористого ковкого железа.

— А чего ты ожидал вот так сразу, Арт? Чудес? Ты и без того уже на годы опередил наши самые смелые мечты. Ты дал металл — и какая разница, ковкое железо это или уран? С тех пор как ты сделал вертела для кухни, Марджери считает тебя гением.

— Да, конечно, железо мы сделали, но нужно больше и лучше. Руда здесь отличная, настоящий гематит. На Земле такой руды никто не встречал в значительных количествах уже несколько веков. Из нее сталь выплавлять — самое милое дело. И я бы сумел, но нужен каменный уголь. У нас есть глина, известняк, прекрасная руда, но без угля я просто не могу добиться нужной температуры.

Род не беспокоился: колония получала железо. Вакси, однако, переживал.

— Хочешь бросить пока это дело и уйти искать уголь?

— Нет, пожалуй. Я лучше переделаю печь... — Нилсен не остановился и добавил еще много чего по поводу родословной печи, ее грязных привычек и предназначения.

— Кто у нас знает о геологии больше всех?

— Наверно, я.

— А кроме тебя?

— Видимо, Дуг.

— Может, дадим ему двоих парней, и пусть идут искать каменный уголь. На его место у мехов можно поставить Мика... Или знаешь что... Как насчет Брюса?

— Брюс? Он не будет работать.

— Заставь. Если ты слишком его заездишь и он сбежит, плакать никто не станет. Арт, сделай одолжение, возьми его в дело, а?

— Ну если так надо... Ладно.

— Отлично. И знаешь, в том, что партия стали не удалась, есть один плюс — сегодня ты не пропустишь танцы. Наверно, не следовало начинать плавку к концу недели: тебе нужно отдохнуть денек, да и Дугу с Коротышом отдых не повредит.

— Знаю. Но когда все наконец готово, так прямо и хочется начать. Как мы работаем, так никакого терпения не хватит: прежде чем что-то сделать, нужно сделать все необходимое, а для этого обычно нужно сделать что-то еще, и так до бесконечности... Рехнуться можно!

— Это еще что! Поинтересуйся в Сельскохозяйственном департаменте, они тебе расскажут, что такое «рехнуться можно». Видел перед стеной ферму?

— Мы как раз через нее и шли.

— Смотри, Клифф тебя поймает — башку за это оторвет. А я ему еще и помогу — буду держать тебя за руку, чтобы не дергался.

— Тоже мне ферма! Трава — она и есть трава. Тут такой — тысячи гектаров.

— Верно. Трава и несколько грядок зелени. Клифф, наверно, не доживет до результатов. И его маленький Клифф тоже. Но наши правнуки будут есть белый хлеб, Арт. Тебе легче, ты, по крайней мере, сам будешь строить станки. Ты знаешь, что тут нет ничего невозможно-го, а это, как говорит Боб Бакстер, уже две трети пути к победе. Клифф не доживет до тех времен, когда вкусного свежего хлеба будет вдоволь. Однако это его не останавливает.

— Тебе нужно было стать проповедником, Род, — Арт встал, втянул носом воздух и поморщился. — Пойду сполоснусь, а то со мной никто танцевать не будет.

— Я всего лишь цитировал. Эти слова ты, должно быть, уже слышал. Кстати, оставь мне немного мыла.

Каролина взяла две первые ноты из «Арканзасского путника», а Джимми ударил в барабан.

— Разбиваемся на пары! — Выкрикнул Рой, затем немного выждал и затянул высоким голосом песню.

Род не танцевал, ждал второго захода, когда подойдет его очередь. Если в танце участвовали все сразу, то получалось восемь групп по четыре пары — явно много для вокалиста, губной гармоники и примитивного барабана без всяких усилителей. Поэтому танцевали по очереди — половина поселения нянчила детей и сплетничала, другая танцевала. Певца и музыкантов тоже сменяли через раз.

Почти никто из них не знал раньше кадрили. Но Агнесса Пулвермахер, несмотря на насмешки и даже сопротивление, научила все поселение танцевать, обучила певцов, напела Каролине мелодии, чтобы та подобрала музыку, и, наконец, заставила Джимми изготовить некое подобие африканского барабана.

Поначалу Род не оценил нововведение (прежде всего, он не знал истории мормонов-первопоселенцев) и даже считал его помехой работе. Но затем он увидел, как колонисты, в одну ночь потерявшие все, что было создано тяжким трудом, апатичные и безразличные к его призывам, вдруг начали улыбаться, шутить и работать в полную силу просто оттого, что у них появилась музыка, появились танцы.

И Род решил поддержать хорошее дело. Он плохо чувствовал ритм, не тянул мелодию, но и его захватило новое поветрие: танцевал он не бог весть как, но зато от души.

Со временем поселение стало устраивать танцы лишь по субботам, в честь свадеб и по праздникам, причем всегда в торжественной обстановке — женщинам полагалось приходить в травяных юбках. В кожаных шортах, набедренных повязках и остатках брюк на танцы просто не пускали. Сью мечтала о том времени, когда у нее появятся излишки ткани, чтобы сшить настоящее платье для кадрили себе и ковбойскую рубашку мужу, но пока у колонии были другие заботы, и мечта оставалась мечтой.

Музыка стихла, сменились музыканты. Каролина бросила гармонику Коротышу и подошла к Роду.

— Ну что, Род, пойдем поднимем пыль?

— Я уже пригласил Сью, — сказал Род торопливо, но сказал правду.

Он совершенно сознательно не приглашал одну девушку дважды и никого не выделял. Давным-давно еще Род пообещал себе, что, решив жениться, оставит свой пост, но пока работа в каком-то смысле даже заменяла ему семью. Ему нравилось, конечно, танцевать с Каролиной — многим нравилось, хотя иногда она забывалась и начинала вести сама, — но он старался не проводить с ней слишком много свободного времени: Каролина и без того была его правой рукой, почти вторым «я».

Род подошел к Сью и галантно предложил ей руку. Как-то сами по себе возвращались в их жизнь вежливые манеры, обходительность, а торжественная, даже изысканная обстановка на танцах делала эти мелкие любезности совершенно естественными. Род вывел Сью на площадку, и в течение нескольких минут они, помогая друг другу, старательно изображали нечто похожее на кадрили.

Когда танец закончился, он вернул Сью Биллу, поклонился, поблагодарил и, усталый, но довольный, сел на свое место, которое никто никогда не занимал. Марджери с помощниками начали раздавать что-то маленькое, поджаристое, насаженное на деревянные шампуры. Род взял свою порцию, принялся.

— Какой аромат, Мардж! Что это такое?

— Копченая оленина, а внутри ма-а-аленькая булочка. Соль, местный шалфей. Не вздумай сказать, что тебе не понравилось: мы провозились чуть ли не весь день!

— М-м-м! Как насчет добавки?

— Подожди. Все тебе сразу!

— Но мне нужно еще. Я работал в поте лица и должен восстановить силы.

— Я тебя сегодня днем видела: это и есть та самая работа? — Марджери вручила ему еще порцию.

— Я занимаюсь перспективным планированием. Мой мозг буквально жужжал.

— Жужжание я тоже слышала. Ты, когда спишь на спине, «жужжишь» довольно громко.

Марджери на секунду отвернулась — Род тут же стащил третью порцию, поднял глаза, поймал взгляд Жаклин, подмигнул и улыбнулся.

— Ты счастлив, Род?

— Еще бы! А ты, Джекки?

— В жизни не чувствовала себя счастливее, — ответила она серьезно.

Джимми обнял ее за плечи.

— Видишь, какие чудеса творит любовь мужа, Род? — сказал он. — Когда я встретил это бедное дитя, ее били, морили голодом, заставляли готовить, и больше всего на свете она боялась открыть свое настоящее имя. А теперь посмотри на нее — толстая и счастливая!

— И никакая я не толстая!

— Ну хорошо. Очаровательно упитанная.

Род взглянул в сторону пещеры.

— Джекки, а ты помнишь тот первый наш вечер?

— Разве такое забудешь?

— И мою дурацкую теорию насчет Африки? Вот скажи: если бы все случилось снова, ты бы хотела, чтобы я оказался прав?

— Никогда об этом не думала. И кроме того, я знала, что ты ошибаешься.

— Да, но если бы? Ведь ты давным-давно была бы уже дома.

Ее рука нашла ладонь Джимми.

— Но тогда я не встретила бы своего мужа.

— Встретила бы. Это неизбежно. Ведь ты уже была знакома со мной, а Джимми — мой лучший друг.

— Возможно. Но я не хочу никаких перемен. Меня не тянет «домой», Род. Наш дом здесь.

— Меня тоже не тянет, — согласился Джимми. — И знаешь что? Колония, я смотрю, все растет, быстро растет, и, если она вырастет еще чуть-чуть, нам с Голди пора будет открывать адвокатскую контору. Никакой конкуренции, и можно выбирать клиентов! Он будет заниматься уголовным правом, я — бракоразводными процессами, а корпоративным законодательством — вместе. Мы огребем миллионы! Я буду разъезжать в лимузине с восьмеркой оленей, курить толстую сигару и посмеиваться над крестьянами! Верно, Голди? — крикнул он.

— Совершенно верно, коллега. Я уже готовлю вывеску: «ГОЛДШТЕЙН и ТРОКСТОН. С нами не сядешь!».

— Отлично! Только сделай «ТРОКСТОН и ГОЛДШТЕЙН».

— Но я старше! Я изучал право на два года дольше.

— Ерунда! Род, на твоих глазах какой-то тип из Теллерского университета обижает старого приятеля из школы имени Патрика Генри. Ты это стерпишь?

— Возможно. Однако мне вот что не понятно: как ты собираешься вести дела! По-моему, у нас нет закона о разводе. Давай спросим у Кэрол.

— Какие мелочи! Ты занимайся бракосочетаниями, а разводы — это уже по моей части.

— Что «спросим у Кэрол»? — вступила в разговор Каролина.

— У нас есть закон о разводе?

— Ха! У нас нет даже закона о браке.

— Это лишнее, — пояснил Голдштейн. — Он — естественная часть нашей культуры. А кроме того, у нас кончилась бумага.

— Совершенно верно, господин советник, — согласился Джимми.

— А ты почему спрашиваешь? — не отставала Каролина. — Никто пока разводиться не собирается — уж я бы знала.

— Да мы, собственно, не о разводах говорили, — объяснил Род. — Просто Джекки сказала, что не хочет возвращаться на Землю, и Джимми развил эту мысль дальше — только ничего серьезного от него, как всегда, не дожدهшься.

— Кому же захочется теперь на Землю? — удивленно спросила Каролина.

— Вот я и говорю, — поддакнул Джимми. — Планета у нас что надо! Ни тебе подоходного налога, ни толп, ни автомобилей, ни рекламы, ни телефонов. В самом-то деле, Род, ведь все мы планировали попасть во Внеземелье, иначе никто из нас не стал бы сдавать экзамен на выживание. Так какая разница? Просто мы добились своего гораздо раньше. — Он сжал руку жены. — И черт с ней, с большой сигарой. Я и без того теперь богат, сказочно богат!

Привлеченные разговором, подошли Агнесса и Курт. Услышав последнюю фразу, Агнесса кивнула и сказала:

— Наконец-то Джимми заговорил серьезно. Что до меня, то первый месяц я каждую ночь засыпала в слезах, боялась, что нас никогда не найдут. Теперь я знаю, что не найдут, но мне уже все равно. Даже будь у нас такая возможность, я бы на Землю не вернулась. Единственное, чего мне здесь не хватает, это губной помады...

Ее муж оглушительно расхохотался.

— Вот тебе и вся правда жизни, Род! Поставь на том берегу косметический прилавок, и все наши женщины пойдут по воде как посуху!

— Ну вот, опять ты смеешься, Курт! Кстати, ты обещал сделать помаду.

— Дай время — все у нас будет.

Подошел Боб Бакстер и сел рядом с Родом.

— Сегодня утром тебя не было на собрании, Род.

— Увяз в делах. На следующей неделе появлюсь.

— Хорошо. — Вера Бакстера не требовала посвящения в духовный сан, и он просто начал проводить службы, став таким образом помимо главного медика еще и капелланом. Проповедовал он безо всякого догматизма, и потому очень многих — христиан, иудаистов, монахов, мусульман — службы эти устраивали. На собраниях у Боба всегда былолюдно.

— Боб, а ты бы вернулся?

— Куда, Кэрол?

— Назад, на Землю.

— Да.

Джимми изобразил на лице карикатурный ужас.

— Чтоб я сдох! Но зачем?

— Не волнуйся, я ненадолго. Просто мне надо закончить медицинский колледж. — Он улыбнулся. — Возможно, я сейчас лучший хирург в округе, но, сам понимаешь, это не бог весть что.

— Понятно... — сказал Джимми. — Но нас ты вполне устраиваешь. Да, Джекки?

— Да.

— Я очень жалею, — продолжил Боб, — что не сумел спасти тех, кого должен был спасти. Но это беспредметный разговор. Мы здесь, и здесь мы останемся.

Подходили новые люди, и всем приходилось отвечать на тот же вопрос. Точка зрения Джимми оказалась очень популярной, хотя и к аргументам Боба тоже нельзя было отнестись не с уважением. Вскоре Род попрощался и отправился к себе, но, даже когда он улегся спать, до него еще долго доносились голоса спорщиков, и мысли сами вернулись к предмету разговора.

Он давно решил, что связь с Землей потеряна навсегда, и даже не вспоминал о родной планете — сколько уже? — больше года, наверно. Поначалу Род заставлял себя верить в это — просто чтобы не мучиться сомнени-

ями. Позже вера подкрепилась логическими умозаключениями: задержка в неделю может означать, скажем, нарушение энергоснабжения, несколько недель можно объяснить техническими трудностями, но месяцы — это уже глобальная катастрофа. С каждым днем вероятность спасения становилась все меньше и меньше.

И теперь он мог спросить себя: в самом ли деле это то, к чему он стремился?

Джекки права, их дом действительно здесь. Род признавался себе, что ему нравится быть «большой лягушкой в маленьком пруду», нравится работа. Едва ли он стал бы ученым, тем более теоретиком; карьера бизнесмена тоже никогда его не влекла. А вот то, чем он занимался сейчас, его вполне устраивало, и, похоже, он справлялся со своей работой не так уж плохо.

«Мы здесь, и здесь мы останемся!»

Когда Род заснул, на душе у него было тепло и спокойно.

Клиффу опять требовалась помощь с его экспериментальными посадками, но Род давно привык относиться к его запросам не слишком серьезно. Клиффу всегда что-нибудь требовалось, и будь его воля, он бы всех загнал на ферму и заставил гнуть спину от зари до зари. Однако сходить и узнать, в чем дело, не мешало: Род прекрасно понимал значение этих работ для будущего колонии. Сельское хозяйство — основа любой колонии, а уж про них и говорить нечего. Плохо только, что сам он ничего в сельском хозяйстве не смыслил.

Клифф остановился на пороге мэрии и спросил:

— Готов?

— Готов, — ответил Род, подхватив на ходу свое копье. Лезвием ему служил уже не нож, а старательно заточенная деталь от бесполезной «Молнии» Брауна. Они пробовали использовать и ковкое железо, но оно тупилось мгновенно. — Давай возьмем с собой несколько парней и подколем заодно парочку стоборов.

— О'кей.

Род огляделся. Джимми работал у своего гончарного круга. Толкая ногой педаль, он осторожно обжимал глину большим пальцем.

— Джим! Бросай это дело! Хватай свою пику и пойдем развлечемся!

Джимми вытер со лба пот.

— Уговорил.

Они взяли Кенни и Мика, и Клифф повел их вдоль берега к ферме.

— Хочу показать вам животных.

— Ладно, — согласился Род. — Кстати, Клифф, я хотел с тобой поговорить. Если ты собираешься держать их на территории лагеря, следи, где они гадят. Кэрол по этому поводу уже жаловалась.

— Род, у меня на все рук не хватит. А поместить их за стеной, так это все равно что сразу прирезать.

— Понятное дело. Ладно, мы тебе организуем помощь, только... Подожди-ка!

Они как раз проходили мимо последней хижины, где у порога, растянувшись на земле, спал Брюс Макгован. Подавляя в себе злость, Род заговорил не сразу. Он понимал, что следующая минута может изменить его будущее и даже повлиять на будущее колонии, но эти трезвые рассуждения словно бились в водовороте недобрых чувств, обида и сознание своей правоты не давали покоя. Хотелось разделаться с этим паразитом прямо сейчас. Род сделал глубокий вдох и, сдерживая дрожь в голосе, спокойно произнес:

— Брюс.

Макгован открыл глаза.

— А?

— У Арта на выплавке сегодня нет работы?

— Понятия не имею.

— Вот как, значит.

— Я там отпахал целую неделю и решил, что это не по мне. Найди кого-нибудь другого.

На поясе у Брюса, как у каждого из них, висел нож — в любой ситуации колониста, скорее, можно было застать голым, чем без ножа. Нож стал у них действительно универсальным орудием труда: резать кожу, готовить пищу, есть, строгать дерево, строить, плести корзины — все это и еще сотни других дел помогло выполнить стальное лезвие. Можно сказать, саму их безбедную жизнь создали ножи. Охотились теперь поселенцы с луками и стрелами, но ни то, ни другое опять-таки без ножа не изготовишь.

Тем не менее еще не было случая, чтобы один колонист поднял оружие против другого — с того самого злополучного дня, когда брат Брюса отказался подчиниться Роду. И ведь конфликт тогда возник по такому же по-

воду, подумалось ему. Круг замкнулся. Правда, на этот раз, если Брюс потянется за ножом, Роду помогут без промедления.

Только он знал, что пятеро против одного это не выход. Он сам должен поставить этого пса на место, иначе дни его лидерства сочтены.

Вызвать Брюса на поединок, чтобы разрешить конфликт «голыми руками», Роду просто не пришло в голову. Он, конечно, читал в свое время исторические романы, где герой нередко приглашал своего противника разобратся «по-мужски» в стилизованном поединке, который назывался «бокс», и ему даже нравились подобные истории. Но представить себя в роли участника такого поединка ему было так же трудно, как в роли дуэлянта из «Трех мушкетеров», хотя он и знал в общих чертах, как это делается: люди сжимают участки тела, причем обычно все остаются живы.

Приемы, которыми владел Род, ничем не напоминали эти безобидные атлетические упражнения. Тут уже не имело значения, будут они выяснять отношения голыми руками или еще как — для кого-то из них двоих поединок в любом случае мог закончиться смертью или тяжелыми увечьями, ибо нет оружия опасней, чем сам человек.

Брюс молча смотрел на него исподлобья.

— Давным-давно уже, — сказал Род старательно ровным голосом, — я тебе говорил, что люди у нас или работают как все, или выматываются отсюда к чертовой матери. Вы с братом мне не поверили, и пришлось вас вышвырнуть. А затем ты вернулся один, потому что Джок погиб, и умолял принять тебя в поселение. Зрелище было довольно жалкое. Ты помнишь?

Глаза Макгована сверкнули.

— Ты обещал вести себя как ангел, — продолжал Род. — Мне говорили, что я поступаю глупо, и, похоже, люди были правы. Однако я думал, ты исправишься.

Брюс выдернул стебелек травы, пожевал и наконец ответил:

— Мальчик, ты здорово напоминаешь мне Джока. Тот тоже очень любил командовать.

— Ну вот что, вставай и вали отсюда. Мне нет дела до того, куда ты двинешься, но, если у тебя хватит ума, ты рванешь к Арту и скажешь, что больше этого не повторится, а затем начнешь качать мехи. Я туда загляну

чуть попозже. И если к моему приходу ты не вспотеешь, сюда можешь не возвращаться. На этот раз мы выгоним тебя насовсем.

На лице Брюса промелькнуло сомнение. Взгляд его скользнул чуть в сторону, и Род невольно подумал: что же Брюс прочел в глазах остальных? Сам Род, не отрываясь, смотрел на своего противника.

— Вперед. Или ты идешь работать, или можешь уже не возвращаться.

— Ты не имеешь права выгонять меня, — с хитрым блеском в глазах парировал Брюс. — Это решается большинством голосов.

— Хватит его слушать, Род, — вставил Джимми. — Давай турнем его прямо сейчас, и дело с концом!

Род покачал головой.

— Нет. Но если ты этого добиваешься, Брюс, я соберу народ, и мы вышвырнем тебя еще до ланча. Готов спорить на свой лучший нож, что больше трех голосов за тебя не будет. Ну как?

Оценивая свои шансы, Брюс обвел всю компанию взглядом, затем уставился на Рода и медленно произнес:

— Сопляк. Без этих прихлебал... или девчонок, за чьи спины ты прячешься, когда надо драться, ты просто ноль, дешевка.

— Спокойно, Род, — пробормотал Джимми.

Род облизнул сухие губы, понимая, что разговаривать и убеждать уже поздно. Оставалось одно — драться, хотя у него не было уверенности, что он справится с Брюсом.

— Я готов, — произнес он хрипло. — Прямо сейчас.

— Не связывайся, Род, — торопливо сказал Клифф. — Мы с ним и так разберемся.

— Не надо. Я сам. Ну, давай, Макгован! — сказал Род, отпустив в его адрес грубое ругательство.

— Брось свою пику, — сказал Макгован, не двигаясь с места.

Род повернулся к Клиффу.

— Подержи, пока я...

— Хватит! — перебил его Клифф. — Я не собираюсь стоять и ждать, чем это кончится. Может, ему повезет, и он тебя прикончит, Род.

— Отойди, Клифф.

Нет, — сказал тот, но прежней уверенности в его голосе уже не чувствовалось, и спустя секунду он доба-

вил: — Ладно... Брюс, кинь нож в сторону. Давай-давай, а не то, бог свидетель, я тебя сам проткну пикой. И ты, Род, давай сюда нож.

Род поглядел на Брюса, извлек «Полковника Боуи» из ножен и передал Клиффу. Брюс выпрямился и швырнул свой нож к его ногам. Клифф проворчал:

— Я все-таки против, Род. Скажи слово, и мы его отделаем.

— Отойдите. Дайте нам места.

— Ладно. Но без переломов. Ты слышал, Брюс? Одна твоя ошибка — и второй тебе уже сделать не доведется.

— Без переломов, — повторил Род, понимая, что правило сработает против него: Брюс был выше и тяжелее.

— О'кей, — согласился тот. — Сейчас я покажу этому придурку, что Макгован стоит двоих таких, как он.

Клифф вздохнул.

— Ладно. Все отошли. Начинайте.

Какое-то время они осторожно двигались по кругу в низких боевых стойках, делали ложные выпады, изучали друг друга, но не приближались. Начало поединка всегда занимает больше времени, чем сами приемы. В учебнике, которым пользовалось большинство школ и колледжей, приводилось двадцать семь способов уничтожить или обезоружить противника голыми руками, и ни один из них не требовал больше трех секунд.

Ограничение на серьезные приемы немного сковывало Рода. Брюс почувствовал это и ухмыльнулся.

— Что? Мальчик испугался? Я так и думал. Сейчас ты у меня получишь! — Брюс рванулся вперед.

Род шагнул назад, готовясь обратить рывок Брюса в свою пользу, но тот не довел его до конца. Еще один ложный выпад, и на этот раз Род отреагировал слишком активно.

— В самом деле боишься, а? — Брюс рассмеялся. — И правильно.

Род понял, что действительно боится, больше, чем когда-либо в своей жизни. Его вдруг охватила уверенность, что Брюс собирается убить его, что уговор насчет переломов ничего для него не значит. Эта горилла задумала его прикончить.

Мысли смешались. Род отступил еще на шаг, понимая, что, если он хочет остаться в живых, надо забыть о всяких ограничениях, и в то же время чувствуя, что он просто должен до конца держаться правил — даже ес-

ли при этом ему конец. Его охватила паника, захотелось убежать...

Но, конечно, он этого не сделал. Само отчаянье подсказало ему, что терять уже нечего, и Род решил, как можно скорее разделаться с поединком. Он убрал руку, словно ненароком подставляя пах для удара. Нога Брюса тут же взлетела вверх, и Род, успев в долю секунды почувствовать злорадное удовольствие, поставил блок. Лишь где-то в глубине сознания мелькнуло у него сомнение — правильно проведенным приемом он, возможно, сломает Брюсу лодыжку... Но руки его так и не коснулись Брюса, а в следующее мгновение Род оказался в воздухе, успев осознать, что противник раскусил его ход и ответил новым... Затем удар о землю, и сверху навалился Брюс.

— Ты можешь двигать рукой, Род?

Он с трудом разлепил глаза и увидел над собой лицо Боба Бакстера.

— Я его «сделал»?

Бакстер промолчал, но чей-то сердитый голос тут же ответил:

— Если бы! Он тебя чуть на куски не разорвал.

Род шевельнулся и хрипло спросил:

— Где он? Я должен поставить его на место.

Боб Бакстер не выдержал и прикрикнул: «Не двигайся!», а Клифф добавил:

— Не беспокойся. Мы его отделаем.

— Заткнись, — снова распорядился Бакстер. — Ну-ка, попробуй пошевелить левой рукой.

Род шевельнул рукой и почувствовал, как ее прострелило болью, судорожно дернулся, и тут заболело вообще все.

— Перелома нет, — решил Бакстер. — Разве что растяжение. Но я наложу тебе шину. Ты сесть можешь?.. Подожди, я тебе помогу.

— Я хочу встать.

Его поддержали за руки, и Род встал. Вокруг собралось почти все поселение, но Роду казалось, что люди двигаются словно скачками; голова у него закружилась, и он моргнул.

— Не торопись, спокойнее, — слышался рядом голос Джимми. — Брюс тебя чуть не прикончил. Ты просто с ума сошел, ввязавшись в это дело.

— Ничего. Все в порядке, — ответил Род и дернулся от боли. — Где он?

— У тебя за спиной. Не беспокойся, мы его отделади.

— Да, — подтвердил Клифф. — Отделали как положено. А то умник еще выискался! Мэра решил вздуть... — Клифф злобно сплюнул на землю.

Брюс лежал, закрывшись рукой, лицом вниз и всхлипывал.

— Сильно ему досталось? — спросил Род.

— Ему-то? — переспросил Джимми презрительно. — Да уж досталось. Но мы вовремя остановились. Вернее, это Каролина нас остановила.

Каролина сидела на корточках рядом с пленником.

— Зря, конечно, — сказала она, поднимаясь. — Но я знала, что ты рассердишься, если я этого не сделаю. — Она уперла руки в бока и продолжила: — И вот что, Родди Уокер, когда ты, наконец, поумнеешь и приучишься звать в таких случаях меня, а? Эти четверо тупиц просто стояли и ждали, чем все кончится.

— Неправда, Кэрол, — возразил Клифф. — Я пытался остановить их. Мы все пытались, но...

— Но я не стал никого слушать, — перебил его Род. — Ладно, Кэрол, я сам виноват.

— Если бы ты слушал меня...

— Ладно! Я все понял. — Род подошел к Макговану и слегка пнул его ногой. — Ну-ка перевернись.

Брюс медленно перекатился на спину, и Род невольно подумал: «Неужели я выгляжу так же?» Брюс был весь в крови, в грязи и в синяках; по лицу словно кто-то прошелся напильником.

— Вставай.

Брюс хотел было что-то ответить, но промолчал и, кряхтя, поднялся на ноги.

— Я тебе сказал, чтобы ты двигался к Арту, Брюс. Так что давай — через стену и вперед.

— Что? — Макгован не смог справиться с удивлением.

— Ты прекрасно слышал, что я сказал. У меня нет времени на дурацкие препирательства. Ты идешь к Арту и начинаешь вкалывать. Или идешь дальше и обратно уже не возвращаешься. Пошел!

Брюс постоял еще несколько секунд, не сводя с него взгляда, затем заковылял к стене. Род повернулся к собравшимся.

— Я прошу всех вернуться к работе. Представление окончено. Клифф, ты хотел показать мне животных.

— А? Знаешь, Род, это не горит.

— Вот именно, — согласился Бакстер. — Мне нужно наложить тебе шину. А потом тебе лучше отдохнуть.

Род осторожно пошевелил рукой.

— Попробую обойтись без шины. Пойдем, Клифф. Вдвоем. Охоту на стоборов отложим до следующего раза.

Объяснения Клиффа он воспринимал с трудом. Что-то про пару молодых оленей, которых надо кастрировать и приучить к упряжке... Только зачем им упряжка, если нет ни телег, ни фургонов? Голова у Рода болела, рука ныла, мозги были словно ватные... Как бы в такой ситуации поступил Грант?.. Да, он сегодня оплошал, но, может быть, нужно было что-то сказать? Или, наоборот, чего-то не говорить? Бывают же такие дни, черт побери...

— ...так что нам это просто необходимо. Ты понимаешь, Род?

— А? Да, Клифф, конечно. — Род с трудом вспомнил, о чем только что шла речь. — Может, деревянные оси тоже подойдут. Я спрошу у Билла, сможет ли он построить телегу.

— Но кроме телеги нам еще нужно...

— Клифф, если ты говоришь, что нужно, значит, мы попытаемся, — остановил его Род. — Я, пожалуй, пойду приму душ... И давай послезавтра посмотрим, хорошо?

После душа Род почувствовал себя и лучше, и чище, хотя чуть теплая вода, льющаяся из желоба, казалась ему то слишком горячей, то холодной, как лед. Он добрал до своей хижины и улегся спать, а проснувшись, обнаружил у входа Коротыша, охранявшего его от непрошенных гостей.

На ферму Род собрался лишь через три дня. Нилсен сообщил, что Макгован вкалывает, хотя и без особого энтузиазма, а Каролина рассказала про Тею: у нее появился огромный фонарь под глазом, но вокруг их дома стало очень чисто. Поначалу Род стеснялся появляться на людях и как-то целую ночь провел в мучительных размышлениях: правильно ли он поступит, если подаст в отставку, чтобы поселенцы выбрали на его место кого-то, кто «не потерял лица». Но, удивительное дело, после стычки с Брюсом его авторитет только укрепился. Небольшая группа из Теллерского университета, которую

он в шутку окрестил «лояльной оппозицией», практически перестала его критиковать. Их лидер, Карл Пулвермахер, специально отыскал Рода и предложил свою помощь.

— Брюс у нас вроде паршивой овцы, Род, и, если что-нибудь подобное опять наклюнется, дай мне знать.

— Спасибо, Карл.

— Я серьезно. Здесь не сильно-то повыпендриваешься, если все будут заодно. И мы, понятно, не можем позволить ему ходить у нас по головам. Но ты теперь не высовывайся. Мы с ним сами разберемся.

В ту ночь Род спал спокойно. Может быть, он справился с проблемой хуже, чем это сделал бы Грант, но все получилось к лучшему. Каупертауну ничего не угрожало. Конечно, в будущем еще многое может случиться, но колония все это переживет. Когда-нибудь здесь появится настоящий город, а это место назовут Каупер-сквер. Выше по течению будет Сталеплавильный комбинат Нилсена. И чем черт не шутит, может, еще появится тут Уокер-авеню...

На следующий день ему захотелось взглянуть на ферму, о чем он сказал Клиффу, и они опять собрались той же компанией — их двое, Джимми, Кент и Мик. С копьями в руках, они взобрались по ступеням на стену и спустились по приставной лестнице с другой стороны. Клифф поднял горсть земли, размял ее в ладони, попробовал на язык.

— Отличная почва. Только кислотность, может, чуть выше, чем нужно. Но без химического анализа мы все равно точно не узнаем, а структура почти идеальная. Если бы ты сказал этому тупому шведу, чтобы он первым делом изготовил плуг...

— Тупой? Это не про Вакси! Дай ему время — он тебе не только плуг сделает, но и трактор.

— Меня вполне устроит плуг и пара оленей в упряжке. Но я вот о чем думаю, Род: едва мы закончим прополку, сюда, как по приглашению, станут наведываться олени и сожрут весь наш урожай. Вот если огородить поле такой же высокой стеной...

— Стеной?! Да ты представляешь, сколько на это потребуется усилий?

— А разве это довод?

Род окинул аллювиальную долину взглядом — получалось в несколько раз больше, чем отгораживала город-

ская стена. Забор из колючего кустарника — еще куда ни шло, но не стену, не сейчас, во всяком случае. У Клиффа просто непомерные амбиции.

— Знаешь что, давай-ка прочедем пока поле, поищем стоборов. А потом мы с тобой останемся и подумаем, что тут можно сделать.

— Хорошо. Но пусть они смотрят, куда ноги ставить.

Они растянулись цепочкой. Род встал в центре и предупредил:

— Теперь внимательнее! Чтоб ни один не ушел. Помните: один, убитый сейчас, означает минус шесть в сухой сезон.

Они двинулись вперед, и Кенни тут же подколот стобора. Затем Джимми прикончил сразу двух. Те почти не пытались спастись, поскольку в этой фазе годового цикла полностью оправдывали прозвище «сонные кролики».

Род остановился, чтобы ткнуть копьем еще одного, и повернулся направо, собираясь сказать что-то напарнику. Справа никого не было.

— Эй, стойте! Где Мик?

— Как это? Секунду назад был здесь.

Род оглянулся. Над горячим полем дрожало марево, но Мик словно испарился. Должно быть, какая-то тварь подкралась к нему в траве и...

— Все сюда! Только осторожно! Что-то произошло...

Род двинулся к тому месту, где исчез Мик, и вдруг прямо перед ним возникли две человеческие фигуры — Мик и какой-то незнакомец.

Незнакомец в комбинезоне и ботинках... Он огляделся и крикнул через плечо:

— Все нормально, Джейк! Врубай автоматику и фиксируй настройку.

Он посмотрел на Рода, не замечая его, двинулся вперед и спустя секунду исчез.

Сердце у Рода забило часто-часто, и он бросился бегом. Затем обернулся и увидел перед собой открытые пространственные ворота, а за ними длинный глухой коридор.

В рамке ворот снова появился человек в комбинезоне.

— Все назад, — приказал он. — Сейчас будет стыковка с «Эмигрантс-Гэп», и может возникнуть локальное нарушение фокусировки.

В АХИЛЛЕСОВОМ ШАТРЕ

Прошло уже полчаса с того момента, когда Мик исчез в воротах и растянулся на полу коридора, где сила тяжести составляла всего одну шестую земной. Род пытался навести порядок, а заодно и разобраться со своими собственными сумбурными мыслями. Почти все поселенцы или высыпали на поле, или уселись поверх стены, наблюдая, как техники устанавливают аппаратуру, чтобы превратить пространственный контакт в постоянные ворота с приборами управления и связи по обе стороны. Род хотел объяснить им, что они подвергают себя опасности, что здесь нельзя без оружия, но один из техников, не поднимая головы, сказал:

— Поговори с мистером Джонсоном.

Род отыскал мистера Джонсона и начал все сначала, но тот его просто перебил:

— Ребятки, *ради Бога*, дайте нам закончить. Мы в самом деле рады вас видеть, но прежде всего нам нужно поставить вокруг энергетический барьер. Черт его знает, что тут в траве водится.

— Ясно, — сказал Род. — Я выставлю посты. Мы уже знаем, чего нужно опасаться. Я здесь...

— Отстань, ладно? Потерпите еще немного.

Обиженный и злой, Род вернулся в город. Но вскоре и там появились незнакомцы — они всюду совались, словно были у себя дома, разговаривали с взбудораженными поселенцами и опять куда-то исчезали. Один из них остановился посмотреть на барабан Джимми, потом щелкнул по нему пальцем и рассмеялся. Род с трудом подавил в себе желание придушить этого типа.

— Род?

— А? — Он обернулся. — Что, Марджери?

— Мне готовить ланч или нет? Девчонки все разбежались, а Мел сказала, что это просто глупо, потому что к ланчу здесь никого уже не останется. Я не знаю, что делать.

— Хм. Насколько я знаю, никто никуда не собирается.

— Может быть, но говорят же.

Род не успел ничего ответить, потому что в этот момент перед ним возник один из тех шустрых незнакомцев и спросил:

— Где мне тут найти парня по имени Родерик Уикер?

— Уокер, — поправил Род. — Это я и есть. Что вам нужно?

— Меня зовут Сэнсом. Клайд Б. Сэнсом. Старший администратор службы эмиграционного контроля. Насколько я понял, Уикер, вы руководитель этой группы студентов...

— Уокер, и я — мэр Каупертауна, — ответил Род невозмутимо. — Что вам нужно?

— Да-да. Так вас кто-то из мальчишек и назвал. Мэр. — Сэнсом усмехнулся и продолжил: — Нам, Уокер, прежде всего нужно соблюсти порядок. Я понимаю, что вам не терпится поскорее отсюда выбраться, но порядок есть порядок. Впрочем, мы не очень вас задержим — всего лишь обеззараживание, врачебная проверка, психологические тесты и стандартное собеседование для перемещенных лиц. После чего вы сможете вернуться по домам. Разумеется, вам придется подписать документ с отказом от претензий, но об этом позаботится юрист. Так что, если вы построите свою группу в алфавитном порядке — думаю, лучше здесь, на открытой площадке, — я смогу начать... — И он полез в свой кейс за бумагами.

— Кто вы такой, черт побери, чтобы здесь распоряжаться? — не выдержал Род.

На лице Сэнсома появилось удивленное выражение.

— Как? Я ведь уже объяснил. Впрочем, если вы настаиваете на формальностях, то я представляю здесь интересы Земной Корпорации. Я пока всего лишь прошу содействия, но вам должно быть известно, что в полевых условиях я вправе потребовать подчинения.

Род почувствовал, как наливаются краской его щеки.

— Ничего такого мне не известно. На Земле вы, может, сам господь Бог, но сейчас вы в Каупертауне.

Мистер Сэнсом изобразил вежливую заинтересованность, но никакого впечатления слова Рода на него, похоже, не произвели.

— И что такое, позвольте спросить, Каупертаун?

— Каупертаун — это все, что вы видите вокруг. Суверенное государство со своей конституцией, своими законами и своей территорией. — Род остановился на се-

кунду и перевел дыхание. — И если Земной Корпорации что-то от нас нужно, пусть присылают своего полномочного представителя — тогда и поговорим. Ишь выдумали еще в алфавитном порядке...

— Так его, Родди!

— Побудь рядом, Кэрол, — сказал Род и добавил, обращаясь к Сэнсому: — Вам все ясно?

Насколько я понимаю, — медленно произнес Сэнсом, — вы предлагаете, чтобы Земная Корпорация назначила в вашу группу *посла*?

— Что-то в таком духе.

— М-м-м... Интересная идея, Уикер.

— Уокер. А до тех пор можете убрать отсюда к чертовой матери всех зрителей. И сами убирайтесь. Здесь вам не зоопарк.

Сэнсом взглянул на торчащие у Рода ребра, на его грязные мозолистые ступни и улыбнулся.

— Проводи гостя, Кэрол, — сказал Род. — Будет сопротивляться, можешь его «отключить».

— Слушаюсь, сэр! — Каролина с усмешкой на губах двинулась к Сэнсому.

— О, я уже ухожу, — торопливо произнес Сэнсом. — Лучше небольшая задержка, чем нарушение дипломатического протокола. Крайне занимательная идея, молодой человек. До свидания. Мы еще увидимся. И если позволите, один совет...

— А? Валяйте.

— Не воспринимайте все-таки эту свою идею слишком серьезно... Вы готовы, леди?

Род продолжал сидеть в своей хижине. Ему тоже было интересно узнать, что происходит за стеной, но не хотелось встречаться с Сэнсомом. Поэтому он сидел, грыз костяшку большого пальца и думал. Видимо, кое-кто послабее духом уже собрался назад — помани таких блюдцем с мороженым, и готово, побежали, бросив свою землю, забыв все, что создано таким тяжким трудом. Но он отсюда не уйдет! Здесь его дом, его место, он все это заслужил. Зачем возвращаться на Землю, а потом полжизни ждать шанса попасть на какую-то другую планету — возможно, даже не такую хорошую?

Пусть бегут! Каупертаун станет без них лучше и сильнее.

Может быть, кто-то хочет просто погостить на Земле, показать бабушкам и дедушкам внуков, а затем вер-

нуться... Может быть. Но в таком случае им следует договориться с Сэнсомом или с кем-то еще о письменном разрешении. Наверно, стоит их предупредить...

Но ему-то самому навещать некого. Разве что сестренку, а она может быть где угодно — вряд ли она сейчас на Земле.

Боб и Кармен с Хоуп на руках зашли попрощаться. Род торжественно пожал им руки и сказал:

— Вы ведь вернетесь сюда, Боб, когда ты получишь диплом, да?

— Надеемся. Если это возможно. Если нам разрешат.

— А кто вас остановит? Это ваше право. Когда вернетесь, мы будем ждать вас. А пока постараемся не ломать ноги.

Бакстер замялся.

— Ты давно был у ворот?

— Давно. А что?

— Я бы на твоём месте не планировал так далеко в будущее. Некоторые, похоже, уже отбыли.

— Сколько?

— Много. — Уточнять Боб не захотел. Он оставил Роду адреса их родителей, благословил на прощание, и все трое двинулись к воротам.

Марджери не вернулась, и кухонный костер погас, но Роду было все равно: есть не хотелось. Чуть позже пришел Джимми (при прежнем распорядке это было бы уже после ланча), молча кивнул и сел.

— Я был у ворот, — сказал он спустя какое-то время.

— И что там?

— Знаешь, многие удивляются, почему ты не пришел попрощаться.

— Они могли бы и сюда прийти.

— Да, могли. Но прошел слух, что ты не одобряешь... Возможно, им было стыдно.

— Я не одобряю? — Род через силу рассмеялся. — Да мне совершенно наплевать, сколько городских неженотк отправились к своим мамочкам. Страна у нас свободная. — Он взглянул на Джима в упор. — Сколько осталось?

— Э-э-э... я не уверен.

— Я, знаешь, что подумал? Если нас останется совсем мало, мы опять можем перебраться в пещеру. Будем там спать. Пока не появятся новые колонисты.

— Может быть.

— Но что ты такой мрачный? Даже если останемся только мы с тобой да Джекки с Кэрол, будет не хуже, чем в самом начале. И это лишь на время. Да и ребенок у вас теперь... Я чуть не забыл про своего крестника.

— Да, ребенок... — согласился Джимми.

— Что ты так расстраиваешься? Джим... ты часом не собрался на Землю?

Джимми встал.

— Джекки просила передать, что мы поступим, как по-твоему будет лучше.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что она хочет вернуться? Вы оба хотите.

— Род, мы по-прежнему партнеры. Но мне нужно думать о ребенке. Ты ведь понимаешь?

— Да. Понимаю.

— Тогда...

Род протянул ему руку.

— Удачи, Джим. И передай от меня привет Джекки.

— Она сама хотела попрощаться. И мальчика принести.

— Не надо. Кто-то мне когда-то говорил, что прощаться глупо. Увидимся еще.

— Ладно, Род. Пока. Береги себя.

— И ты тоже. Если увидишь Каролину, попроси ее подойти.

Каролина появилась не скоро, и Род догадался, что она была у ворот.

— Сколько нас осталось? — спросил Род прямо.

— Сколько? Ты и я. И куча зевак.

— И больше *никого*?

— Я проверяла по списку. Что мы будем теперь делать, Родди?

— Какая разница? А ты сама не хочешь вернуться?

— Как скажешь, Родди. Ты же мэр.

— Мэр чего? Кэрол, ты хочешь вернуться?

— Я никогда об этом не думала, Родди. Я была счастлива здесь. Но...

— Но что?

— Города нет, детишек нет, и, если я захочу поступить в корпус Амазонок, у меня есть всего год, — выпалила она, потом добавила: — Но если ты останешься, я тоже останусь.

— Нет.

— Останусь!

— Нет. Но я хочу, чтобы ты, вернувшись, сделала одно дело...

— Что именно?

— Найди мою сестру Элен. Узнай, где она сейчас служит. Штурмовой капитан Элен Уокер. Запомнила? Передай ей, что у меня все в порядке... и скажи, что я просил помочь тебе поступить в Амазонки.

— Родди... но я не хочу возвращаться.

— Беги. А то они еще закроют ворота. И оставят тебя здесь.

— А ты?

— Нет. У меня еще дела. А ты беги. Только не прощайся. Просто беги.

— Ты на меня сердишься, Родди?

— Нет, конечно. Беги. Пожалуйста. А то я тоже расплачусь.

Каролина судорожно всхлипнула, обняла его, чмокнула в щеку и унеслась прочь. Род забрался в свою хижину и долго лежал лицом вниз. Потом, наконец, поднялся и принялся за уборку Каупертауна. Грязи и мусора было даже больше, чем в то утро, когда умер Грант.

Снова люди появились в поселении лишь во второй половине дня. Род увидел и услышал их задолго до того, как эти двое мужчин и женщина заметили его самого. Мужчины были одеты в городскую одежду, женщина — в шорты, рубашку и легкие сандалии. С копьем в руке, Род вышел из хижины и спросил:

— Что вам здесь нужно?

Женщина взвизгнула от неожиданности, затем пригляделась и сказала:

— Бесподобно!

Один из мужчин нес тяжелую сумку на ремне и блок аппаратуры на треноге — Род сразу узнал мультифон, универсальную звуко-видео-запахо-и-прочее-записывающую систему, популярную у репортеров и исследователей. Мужчина молча поставил треногу на землю, подсоединил шнуры и склонился над шкалами настройки. Другой — пониже, рыжеволосый, с усиками — спросил:

— Это ты — Уокер? Тот самый, которого все зовут мэром?

— Да.

— «Космик» здесь еще не был?

— Кто?

— «Космик Кинотс», разумеется. И никто не был? «Лайф-Тайм-Спейс», например? Или «Галактические очерки»?

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Тут с самого утра никого не было.

Незнакомец пошевелил усами и облегченно вздохнул.

— Вот это я и хотел узнать. Элли, давай впадай в транс. А ты, Мак, включай свой ящик.

— Минуту, — возмутился Род. — Кто вы такие и что вам здесь нужно?

— А? Я — Эванс из «Эмпайр Энтерпрайз».

— Пулитцеровская премия, — вставил оператор и вновь вернулся к своим приборам.

— Не без помощи Мака, разумеется, — торопливо добавил Эванс. — А эта леди — Сама Элли Элленс.

Видимо, на лице Рода не отразилось должных чувств, и Эванс спросил:

— Ты что, о ней не слышал? Где ты был... Впрочем, понятно. Элли сейчас самый высокооплачиваемый сценарист мелодраматических постановок. Она вас так подаст, что каждая женщина — от зрителей «Внеземелья» до читателей «Лондон-таймс» — будет рыдать, мучаясь от желания прижать вас к груди и утешить. Она — *большой* мастер своего дела.

Мисс Элленс этих дифирамбов, похоже, не слышала. Она бродила по поселению с отрешенным лицом и лишь изредка останавливалась потрогать что-то или разглядеть внимательнее.

— Здесь вы и устраивали ваши примитивные пляски? — спросила она, поворачиваясь к Роду.

— Что? Мы здесь танцевали кадрили. Раз в неделю.

— Кадрили... Нет, это мы заменим... — И она снова ушла в свой внутренний мир.

— Дело в том, парень, — продолжал Эванс, — что нам нужно не просто интервью. Этого материала мы брали еще там, когда ваши ребята появились в «Эмигрантс-Гэп». От них-то мы про тебя и узнали, все бросили и мигом сюда. Торговаться не собираюсь — можешь называть любую цену, но нам нужны эксклюзивные права на все сразу: новости, репортажи, коммерческое исполь-

зование и так далее. А кроме того... — Эванс огляделся. — Консультации, когда придут актеры.

— Актеры?

— Ну конечно. Если бы у людей из службы эмиграционного контроля было хоть немного мозгов, они бы не выпустили вас отсюда, пока кто-нибудь не заснял все на пленку. Но с актерами получится даже лучше. Мне нужно, чтобы ты всегда был под рукой, а твою роль будет играть кто-нибудь еще...

— Стоп! — остановил его Род. — Кто-то из нас двоих, кажется, сошел с ума. Во-первых, мне не нужны никакие деньги.

— Как это? Ты что, уже подписал с кем-нибудь контракт? Этот охранник пропустил сюда кого-нибудь раньше нас?

— Какой охранник? Я никого не видел.

У Эванса словно с души отлегло.

— Ладно, мы, надеюсь, договоримся. А охранника поставили, чтобы он никого не пускал за стену. Я уж было подумал, что он двурушничает. И ты мне только не говори, что тебе не нужны деньги — это аморально.

— В самом деле не нужны. Мы здесь обходимся без денег.

— Понятно. Но ведь у тебя есть семья? А семьям всегда нужны деньги. Давай не будем мелочиться. Мы тебе заплатим по совести, и пусть они лежат себе в банке. Когда-нибудь пригодятся. Я только хочу, чтобы ты подписал с нами контракт.

— Не понимаю зачем.

— Тогда контрактное обязательство, — вставил Мак.

— М-м-м... да, верно, Мак. Давай так договоримся, парень. Ты просто обещаешь не подписывать контракт ни с какой другой компанией. И за тобой по-прежнему остается право содрать с нас столько, сколько позволит совесть. Договорились? Пока всего лишь обязательство. Скажем, за тысячу плутонов, а?

— Я не собираюсь подписывать контрактов ни с какой другой компанией.

— Записал, Мак?

— Готово.

Эванс снова повернулся к Роду.

— Ты не возражаешь, если мы кое о чем тебя пока порасспросим? И сделаем несколько снимков, а?

— Ради бога. — Поведение их удивляло Рода и немного раздражало, но ему было до боли одиноко, а тут какая-никакая, а компания...

— Отлично! — Эванс принялся задавать вопросы, быстро и очень профессионально. Спустя какое-то время Род обнаружил, что рассказывает даже больше, чем, он сам думал, знает. Потом Эванс спросил об опасных животных: — Насколько я понимаю, это довольно серьезная угроза, да? Проблем много было?

— Нет, в общем-то, — ответил Род вполне искренне. — Не с животными. Больше было проблем с людьми, хотя тоже не очень много.

— По-твоему, эта планета станет первоклассной колонией?

— Конечно. Все, кто вернулся на Землю, просто свалили дурака. Здесь ничуть не хуже, только планета и безопаснее, и богаче, и места тут хоть отбавляй. Через несколько лет... Слушайте!

— Что такое?

— А как получилось, что нас тут бросили? Предполагалось, что испытания продлятся всего десять дней.

— Тебе что, никто до сих пор не рассказал?

— Может быть, рассказали другим — там, у ворот. Но я ничего не слышал.

— Это все из-за сверхновой звезды. Дельта э-э-э...

— Дельта-Гамма-один-тринадцать, — подсказал Мак.

— Вот-вот. Искривление пространственно-временного континуума или что-то в таком духе. Я, в общем-то, не математик.

— Флюксия, — снова вставил Мак.

— Ну да, что-то вроде этого. С тех самых пор вас и искали. Насколько я понимаю, волновой фронт нарушил настройку ворот во всем этом регионе. Кстати, парень, когда будешь возвращаться...

— Я не собираюсь.

— В любом случае, даже если надумаешь погостить на Земле, не подписывай отказ от претензий. Совет директоров компании пытается списать все это на божью волю и снять с себя ответственность. Так что прислушайся к моему совету: ничего не подписывай. Дружеский совет, понятно?

— Спасибо. Но я не... Все равно спасибо.

— Как насчет снимков для репортажа на первую полосу?

— М-м-м... О'кей.

— Копье, — напомнил Мак.

— Да, вроде бы у тебя было какое-то копье. Не возражаешь, если мы снимем тебя с копьем?

Род принес копье, и в этот момент к ним подошла «великая Элли».

— Бесподобно! — выдохнула она. — Я просто чувствую эту жизнь всеми фибрами своей души. Здесь очень хорошо видно, как тонка граница между человеком и зверем. Почти сотня образованных мальчиков и девочек сползают в каменный век, к неграмотности... Налет цивилизации тает... Воцаряется дикость... Просто чудесно!

— Эй, послушайте-ка! — рассерженно произнес Род. — У нас в Каупертауне все было не так! У нас была конституция, были законы, мы заботились о чистоте. У нас... — Род умолк, потому что мисс Элленс его даже не слышала.

— Первобытные ритуалы... — продолжала она с мечтательной томностью в голосе. — Деревенский шаман, невежественный и суеверный, один на один с природой... Примитивные обряды плодородия... — Она остановилась и уже совершенно деловым тоном обратилась к Маку. — Танцы будем снимать три раза: в чем-нибудь легком — для подписчиков канала «А», полностью одетыми — для семейного канала, и голыми — для канала «Б». Ясно?

— Ясно, — подтвердил Мак.

— Я составлю три различных комментария. Оно того стоит, — добавила мисс Элленс и снова погрузилась в транс.

— Постойте-ка! — запротестовал Род. — Если я правильно ее понял, тогда никаких снимков не будет — ни с актерами, ни без!

— Успокойся, — сказал Эванс. — Я же обещал, что ты будешь нашим консультантом, так? Элли свое дело знает, парень. Тебе, может, этого сразу не понять, но, чтобы добраться до настоящей истины, до глубокой истины, правду жизни нужно немного подкрасить. Ты сам увидишь.

— Но...

В этот момент к Роду подошел Мак.

— Постой спокойно.

Мак поднял руку к его лицу. Род замер и почувствовал легкие прикосновения кисточки.

— Эй! Что это такое?

— Грим. — Мак вернулся к своей аппаратуре.

— Немного боевой раскраски, — объяснил Эванс. — Нужно больше ярких цветов. Не волнуйся, краска легко смывается.

От удивления и обиды у Рода отвисла челюсть. Глядя на них, он невольно поднял копье.

— Снимай, Мак! — приказал Эванс.

— Готово, — спокойно ответил Мак.

Род с трудом подавил в себе ярость и, почувствовав наконец, что способен говорить спокойно, негромко произнес:

— Ну-ка, достань эту кассету и брось на землю. А потом убирайтесь отсюда к чертовой матери.

— Не волнуйся, — сказал Эванс. — Снимок мы пришлем — тебе понравится.

— Кассету! Или я разобью этот чертов ящик, а заодно и башку любому, кто попытается мне помешать. — Он нацелил копье в созвездие объективов.

Мак скользнул вперед и встал перед камерой, защищая ее собственным телом.

— Эй, посмотри-ка лучше сюда! — крикнул Эванс. В руке у него был маленький, но довольно мощный пистолет, который он направил на Рода.

— Нам, парень, приходится бывать в самых разных местах, и мы всегда готовы к неожиданностям. Если ты повредишь камеру или заденешь кого-нибудь из нас, мы тебя до самой смерти по судам затаскаем. Прессе мешать — это, знаешь ли, дело серьезное. Публика имеет право на полную информацию. — Не оборачиваясь, он крикнул: — Элли! Мы отбываем!

— Я еще не готова, — ответила та, словно в забытьи. — Мне нужно насытиться этими...

— Некогда! Мы должны успеть к эфиру.

— О'кей, — тут же ответила она деловым тоном.

Род позволил им уйти с пленкой, а когда они скрылись за стеной, вернулся в мэрию и сел у порога, обняв руками колени. Его буквально трясло.

Спустя какое-то время он взобрался по ступеням на стену, огляделся и увидел внизу охранника — тот поднял взгляд, но ничего не сказал. Ворота сомкнулись до маленького канала, но рядом стоял разгрузочный транс-

портер, а вплотную к стене примыкал энергетический барьер. Кто-то из техников копошился у пульта управления, установленного в кузове грузовика. Род решил, что скоро, видимо, прибудет большая партия эмигрантов. Вернувшись к себе, он приготовил в одиночестве ужин, хуже которого не ел, наверно, больше года, а затем отправился спать и долго еще слушал доносящиеся из джунглей вопли «Гранд-оперы».

— Есть кто дома?

Род проснулся мгновенно и понял, что уже утро, но, к сожалению, не все плохое осталось во сне.

— Кто там?

— Друг. — В дверь хижины просунул голову Б. П. Мэтсон. — Можешь убрать свою ногтечистку. Я безвреден.

— Мастер! — Род вскочил на ноги. — В смысле... доктор!

— Мастер, — поправил его Мэтсон. — У меня для тебя сюрприз.

Он отступил в сторону, и Род увидел свою сестру.

Спустя несколько минут Мэтсон сказал добродушным тоном:

— Если вы все-таки отпустите друг друга и перестанете шмыгать носами, мы сможем наконец поговорить по-человечески.

Род сделал шаг назад и еще раз взглянул на сестру.

— Слушай, а ты замечательно выглядишь, Элен! И вес сбросила.

Она была в штатском — зеленая накидка и шорты.

— Да, немного. Зато он теперь лучше распределен. А ты вырос, Род. Мой маленький брат превратился в мужчину.

— Как ты... — Род умолк, сраженный неожиданным подозрением. — Вы, часом, не уговаривать меня пришли? Если так, то можете не стараться.

— Нет-нет! — торопливо ответил Мэтсон. — Боже упаси! Но мы прослышали о твоих планах и решили навестить. Я встряхнул старые связи и получил пропуск. Формально я — представитель эмиграционной службы.

— Ого! Я ужасно рад вас видеть... Но надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, о чем речи! — Мэтсон достал из кармана трубку, набил ее и раскурил. — Мне нравится твой выбор, Род. Я на Тангароа впервые.

— На чем?

— В смысле?.. А, на Тангароа. Если я не ошибаюсь, это имя полинезийской богини. А вы что, дали планете другое имя?

Род засмеялся.

— Сказать по правде, до этого дело как-то не дошло. Мы просто... жили тут, и все.

Мэтсон кивнул.

— Было бы их две, тогда бы и имена понадобились. Однако здесь красиво, Род. И я смотрю, вы многого достигли.

— Еще немного, и мы зажили бы тут отлично, так нет же, взяли и выдернули из-под нас ковер, — с горечью в голосе произнес Род, затем пожал плечами. — Хотите, покажу вам поселение?

— Конечно.

— Отлично. Пойдем, Элен. Ой, подождите, я же еще не завтракал. А вы как?

— Вообще-то, когда мы проходили ворота, время в «Эмигрантс-Гэп» приближалось к ланчу. Я бы перекусил. А ты, Элен?

— Да, пожалуй.

Род покопался в припасах Марджери, но окорок, от которого он отрезал на ужин, был, мягко говоря, уже не самого лучшего качества. Род передал его Мэтсону.

— С душком?

Мэтсон принюхался.

— Немного. Впрочем, если ты будешь есть, я тоже не возражаю.

— Мы должны были идти вчера на охоту, но тут много чего вчера произошло. — Род на секунду задумался. — Посидите здесь. Я сейчас принесу копченое мясо.

Он взбежал по тропе в пещеру, выбрал копченый бок и несколько полосок засоленного мяса, а Мэтсон к его возвращению уже развел огонь. Кроме мяса, Род предложить ничего не мог — за фруктами днем раньше тоже никто не ходил, — и ему невольно подумалось, что завтракали его гости, должно быть, совсем по-другому.

Однако он справился со своим смущением, когда дело дошло до демонстрации достижений поселенцев: гончарный круг, ткацкий станок Сю с незаконченным куском

ткани, водопровод и непрерывный душ, металлические предметы, что изготовили Арт и Дуг.

— Я мог бы отвести вас к плавильне, но бог с ней, а то нарвемся еще на какую-нибудь тварь.

— Брось, Род. Я же не городской мальчишка. Да и сестра твоя тоже может за себя постоять.

Род покачал головой.

— Я эти места знаю, а вы — нет. Мне туда сбегать — раз плюнуть, а вам придется пробираться медленно и осторожно, потому что я могу не уследить сразу за двоими.

Мэтсон кивнул.

— Видимо, ты прав. Странно, конечно, когда один из моих учеников проявляет обо мне такую заботу; но ты прав. Мы здесь новички.

Род показал им ловушки для стоборов и рассказал о бешеных миграциях.

— Стоборы лезут через эти дыры и падают в ямы, а все другие животные текут мимо стены — непрерывный поток, как на автостраде.

— Саморегулирующаяся природная катастрофа, — заметил Мэтсон.

— Что?.. Да, мы тоже поняли. Циклическое восстановление природного баланса. Если бы у нас была такая возможность, мы каждый сухой сезон могли бы переправлять на Землю тысячи тонн мяса. — Род задумался. — Может быть, мы этим и займемся.

— Возможно.

— До сих пор от этих миграций только забот прибавлялось. Особенно стоборы досаждали — я вам покажу их там, на поле... О! — Род на мгновение умолк. — Это и в самом деле стоборы, а ? Такие маленькие хищники с тяжелыми мордами? Размером с кота, но свирепые и настырные.

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Вы же нас предупреждали о стоборах. Все классы получили предупреждение.

— Видимо, это стоборы и есть, — признал Мэтсон, — но я тогда понятия не имел, как они выглядят.

— В смысле?

— Род, на каждой планете есть свои стоборы, только везде разные. Иногда — несколько. — Он остановился и выбил трубку. — Помнишь, я вам говорил, что каждая планета в Галактике имеет свои, особые, опасности?

— Да...

— Да. Но для вас это было лишь фразой. А чтобы остаться в живых, вы должны были бояться чего-то конкретного, того, что скрывается за этой фразой. Потому мы и облекли опасность в конкретную форму. Но не сказали вам, в какую именно. Мы проворачиваем этот фокус каждый год, и каждый раз по-разному. А цель тут одна — предупредить вас, что непознанное и опасное может крыться где угодно, и заронить эту мысль — нет, не в голову, а в самое сердце.

— А чтоб я... значит, никаких столбов не было?

— Как же не было? А ловушки вы для кого поставили?

Когда они вернулись к хижине, Мэтсон сел на землю и сказал:

— У нас осталось не так много времени.

— Я понимаю. Сейчас... — Род зашел в хижину и вернулся к ним, прихватив «Леди Макбет». — Твой нож, сестренка. Он мне не один раз спасал жизнь. Спасибо.

Элен взяла нож, потрогала пальцем лезвие, взвесила его на ладони и взглянула поверх головы Рода. Сверкнув сталью, нож пронесся в воздухе и — буммм! — воткнулся в угловой столб. Элен выдернула его и вернула Роду.

— Оставь. Пусть он и впредь служит тебе верой и правдой.

— Но он и так был у меня слишком долго.

— Я тебя прошу. Зная, что «Леди Макбет» в случае чего за тобой присмотрит, я буду чувствовать себя спокойнее. И потом, нож мне сейчас не особенно нужен.

— Как так? Почему?

— Потому что теперь она моя жена, — ответил Мэтсон.

У Рода отвисла челюсть. Сестра заметила выражение его лица и спросила:

— В чем дело, Родди? Ты не рад за нас?

— А? Что ты! Конечно, рад! Это... — Он покопался в памяти и извлек оттуда ритуальное благословение: — Дай Бог вам единства и счастья! И пусть союз ваш будет плодотворным!

— Ну, тогда подойди и поцелуй меня.

Род поцеловал сестру и пожал руку Мастеру. Видимо, это нормально, думал он, только... сколько же им сейчас? Сестре, должно быть, за тридцать, а Мастер уже совсем старик: ему никак не меньше сорока.

Вроде бы и поздно уже...

Но Род изо всех сил старался убедить их, что целиком одобряет это решение. В конце концов, если два человека, у которых жизнь осталась позади, хотят компании друг друга, это, наверно, даже хорошо.

— Как ты теперь понимаешь, — сказал Мастер, — у меня было сразу две причины искать тебя. Во-первых, потерять целый класс — дело нешуточное. Я уже не преподаю, но все равно досадно. А во-вторых, один из потерявшихся мой родственник — даже как-то неловко.

— Вы оставили преподавание?

— Да. Не сошелся с Советом директоров во взглядах на школьную политику. Скоро я поведу группу на новую колонию, и на этот раз мы с твоей сестрой собираемся осесть, обзавестись хозяйством и построить ферму. — Мэтсон бросил на него короткий взгляд. — Тебя это, часом, не заинтересует? А то нам как раз нужен опытный лейтенант.

— Спасибо. Но я же говорил, что мое место здесь. А куда вы собираетесь?

— На Территу. Это в направлении Гиад. Отличное место — дерут за него по высшему разряду и без всяких скидок.

Род пожал плечами.

— Тогда мне все равно ничего не светит.

— В качестве моего лейтенанта ты был бы освобожден от платежа. Впрочем, не буду тащить тебя силком. Просто предложил тебе шанс. Сам знаешь, нам с твоей сестрой еще долго жить вместе.

Род взглянул на Элен.

— Извини.

— Ладно, Родди. Мы понимаем: у тебя своя жизнь.

— М-м-м... да. — Мэтсон глубоко затянулся и продолжил: — Однако, как твой новоявленный брат и бывший учитель, я должен упомянуть еще кое о чем. Не думай, пожалуйста, что я тебя уговариваю, но буду признателен, если ты внимательно выслушаешь. Ладно?

— Хорошо... Согласен.

— Планета здесь, конечно, отличная. Но ты можешь вернуться на Землю, чтобы доучиться, приобрести квалификацию, профессиональный статус. Если откажешься возвращаться сейчас, ты останешься здесь навсегда. Тебе уже не удастся повидать остальное Внеземелье. Позже тебя уже не пустят назад бесплатно. А вот хороший профессионал где только не бывает, перед ним открыты

все миры. Мы с твоей сестрой были уже на пятидесяти планетах... Я понимаю, что в школу сейчас совсем не тянет: ты уже мужчина, и тебе нелегко будет в мальчишечьих башмаках. Но... — Мэтсон повел рукой в сторону поселения. — Все это не прошло даром. Ты вполне можешь пропустить некоторые предметы и получить зачет за полевую практику. Кроме того, у меня есть кое-какие связи в Центральном Техническом... А?

Род долго сидел с каменным лицом, потом наконец покачал головой.

— О'кей, — сказал Мэтсон. — На нет и суда нет.

— Подождите. Дайте мне объяснить. — Род попытался сообразить, как передать свои чувства, но ничего не шло в голову, и он лишь удрученно произнес: — Нет... Это я так...

Мэтсон молча курил, затем сказал:

— Ты был здесь лидером.

— Мэром, — поправил Род. — Мэром Каупертауна. Но теперь именно «был».

— Ты им и остался. Население — один человек, но ты по-прежнему мэр. И даже эти бюрократы в эмиграционной службе не станут спорить, что вы доказали свое право на эту землю. Формально, у вас автономная колония. Я слышал, что ты так Сэнсому и заявил. — Мэтсон улыбнулся. — Однако ты остался один, а человек не может жить один. Во всяком случае, жить и не одичать.

— Да, но ведь эту планету скоро начнут заселять?

— Наверняка. Возможно, пятьдесят тысяч уже в этом году и в четыре раза больше за два последующих. Но, Род, ты станешь просто частичкой большой толпы. У них будут свои лидеры.

— А мне вовсе не обязательно оставаться мэром. Я просто не хочу покидать Каупертаун.

— Род, Каупертаун останется в истории — так же, как Плимут-Рок, Ботани-Бей и колония Дэйкина. Жители Тангароа, без сомнения, сохранят поселение как исторический памятник. Останешься ты или нет... Я не пытаюсь тебя убедить, просто высказываю свои предположения. — Мэтсон поднялся на ноги. — Ладно, Элен, нам, пожалуй, пора.

— Да, дорогой, — Элен взялась за протянутую руку и тоже встала.

— Подождите! — не удержался Род. — Мастер... Элен... Я знаю, что поступаю глупо. Знаю, что все кон-

чено... Город, наше поселение... Но я не могу вернуться. Хотел бы, но не могу.

Мэтсон кивнул.

— Я тебя понимаю.

— Странно. Я сам себя не понимаю.

— Просто со мной такое уже было. В каждом из нас, Род, живет и желание вернуться, и понимание, что это уже невозможно. А ты, к тому же, в том возрасте, когда этот конфликт воспринимается особенно болезненно. Ты оказался в такой ситуации, когда кризис вдвое острее. Ты — не перебивай меня! — ты был здесь мужчиной, старейшиной племени, вожаком стаи. Именно поэтому остальные вернулись, а ты нет... Подожди, дай мне закончить! Я говорил, что, вернувшись и став обычным подростком, ты, возможно, устроился бы совсем неплохо, но для тебя сама эта мысль невыносима. Я понимаю. Гораздо легче было бы вновь стать ребенком. Дети — другая раса, и взрослые ведут себя с ними соответственно. А подростки, они не дети и не взрослые. Их осаждают невозможные, неразрешимые, трагические проблемы всех отверженных. Они — ничьи, они — граждане второго сорта, они экономически и социально неустроены. Это трудное время, и я не осуждаю тебя за то, что ты не хочешь в него возвращаться. Просто я считаю, что оно того стоит. Но ведь ты был властелином мира, а сдавать после этого курсовые или вытирать ноги, когда тебе на это указывают, видимо, очень нелегко. Так что удачи! Идем, дорогая?

— Мастер, — сказала Элен, — ты так и не сообщил ему...

— Это не имеет отношения к делу. Было бы просто нечестно давить на него таким образом.

— Одно слово — мужчины! Боже, как я рада, что я женщина!

— А я как рад! — улыбнулся Мэтсон.

— Я не это имела в виду. Носитесь вы со своей логикой... Я ему скажу.

— На твоей совести будет.

— Что еще ты собираешься мне сказать? — потребовал Род.

— Она хотела сказать, — ответил за нее Мэтсон, — что твои родители уже дома.

— Как?

— Вот так, Родди. Они вышли из статического поля неделю назад, а сегодня папа вернулся с операции. Ему уже лучше. Но мы ничего про тебя не говорили. Просто не знали, что сказать.

Факты оказались предельно просты, хотя Роду верилось в них с трудом. Медицина добилась нужных результатов не за двадцать лет, а всего за два. Мистера Уокера извлекли из темпоральной камеры, прооперировали и вернули миру живым и здоровым. Элен еще за несколько месяцев до этого знала, что такой исход вполне вероятен, но лечащий врач отца дал свое согласие на операцию лишь тогда, когда у него появилась стопроцентная уверенность в успехе. И только по чистому совпадению Тангароа нашли примерно в то же время. Для Рода же оба события явились полной неожиданностью: он давно считал родителей умершими.

— Ладно, дорогая, — строго сказал Мэтсон, — теперь, когда ты его совершенно ошарашила этой новостью, мы можем идти?

— Да. Но я просто должна была сообщить Роду о родителях.

Элен поцеловала его и повернулась к мужу. Они двинулись к стене, а Род смотрел им вслед, мучительно размышляя, что делать, и не в силах принять решение. Затем он вдруг вскочил и крикнул:

— Подождите! Я с вами!

— Отлично, — откликнулся Мэтсон и, повернувшись к жене здоровым глазом, с удовлетворенным видом опустил веко — вроде как подмигнул, но едва заметно. — Если ты уверен, то я помогу тебе собрать вещи.

— У меня нет никаких вещей! Пошли!

Род задержался всего на несколько минут — только чтобы выпустить из загона животных.

Г л а в а 16

БЕСКОНЕЧНАЯ ДОРОГА

Мэтсон быстро вывел Рода через ворота в «Эмигрантс-Гэп», попутно спас от увечий одного назойливого чиновника, который приставал к Роду с психологическим тестированием, и проследил, чтобы он не под-

писывал никаких документов с отказом от претензий. Затем отвел его мыться, стричься, бриться, раздобыл приличную одежду и только тогда явил планете Земля. Однако у ворот «Кайбаб» он оставил их вдвоем с сестрой.

— Мне нужно показаться на клубном обеде, так что у вас будет возможность пообщаться семьей, вчетвером. Я появлюсь около девяти, дорогая. Пока, Род. Увидимся. — Мэтсон поцеловал жену и удалился.

— Папа знает, что я возвращаюсь?

Элен ответила не сразу.

— Да, знает. Пока Мастер приводил тебя в порядок, я связалась с домом... Только помни, Род, папа был болен, и для него прошло всего две недели.

— Всего две?

Прожив столько лет бок о бок с действующими аномалиями Рамсботхэма, Род тем не менее всегда воспринимал их временной аспект несколько недоверчиво, хотя прыжки с планеты на планету отнюдь не казались ему чем-то необычным. Кроме того, он чувствовал себя очень неуютно и сам не понимал почему. В действительности все объяснялось приступом неосознанной боязни перед огромными толпами людей. Мэтсон предвидел это, но не стал предупреждать, чтобы не заострять внимание и не навредить еще больше.

Однако прогулка через лес по дороге к дому пошла ему на пользу. Привычные опасения, что за каждым кустом может скрываться хищник, и подсознательное стремление держаться поближе к деревьям настраивали мысли на знакомый лад. Домой Род добрался почти в радостном настроении, даже не осознав, насколько испугал его людской водоворот или успокоили несуществующие опасности пригородного лесного массива.

Отец загорел и выглядел вполне здоровым, но казался меньше ростом и уже в плечах. Он обнял сына, мама поцеловала его и расплакалась.

— Хорошо, что ты вернулся домой, сынок. Насколько я понимаю, тебе несладко пришлось.

— Я тоже рад, папа.

— Все-таки, на мой взгляд, эти экзамены слишком строги. Слишком.

Род попытался было объяснить, что здесь дело не в экзамене, что не так уж им пришлось туго, что Каупертаун — вернее, Тангароа — на самом деле далеко не та-

кой опасный мир, но сбилсЯ. Его здорово смущало присутствие «тетушки» Норы Пискоут, в действительности никакой не родственницы, а подруги детства его матери. Кроме того, отец почти не слушал.

Зато всю слушала миссис Пискоут. И глядела на него в упор своими маленькими глазками, словно проклюнувшимися среди рыхлых складок кожи на лице.

— Ну конечно же, Родерик, я сразу поняла, что это не твой снимок.

— Что? — спросил отец. — Какой снимок?

— Да тот дикарь, где под фотографией стояла фамилия Родди. Вы ее, должно быть, уже видели: ее и в новостях напечатали, и в «Имперском часе» уже показывали. Но я сразу поняла, что это не он. Я еще Джозефу сказала: «Смотри, Джозеф, это совсем не Род Уокер; тут какая-то подделка».

— Видимо, я ее пропустил. Как вы знаете, я...

— Я вам ее пришлю — специально вырезала. Но я знала, что это подделка. Ужас просто! Огромный голый дикарь с острыми зубами и жуткой ухмылкой; вся физиономия в боевой раскраске, а в руке — длинное копье. Я сразу сказала Джозефу...

— Как вы знаете, Нора, я только сегодня утром вернулся из больницы. Род, надо думать, твоей фотографии все-таки не было в прессе, так ведь?

— Э-э-э... нет, наверно. Не знаю.

— Я тебя не понимаю. С чего бы им помещать твое фото в новостях?

— Да так, просто. Явился какой-то тип с камерой и снял.

— Значит, фото все-таки было?

— Да. — Род заметил, что «тетушка» Нора пялится на него во все глаза. — Но это все равно подделка.

— Ничего не понимаю.

— Ну, пожалуйста, патер, — вмешалась Элен. — Род здорово устал, а это дело может и подождать.

— Видишь ли, папа, они просто загримировали меня, когда я э-э-э... отвлекся... — Род понял, что несет какую-то чушь.

— Значит, это твой снимок? — воскликнула «тетушка» Нора.

— Я не хочу больше говорить на эту тему.

— Может, оно и к лучшему, — согласился мистер Уокер несколько удивленно.

Однако миссис Пискоут на этом не успокоилась.

— М-да, я полагаю, в таких далеких местах может произойти *все что угодно*. Из той затравки, которую дали в «Имперском часе», у меня сложилось впечатление, что у вас там происходили *очень* странные вещи. И не все из них приличные. — Миссис Пискоут посмотрела на Рода с вызовом, но тот промолчал, и она продолжила: — Просто не понимаю, о чем вы думали, когда позволили мальчику участвовать в таком деле. Мой отец всегда говорил: если бы Господь желал, чтобы мы пользовались этими воротами вместо космических кораблей, он бы сам наделал в небе дырок.

— Миссис Пискоут, — резко спросила Элен, — с чего это вы вдруг решили, что космические корабли естественнее, чем пространственные ворота?

— Ай-ай-ай, Элен Уокер... Я всю жизнь была для тебя «тетей Норой»! А теперь вдруг «миссис Пискоут»...

Элен пожала плечами.

— Кстати, моя фамилия теперь не Уокер, а Мэтсон, как вам прекрасно известно.

Миссис Уокер вмешалась в разговор и совершенно невинным тоном спросила, не останется ли миссис Пискоут пообедать с ними.

— Да, Нора, может, вы присоединитесь к нам под Лампой Мира? — добавил мистер Уокер.

Род сосчитал про себя до десяти. Но миссис Пискоут заявила, что она, мол, просто уверена, что им хочется побыть в узком семейном кругу и *очень* многое обговорить. Мистер Уокер не стал ее упрашивать.

Во время ритуала Род успокоился, но все равно сбивался, путался и один раз пропустил свою реплику, отчего за столом на секунду воцарилось неловкое молчание. Обед был изумительный, только порции показались Роду слишком маленькими, и он решил, что на Земле, видимо, очень жесткое rationирование. Однако все излучали счастье, и он сам тоже.

— Жаль, конечно, что все так вышло, — сказал отец. — Видимо, тебе придется теперь повторить семестр.

— Напротив, патер, — вмешалась Элен. — Мастер уверен, что Род сможет поступить в Центральный Технический без экзаменов.

— В самом деле? В мои годы требования там были жестче.

— Вся их группа получит особые дипломы. То, чему они научились, не преподают ни в одной школе.

Заметив, что отец готов ввязаться в спор, Род решил переменить тему.

— Кстати, сестренка, я только что вспомнил. Я ведь думал, ты еще служишь, и дал одной девушке твои координаты. Она хотела поступить в корпус Амазонок. Ты еще можешь помочь ей?

— Я могу помочь ей советами и, может быть, подготовить к экзаменам. Это для тебя важно?

— Да, пожалуй. И она — идеальный офицерский материал. Крупная — даже больше тебя, — но чем-то на тебя похожа. Умна, как и ты, почти гений, и всегда в отличном настроении. Сильная, стремительная и буквально смертоносная, когда этого требуют обстоятельства. Мгновенная смерть, откуда ни зайди...

— Родерик... — Отец бросил взгляд на Лампу.

— Э-э-э... Да, извини, папа. Я просто пытался описать ее поподробней.

— Ладно. Но с каких пор ты начал есть мясо руками? Род бросил кусок в тарелку и залился краской.

— Извини. У нас там не было вилок.

Элен рассмеялась.

— Брось, Род, не смущайся. Это же совершенно естественно, патер. Когда наши девушки подают в отставку, мы всегда назначаем им курс переориентации — чтобы подготовить к опасностям, подстерегающим в мирной жизни. А пальцы, кстати, появились раньше вилок.

— Без сомнения... И если уж мы упомянули переориентацию, есть одно дело, дочь, которое нужно решить, прежде чем наша семья вернется к старому образу жизни.

— Ты имеешь в виду...

— Да. Я имею в виду передачу опекунства. Теперь, когда я чудесным образом выздоровел, мне положено снова взять на себя родительские обязанности.

Род даже не сразу сообразил, что говорят о нем. Опекунство? Да, верно, ведь сестра назначена его опекуном... Но какое это имеет значение?

— Видимо, да, патер, — медленно произнесла Элен. — Если Родди согласен.

— Э-э-э... По-твоему, это тоже следует учитывать? Твой муж вряд ли захочет брать на себя ответственность

за молодого парня. И кроме того, это *моя* обязанность и *моя* привилегия.

На лице у Элен появилось упрямое выражение.

— Какая разница, папа? — сказал Род. — Мне ведь все равно учиться в колледже. Да и лет мне уже достаточно — я скоро получу право голоса.

— Как? Родди! — недоуменно взглянула на него мать.

— Не так уж скоро. Три года — это все-таки срок немалый, — сказал мистер Уокер:

— Какие три года, папа? Я уже в январе стану совершеннолетним!

Миссис Уокер прижала ладонь к губам.

— Джером... мы опять забыли о разнице во времени... Боже, мальчик мой...

Мистер Уокер обвел семью ошарашенным взглядом, пробормотал что-то о том, «как трудно привыкнуть», и уткнулся в свою тарелку. Потом снова взглянул на сына.

— Извини, Род. Но все-таки, пока ты не достиг совершеннолетия, я должен выполнять свои обязанности. Мне, например, совсем не хотелось бы, чтобы, учась в колледже, ты жил где-то на стороне.

— Почему это?

— Видишь ли... Я чувствую, что мы несколько отдалились друг от друга, и меня это беспокоит. Взять, к примеру, эту девушку, которую ты охарактеризовал в столь необычных выражениях. Правильно ли я понял, что она была твоей... э-э-э... твоим близким другом?

Род почувствовал себя немного неловко.

— Она была моим городским менеджером.

— Твоим кем?

— Моим старшим помощником. Начальником охраны, шефом полиции и так далее. Она вообще все делала. Даже охотилась, но это уже потому, что ей просто нравилось охотиться. Кэрл... Короче, ей в любой ситуации цены нет.

— Родерик, ты часом... не увлекся этой девушкой?

— Я? Ни в коем случае. Она для меня была, скорее, как старшая сестра. У нее, конечно, были отношения с кем-то из парней, но это все быстро проходило.

— Ну что ж, я рад, что у вас не возникло серьезного интереса друг к другу. На мой взгляд, это не самая лучшая компания для молодого человека.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, папа.

— Возможно. Я разберусь. Но ты что-то говорил насчет «городского менеджера»... А кем тогда был ты сам?

— Я, — гордо заявил Род, — был мэром Каупертауна.

Отец бросил на него пристальный взгляд и покачал головой.

— Мы на эту тему еще поговорим. Возможно, тебе необходима квалифицированная медицинская помощь. — Он перевел взгляд на Элен и добавил: — Передачу опекунства мы обсудим завтра. Я чувствую, мне предстоит немало хлопот.

— Только если Родди согласен, — сказала Элен твердо, глядя отцу в глаза.

— Что это значит?

— По документам опекунство передано мне безвозвратно. Или он согласится, или опекунство останется за мной!

Ответ дочери привел мистера Уокера в полное замешательство. Миссис Уокер сидела, чуть не плача. Род встал и вышел из комнаты — Лампа Мира еще горела, и такое случилось впервые за всю историю их семьи. Отец крикнул что-то ему вслед, но Род не обернулся.

У себя в комнате он обнаружил Мэтсона. Тот сидел, попыхивая трубкой.

— Я перекусил в клубе и тихо пробрался прямо сюда, — объяснил он и, внимательно посмотрев на Рода, добавил: — Я же говорил тебе, что придется туго. Но надо перетерпеть, сынок, надо перетерпеть.

— Это просто невыносимо!

— Надо перетерпеть.

Как нередко бывало раньше и как будет еще много раз, в «Эмигрантс-Гэп» выстроились один за другим прочные надежные фургоны. Ворота еще не отрегулировали, и кучеры собрались у небольшой палатки под складками каменной туники Статуи Свободы. Пили кофе и перебрасывались шуточками, скрашивая нервное ожидание. Там же стоял и профессиональный капитан поселенцев, стройный, скромной наружности молодой человек с глубокими морщинами на лице — от яркого солнца, от смеха и, может быть, от забот. Однако сейчас он казался совсем беззаботным: как и все, улыбался и пил кофе, поделив бублик пополам с маленьким маль-

чишкой. На нем была куртка из оленьей кожи с бахромой — в подражание очень древнему стилю. Небольшая бородка и довольно длинные волосы дополняли портрет. Его пегий низкорослый конь с брошенными на седло поводьями терпеливо стоял неподалеку. Рядом с седлом, слева, висел чехол с охотничьей винтовкой, но больше никакого огнестрельного оружия у капитана не было — лишь два ножа на поясе, слева и справа.

Взвыла сирена, и голос из динамика над палаткой Армии Спасения возвестил:

— Капитан Уокер, приготовиться у ворот номер четыре!

Род взглянул в сторону диспетчерской, махнул им рукой и крикнул:

— Рассчитайся!

Затем снова повернулся к Джимми и Жаклин.

— Передайте Кэрол от меня привет. Жаль, что ей не удалось вырваться в увольнение. Но мы еще увидимся.

— Возможно, даже скорее, чем ты думаешь, — подтвердил Джим. — Моя фирма будет бороться за этот контракт.

— Твоя фирма? С каких это пор ты стал такой важный? Джекки, его что, уже приняли в полноправные партнеры?

— Нет еще, — спокойно сказала Жаклин, — но я не сомневаюсь, что примут, как только он прорвется в бар «Внеземелье»... Поцелуй дядю Рода, Гранти.

— Не хочу, — твердо ответил мальчишка.

— Весь в отца, — гордо прокомментировал Джим. — Целуется только с женщинами.

Род услышал, что перекличка возвращается и вскочил в седло.

— Счастливо, ребята!

Перекличка закончилась громким «Первый!» из головы колонны.

— Приготовились! — Род поднял руку и взглянул через открывшиеся ворота на заснеженные вершины гор, вознесшихся у горизонта над бескрайними прериями. Ноздри его затрепетали от возбуждения.

Над воротами вспыхнул зеленый свет. Род махнул рукой и, крикнув: «Тронулись!», на мгновение сжал коленями бока своего скакуна. Пегий конь рванулся вперед, проскочил перед ведущим фургоном, и капитан Уокер отправился в путь.

СОДЕРЖАНИЕ

ИМЕЮ СКАФАНДР —	
ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ	7
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ	227

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Литературно-художественное издание

Роберт Хайнлайн

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

Редактор *А.У. Китайник*

Художественно-технический редактор *А.Н. Тобух*

Корректор *С.М. Погудина*

Набор и компьютерная верстка *Т.Р. Пантюхина*

ЛР № 010003 от 18.08.96. Подписано к печати 26.09.97. Формат 84×108 1/32.

Бумага типографская № 1. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л 24,36. Уч.-изд. л. 25,98. Тираж 10000 экз. Заказ № 3092

Сибирское отделение издательства «Детская литература».
630132, Новосибирск, ул. Красноярская, 112.

ИПП «Советская Сибирь».
630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

